

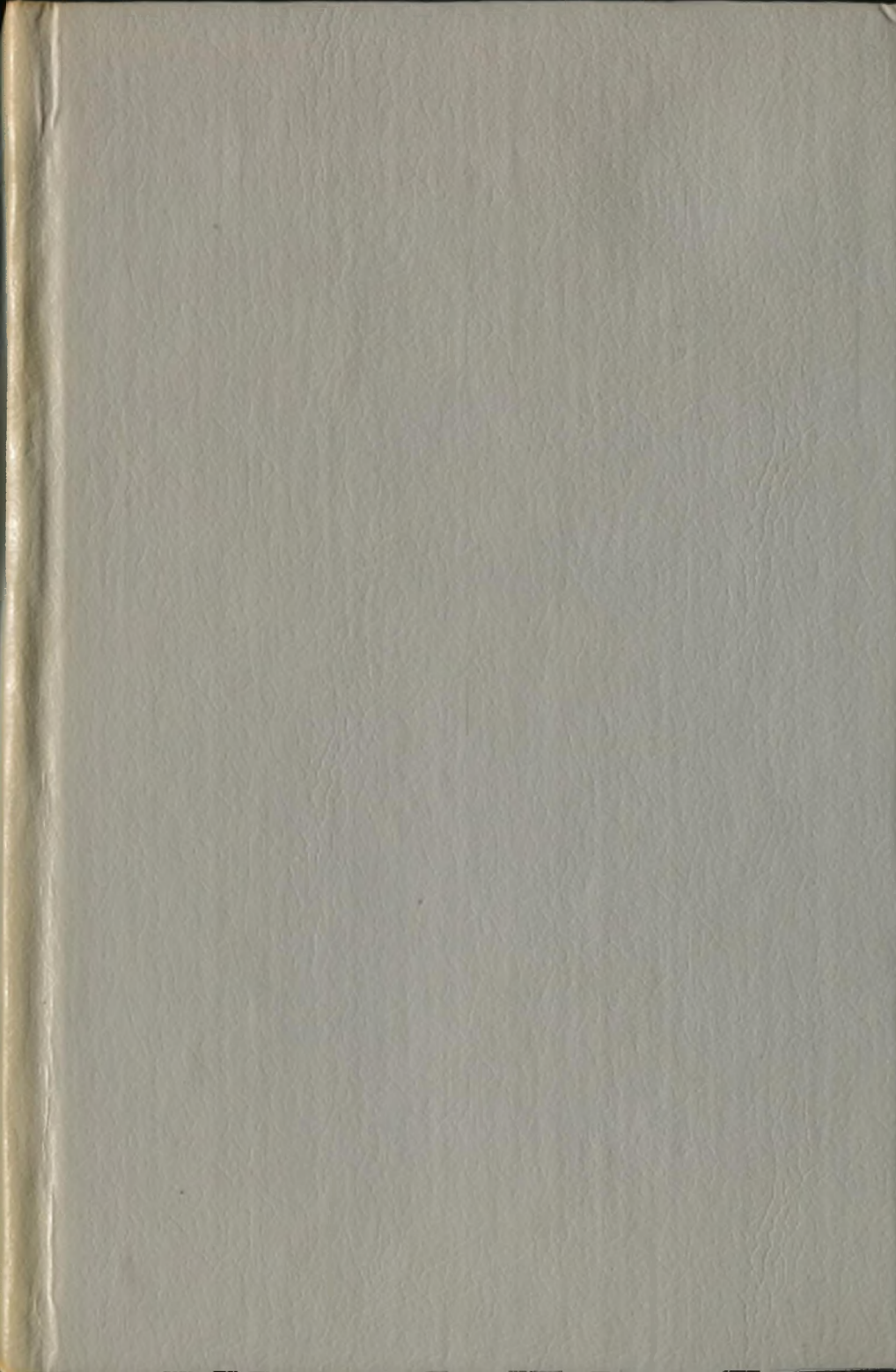
Зал
славы
зарубежной
фантастики

Роберт Э. ХАЙНЛАЙН

ФРАЙДИ

R. A. Heinlein Р. Э. ХАЙНЛАЙН

.

.

ФРАЙДЫ

Роберт Э. ХАЙНЛАЙН

R. A. Heinlein

FRIDAY

Зал славы зарубежной фантастики

Р.Э. ХАЙНЛАЙН

ФРАЙДИ

Перевод с английского

Київ
МСП "Альтерпрес"
1993

FRIDAY

R. A. Heinlein

ББК 84.7 США
X15

Редакційна колегія серії:

*П.Хазін
В.Каплан
М.Шпулак
К.Лисюченко*

**ЭТА КНИГА ДОЛЖНА ПРОДАВАТЬСЯ
ТОЛЬКО В СУПЕР-ОБЛОЖКЕ**

Один из самых популярных научно-фантастических романов классика американской фантастики Роберта Э.Хайнлайна.

Хайнлайн Р.Е.

X15 Фрайді: Пер. з англ. Ф.Сарнова. — К.: МСП
“Альтерпрес”, 1993. — 431с.:іл. — (Зал слави за-
рубіжної фантастики). — Рос. мовою.
ISBN 5-7101-0260-1

Один з найпопулярніших науково-фантастичних романів класика американської фантастики Роберта Е.Хайнлайна.

X 470304100-08 без об'яв.
93

ББК 84.7 США

© Переклад на російську мову,
Ф.Сарнов, 1993

© Художнє оформлення, емблема і на-
зва серії. МСП “Альтерпрес”, 1993

ISBN 5-7101-0260-1

© Супер-обкладинка. С.Ольховіков, 1993

От издателя

Авторитетный американский журнал “Локус” только дважды присуждал звание “любимый автор всех времен” и “лучший автор всех времен” одному и тому же человеку. Таким человеком был Роберт Энсон Хайнлайн (1907-1988) — замечательный писатель, которого по праву считают корифеем научно-фантастического жанра.

Роберт Энсон Хайнлайн родился в небольшом городке Батлер штата Миссури. После окончания колледжа семнадцатилетний юноша поступает в Университет штата Миссури, а через два года решает продолжить учебу в Академии ВМС США, которую он закончил в 1929 году, получив степень бакалавра естественных наук.

Пять лет службы в военно-морских силах не пошли на пользу здоровью молодого человека, и в 1934 году он демобилизовался. Одно занятие сменяет другое — то он служит горным инженером, даже становится владельцем шахты, то торгует недвижимостью. Однако смена профессий не помешала его занятиям физикой в Калифорнийском университете и пробе пера.

И вот в январском номере журнала *Astounding Science Fiction* за 1940 год он дебютирует рассказом “Реквием” (позже рассказ вошел в финал его романа “Человек, который продал Луну”). А с июльского номера журнала за 1941 год уже начинается печататься первый роман Хайнлай-

на "Дети Мафусаила", положивший начало серии "История будущего".

К концу 40-х годов Хайнлайн уже признанный автор десятка книг, в том числе "За этим горизонтом" (1948), "День, который наступит послезавтра" (1949), увлекательных юношеских романов "Ракетный корабль «Галилей»" (1947), "Космический кадет" (1948), "Красная планета" (1949).

Особый расцвет творчества писателя приходится на 50-60-е годы. Один за другим выходят его лучшие романы, принесшие Хайлайну мировую славу: "Кукловоды" (1951), "Двойная звезда" (премия "Хьюго-1956"), "Дверь в лето" (1957), "Звездные рейнджеры" (премия "Хьюго-60"), "Чужак в чужой земле" (премия "Хьюго-62"), трилогия "Пасынки Вселенной" (1963), "Луна — суровая хозяйка" (премия "Хьюго-1967"). В 1974 году Хайндайн получает премию "Небьюла" и звание "Гранд Мастер".

Чрезвычайно многогранна общественная деятельность писателя — он является членом нескольких научно-просветительских и военно-патриотических обществ. Любопытно отметить, что в 1961 году по приглашению компании Си-би-эс он комментировал полет космического корабля "Аполлон-11".

С годами не угасает любознательность знаменитого писателя, его страсть к путешествиям — он побывал почти в восьмидесяти странах и даже на Северном полюсе. Не скудеет и его писательская фантазия. В 80-е годы выходят его романы "Число зверя" (1980), "Иов: комедия справедливости" (1984), "Кот, проходящий сквозь стены" (1985), сборники рассказов и, наконец, последний роман с провидческим названием — "Уплыть за садящееся Солнце" (1987).

Выбор предлагаемого вниманию читателя романа для перевода на русский язык не случаен: распад Соединенных Штатов Америки, на фоне которого происходит действие, сегодня не может не вызывать невольных аналогий...

ФРАЙДИ

Robert A. Heinlein

Friday

New York

ГЛАВА I

Когда я вылезла из антигравитационной капсулы в Кении, он висел у меня на хвосте. Он прошел за мной к двери, ведущей к таможене, медпункту и иммиграционной службе. Когда дверь захлопнулась за ним, я его убила.

Никогда не любила пользоваться антигравом. Не любила еще задолго до катастрофы на “Парящем крючке” — висящий прямо в небе и ничем не закрепленный трос очень уж отдает черной магией. Но всякий другой способ попасть на Эль-5 занимает слишком много времени и стоит очень дорого — мои инструкции и финансовые лимиты не позволяют прибегать к подобной роскоши.

Итак, я была здорово раздражена еще до того, как покинула звездолет с Эль-5 на стационарном спутнике, чтобы пересесть в антигравитационную капсулу, но... черт возьми, раздражение — еще не причина для убийства. Я намеревалась лишь вырубить его на несколько часов.

У подсознания собственная логика. Он не успел шлепнуться на пол, как я перехватила его и быстро потащила, стараясь не запачкать пол, к дверцам бомбонепроницаемых кабинок. Там я прижала его большой палец к замку, дверца с лязгом откатилась в сторону, я мигом нашла его бумажник, взяла удостоверение личности и все деньги, а клубную карточку сунула в прорезь. Положив пустой бумажник в карман трупа, я втокнула тело внутрь, дверца встала на место, замок защелкнулся. Я отвернулась.

Прямо надо мной висел "следящий глаз".

Особо дергаться не стоило. Девять шансов из десяти, что "глаз" болтается здесь случайно и никто не следит за монитором, а его двенадцатичасовая запись будет стерта без просмотра. И один шанс, что какая-нибудь девка из Службы пристально смотрит на монитор, или... просто почесывается, вспоминая о предыдущей ночи.

Итак, не обращая внимания на "глаз", я устремилась к выходу в конце коридора. А эта "прилипла", конечно же, потащила за мной, поскольку в данном пространстве я была единственной массой, излучавшей тридцатисемиградусное тепло. Но секунды три "глаз" потерял — прежде чем сфокусироваться на мне, он просветил бронированную кабинку, где лежал неостывший труп.

Пока я мысленно перебирала три наиболее безопасных варианта действий, *другая* часть мозга взяла верх, и руки четко привели в исполнение четвертый вариант: моя авто-ручка плюнула лазерным лучом и убила "глаз" — не просто ослепила, а ликвидировала антигравитационное устройство. "Глаз" шлепнулся на пол, надеюсь, со стертой памятью.

Мне пришлось еще раз воспользоваться этой "кредитной карточкой" — я открыла замок кабинки авто-ручкой, чтобы не стереть отпечаток большого пальца, и сильным пинком отправила "глаз" внутрь, составить компанию остывшему телу. Потом я стала действовать очень быстро — пришло время сменить обличье. Как и в большинстве аэропортов, в Кении удобства для пассажиров были по обе стороны границы. Вместо того, чтобы прямо идти к таможене, я отыскала туалетные комнаты и заплатила наличными за пользование кабинкой для переодевания и душем.

За двадцать семь минут я успела не только принять душ, но и сменить одежду, цвет волос и все лицо — то, на что уходит три часа, смывается за пятнадцать минут с помощью горячей воды и обыкновенного мыла. Мне не очень хотелось демонстрировать здесь свое настоящее лицо, но я *должна* была избавиться от той "крыши", под которой выполняла задание. Та часть "крыши", что не смылась водой, отправилась в мусоропоглотитель:

спортивный костюм, теннисные туфли, отпечатки пальцев, контактные линзы, паспорт. В оставшемся паспорте было мое настоящее имя — ну, во всяком случае одно из настоящих, — стереографическое изображение лица и очень убедительно выглядывшая виза Эль-5.

Прежде чем отправить в мусоропоглотитель документы мертвеца, я внимательно проглядела их и... задумалась.

Его кредитные карточки и удостоверения личности были оформлены на четыре разные персоны.

Где же остальные три паспорта?

Вероятно, остались в одном из карманов его костюма. Я не обыскивала его как следует — времени не было. — а просто схватила все, что было в бумажнике.

Вернуться и обыскать? Если я потащусь назад, стану возиться с замком и сунусь в кабину с еще не остывшим телом, меня наверняка кто-нибудь заметит. Забирая его карточки и паспорт, я надеялась затянуть с установлением его личности и тем самым иметь побольше времени на то, чтобы убраться отсюда, но... Одну секунду! Ага, паспорт и клубная карточка были на имя Адольфа Белсена. "Америкэн экспресс" предоставляла кредит Альберту Бюмону, банк в Гонконге брал на себя платежные обязательства Артура Букмена, в то время как Единая карта была выписана Арчибальду Баккенену.

Мысленно я восстановила картину преступления: Бюмон — Букмен — Баккенен прижал большой палец к замку дверцы и в этот момент Белсен ударил его сзади, сунул тело в кабину, закрыл кабину своей клубной карточкой и поспешно убрался прочь.

Да, блестящая версия... Сделаем, еще кое-что, чтобы получше замести следы.

Удостоверения и кредитные карточки я сунула к себе в бумажник, а паспорт на имя Белсена спрятала поглубже. Конечно, его найдут при личном досмотре, но есть множество способов избежать такового — скажем, взятка, подкуп, простуда, соорудить "глазки" (и это далеко не все).

Когда я вышла из туалета, уже прибыла следующая капсула, и ее пассажиры стояли в очереди к таможенному контролю. Я встала в самый конец. Офицер таможни обратил внимание на легкость моей сумки и поинтересо-

вался, как идут дела на черном рынке. Я скорчила самую глупую мину, на которую была способна, — точь в точь как на фотографии в паспорте, а он в этот момент как раз обнаружил сложенную вдвое купюру, засунутую туда, и сменил тему.

Я спросила его, где здесь лучший отель и лучший ресторан. Он сказал, что не в праве давать рекомендации, но “Найроби-Хилтон”, на его взгляд, не плох. Что же касается еды, то, если мои финансы позволят, в “Толстяке”, что напротив “Хилтона”, лучшая кухня во всей Африке. Он также выразил надежду, что пребывание в Кении доставит мне удовольствие.

Я сказала “спасибо” и через несколько минут была уже внизу, в городе, — о чем весьма сожалею. Гравивокзал в Кении расположен на высоте пяти километров, воздух тут свеж и прохладен. Найроби находится выше, чем Денвер, почти на одном уровне с Мехико, и до экватора отсюда рукой подать.

Воздух тяжелый, густой и слишком теплый, моя одежда почти сразу взмокла от пота. Я почувствовала, как начали опухать ноги, а они и без того здорово ныли — ведь им приходилось тащить мой полный вес. Не люблю отправляться на внеземное задание, но возвращаться из него — во много раз хуже.

Я призвала на помощь самоконтроль, вспомнила тренировки и... Чушь! Если бы мой инструктор по самоконтролю меньше торчал в позе лотоса и больше проводил времени в Кении, его советы могли бы пойти на пользу. Я плюнула на самоконтроль и сосредоточилась на главной проблеме: как побыстрее выбраться из этой сауны.

В холле “Хилтона” царила приятная прохлада. К счастью, бюро путешествий оказалось полностью автоматизировано. Я вошла внутрь, отыскала свободную кабину и уселась перед экраном. Тут же в кабине появилась служащая:

— Чем могу вам помочь?

Я сказала ей, что справлюсь сама, — приборная панель была мне хорошо знакома (обычная модель — Кенсингтон-400).

— Но я буду рада помочь вам, — продолжала настаивать она, — я располагаю временем.

На вид ей было лет шестнадцать, ее миленькое личико, приятный голос и манеры полностью убедили меня в том, что она действительно хочет мне помочь. Но меньше всего мне нужна была чья-то помощь — ведь я намеревалась оперировать чужими карточками, — поэтому я сунула ей в ладонь небольшую купюру, сказав, что предпочитаю делать это сама, а если возникнут трудности, ее позову. Она запротестовала было, говоря, что вовсе не обязательно давать ей деньги, но в конце концов ушла, не сделав попытки вернуть их.

“Адольф Белсен” на монорельсе прибыл в Каир, а затем полувоздушным транспортом добрался до Гонконга, где его Клуб зарезервировал для него номер в “Пенинсуле”.

“Альберт Бюмон” находился в отпуске. Он отправился на сафари в Тимбукту, где “Америкэн экспресс” предоставил ему фешенбельный коттедж в Шангри-Ла, на берегу Моря Сахары.

Банк Гонконга оплатил дорогу Артура Букмена в Буэнос-Айрес.

“Арчибалд Банккенен” отправился в свой родной Эдинбург — путешествие оплачено Единой картой. Поскольку всю дорогу он мог проделать на монорельсе с одной лишь пересадкой в Каире, уже часа через два он должен был быть в доме своих предков.

Я села в компьютер еще ряд запросов, но — никаких ответов, никаких покупок. Они присутствовали лишь во временной памяти. Удовлетворенная, я вышла из кабины и спросила рябую служашую, попаду ли я через вход в монорельс, который, я заметила, был прямо в холле отеля, в коридору “Толстяк”. Она любезно объяснила мне, куда надо свернуть, я поблагодарила, спустилась к монорельсу и... заплатив наличными, села в вагон на Момбасу.

Момбаса от Найроби всего в тридцати минутах езды (четыреста пятьдесят километров), но она расположена на уровне моря, и климат Найроби по сравнению с тамошним кажется раем. Я постаралась выбраться оттуда как можно скорее и через двадцать семь часов уже была в провинции Иллинойс Чикагской Империи. Вы можете сказать, что это слишком долго для дуги по большой окружности длиной всего в тринадцать тысяч километров. Но я не ехала по

большой окружности, не пересекала таможенных границ и не проходила через пункты иммиграционного контроля. Не пользовалась я и кредитными карточками — ни своими, ни чужими. И еще я ухитрилась выкроить семь часов для сна в Свободном Штате Аляска — я не спала по-настоящему с того момента, как двумя днями раньше покинула город на космической станции Эль-5.

Как я это сделала? Секрет фирмы. Этот маршрут может мне никогда больше не понадобится, но, возможно, кому-то из моих коллег по работе придется им воспользоваться. Кроме того, как говорит мой босс, со всеми этими правительствами, которые дают на вас, где только могут и чем только могут, со всеми их компьютерами, “следающими глазами” и еще сотней средств электронного надзора, каждая свободная личность просто морально обязана бороться — не давать дверям подземок захлопнуться, держать окна зашторенными и пичкать компьютеры дезинформацией. Ведь компьютеры — тупы и ограничены, электронные досье — на самом деле вовсе не досье... Нельзя упускать случая одурачить эту систему. Если не можете увернуться от налога, заплатите чуть больше, чтобы сбить с толку компьютер, — переставьте числа, поменяйте цифры местами... Ну, и так далее...

Вопрос: как объехать полпланеты и не оставить следов? Ответ: плати наличными. Никаких кредитных карточек, ничего, что отправляется в недра компьютерной памяти. Взятка на самом деле — никакая не взятка: подобные передачи денег лишь сохраняют достоинство берущего. Как бы ни переплачивали гражданским служащим, они всегда твердо убеждены, что им чудовищно недоплачивают, потому все служащие так или иначе склонны к воровству, иначе они просто не кормились бы у этого “стойла”. Эти две прописные истины — вот все, что нужно знать. но будьте осторожны (!) — служащий, не уважающий самого себя, страшно жаждет и требует знаков уважения от публики.

Я всегда иду навстречу этой жажде, поэтому мое путешествие обошлось без всяких инцидентов. (Не считая прискорбного факта, что “Найроби-Хилтон” взорвался и сгорел дотла через несколько минут после того, как я села в вагон на Момбасу — нужно быть просто параноиком, чтобы подумать, будто это хоть как-то связано со мной.)

Правда, я избавилась от четырех кредитных карточек и паспорта, как только узнала об этом, но я в любом случае намеревалась это сделать. Если бы противник хотел ликвидировать меня — возможно, но маловероятно, — уничтожить многомиллионную собственность и убивать и калечить сотни, а то и тысячи посторонних было бы все равно, что охотиться на муху топором. Непрофессионально.

А значит, теоретически возможно. Ну вот, наконец-то я опять в Империи, задание выполнено с минимальными накладками. Я вышла на Лугу Линкольна, размышляя о том, что набрала достаточно коричневых бумажек, чтобы выклянчить у Босса несколько свободных неделек в Новой Зеландии. Моя семья — семизначный С-брак — жила в Крайстчерче, я не виделась с ними больше месяца. Давно пора!

Я с наслаждением вдыхала чистый свежий воздух и любовалась сельской красотой Иллинойса — лучше может быть лишь на южном острове. Говорят на этих лугах когда-то стояли грязные фабрики — трудно поверить. Сегодня единственное здание, которое было видно с вокзала — платная конюшня Авис.

У выезда на дорогу возле станции стояло два наемных экипажа и несколько фермерских вагончиков — как обычно. Я хотела было уже занять место в одном из экипажей, как вдруг увидела, что подъезжает третий: пара красивых рысаков, запряженных в изящное ландо. Я узнала рысаков.

— Эй! Дядя Джим! Сюда... Это я!

Кучер дотронулся кнутом до шляпы и осадил лошадей, ландо остановилось прямо перед ступеньками, на которых я стояла. Он слез с сиденья и снял шляпу.

— Хорошо, что вы вернулись домой, мисс Фрайди.

Я стиснула его в объятиях, что он перенес стоически. У дяди Джима Пруфита были очень строгие понятия о пристойности. Говорят, он когда-то был обвинен в папизме, кто-то даже рассказывал, что его однажды взяли голыми руками, когда он служил мессу. Болтали разное, но, по-моему, в основном чушь — будто он был священником, завербованным нашей фирмой, а потом провалился, прикрывая других. Что касается меня, то в

политике я не разбираюсь, но думаю, что священник непременно выдавал бы себя особой манерой, будь он настоящим, а не из нашей команды. Впрочем, я могу ошибаться — я в жизни не видела ни одного священника.

Когда он помог мне усесться, давая почувствовать себя настоящей леди, я спросила:

— Как ты здесь оказался?

— Хозяин велел встретить вас, мисс.

— Вот как? Но я не сообщала ему, когда приеду. — Я постаралась вычислить, кто же из команды Босса следил за мной, не наступая на пятки. — Я иногда думаю, что у Босса есть хрустальное яйцо, которое он катает по блюдечку, когда захочет...

— Похоже, что так, — усмехнулся Джим, прищелкнув языком на Гога и Магога, и мы тронулись с места и покатались к ферме.

Я откинулась на спинку сиденья и расслабилась, слушая такие по-домашнему приятные «хлюп-хлюп... хлюп-хлюп», с которыми лошадиные копыта месили грязь. Я приоткрыла глаза, когда Джим свернул в наши ворота, и окончательно проснулась, когда лошади стали под навес. Не дожидаясь, пока он поможет мне выйти, я, как и подбавляет леди, прыгнула на землю и повернулась, чтобы сказать Джиму «спасибо».

Они ударили меня одновременно — с двух сторон.

Старый добрый дядя Джим не предупредил меня. Он просто стоял и наблюдал.

ГЛАВА II

Моя вина! Моя тупая оплошность! Сколько раз меня учили, что ни одно место не может быть абсолютно безопасным, а уж то, куда ты обычно возвращаешься, — самое опасное. Именно там вероятнее всего тебя ждет ловушка, именно там тебе устроят засаду.

К сожалению, я лишь затвердила это, словно попугай, не вникая в смысл. И напрасно. Это меня и подвело.

Есть и еще одно, не менее важное правило: если тебя кто и убьет, так это тот, кто ближе всех к тебе — член твоей семьи. Я и этого никогда не принимала всерьез. Жить, опасаясь удара от близких? Лучше сдохнуть!

Главное же, моя тупость состояла в том, что я не обратила внимания ни на какой-то там общий принцип, а на явное, четкое, *вопиющее* предупреждение: как это “добрый, старый” дядя Джим умудрился точно встретить мой вагон? День в день и почти минута в минуту! Хрустальное яйцо? Босс, конечно, умнее нас всех вместе взятых, но и он не волшебник — в этом я уверена, хотя, конечно, могу и ошибаться. В конце концов, если бы Босс обладал сверхъестественной силой, ему были бы не нужны мы все.

Я не докладывала ему о своих передвижениях, даже не сообщила, когда покинула Эль-5. Это соответствовало нашим правилам: он не заставлял нас сообщать о каждом шаге, понимая, что любая накладка может стать роковой. Я даже сама не знала, в какой именно вагон сяду, пока не сядила в него. Я заказала завтрак в кофейне отеля “Стюард”, встала из-за столика, не притронувшись к еде, кинула деньги на прилавок и... через три минуты была уже в вагоне экспресса. Так каким же образом?..

Наверняка, тот хвост, от которого я избавилась на гравивокзале в Кении, был не единственный. Или его кто-то прикрывал, или же исчезновение мистера Белсена (Бюмона — Букмена — Баккенена) было сразу замечено и его быстро заменили. Возможно, они следили за мной все время, и то, что случилось с Белсеном, предостерегло их — больше они не стали наступать мне на пятки. А несколько часов, пока я спала, позволили им аккуратно все вычислить. Да, пожалуй, любой вариант возможен. Вскоре после того, как я забралась в вагон на Аляске, кто-то отправил примерно следующую депешу: “Искра — Дракону. Девять минут назад Комарик вылез из капсулы Интернационального коридора. Стационарный контроль движения сообщил программу следования вагона и остановку на Луту Линкольна. Ваше время — одиннадцать ноль-три”. Или что-то в этом роде. Так или иначе кто-то из недругов видел, как я сажусь в этот вагон и предупредил своих заранее, иначе старина Джин никак не мог бы меня встретить. Логика простая.

Непредусмотрительность всегда чудесна — она демонстрирует вам, как лихо вы можете разбить себе лоб... Правда, уже после того, как вы его разбили.

Но я заставила их попотеть за свои денежки. Если бы я была умницей, я перестала бы сопротивляться, как только увидела, что их слишком много. Но я не умница — это я уже доказала. Мне вообще надо было рвать когти, как только Джим сказал, что его послал Босс, а не пускать слюни в этой чертовой телеге.

По-моему, я убила только одного из них.

А может, двоих. Но почему им понадобилось делать это так грубо? Они могли прекрасно подождать, пока я войду внутрь, и там воспользоваться баллончиком с газом или пулей со снотворным... Или в конце концов простой веревкой. Я им нужна живой — это ясно. Но разве им не известно, что, когда нападают на агента с моей подготовкой, он автоматически идет в *разнос*? Может быть, не я одна здесь дурочка?

И зачем так глупо терять время — насиловать меня? Во всей этой операции было что-то любительское. Профессионалы никогда не станут ни бить, ни насиловать перед допросом — в этом нет никакого смысла: любой профессионал проходит специальную тренировку и умеет справляться и с тем, и с другим. Когда ее насилуют (или его — я слышала, что мужчинам в этом случае труднее), она может или отключить разум и выждать, когда это закончится, или (специальный курс тренировки) последовать известной китайской поговорке: “Если насилие неизбежно, расслабься и получи удовольствие”. Или же вместо первых двух методов (а возможно, и в сочетании со вторым) жертва может воспринять насилие как предлог, чтобы хорошенько разозлиться на тех, кто ее схватил. Я не очень хорошая актриса, но всегда пытаюсь воспользоваться третьим способом: хотя это никогда не могло меня заставить платить недругам той же валютой, но по крайней мере один раз спасло мне жизнь.

На этот раз способ № 3 не вызволил меня из плена, но породил некоторые здоровые распри между моими “друзьями”. Вчетвером (смету я составила на ощупь и по запахам) они разложили меня в одной из спален наверху. Может, это была моя собственная комната, но я не увере-

на, поскольку какое-то время была без сознания. Когда же я пришла в себя, вся моя одежда состояла из липкой темной ленты на глазах. Они стащили матрас на пол, уложили меня на него, и началась обычная групповуха с минимальной примесью садизма... на который я не обращала внимания, будучи слишком погружена в способ № 3.

Про себя я назвала их: "Соломенный Шеф" (по-видимому, старший в этой операции), "Булыжник" (так они сами его называли, имея в виду, наверно, булыжник вместо мозгов), "Коротышка" (во всех смыслах) и "Еще Один", у которого не было никаких достопримечательностей.

Я поработала с ними со всеми на славу (в смысле актерского мастерства, разумеется): яростное сопротивление, уступка силе, а потом постепенно страсть берет верх и вы уже не владеете собой. Любой мужик клюнет на эту приманку, и все они "Клюнули", но особенно я старалась с Соломенным Шефом — в надежде, что стану его "любимицей" или чем-то в этом роде. Соломенный шеф был не так уж плох, способы № 2 и № 3 легко сочетались.

Труднее всего было с Булыжником — с ним пришлось сочетать способ № 3 со способом № 1, потому что у него отвратительно пахло изо рта. И вообще он был не очень чистоплотен, мне стоило больших усилий не обращать на это внимание и реагировать так, чтобы не задеть его мужское самолюбие.

Уф, наконец-то он расслабился, на секунду затих, а потом сказал:

— Слушай, Мак, мы теряем время. Эта шлюха только наслаждается.

— Ну, так слезь с нее и уступи место Крошке. Он уже готов повторить.

— Нет, постой. Я сейчас ей врежу как следует, чтобы она посерьезней к нам относилась! — И он действительно врезал мне по левой скуле. Я заорала.

— Прекрати! — раздался окрик Соломенного Шефа.

— Это еще почему? Кто велел? Мак, ты что-то много на себя берешь...

— Я велел! — раздался совсем незнакомый голос, явно усиленный динамиком, а значит, идущий из переговорника в потолке. — Булыжник, Мак — старший, и ты это знаешь. Мак, пришли Булыжника ко мне, я хочу сказать ему пару слов.

— Майор, я ведь только старался помочь!

— Ты все слышал, Булыжник, — негромко сказал Соломенный Шеф, — застегни штаны и проваливай отсюда.

Наконец-то он слез с меня и перестал дышать мне в лицо перегаром. Уже приятно. С потолка вновь раздался голос:

— Мак, это правда, что маленькая церемония, устроенная в честь прибытия мисс Фрайди, доставляет ей удовольствие?

— Вполне возможно, Майор, — не сразу ответил Соломенный Шеф. — Судя по тому, как она себя ведет, да.

— Ну, а сама ты что скажешь, Фрайди? Это твой любимый способ?

Я не стала отвечать на его вопрос. Вместо этого я высказалась насчет него и всей его семьи, упирая главным образом на его взаимоотношения с матерью и сестрой — со всеми подробностями. Скажи я ему правду — что Соломенный Шеф мог бы быть довольно приятен в другой обстановке, но что Булыжник просто грязный ублюдок, с которым я непременно сведу счеты при первой же возможности, а что касается Коротышки и Еще Одного, то они ни в каком смысле не представляют интереса, — это свело бы на нет все усилия метода № 3.

— Это ты не в масть, детка, — весело ответил голос из динамика, не хочется тебя расстраивать, но я, к сожалению, сирота. И даже не женат, не говоря о матери и сестрах. Мак, надень на нее наручники и прикрой одеялом, но снотворное не втыкай, я поговорю с ней чуть позже.

Любитель. Мой Босс в жизни не дал бы знать пленнику, что его вскоре ожидает допрос.

— Эй, сирота!

— Да, милая?

Я высказала предположение, что он предается пороку, не требующему присутствия ни матери, ни сестры, ни вообще кого бы то ни было, но технически (как я слышала) возможному для некоторых мужиков.

— Каждую ночь, родная, — ответил динамик. — Это очень приятно.

Итак, один ноль в пользу Майора. Я решила, что при надлежащей подготовке из него мог бы получиться профессионал. Тем не менее сейчас он был жалким любителем и не вызывал у меня ни капли уважения. Он лишился одного, а может, и двух своих людей, совершенно напрасно заставил меня страдать от побоев, да еще от сексуального унижения — будь я обычной нетренированной женщиной, очень, кстати, болезненного. На всем этом он потерял часа два. Если бы на его месте был мой Босс, пленник (или пленница) давным давно бы уже раскололся и провел бы эти два часа, торопливо выкладывая перед микрофоном все, что знает (и не знает).

Соломенный Шеф решил как следует поухаживать за мной — проводил меня не только в ванную, но и в туалет — последнее еще раз подчеркнуло их дилетантство, поскольку в технику допроса (если пленник, конечно, любитель) это никак не входит. Если в своей жизни женщина не сталкивалась с большими неудобствами, чем облегчать свой мочевой пузырь, не вставая с койки, и если мужчина обладает гипертрофированной половой гордостью — что характерно почти для всех мужчин, — это средство не менее эффективно, чем физическая боль и прочие трюки.

Не думаю, что Маку это было известно. Я вообще охарактеризовала его, как “святую невинность”, несмотря на некоторое пристрастие к групповому изнасилованию — тоже достаточно распространенному у мужчин, судя по учебникам психологии.

Кто-то кинул матрас на кровать. Мак велел мне лечь на спину, вытянуть руки вперед и приковал меня к койке двумя парами наручников — не полицейских, а с мягкими прокладками. Такие обычно используют разные придурки для своих сексуальных игр. Интересно, кто из них здесь любитель подобных развлечений? Наверно, Майор.

Мак проверил наручники, убедился, что они сидят как следует, но не причиняют мне боли, а потом аккуратно накрыл меня одеялом. Я не удивилась, если бы он поцеловал меня и пожелал спокойной ночи. Но он этого не сделал, а просто тихо вышел.

Интересно, согласно методу № 3 мне надо было ответить на такой поцелуй? Или возмущенно отплеваться? Хороший вопрос. В основе способа № 3 лежит “я-просто-не-могу-с-собой-справиться”, и тут очень важно рассчитать, когда и сколько выказать страсти. Если насильник заподозрит жертву в том, что она морочит ему голову, ее игра закончена.

В конце концов, засыпая, я все-таки решила — с некоторым сожалением, — что от этого предполагаемого поцелуя пришлось бы возмущенно отвернуться.

Как следует выспаться мне не дали. Я здорово вымоталась от всей этой передряги и уснула почти сразу же, но очень скоро меня разбудила пощечина. Неужели Мак? Нет, разумеется, Булыжник. Ударил меня не так сильно, как в первый раз, но все равно это было совершенно необязательно. Наверно, он злился на меня за выволочку, которую получил от Майора. И я обещала себе, что, когда настанет время рассчитаться с ним, сделаю это помедленней.

— Мак приказал не бить ее, — услышала я голос Коротышки.

— А я и не бил. Просто ласково шлепнул, чтобы разбудить. Так что заткнись и займись своим делом. Отойди подальше и наведи на нее пистолет. На нее, идиот!.. Не на меня!

Они отвели меня в подвал, а одну из наших камер для допросов. Коротышка и Булыжник ушли — во всяком случае Булыжник точно убрался, потому что исчез его вонючий запах, — и за меня взялась команда дознавателей. Не знаю, сколько их было — ни один не проронил ни слова. Единственный обращавшийся ко мне голос принадлежал тому, кого я окрестила Майором, и голос, по-моему, раздавался из громкоговорителя.

— Доброе утро, мисс Фрайди.

(Утро? Что-то непохоже.)

— Привет, сирота!

— Рад, что вы в хорошем настроении, дорогая, поскольку нам предстоит долгая и утомительная процедура. Больше того — неприятная. Я хочу знать о тебе все, красавица.

— Сейчас узнаешь. С чего начать?

— Расскажи все о путешествии, из которого ты только что возвратилась. Не упускай ни одной подробности. И все об организации, к которой ты принадлежишь. Должен тебя предупредить, что мы знаем о ней достаточно, так что, если ты солжешь, мне сразу станет известно. Поэтому никаких легенд, дорогая, — я моментально уличу тебя во лжи, и то, что последует за этим... Я, конечно, буду сожалеть об этом, но ты пожалеешь гораздо сильнее.

— Я не собираюсь лгать. Магнитофон включен? Это займет много времени.

— Магнитофон включен.

— Ладно. — И в течение трех последующих часов я исполняла соло — честно выкладывала все, — что знала.

Это не противоречило уставу. Мой Босс прекрасно понимает, что девяносто девять агентов из ста не выдержат настоящей физической боли, примерно такой же процент расколется на достаточно длительном и изнуряющем допросе, но только сам Будда сумеет противостоять тщательно подобранному наркотику. И поскольку Босс не полагается на чудеса и терпеть не может терять хороших агентов, его основное правило: “Если тебя поймали, пой!”

Естественно, что при таком положении вещей он должен быть уверен, что ни одно из действующих лиц не знает ничего лишнего. Курьер никогда не знает, что он везет. Я ровным счетом ничего не знаю о цели. Мне неизвестно настоящее имя Босса. Я понятия не имею, правительственное ли у нас агентство или же мы часть одного из интернациональных. Я знаю, где расположена Ферма, но это известно многим, и... она очень хорошо охраняется (во всяком случае охранялась). Что же касается других наших мест, гравилет доставлял меня на учебно-тренировочное

поле, которое могло быть где угодно. Хоть на краю Фермы. Или вообще не здесь.

— Майор, как вам удалось захватить это место? Оно неплохо охранялось.

— Здесь я задаю вопросы, моя остроглазенькая. Давай-ка прокрутим еще раз ту часть, когда тебя кто-то преследовал на выходе из антигравитационной капсулы.

Прошло еще много времени, и когда я выложила все, что знала, и начала повторяться, Майор прервал меня.

— Дорогая, ты выдала нам очень убедительную историю... Да и такую правдивую, что я, пожалуй, готов поверить каждому третьему твоему слову. Приступим к процедуре "Б".

Кто-то схватил мою левую руку, и я почувствовала, как игла входит в вену. "Болтливый сок"! Дай Бог, чтобы эти чертовы дилетанты хоть в этом не были так неуклюжи и бездарны, как во всем остальном, — ничего не стоит отдать концы от слишком большой дозы.

— Майор! Мне лучше сесть!

— Усадите ее на стул.

Кто-то выполнил его приказ.

... Десять, сто, тысячу лет я болтала и болтала, без устали повторяя все то же самое, а мозги у меня плавали в каком-то тумане, и туман сгущался, сгущался, но я все болтала, и болтала, и болтала... В какой-то момент я просто свалилась со стула, но они не стали сажать меня обратно, а уложили на холодный цементный пол. А я продолжала болтать...

Не знаю, сколько прошло времени, но в конце концов они сделали мне другой укол, от которого у меня разболелись зубы и глаза едва не вылезли из орбит, но я пришла в себя.

— Мисс Фрайди!

— Да, сэр?

— Вы очнулись?

— Кажется, да.

— Ну что ж, дорогая. Я думаю, вас тщательно обработали под гипнозом, чтобы вы смогли под "соком" изла-

гать ту же легенду, что и без наркотика. Это очень плохо, поскольку я теперь вынужден прибегнуть к другому способу. Вы можете встать?

— Думаю, да. Во всяком случае могу попробовать.

— Помогите ей встать и не давайте упасть.

— Кто-то (двое) выполнил его приказ. Я нетвердо стояла на ногах, но они крепко держали меня.

— Приступите к процедуре "С", начните с пункта номер пять.

Чей-то тяжелый башмак с размаху опустился на мою босую ногу — бахнул по пальцам. Я заорала.

Знаете что!.. Если вас когда-нибудь станут допрашивать с побоями, орите, что есть сил. Не играйте роль Железного Человека — это лишь озлобит ваших мучителей и они обойдутся с вами еще круче. Можете мне поверить, я ведь прошла через это. Орите так, чтобы у вас лопались барабанные перепонки, и раскалывайтесь, как можно быстрее.

Я не стану пересказывать подробности того, что происходило в следующие нескончаемые для меня часы. Если у вас есть воображение, вам захочется блевать, как хочется мне самой, когда я вспоминаю об этом. Кстати, пару раз меня тогда действительно вырвало. И несколько раз я просто вырубалась, но они приводили меня в чувство и снова принимались за дело, а голос из динамика упрямо продолжал задавать вопросы.

Наконец настал момент, когда они уже не сумели привести меня в чувство, и, вновь открыв глаза, я обнаружила, что лежу в кровати — той самой, к которой Мак приковывал меня наручниками, — снова с наручниками на руках и ногах. Тело раздирала боль.

Голос из динамика с потолка произнес:

— Мисс Фрайди!

— Какого черта тебе еще нужно?

— Мне — никакого. Но если для вас, моя дорогая, это послужит хоть каким-то облегчением, то могу сказать: вы — первый человек, которого я допрашивал и из которого так и не сумел выбить правду. Думаю, и последний.

— Ну и пошел ты в ...!

— Спокойной ночи, дорогая.
Дилетант хренов! Каждое слово из всего, что я наговорила, было чистой правдой.

ГЛАВА III

Кто-то вошел в комнату и сделал мне укол. Боль ментально исчезла, и я уснула.

Думаю, я спала долго. Или сны мои перепутались, или я временами просыпалась, а потом опять впадала в забытие, а может, и то и другое. Кое-что явно было во сне — собаки, конечно, могут разговаривать, я сама видела нескольких, но вряд ли собака станет читать лекцию о правах искусственных существ, а? Стоны, крики и снующие туда-сюда люди могли быть и наяву, но скорее это все-таки походило на сон, потому что, когда я попыталась встать с кровати, то не смогла даже поднять голову, не говоря уже о том, чтобы принять участие в общем веселье.

Наконец в какой-то момент я решила, что окончательно проснулась, потому что наручники больше не стягивали мои запястья и щиколотки, а на глазах не было клейкой ленты. Но я не стала прыгивать с койки и даже не открыла глаза — я понимала, что в самые первые секунды после того, как я подниму веки, у меня будет наилучшая, а может, и единственная возможность сбежать.

Не двигаясь, я напрягла мышцы. Кажется, все тело послушно повиновалось мне, хотя почти везде оно здорово ныло. Одежда? Забыть о ней — я не только не имела понятия, где она может быть, но и тратить время на одевание, когда речь идет о вашей жизни, просто безумие. Давайте сообразим — в комнате, кажется, никого не было. А на этаже? Замереть и прислушаться. Когда (и если) Я буду уверена, что я одна на этаже, надо бесшумно встать с постели, быстро проскользнуть на лестницу, потом на третий этаж и на чердак. Там спрятаться. Дождаться темноты и — через чердак на крышу. Спуститься по задней

стене и нырнуть в лес. Если я доберусь до леса, что начинается почти сразу за домом, они никогда меня не схватят, но... До тех пор я для них — удобная мишень.

Шансы? Один из десяти. Может быть, один из семи, если я все еще в форме. Самое слабое место в этом плане то, что меня легко могут засечь до того, как я выберусь из дома, потому что... Потому что, если меня засекут — нет, пожалуй, *когда* меня засекут, — мне придется не просто убивать, но убивать очень тихо...

Какие есть еще варианты? Только один — лежать и ждать, пока меня ликвидируют, а это... Это случится вскоре после того, как Майор решит, что больше ему из меня ничего не выжать. Какими бы бездарными дилетантами они ни были, все же они — во всяком случае Майор — не так глупы, чтобы оставлять в живых свидетельницу, которую пытали и насиловали.

Я навестила уши и стала напряженно вслушиваться.

Нигде ни шороха. Нет смысла ждать дальше, каждая минута промедления приближала то время, когда шорохи появятся. Я открыла глаза.

— Проснулась? Хорошо.

— Босс! Где я?

— Что за дурацкий вопрос. Фрайди, ты могла придумать что-нибудь поинтереснее. Закрой глаза и попробуй снова.

Я огляделась по сторонам. Спальня или, может быть, больничная палата. Окон нет. Освещение искусственное. Гробовая тишина, не нарушаемая, а скорее усиленная легчайшим звуком невидимого вентилятора. Я снова взглянула на Босса — приятное зрелище. Все как всегда, даже старомодная повязка на глазу... Почему он, интересно, никак не сделает себе регенерацию? Не хочет тратить время? Его костыли стояли возле стола так, чтобы до них легко было дотянуться. Его обычный небрежно застегнутый выношенный костюм, напоминающий плохо подогнанную пижаму... Я была жутко рада его видеть.

— Я хочу знать, где я. И как сюда попала. И почему... Это где-то под землей, конечно... Но где?

— Разумеется, под землей — метров... Несколько. Где — тебе будет сказано, когда в этом появится необходимость, или, во всяком случае, как отсюда выбраться и как сюда добраться. Это был основной недостаток нашей Фермы — приятное местечко, но слишком многим было известно, где оно находится. Так что вопрос: “Почему?” — вряд ли уместен. С вопросом: “Как?” — можно подождать. А теперь докладывай.

— Босс, вы, как никто другой, умеете раздражать людей.

— Долго этим занимался. Докладывай.

— А ваш отец наверняка встретил вашу мать в дешевом отеле. И даже не снял перед ней шляпу.

— Они познакомились на пикнике, устроенном баптистской воскресной школой. И у обоих были прекрасные манеры. Докладывай.

— Черт бы вас побрал! Путешествие на Эль-5 обошлось без всяких инцидентов. Я нашла мистера Мортенсона и отдала ему содержимое своего фальшивого пупка. Эта процедура была неожиданно прервана — случилось кое-что странное: на космической станции вдруг возникла какая-то эпидемия, неизвестные микробы в воздухе, и... Мне стало плохо. Мистер Мортенсон был очень добр, он отвез меня к себе домой, и там его жена окружила меня самой нежной заботой и прекрасным уходом. Босс, я хочу, чтобы все их расходы, связанные со мной, были оплачены.

— Учту. Продолжай.

— С головой у меня творилось что-то странное, поэтому я на неделю выбилась из графика. Но как только я почувствовала, что могу уехать, мистер Мортенсон сообщил мне, что посылка для вас уже со мной. Каким образом, Босс? Опять в тайнике за пупком?

— И да, и нет.

— Какого черта! Это не ответ.

— Был использован твой искусственный карман.

— Я так и думала. Хотя там нет нервных окончаний, я все равно что-то чувствую — может быть, небольшое давление, — когда он наполнен, — я надавливала слегка на живот вокруг пупка и напрягла мышцы живота. — Но он пустой!.. Вы вынули?..

— Нет. Это сделали наши противники.

— Значит, я провалилась! О, Господи! Босс, это ужасно...

— Нет, — мягко возразил он. — ты справились с заданием. Несмотря на огромную опасность и множество труднейших препятствий, ты справились и справились прекрасно.

— Правда? (Вы когда-нибудь получали “Бриллиантовый крест”?) Босс, может быть, хватит говорить загадками. Объясните все толком.

— Объясню.

Пожалуй, сначала лучше я объясню вам кое-что. С помощью пластической операции мне был сделан искусственный карман внутри пупка. Он, конечно, невелик, но даже в пространство размером в один кубический сантиметр можно втиснуть довольно много микрофильмов. Вход в карман абсолютно не виден, края разреза специальным клапаном удерживаются плотно сдвинутыми. Мой пупок выглядит совершенно нормальным. Многие беспристрастные судьи всегда говорили, что у меня очень красивый живот и очаровательный пупок... А это, между прочим, в некоторых (очень важных) отношениях гораздо существенней, чем смазливое личико, которого, кстати, у меня нет.

Силиконовый эластичный клапан постоянно держит края входа в карман сомкнутыми — даже когда я без сознания. Это очень важно, потому что там нет нервных окончаний, которыми можно было бы контролировать напряжение и которые есть, скажем, во влагалище и горловых связках (у некоторых). Чтобы наполнить карман, смажьте клапан любым смягчающим кремом — не на спирту — и вдавите нужный предмет внутрь большим пальцем — только без всяких зазубрин и острых углов, уж будьте так любезны. Чтобы вынуть предмет, пальцами обеих рук я развожу связки, насколько это возможно, напрягаю брюшные мышцы, и... он выскакивает.

Искусство прятать что-то в человеческом теле имеет вековую историю. Классические способы включают в себя — рот, ноздри, желудок, кишечник, мочевого пузырь, влагалище, пустую глазницу, ушные раковины. Есть экзотические, но не очень действенные методы использо-

вания татуировок — иногда с волосяным покровом. Но любой из подобных классических способов прекрасно известен всякому таможеннику и каждому агенту (частному или правительственному) на Земле, на Луне, на космических станциях и других планетах — словом, везде, где только ступала нога человека. Поэтому забудьте о них. Единственный классический метод, которым можно провести профессионала, это “подкожное письмо”. Но подкожное письмо требует действительно высокого мастерства и, даже если оно выполнено с высоким знанием дела, тот, на ком оно “написано” не должен подозревать об этом, чтобы не выболтать под наркотиком.

Теперь взгляните на пару сотен пупков, которые вам по тем или иным причинам будет позволено увидеть. Поскольку теперь кое-кто узнал о моем кармане, вполне возможно, что среди этих двух сотен (или двух тысяч — это уж зависит от вашей общительности) найдется два или три подвергнутых такой же пластической операции. Вполне возможно, что скоро их будет множество, поскольку всякое новшество перестает быть новшеством, как только о нем знают больше двух человек. Таким образом, вскоре таможенники станут тыкать своими заскоруждыми пальцами в каждый пупок, и... я надеюсь, многие из этих офицеров нарвутся на сильный удар по глазам (или по другим местам — не менее ранимым) от разъяренных жертв — пупок, знаете ли, очень нежная штука и страшно боится щекотки.

— Фрайди, слабое место твоего кармана заключается в том, что при любом умелом исследовании...

— Это были дилетанты.

— ... Или грубом допросе под наркотиком тебя могут вынудить упомянуть о его существовании.

— Это могло быть после того, как они накачали меня “болтливым соком”. Пока я была в сознании, я уверена, что не говорила об этом.

— Может быть. Или слухок мог дойти до них по другим каналам, ведь несколько человек знали об этом — ты, я, три медсестры, два хирурга, один анестезиолог. Возможно, кто-то еще. Словом, слишком многие. Несважно, откуда наши противники узнали, но они вынули то, что у тебя там было. Не надо корчить постную физиономию —

все, что они получили, это микрофильм с длинным перечнем всех ресторанов, переснятым с телефонной книги бывшего города Нью-Йорка за 1928 год. Наверняка где-то сейчас трудится компьютер, пытаюсь подобрать ключ к "коду... что займет у него довольно много времени, потому что никакого кода там нет, а значит, нет и ключа. Этот "багаж" всего лишь фальшивка, так что расслабься.

— И ради этого я проделала весь путь на Эль-5, жрала черте что, чуть не блевала в этой проклятой "бобовой" капсуле, да еще вдобавок ко всему меня трахнули какие-то грязные ублюдки!

— Фрайди, о последнем я очень сожалею. Но неужели ты полагаешь, что я стал бы рисковать жизнью своего самого блестящего агента ради ерунды?

(Теперь вы понимаете, почему я работаю на этого самонадеянного ублюдка? Чего только не добьешься лезть.)

— Прошу прощения, сэр.

— Нащупай свой шрам от аппендицита.

— Что? — Я сунула руку под простыню и потрогала шрам пальцами, потом откинула простыню и взглянула на свой живот. — Какого черта?

— Разрез был не длиннее двух сантиметров и точно по шраму — мышечная ткань оставалась нетронутой. "Багаж" был вынут двадцать четыре часа назад из этого же разреза. С помощью ускоренного метода заживления через два дня, — так мне сказали, — ты не сумешь обнаружить новый шрам на старом. Кстати, я очень рад, что Мортенсоны обеспечили тебя таким хорошим уходом, потому что, уверен, те искусственные симптомы лихорадки, которые пришлось у тебя вызвать, чтобы скрыть, что на самом деле с тобой происходит, были не очень-то приятны. Между прочим, там и вправду была короткая вспышка эпидемии катаральной лихорадки — где-то нарушилась герметичность.

Босс замолчал. Я, разумеется, не стала спрашивать, что же на самом деле я тащила в этом шраме — все равно он не сказал бы. Помолчав, он произнес:

— Ты говорила о возвращении.

— Обратное путешествие обошлось без приключений. Босс, в следующий раз, когда вы пошлете меня в космос,

я хочу лететь первым классом — в нормальном антигравитационном корабле. А не в этой дурацкой капсуле! Не верю я в эти фокусы.

— Технический анализ много раз подтверждал, что “небесный крюк” гораздо безопаснее любого корабля. Катастрофа с “парящим тросом” была результатом саботажа, а не технических неполадок.

— Вы просто скуповаты.

— Не стану спорить с тобой, тем более, что это, по моему, обыкновенная трусость с твоей стороны. Можешь в дальнейшем пользоваться антигравитационными кораблями, если позволят время и обстоятельства. На этот раз были свои причины — и весьма серьезные, — чтобы ты летела “бобовой” капсулой.

— Может быть и так, но кое-кто повис у меня на хвосте, когда я вылезла из этой капсулы. И как только мы остались одни, я убила его.

Я замолчала. Когда-нибудь настанет такой день и я сумею вызвать на его физиономии хоть тень удивления... Я подошла к этой теме с другой стороны:

— Босс, — сказала я, — мне необходимо пройти повторный курс тренировок с некоторой переориентацией.

— Вот как? Переориентация? Интересно, в какую сторону?

— У меня слишком быстрая реакция — реакция убийства. Я не преувеличиваю. Тот парень не сделал ничего такого, чтобы его стоило убивать. Конечно, он следил за мной. Но мне было вполне достаточно стряхнуть его с хвоста там, или в Найроби, или в конце концов вырубить его на пару часов и убраться восвояси.

— Мы обсудим это позже. Продолжай.

Я рассказала ему про “следящий глаз” и про четыре удостоверения личности Белсена, про то, как я избавилась от них, а потом про путешествие домой.

— Ты не упомянула про взрыв отеля в Найроби, — прервал он меня.

— М-мм? Но, Босс, это же не имело ко мне никакого отношения. Я уже была на полпути в Момбасу.

— Дорогая Фрайди, ты все-таки очень наивна. Огромное количество людей и громадные суммы денег были задействованы, чтобы помешать тебе выполнить задание,

включая и вооруженное нападение на нашу бывшую Ферму, Ты могла хотя бы предположить, что взрыв в “Хилтоне” был произведен с единственной целью — ликвидировать тебя.

— М-мда. Босс, вы ведь наверняка знали, что дело это крутое. Неужели вы не могли меня предупредить?

— Думаешь, ты была бы более аккуратна и решительна, если бы я напичкал тебя предупреждениями о непредсказуемых опасностях? Думаешь, справилась бы лучше? Дорогая моя девочка, ты не сделала ни одной ошибки.

— Черта с два! Дядя Джим встретил мой вагон, а он ведь никак не мог знать время моего прибытия — одно это должно было сразу включить сирену в моей башке. В тот самый момент, когда я увидела его, мне тут же надо было ринуться обратно в туннель и на первой попавшейся капсуре убраться подальше...

— Что чрезвычайно затруднило бы нам встречу с тобой и свело бы на нет все твоё поручение так же неминуемо, как в случае, если бы ты просто потеряла свой “багаж”. Детка, если бы все шло без сучка и задоринки, Джим обязательно встретил бы тебя по моему приказу — ты недооцениваешь мою сеть разведки, а заодно и ту тщательность, с которой мы прикрывали тебя. Я не послал Джима встречать тебя, потому что сам в это время уносил ноги — фигурально выражаясь, конечно. Был в бегах и, поверь мне, очень торопился. Полагаю, Джим получил каблогранму от нашего человека или от противника, а скорее всего, от обоих.

— Босс, если бы я это знала, я скормила бы Джима его собственным лошадям. Черт! Он ведь мне очень нравился... Когда придет время, я хочу убрать его сама, слышите! Он мой.

— Фрайди, в нашей работе иметь зуб на кого-то — нежелательно. Просто непрофессионально.

— Со мной этого почти не бывает, но дядя Джим — особый случай. Есть, правда, еще один, с кем я тоже хочу разобраться сама, но мы поспорим об этом позже... Скажите, а правда, что дядя Джим был священником?

Босс почти удивился.

— Где ты слышала эту чушь?

— Так... Ходили слухи.

— Ничто человеческое... Глупо верить слухам. Я могу уточнить. Пруфит был уголовником. Я повстречался с ним в тюрьме, где он оказал мне одну услугу. Значительную услугу, и поэтому я дал ему место в нашей организации. Это была моя ошибка. Непростительная ошибка, поскольку уголовник всегда остается уголовником — он просто не может иначе. Но я тогда жаждал верить людям, *доверять*. Был у меня такой дефект. Я полагал, что давно избавился от этой слабости. Но ошибался. Продолжай.

Я стала рассказывать ему, как меня схватили:

— Их было пятеро, по-моему. А может, всего четверо.

— Полагаю, шестеро. Как они выглядели?

— Не помню, Босс, мне было не до того. Разве что один из них... Перед тем как убить, я успела окинуть его взглядом: рост — около ста семидесяти пяти, весит килограммов семьдесят пять или семьдесят шесть. Лет тридцати пяти, чисто выбрит, славянские черты лица. Кроме него никого не помню, он просто стоял так неподвижно, почти не шевелясь... Даже когда у него треснула шея.

— Второй, которого ты убила, был блондин или брюнет?

— “Белсен”? Брюнет.

— Нет, тот, что на Ферме... Ну, да ладно. Ты убила двоих и искалечила, как минимум, еще троих, пока они не навалились на тебя всем весом и не прижали к земле. Должен заметить, что твой инструктор знает свое дело. Отступали мы в спешке и не сумели предотвратить этой ловушки для тебя, но... На мой взгляд, ты выиграла сражение. Пусть ты и лежала прикованная к койке без сознания, но в конечном счете именно ты одержала победу. Продолжай.

— Пожалуй, вот и все, Босс. Дальше — групповое изнасилование, потом допрос. Вернее, целых три — простой, под наркотиком и болевой.

— Я очень сожалею об изнасиловании, Фрайди. Ты получишь надбавку и увидишь, что я намного увеличил ее,

потому что, насколько я могу судить, обстоятельства были крайне унизительны.

— Да нет, ничего особенного. Меня трудно назвать девственницей, и я могу припомнить несколько светских раутов “по согласию”, которые были почти столь же неприятны. Но это за исключением одного. Лица я не видела, но я узнаю его. Он мне нужен, Босс! Он нужен мне так же, как дядя Джим и даже больше, потому что я хочу немножко помучить его, прежде чем он умрет.

— Я могу лишь повторить то, что уже сказал. Личные пристрастия и злоба для нас — это ошибка. Они порой мешают остаться в живых.

— Ради этого парня я готова рискнуть, Босс. Я не собираюсь платить ему изнасилованием за изнасилование — им приказали изнасиловать меня, потому что кто-то руководствовался дурацкой теорией, будто это размягчает жертву перед допросом. Но мужик должен принять ванну, сходить к дантисту и почистить зубы, прежде чем... Кроме того, ему следовало объяснить, что невежливо бить женщину, которую ты только что трахнул. Я не знаю его в лицо, но знаю голос, знаю запах и телосложение и знаю кличку. Булыжник, или Бульник.

— Джереми Булфорд.

— Да? Вы его знаете? Где он?

— Когда-то знал, а недавно видел. Мир праху его.

— Правда? А, черт! Надеюсь, его смерть была нелегкой.

— Нелегкой, Фрайди, я не рассказал тебе сразу всего, что сам знаю...

— Вы никогда этого не делаете.

— ... Потому что хотел сначала выслушать тебя. Им удалось захватить Ферму, потому что Джим Пруфит вырубил всю энергию перед самым нападением. Из-за этого те из нас, кто носят личное оружие, остались с ним, а остальные — большинство, — с голыми руками. Я приказал отступить, и мы ретировались, или, если угодно, сбегали через туннель, оборудованный после переустройства Фермы. С горечью и гордостью могу сказать, что трое из наших лучших людей остались с оружием прикрывать наш отход и с честью погибли. Я знаю, что они погибли, потому что сам не закрывал туннель до тех пор, пока

не услышал, что в него ворвались нападавшие. Тогда я взорвал его... Потребовалось несколько часов, чтобы собрать достаточно людей и контратаковать, а главное, нам нужно было достать хотя бы один гравилет, чтобы перевезти тебя.

— Откуда вы знали, что я еще жива?

— Оттуда же, откуда я знал, что в туннель ворвались нападавшие — следящая и записывающая аппаратура. Фрайди, все, что делала ты и что делали с тобой, все, что говорила ты и говорили тебе, просматривалось и записывалось. Я не мог просмотреть все лично — был занят подготовкой к контратаке, — но как только нашлось время, отдельные части мне прокрутили. Позволь добавить, что я горжусь тобой... Зная, какие камеры фиксировали те или иные помещения, мы точно знали: где тебя держат, в каком ты положении, сколько их всего в доме, в каких они помещениях и кто из них бодрствует. Когда подоспела команда на гравилете, я полностью контролировал ситуацию в доме. Мы ударили... То есть я хочу сказать, наши люди ударили — я на этих двух костылях не возглавлял атаки, но нажимал на кнопки и махал дирижерской палочкой. Наши люди проникли в дом, четверо забрали тебя — один из них был вооружен лишь кусачками для металла, — и все покинули помещение. Операция заняла три минуты одиннадцать секунд. После этого дом был взорван.

— Босс, ваш любимый дом!

— Когда тонет корабль, некогда думать о гардинах в кают-компании. Мы все равно не смогли бы использовать дом в дальнейшем. А уничтожив его, мы уничтожили разом все секретные записи и все секретные (и лже-секретные) ловушки, которыми могли воспользоваться другие. Что еще важнее, мы одним махом избавились от тех, кто выдал кое-какие из этих секретов. Перед тем как воспользоваться зажигательной смесью, наш отряд выстроился цепью перед зданием, и каждый, кто пытался выскочить, был застрелен на месте... Кстати, именно тогда я и имел удовольствие взглянуть на твоего приятеля, Джереми Булфорда. Его ранили в ногу, когда он пытался выскочить из западного крыла, он дернулся было назад, потом передумал и снова попытался выбежать, но... Было уже поздно, огонь

настиг его. Судя по звукам, которые он издавал, могу уверить тебя, что умирал он не легко.

— Ох, Босс... Когда я говорила, что хочу наказать его, прежде чем убью, я вовсе не имела в виду, что сожгу его заживо.

— Не веди он себя, как кобыла, рвущаяся в горящее стойло, то умер бы, как все остальные, — легко и быстро, от лазерного луча. Умер бы мгновенно, потому что пленных мы не брали.

— Даже для допроса?

— Даже. Это, конечно, неправильно, но таково было мое распоряжение. Моя дорогая Фрайди, тебя ведь с нами не было, и ты не знаешь, в каком все были настроении. Все слышали пленки, во всяком случае те, где были записи изнасилования и третьего допроса. Наши ребята и девочки не стали бы брать пленных, прикажи я им хоть двести раз. Так что я даже и не пытался. И хочу, чтобы ты знала, что все твои коллеги *очень* высокого мнения о тебе — включая и тех, кто никогда тебя не видел, и тех, кого вряд ли увидишь когда-нибудь ты.

Босс потянулся за костылями и выпрямился.

— Я уже нахожусь здесь на семь минут дольше, чем мне позволил твой врач. Мы поговорим завтра. Сейчас отдыхай. Сестра сделает тебе укол, и ты заснешь. Спи и приходи в себя.

На несколько минут я была предоставлена сама себе. Эти минуты я блаженно наслаждалась ощущением тепла и покоя. “Высокого мнения”... Когда у вас никого нет и по-настоящему быть никого не может, такие слова значат для вас все. Эти слова наполнили меня таким теплом... Мне даже стало совершенно наплевать на то, что я — не человек.

ГЛАВА IV

Когда-нибудь я все-таки переспорю Босса. Только не надо ахать и охать. Были, бывали деньки, когда мне удавалось устоять перед его аргументами — в те дни, когда он не навещал меня.

Началось все с различия в наших точках зрения на то, сколько я должна еще торчать здесь — на лечении. Я была готова отправиться домой или вернуться к своим обязанностям через четыре дня. Нет, я не собиралась сразу возвращаться на поле боя и принимать участие в крутых операциях, но я могла взяться за какое-нибудь нетрудное задание или... отправиться в путешествие в Новую Зеландию, что, конечно, было бы намного приятнее. Все мои раны зажили.

Их было не так уж и много: несколько ожогов, четыре сломанных ребра, простой перелом левой берцовой кости, осколочные переломы костей правой ноги и три сломанных пальца на левой, черепная трещина (без осложнений) и еще (противная травма, но меньше всего отражающаяся на моей трудоспособности) — кто-то ухитрился оторвать мой правый сосок.

Этот последний эпизод, да еще ожоги и сломанные пальцы на ноге — я хорошо помню, а что касается всего остального, то, по-видимому, я уже была в отключке.

— Фрайди, ты прекрасно знаешь, что на регенерацию соска уйдет как минимум шесть недель, — сказал Босс.

— Да, но пластическая операция займет всего неделю. Доктор Крэсни сам мне сказал: “Девушка, если кто-то из нашей организации травмирован во время исполнения служебных обязанностей, ему предоставляются для полного выздоровления все средства, которыми располагает современная медицина. Помимо этого обычно правила, в твоем случае есть еще одна причина — настолько важная, что ее одной было бы достаточно. На всех нас лежит моральное обязательство сохранять и оберегать красоту в этом бренном мире — она не должна исчезнуть, и каждая утрата здесь может стать невозполнимой. У тебя исключительно красивое тело, и любая порча его вызывает горькое сожаление. Оно должно быть восстановлено”. А я говорю, что косметической операции мне вполне достаточно. Во всех случаях я не соберусь заливать молоко в эти кувшины. А уж тому, кто окажется со мной в постели, можете быть уверены, будет абсолютно все равно.

— Фрайди, ты убедила себя в том, что тебе никогда не понадобится никого кормить грудью. Но даже с эстетической точки зрения нормальная грудь весьма отличается от пластиковой имитации. Конечно, предполагаемый сексуальный партнер может и не знать, но... Ты знаешь, и я знаю. Нет, моя дорогая. Ты будешь точно такая, как прежде.

— М-мда? А когда, интересно, вы займетесь регенерацией глаза?

— Не груби, детка. В моем случае эстетический фактор не играет никакой роли.

Итак, я обрету свою грудь в прежнем, а может, даже и в лучшем виде. Следующий спор возник по поводу нового курса тренировки, который был нужен мне, чтобы слегка понизить мой рефлекс убийства. Когда я вновь заговорила об этом, Босс взглянул на меня с таким выражением лица, будто вонзил зубы в лимон.

— Фрайди, я не помню, чтобы ты когда-либо совершала убийство, которое обернулось бы ошибкой. Были случаи, чтобы ты убивала кого-то, о которых я не знаю?

— Нет-нет, — торопливо сказала я, — до того, как я стала работать на вас, мне никого не приходилось убивать, и нет ничего такого, о чем бы я вам не докладывала.

— В таком случае все твои убийства были совершены, как обычные акты самообороны.

— Все, кроме эпизода с этим Белсеном. Это не было самообороной, он ведь и пальцем до меня не дотронулся. Белсен, или как его...

— Бюмон. Во всяком случае именно это имя использовал чаще других. Самооборона подчас означает: "Делай с другими то, что они сделают с тобой, но бей первым". Де Камп, по-моему. Или какой-то другой философ-пессимист двадцатого столетия. Я познакомлю тебя с досье Бюмона, чтобы ты сама могла убедиться в том, что ему лучше быть мертвым.

— Не стоит утруждать себя, как только я заглянула в его бумажник, я поняла, что он преследует меня вовсе не для того, чтобы закадрить. Но я поняла это уже после.

Прежде чем ответить, Босс на несколько секунд задумался, что случалось крайне редко. Потом он сказал:

— Фрайди, ты хотела бы сменить жанр и стать исполнителем?

У меня отвисла челюсть, и я широко раскрыла глаза — другого ответа у меня не нашлось.

— Я вовсе не собирался пугать тебя увольнением с должности, — продолжал он. — Ты поймешь, что наша организация включает в себя и исполнителей убийств. Однако я не хотел бы терять тебя в качестве курьера — ты лучшая из лучших. Но мы всегда нуждаемся в профессиональных убийцах, поскольку продолжительность их службы невелика. Однако между курьером и профессиональным исполнителем есть очень существенная разница: курьер убивает только в случае самообороны, чаще всего рефлекторно и... я полагаю, всегда с некоторой вероятностью ошибки — ведь не все курьеры обладают твоей блестящей способностью мгновенного сопоставления всех факторов и принятия единственно верного решения.

— Вот как!

— Ты не ослышалась. Фрайди, ты недооцениваешь себя, и это — одна из твоих слабостей. Профессиональный исполнитель убивает не рефлекторно, а по тщательно спланированному расчету. Если расчет оказывается настолько неверен, что ему приходится убивать рефлекторно, он почти наверняка беспомощен. Убивая, он всегда знает зачем и соглашается с необходимостью, в противном случае... я никогда не пошлю его на задание.

Спланированное убийство? Убийство по выбору? Утром встать, позавтракать, встретиться с жертвой и холодно и спокойно ликвидировать ее? А потом с удовольствием пообедать, поужинать, развлечься и лечь спать?

— Босс, я... По-моему, это не моя стихия.

— Я тоже не уверен, что у тебя подходящий темперамент для этого. Но на всякий случай не отвергай мое предложение сразу. Я не в восторге от твоей идеи понизить твою защитную реакцию. Более того, можешь быть совершенно уверена, что, если мы попытаемся сделать то, о чем ты просишь, я больше никогда не буду использовать тебя в качестве курьера. Никогда. Хочешь рисковать жизнью —

твое дело, но... в свободное от работы время. Твои задания всегда сопряжены с огромным риском, и я не стану использовать в них курьера, чей профессиональный уровень намеренно занижен.

Босс не убедил меня, но заставил засомневаться в себе. Когда я еще раз сказала ему, что мне вовсе не улыбается стать исполнителем, он, кажется, даже не слышал... Буркнул лишь, что даст мне кое-что почитать.

Я ожидала, что это — что бы там он ни решил мне дать, — появится на экране компьютера в моей комнате. Однако вместо этого минут через двадцать после его ухода в комнате появился юнец — моложе меня — с книгой в руках (настоящей книгой, в переплете и с бумажными страницами). На обложке стоял серийный номер и штамп: “Не конспектировать”, “Для тех, кто допущен”, “Совершенно секретно”, “СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГОЛУБОЙ ДОПУСК”.

Я взглянула на книгу и побоялась даже дотронуться до нее, словно там была спрятана змея.

— Это мне? По-моему, тут какая-то ошибка.

— Старик никогда не ошибается. Распишитесь на этой бумаге.

Ему пришлось подождать, пока я прочла все, что было написано на “этой бумаге”, а потом сказала:

— Здесь написано: “Не выпускать из поля зрения”. Но я ведь иногда сплю.

— Позвоните перед тем, как заснете, в архив, спросите служащего по секретной документации — это я, и я тут же приду. Но пока я не приду, постарайтесь не засыпать. Очень постарайтесь.

— О’кей. — Я расписалась, подняла на него глаза и увидела, что он с интересом рассматривает меня.

— На что, скажи мне, ты уставился?

— М-мм... Мисс Фрайди, вы очень красивая.

Никогда не знала, что на это надо отвечать, потому что это неправда. Фигура у меня действительно классная, но... Я ведь была одета.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Так ведь... Все знают, кто вы! Тогда, две недели назад... На Ферме. Ведь это были вы!

— Ах да. Я была там. Но, честно говоря, плохо помню.

— Зато я *помню!* — глаза у него сияли. — Единственный раз я участвовал в военной операции! И я так рад, что и на мою долю досталось!

Что же тебе досталось? — подумала я, поймала его руку, притянула в себе поближе, обеими руками взяла его за щеки и осторожно поцеловала — что-то среднее между поцелуем сестры и “давай-приступим!” Может быть, мне следовало вложить в поцелуй побольше страсти, но он был на дежурстве, а я все еще на больничной койке, так что... Давать обещания, которые не можешь выполнить, — нечестно, особенно юнцам с такими сияющими глазами.

— Спасибо, что вытащил меня оттуда, — пробормотала я, подпустив слезу в голос, и отняла руки от его щек.

Парнишка зарделся и потупился, но все равно выглядел очень довольным.

Я так зачиталась этой книгой, что ночная сестра принялась ворчать. Впрочем, ночным сестрам иногда просто необходимо на что-нибудь поворчать — это часть их работы. Не стану приводить здесь отрывки из секретного документа, но... Вы только послушайте заголовки:

1. Единственно эффективное средство.

И дальше:

Ликвидация как высочайшее искусство.

Ликвидация как политический инструмент.

Ликвидация ради прибыли.

Убийцы, изменившие ход истории.

Общество осуществления быстрой смерти.

Основные положения Гильдии профессиональных убийц.

Убийцы-любители: должны ли они быть уничтожены?

Почетные исполнители — несколько исторических примеров.

“Крайние меры” — “мокрые дела”. Необходимы ли эвфемизмы?

Рабочие стенограммы семинаров по технике и атрибутике.

Вот это да! Не было смысла читать все подряд. Но я прочла все. И была как в дурмане. Жуть.

Я решила для себя, что никогда в жизни не сменю профессию и не стану больше поднимать вопрос о новом

курсе тренировок. Если Босс захочет вернуться к этой теме — его дело. Я включила компьютер, связалась с архивом и сообщила, что мне нужен служащий по секретной документации, чтобы забрать у меня документ под номером таким-то, а заодно попросила, чтобы он не забыл захватить листок с моей росписью. “Будет сделано, мисс Фрайди”, — ответил мне женский голос.

Кажется, я и в самом деле обрела известность...

Испытывая некоторую неловкость, я принялась ожидать появления юнца. К стыду своему, должна признаться, что эта книга буквально отравила меня. Была ночь, даже почти утро, вокруг стояла мертвая тишина и... Если бы парнишка с сияющими глазами погладил меня, я скорее всего тут же забыла бы, что пока еще все-таки инвалид. Мне сейчас не помешал бы пояс верности со здоровенным замком.

Но у юнца, видимо, закончилось дежурство — с листком, на котором я ставила свою подпись, вошла женщина (старше его), отвечавшая на мой запрос. Я ощутила некоторое облегчение и разочарование одновременно, а заодно и устыдилась второго. Неужели выздоровлению всегда сопутствует такая неразумная похотливость? Интересно, часто ли в госпиталях сталкиваются с проблемой половой дисциплины? Честно говоря, мне редко приходилось болеть, и тут я была не в курсе.

Служащая взяла у меня книгу, вернула мне мою расписку, а потом, к моему крайнему удивлению, спросила:

— А мне поцелуй не положен?

— О-о... Вы тоже там были?

— Там были все, дорогая, кто мог двигаться. Этой ночью все были наперечет. Я, конечно, не лучший боец на свете, но, как и все остальные, проходила общий курс боевой подготовки. И... Да, я была там. И не жалею об этом.

— Спасибо, что вытащили меня, — сказала я и поцеловала ее. Постаралась я сделать это чисто символически, но она перехватила инициативу. Поцелуй вышел влажным и горячим, и... яснее, чем любыми словами, она дала мне понять, что стоит мне когда-нибудь пожелать сменить жанр, она встретит меня с распростертыми объятиями.

Ну, что бы вы сделали на моем месте? Кажется, у людей бывают такие ситуации, для которых не существует строго утвержденного регламента. Только что я узнала, что она рисковала своей жизнью ради спасения моей... В этом нет сомнений, поскольку рейд был наверняка не так прост, как он выглядел в изложении Босса. Его обычная манера выражаться такова, что полное уничтожение, скажем, Сизтла он охарактеризовал бы как "сейсмический толчок". Поблагодарив за спасение своей жизни, могла ли я сейчас оттолкнуть ее? Могла?..

Нет. И целуя ее в ответ, я полуутвердительно отреагировала на ее немое послание... Правда, тайком скрестив пальцы за спиной, чтобы никогда не чувствовать себя обязанной выполнить обещание, на которое вынуждена была наметнуть своими губами.

Наконец она прервала поцелуй, но не отодвинулась от меня.

— Слушай, родная, — сказала она, — хочешь, я тебе скажу кое-что? Помнишь, как ты отбрила этого подонка, которого они называли Майором?

— Помню.

— Этот кусочек пленки переписан и ходит сейчас у нас по рукам. От того, что ты ему ответила и как ответила, все в восторге. И больше всех — я.

— Это интересно. Скажи, а не ты ли сама ухитрилась переписать этот кусочек?

— Ну, что ты. Как ты могла подумать? — Она усмехнулась. — А ты против?

Я раздумывала не больше четверти секунды:

— Нет. Если тем, кто меня спас, нравится слушать, как я разговаривала с этим ублюдком, пускай наслаждаются. Только... вообще-то я обычно так с людьми не разговариваю.

— Все это прекрасно знают. — Она погладила меня по щеке. — Но, когда потребовалось, у тебя это здорово получилось, и каждая женщина здесь гордится тобой. Мужики тоже.

Она не торопилась уходить от меня, но вошла ночная сестра и велела мне лечь, сказав, что сейчас сделает мне укол снотворного. Я запротестовала, но так — приличия ради. Служащая из архива кивнула ей:

— Привет, Рыжик, — и, повернувшись вновь ко мне, тихо сказала: — Спи. Спокойной ночи, родная.

После этого она встала и вышла из комнаты, а Рыжик (это не имя — волосы у нее отливали золотом) спросила меня:

— Предпочитаете в руку? Или в ногу? Не обращайтесь снимания на Аниту, она вполне безвредна.

— Она вполне нормальна. — Мне пришло в голову, что Рыжик могла не только прослушивать все, что делалось в палате, но и просматривать на мониторе. Могла?.. Нет никаких сомнений. — А ты была там: на Ферме, когда горел дом?

— Когда горел, нет. Я была в гравилете с командой, которая вытащила вас и доставила сюда. На вас... больно было смотреть, мисс Фрайди.

— Не сомневаюсь. Спасибо тебе, Рыжик, а ты поцелуешь меня на ночь?

Ее поцелуй был теплым и совершенно не требовательным. Позже мне стало известно, что она была одной из той четверки, которая ворвалась в дом, чтобы вызволить меня, — один мужчина с кусачками, двое других — стрелки с оружием, а Рыжик... Она одна тащила носилки. Но сама она так об этом и не упомянула ни разу сейчас, ни позже.

О времени, проведенном в больничной палате, я всегда вспоминаю, как о первом случае в своей жизни (не считая отпусков в Крайстчерче), когда я ощущала простую, тихую, радость. Каждый день. Каждую ночь. Почему? Да просто потому, что я была *не одна*.

Конечно, из того, что я уже рассказала, каждому ясно — я живу как человек уже много лет. У меня давно уже нет удостоверения с большой пометкой "ИС" (равно как и с пометкой "ИЧ". Когда я захожу в туалет, мне никто не может сказать, чтобы я воспользовалась самой крайней кабинкой. Но фальшивос удостоверение и выдуманное происхождение не дают вам ощущения тепла, они лишь избавляют от унижений и преследований. И вы все равно прекрасно понимаете, что нет на свете такой нации и такого государства, которые бы сочли вас (и весь ваш вид) приемлемыми для равноправной причастности к ним. И вы прекрасно знаете, что на свете полно мест, где, стоит вам

себя выдать, вы будете немедленно высланы, а то и уничтожены (или проданы).

Искусственный человек страдает от того, что у него нет родословной, гораздо сильнее, чем вам может показаться. “Где вы родились?” Что ж, строго говоря, я вообще не рождалась: я была создана в Генно-инженерной лаборатории при Трех университетах в Детройте. “Ах, вот как?” Мое *начало* было сформулировано в Мендельской ассоциации, в Цюрихе. Такой вот чудесный диалог!.. Только вы никогда и нигде его не услышите — ведь эти ответы никак не могут сравниться с ответами тех, чьи предки нашли свое место на “Мейфлауэре”¹. В моей метрике сказано, что я “родилась” в Сиэтле — полностью разрушенном городе, из которого вышло чудное местечко для пропавших метрик. А также для утерянных родственников.

Поскольку я никогда не была в Сиэтле, я очень тщательно изучила все записи и картинки, которые только могла достать. Я думаю, истинный уроженец Сиэтла не смог бы подловить меня на какой-нибудь неточности. Во всяком случае я надеюсь на это.

Но то, что я получила от всех, пока отходила от этого дурацкого изнасилования и отнюдь не забавного допроса, была настоящим, нефальшивым, и мне не нужно было даже думать о необходимости соблюдать осторожность. Это касалось не только Рыжика, Анны и того юнца (его звали Терренс), но и еще по меньшей мере двух дюжин людей. С этими тремя я просто виделась, но точно знала, что в рейде участвовало гораздо больше. Сколько? Не знаю. Одно из основных правил Босса — не допускать лишних контактов членов организации, кроме тех случаев, когда этого требует деловая необходимость. Точно так же он относится к лишним вопросам — вы ведь не можете выдать секреты, которые просто не знаете, как не можете и выдать

¹ “Мейфлауэр” — судно, на борту которого в 1620 году прибыла в Северную Америку одна из первых групп английских колонистов. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

человека, о существовании которого не имеете представления.

Но Босс не придумывает инструкций ради инструкций. Встретившись однажды с коллегой по делам службы, вы можете продолжать встречаться с ним и просто так. Босс не поощряет таких взаимоотношений, но он и не такой дурак, чтобы запрещать их. Поэтому Анна частенько навещала меня поздними вечерами, перед тем как заступить на свое дежурство.

Она ни разу не пыталась получить награду, на которую намекнула первым поцелуем. Правда, и возможностей для этого было немного, но если бы мы очень захотели, то как-нибудь ухитрились бы. Причем я вовсе не пыталась отшить ее — ни в коем случае: если бы она хоть раз еще намекнула, что не прочь получить по счету, я не только расплатилась бы с удовольствием, но и постаралась бы изо всех сил убедить ее, что это — моя инициатива. Но она ни разу больше не выказала таких намерений.

Я думаю, она была сродни тем чутким (и очень редко встречающимся) мужчинам, которые никогда не станут лаять женщину, если она того не хочет, — они хорошо чувствуют это и даже не начинают.

В один чудный вечер, незадолго до моей выписки, у меня было особенно хорошее настроение — этим днем я завела себе еще двух друзей (тоже принимавших участие в рейде и моем спасении), — и я постаралась объяснить Анне, почему это так много значит для меня. Неожиданно я поймала себя на том, что начинаю рассказывать ей про... Ну, словом, что я — не совсем та, какой кажусь, и... Она прервала меня:

— Фрайди, родная, послушай-ка свою старшую сестричку.

— А что? По-твоему, я распускаю вопли?

— Может быть... Помнишь, той ночью, когда мы впервые с тобой встретились, ты возвращала мне секретный документ? Так вот, я получила свой допуск к "Сов. секретно" лично от мистера Два Костыля много лет назад. Книга, которую ты вернула мне тогда, находится там, откуда я могу взять ее в любой момент. Но я никогда не раскрывала ее и никогда не раскрою. На ее титульном

листе написано: "Для тех, кому необходимо ознакомиться", а мне никто никогда не говорил, что мне *необходимо*. Ты прочла ее, а я даже не знаю названия, не говоря уже о содержании, — мне известен лишь ее кодовый номер... Точно так же дело обстоит и с личными вопросами. Когда-то существовал такой иностранный легион, славившийся тем, что у каждого его воина не было прошлого — до того дня, когда он записался в этот легион. Мистер Два Костыля хочет, чтобы мы были именно такими. К примеру, если бы нам потребовалось искусственное существо, или, скажем, ИЧ — искусственный человек, служащий, ведающий набором, был бы в курсе этого. Я была бы в курсе, поскольку я обычно выполняю эту обязанность. Надо было бы обзавестись поддельным личным делом, возможно, потребовалась бы пластическая операция, в некоторых случаях — ликвидация лабораторных маркировок, а затем регенерация тех мест, где они ставились... Словом, когда все это было бы сделано, ему уже никогда не надо было бы волноваться и переживать, что его могут похлопать где-нибудь по плечу и вытолкать взашей. Он может жениться, у него даже могут быть дети, и ему не стоит волноваться, что у них когда-нибудь возникнут проблемы, связанные с его происхождением. Не стоит ему беспокоиться и относительно *меня*, поскольку я обучена *забывать*. И потому... Родная, я не знаю, что у тебя сейчас на уме. Но если это — то, что ты обычно никому не рассказываешь, не рассказывай и *мне*, а то на следующее утро ты можешь возненавидеть себя.

— Нет! Так не случится. Я...

— Ну, хорошо. Если через неделю ты захочешь выложить мне это, я тебя выслушаю. Идет?

Анна была права: через неделю у меня уже не было потребности исповедоваться ей. На девяносто девять процентов я уверена, что она в курсе и... В любом случае это здорово, когда кто-то любит тебя за то, что ты такая, какая есть, и не считает ИЧ нелюдями и монстрами.

Понятия не имею, знали ли об этом или хотя бы догадывались другие мои новые друзья (Босс, конечно, не в

счет, он-то знает, но он — не друг. Он — Босс.) Но это не имело никакого значения, потому что я поняла: если знали, им это безразлично, и если узнают, им будет наплевать. Единственное, на что им *не* наплевать, это член ли ты команды Босса. И все.

Как-то вечером ко мне зашел Босс, волоча за собой костыли и недовольно фыркая себе под нос. За его спиной маячила Рыжик. Он грузно уселся в кресло для посетителей и небрежно бросил Рыжику:

— Спасибо, сестра, вы мне не нужны. — Потом повернулся ко мне и сказал: — Разденься.

В устах любого другого мужчины это имело бы или оскорбительный, или очень заманчивый смысл — смотря по обстоятельствам. Исходя же от Босса, это означало лишь, что он просто хочет, чтобы я сняла с себя одежду. Рыжик, по-видимому, поняла это, поскольку, услышав приказание Босса, кивнула и вышла, а Рыжик принадлежала к такому сорту медсестер, что дала бы прикурить самому Джеку Потрошителю, вздумай он покуситься на кого-то из ее пациентов.

Я быстро стащила с себя одежду и молча застыла в ожидании. Он оглядел меня сверху до низу и буркнул:

— Они стали совершенно одинаковыми.

— Мне тоже так кажется.

— Доктор Крэсли сказал, что провел тест на функциональность. Результат положительный.

— Да, он сделал какой-то трюк с моим гормональным балансом, и из них чуть-чуть закапало. Забавное ощущение... Потом он восстановил баланс, и они тут же высохли.

Босс хмыкнул.

— Повернись. Так... Покажи правую ступню. Теперь левую. Достаточно. Следы от ожогов исчезли.

— Те, что видны мне, да. Доктор сказал, что и остальные тоже. Саднить они перестали, так что, наверно, он не соврал.

— Одевайся. Доктор Крэсли говорит, что с тобой все нормально.

— Если бы я была нормальнее, чем сейчас, вам пришлось бы выпустить мне немного крови.

— Нормально — это предел. Нельзя быть более нормальным или менее. Да — да, нет — нет.

— Ладно. Я нормальной.

— Пустая болтовня. Завтра с утра ты отправляешься на реабилитационный тренировочный курс. Собери вещи и будь готова в ноль-девять-сто.

— Я прибыла сюда не по своей охоте и на сборы у меня уйдет секунд десять. Но мне нужно новое удостоверение личности, новый паспорт, новая кредитная карточка и немало наличных, потому что...

— Все это ты получишь до нуля-девяти.

— Потому что я не собираюсь отправляться на тренировочный курс, а еду в Новую Зеландию. Босс, сколько раз мне надо вам повторять: мне уже поздно переучиваться, менять профессию, а кроме того, мне кажется, я заслужила отдых в качестве компенсации за время, проведенное на больничной койке. А вы... Вы же не рабовладелец в конце концов.

— Фрайди, сколько лет тебе понадобится, чтобы усвоить: когда я не потокаю какому-нибудь твоему капризу, я делаю это прежде всего для твоего блага и для блага нашей организации?

— Хорошо, Большой Белый Вождь, я смиряюсь, я готова к разжалованию, и я пошлю вам цветную открытку из Веллингтона.

— Да, пожалуйста. И чтобы на ней была какая-нибудь красotka племени майори. И гейзер. Реабилитационный курс будет проведен согласно твоим собственным потребностям, и ты сама решишь, когда закончить его. Хоть ты у нас теперь и "нормальной", курс необходим, чтобы вернуть тебе все мышечные рефлексы, которыми ты обладала с самого рождения.

— Рождения? Хватит шуток, Босс, у вас плохо получается. "Мать моя пробирка, а скальпель — мой отец".

— С твоей стороны это глупость и ребячество — придавать значение этой дурацкой помехе, с которой было покончено много лет назад.

— Вот как? Закон гласит, что я никогда не смогу быть гражданкой. Церковь утверждает, что у меня нет души.

Я... Я — не “человек, рожденный женщиной”, по крайней мере перед лицом закона.

— Закон — дерьмо. Все записи относительно твоего происхождения давно изъяты из лабораторной картотеки, а вместо них подложены фальшивые, содержащие сведения об ИЧ мужского рода.

— Вы... Вы никогда мне об этом не говорили!

— До тех пор, пока ты не обнаружила в себе этот невротический комплекс, я не считал необходимым. Подмена такого рода должна быть безупречна, и она была безупречна. Если завтра ты попытаешься объяснить о своем истинном происхождении, ты нигде не сумеешь найти тому доказательства. Говорить, конечно, ты можешь что хочешь и кому хочешь, но это не имеет никакого значения. И... дорогая моя, откуда вдруг такие комплексы? Ты не только такая же женщина, как сама пра-матерь Ева, не только настоящий человек, но и супер-человек, почти что само совершенство. Во всяком случае настолько, насколько это удалось твои создателям. Как ты думаешь, почему я бросил все свои дела, чтобы за-получить тебя, когда у тебя не было ни опыта, ни умения, ни даже проблеска интереса к твоей нынешней профессии? И зачем я потратил почти целое состояние на твое образование и подготовку? А затем, что я знал. Несколько лет я ждал — хотел быть уверен, что ты развиваешься по тому пути, который предначертали тебе твои создатели, а потом я... Чуть было не потерял тебя, когда ты неожиданно вильнула хвостом и исчезла... — Он изобразил на своем лице гримасу, которая, по-видимому, должна была означать улыбку. — Ты доставила мне немало хлопот, девочка. Теперь о твоей тренировке. Реабилитационном курсе. Желаеть послу-шать?

— Да, сэр.

Я не стала пытаться рассказывать ему о яслях при ла-боратории. Люди... Они думают, что все ясли похожи на обычные. И я не сказала ему о пластиковой ложке, кото-рой я была вынуждена есть до тех пор, пока мне не исполнилось девять. Не сказала, потому что не хотела рас-сказывать о том, как продырявила себе губу вилкой, когда впервые мне разрешили пользоваться ею. И как все сме-

ялись надо мной... И дело даже не в этом, вернее, не только в этом. Из сотен, из тысяч подобных мелочей складывается разница между тем, как вас воспитывают, если вы человеческий детеныш, и как, если вы... Если вас растят как животное.

— Ты пройдешь повторный курс для схваток без применения оружия, но заниматься будешь только со своим инструктором, так что никаких следов на тебе, когда ты отправишься навещать свою в семью в Крайстчерче, не будет. Кроме того, ты пройдешь предварительную тренировку в обращении с личным оружием, включая некоторые его виды, о которых ты, возможно, никогда не слыхала. Если ты поменяешь жанр, это тебе понадобится.

— Босс, я *не собираюсь* становиться убийцей.

— В любом случае тебе это понадобится. Бывают случаи, когда курьер может везти оружие, и тогда он должен быть готов на все. Фрайди, не стоит презирать убийц лишь за то, что они убийцы. Как и в любой другой работе, здесь важно, для чего и как это используется. Образование и падение бывших Соединенных Штатов Северной Америки произошло отчасти благодаря серии убийств. Но только отчасти, потому что убийства не были произведены по единому плану и оказались в основном нецеленаправленными. Что ты можешь сказать мне о прусско-русской войне?

— Немного... Почти ничего.

— А что если я скажу тебе, что эту войну выиграли двенадцать человек — семеро мужчин и пять женщин, — и что самым тяжелым оружием, которым при этом пользовались, был пистолет шестимиллиметрового калибра?

— Что ж, вы никогда не лгали мне. Каким же образом?

— Фрайди, самый дорогой товар — сила разума. Лишь она представляет собой истинную ценность. Любая организация, любая структура может оказаться бесполезной, беспомощной и представлять опасность для себя самой, если аккуратно и последовательно заменить лучшие ее мозги на тупые и неповоротливые. Потребовалось лишь несколько тщательно спланированных “несчастных случаев”, чтобы превратить огромную прусскую военную

машину в слепое и беспомощное чудовище. Но это выяснилось, лишь когда война была в разгаре, потому что до разгара схватки тупицы выглядят точно так же, как и гении.

— Дюжина людей... Босс! Это мы сделали?

— Ты же знаешь, что я не люблю отвечать на подобные вопросы. Нет, не мы. Операция была осуществлена небольшой организацией — столь же малочисленной и специализированной, как наша. Но я не люблю втягивать своих людей в войны между нациями — там всегда очень трудно понять, на чьей стороне ангелы, а на чьей — черти.

— Все равно, я не хочу быть убийцей. — А я и не собираюсь позволять тебе становиться убийцей, так что давай на этом закроем тему. Завтра к девяти будь готова к отъезду.

ГЛАВА V

Через девять недель я летела в Новую Зеландию.

Что касается Босса, то должна признать: этот надменный хвостун всегда знает, что говорит. Когда Доктор Крэсни отпустил меня, я, конечно же, не была "нормальнейшей". Я была обыкновенным выздоровевшим пациентом, не нуждающимся более в больничном уходе, — и только.

Через девять недель я могла бы получить все призы на старинных Олимпийских играх, ничуть не взмокнув. Когда в Виннипегском аэропорту я взошла на борт ПБ-лайнера "Авель Тэсмэн", пилот сразу положил на меня глаз. Я знала, что неплохо выгляжу, и, идя к своему месту, слегка покачала бедрами, чего никогда обычно не позволяла себе в деловых путешествиях — работая курьером, я всегда стараюсь держаться в тени. Однако сейчас я была в отпуске и могла слегка покрасоваться. Забавное ощущение. Кажется, я еще не забыла, как это делается, ибо пилот, не успела я пристегнуть ремень, оказался за

моей спиной. А может, все дело было в новеньком комбинезоне из суперкожи — я надела его впервые в этом сезоне и впервые в жизни (купила прямо в магазине аэропорта и тут же влезла в него). Не сомневаюсь, пройдет еще немного времени и все секты, что видят в сексе хоть каплю порока, объявят ношение костюмов из суперкожи смертельным грехом.

— Мисс Болдуин, не так ли? — спросил он. — Вас кто-нибудь встречает в Окленде? Военное положение и вся эта чушь, знаете... Словом, одинокой женщине не стоило бы появляться сейчас в международном аэропорту.

Я не стала говорить ему: "Слушай, детка, последний раз, когда я была в этом аэропорту, я пришила одного агента". Ростом капитан был примерно метр девяносто пять, весил килограммов сто или чуть больше — и при этом ни капли жира. На вид лет тридцати — из тех блондинов, которых чаще можно увидеть на экране, чем в авиации. Что ж, если он желает сыграть роль ангела-хранителя, я не возражаю.

— Меня никто не встречает, — ответила я, — я просто должна пересесть на шатл, летящий на Южный остров... Никак не могу справиться с этой застежкой. Кстати, эти полоски означают, что вы капитан?

— Давайте я помогу вам. Капитан?.. А-а, да, капитан Жан Тормей. — И он наклонился, чтобы застегнуть мой ремень. Я не без удовольствия позволила ему помочь мне.

— Капитан! Это здорово. Никогда раньше не встречала капитана.

Эта реплика с моей стороны не означала никакого призыва, поскольку все разыгрывалось по древнейшему ритуалу времен деревенских танцулек. Он сказал: "Я на охоте, и вы мне нравитесь. Интересуетесь?" А я ответила: "Вы тоже ничего, но, к сожалению, я сегодня занята". На этом этапе он мог или ретироваться без всяких обид, или поинтересоваться насчет другого раза в недалеком будущем. Он выбрал второй вариант.

Застегнув на мне ремень — достаточно туго, но не слишком и не делая при этом попыток как бы случайно потискать меня, — он сказал:

— Времени на пересадку сегодня у вас будет в обрез. Если вы немножко задержитесь, когда мы прибудем на место, и выйдете последней, я буду рад лично проводить вас к вашему шатлу. Это будет быстрее, чем самой продираться сквозь толпу.

Капитан, мысленно сказала я, времени на пересадку по сегодняшнему расписанию у меня двадцать семь минут, значит... у вас двадцать минут на ритуал соблазнения. Что же, если вы и впредь будете так очаровательно любезны, я дам вам шанс. А вслух проговорила:

— О, благодарю вас, капитан! Если это, конечно, вас не затруднит...

— О чем речь, мисс Болдуин! Это доставит мне лишь удовольствие.

Люблю летать на полубаллистических лайнерах — резкий взлет, создающий ощущение, будто еще секунда — и обшивка лопнет, свободное падение, перехватывающее дыхание, — кажется, вот-вот у вас кишки полезут наружу, — а потом долгий-долгий плавный полет, с которым не сравнится ни одно путешествие по воздуху ни на одном когда-либо придуманном аппарате. Ну где еще получишь столько веселья, при этом не раздеваясь? Но...

Есть один весьма пикантный вопрос: свободна ли посадочная площадка? Полубаллистик не делает два захода на посадку — просто не может. Ну да, да, здесь, в этой самой брошюре черным по белому написано, что ПБ никогда не взлетает, не получив предварительно из порта приземления сообщение о том, что посадочная площадка для него свободна. Конечно, конечно, я верю в это, как... Как родители Босса верили в оборотней. Ну, а как насчет какого-нибудь разъяры на частном гравилете, который возьмет да и сядет на чужую площадку? Как начет того вечера в Сингарпуре, когда я сидела в баре на Верхней Башне и своими глазами видела, как за девять минут приземлились *три* ПБ, а? Ну, я надеюсь, не на одну и ту же площадку, но на *пересекающиеся*! Словом, это вариант русской рулетки.

Я буду летать на них и впредь: во-первых, мне это нравится, во-вторых, этого порой требует моя профессия. Но... от взлета до посадки я держу зубы стиснутыми.

Нынешний полет доставил мне обычную дозу острых ощущений, и что еще хорошо в путешествии на ПБ — оно всегда недолгое, от него просто некогда устать. Я задержалась при выходе ровно настолько, чтобы, подойдя в дверце, увидеть моего вежливого Волка, застывшего в ожидании возле рубки. Стюард подал мне мою сумку, и капитан Тормей тут же перехватил ее, несмотря на мои неискренние протесты.

Он провел меня по проходу к шатлу, проверил мои билеты, отыскал мое место, прошел вместе со мной за табло, на котором было написано: “Только для пассажиров”, и, усевшись подле меня, сказал:

— Плохо, что вы так быстро улетаете... Я хочу сказать, для меня плохо. По правилам я должен болтаться тут три дня и... Так получилось, что на этот раз некому составить мне компанию. Раньше здесь жила моя сестра со своим мужем, но теперь они перебрались в Сидней, и мне просто не с кем общаться.

Так я и поверила! Прямо представила себе умилительную картинку — как вы, капитан, проводите все свое свободное время с сестрой и с зятем.

— О, это ужасно! Я представляю, каково вам сейчас. Моя семья живет в Крайстчерче, и я всегда чувствую себя ужасно одиноко, когда мне приходится быть вдали от них. От моей большой, шумной и веселой семьи — я ведь замужем, в С-браке, — я всегда говорю это им сразу.

— Вот как? Чудесно! И сколько же у вас мужей?

— Капитан, это первый вопрос, который задают все мужчины. И происходит это из-за непонимания самой природы С-брака. Оттого, что “С” принимают за “секс”.

— А разве это не так?

— Господи, да конечно же нет! “С” означает “спокойствие”, “социабельность”, разумеется “союз”, в каком-то смысле “святыню” и многое-многое другое — тепло, уют, радость... Ну, разумеется, “С” может означать и “секс” тоже, но ведь секс доступен кому угодно и где угодно. И совершенно не нужно создавать нечто, столь сложное, как С-брак, только ради секса — на самом деле “С” означает “Синтетическая семья” — именно с такой фор-

мулировкой был впервые легализован С-брак в Калифорнийской Конфедерации — первой стране, призвавшей его. Впрочем, голову даю на отсечение, — капитан Тормей это отлично знал — просто мы продолжали разыгрывать с ним различные вариации Большого Флирта.

— Ну, я бы не сказал, что секс доступен где угодно... — На этот ход я даже отвечать не стала. Это с вашим-то ростом, капитан, с вашими плечами и розовыми щечками, да еще когда у вас полно свободного времени для охоты и не где-нибудь, а в Виннипеге и Оклэнде — там, где ни одни “выстрел” не пропадает даром... Ну, нет, сэр! Попробуйте иначе. — Но я согласен с вами, что это недостаточная причина для брака. Вряд ли я когда-нибудь женюсь, потому что... Знаете, я как дикий гусь — люблю лететь, куда мне хочется. Но С-брак кажется отличной штукой, к которой всегда приятно возвращаться.

— Так оно и есть.

— У вас большая семья?

— Вас по-прежнему интересует, сколько у меня мужей? Трое, сэр, и три “сестры” по браку... Думаю, вам понравились бы все они, особенно Лиз — наша самая молоденькая и симпатичная. Такая рыженькая шотландка, просто прелесть и очень кокетливая. Дети? Ну, конечно. Каждый вечер мы пытаемся сосчитать их, но они растут и плодятся слишком быстро. А еще есть котята и утки, щенки и огромный запущенный сад с розами, цветущими почти круглый год. Словом, это большое шумное гнездышко, где всегда нужно осторожно смотреть под ноги, чтобы не наступить на кого-нибудь.

— Звучит здорово. А не нужен ли вашей группе еще один муж, который нечасто может бывать дома, но согласен нести все необходимые расходы в семье? Сколько стоит войти в долю?

— Я поговорю об этом с Анитой, но... Не думаю, чтобы вы говорили всерьез.

Мы продолжали болтать, не придавая никакого значения словам, а просто играя в обычную игру. Оба знали, что продолжения сейчас не будет, но не отвергали возможной встречи в будущем и потому обменялись сигнальными

кодами — в ответ на предложение пользоваться его квартирой в Оклэнде, когда мне вздумается, я дала ему код своей семьи в Крайстчерче. Он сказал, что оставил за собой квартиру сестры, когда они уехали, но пользуется ею не больше шести дней в месяц. “Так что, если окажетесь в городе и вам негде будет принять ванну или переночевать — только позвоните.

— Но что если в это время место будет занято кем-нибудь из ваших друзей или вы сами будете здесь, Жан? — Он попросил меня не называть его капитаном.

— Вряд ли. Но если так случится, компьютер даст вам знать. Если же я буду в это время в городе или вскоре должен буду оказаться здесь, он также сообщит вам об этом, и... Мне бы очень не хотелось разминуться с вами.

Прямое предложение, но сделано самым вежливым образом, так что... Я дала ему код Крайстчерча и тем самым намекнула, что он может всегда сделать попытку стянуть с меня трусики, *если* у него хватит духу познакомиться с моими мужьями, с моими сестрами по браку и шумной гурьбой детишек. Вряд ли, конечно, он позвонит. Рослым красивым холостякам с хорошо оплачиваемой и престижной работой нет нужды участвовать в скачках с таким множеством препятствий.

В это время громкоговоритель, бормотавший о прибытиях и отлетах, неожиданно смолк, а потом оттуда раздалось:

— Пауза свидетельствует о вашей глубокой скорби по поводу следующего известия: полностью уничтожен Акапулько. Вы получили это сообщение благодаря любезности линии “Три-”С” — “Служба Скорости Спокойствия”, принадлежащей Межпланетному транспорту.

У меня перехватило дыхание. Капитан Жан сказал:

— Чертовы кретины!

— Какие кретины?

— Да все это Мексиканское революционное королевство. Когда же территориальные государства наконец поймут, что они не могут воевать с государствами-корпорациями! Поэтому я и говорю, что они кретины. И какие!

— Но почему, капитан?... Простите, Жан?

— Да это же очевидно. Любое территориальное государство, даже если это Эль-4 или астероид — что-то вроде насадки. И сражаться с многонациональной корпорацией — все равно, что палить в туман. Где мишень? Хотите воевать Ай-би-эм? Но где находится Ай-би-эм? Основная контора зарегистрирована в П.О., номер почтового ящика — в Делаварском Свободном Штате. Но это не мишень — конторы, служащие и “ветки” Ай-би-эм разбросаны на территории четырех сотен территориальных государств на Земле и еще большего количества — в космосе. Вы не можете ударить по какой-то части Ай-би-эм, не задев так или иначе посторонних людей. Но может ли Ай-би-эм победить, скажем, Великую Россию?

— Понятия не имею, — призналась я. — Пруссак не сумели.

— Все будет зависеть лишь от того, сочтет ли Ай-би-эм это для себя выгодным или нет. Насколько я знаю, у Ай-би-эм нет никаких войск, вполне возможно, нет даже агентов-диверсантов. Поэтому им придется покупать бомбы и ракеты. Но они могут тянуть время и выбрать любой удобный для них момент, потому что Россия никуда не денется. Не может никуда деться и всегда будет на одном месте — огромная неподвижная мишень. Так будет и через неделю, и через год. И вот, “Межпланетный транспорт” наглядно показал, чем это кончится, — война бессмысленна, она уже закончена. В Мехико были уверены, что “Межпланетный”, опасаясь общественного осуждения, не посмеет уничтожить мексиканский город. Но эти политиканы старого покроя забыли, то государствам-корпорациям совершенно не нужно считаться с общественным мнением, как приходится считаться территориальным. Я же говорю, война закончена.

— Я надеюсь! Акапулько такой красивый город... *Был красивый!*

— Да, и был бы и сейчас таким, если бы Революционный Совет Монтесумы не витал где-то далеко в прошлом — веке в двадцатом. Теперь же все будут ста-

раться сохранить лицо. “Межпланетный” извинится, заплатит компенсацию, а потом без лишнего шума Монтесума уступит землю и экстерриториальность под новый космопорт, который будет принадлежать новой корпорации с мексиканским названием и главной конторой в Мексике, но... Публике никто не потрудится сообщить, что новая корпорация на шестьдесят процентов будет принадлежать “Межпланетному”, а на остальные сорок — тем самым политиканам, которые упирались слишком долго и довели дело до того, что Акапулько был уничтожен.

Вид у капитана Тормея был очень раздосадованный, и я вдруг увидела, что он на самом деле старше, чем мне показалось в начале нашего знакомства.

— Жан, — спросила я, — ваша компания “АНЗАК” не часть “Межпланетного”?

— Может быть, поэтому я и рассуждаю так цинично, — кивнул он и поднялся. — Началась посадка на ваш шатл, позвольте я возьму вашу сумку.

ГЛАВА VI

Крайстчерч — самый прекраснейший город на нашем глобусе.

Впрочем, и не только на глобусе, потому что по-настоящему красивого города вне пределов Земли просто нет. Луна-сити весь под землей, Эль-5 снаружи выглядит как дурдом, а изнутри лишь один его акр смотрится неплохо. Марсианские города — обыкновенные муравейники, а большинство земных тщетно пытаются походить на Лос-Анджелес.

У Крайстчерча нет очарования Парижа, местоположения Сан-Франциско и набережной Рио. Зато в нем есть много вещей, превращавших город в чудное место: ровная гладь Авона, куда выходят улочки нижней части города, умиротворяющая прелесть Кафедральной площади. Фонтан перед Городской ратушей и, наконец, дивная красота

наших известных во всем мире ботанических садов, раскинутых по всему городу.

“Каждый грек славит Афины”? Может быть, но я ведь не уроженка Крайстчерча (если “уроженка” вообще применимо к моей породе). Я повстречалась с Дугласом в Эквадоре — это было до катастрофы “Небесного крюка” в Кито — сначала испытывала восторг от дивного романа со взмокшими от пота простынями, потом была напугана его предложением, а потом успокоилась, когда он объяснил, что не имеет сейчас в виду ничего официального, а просто предлагает съездить в гости к его С-семье — посмотреть, понравлюсь ли я им и понравятся ли они мне.

Это меняло дело. Я быстро смоталась в Империю, доложила обо всем Боссу и спросила, что он предпочитает — дать мне отпуск за мой счет или вообще отставку. Он буркнул что-то вроде: “Валяй, съезди, охлади свои придатки и доложи, когда будешь готова снова взяться за работу...” — и я прилетела обратно в Кито до того, как Дуглас вылез из постели.

В то время просто не было способа добраться по прямой из Эквадора в Новую Зеландию, и потому... Сначала по туннелю мы доехали до Лимы, там на полубаллистике через Южный Полюс в Восточно-Австралийский порт в Перте, оттуда по туннелю до Сиднея, там — прыжок в Окленд — по воде в Крайстчерч. На все ушло двадцать четыре часа — дикие зигзаги, и все ради того, чтобы пересечь Тихий океан. Виннипег и Кито почти на одном расстоянии от Окленда (не доверяйте бумажным картам, а спросите у своего компьютера), ну, может, Виннипег и чуть дальше, но не больше, чем на одну восьмую пути.

То, что занимает сейчас сорок минут, длилось двадцать четыре часа, но меня это ничуть не огорчало: я ехала с Дугласом, в которого была влюблена по уши.

Через двадцать четыре часа я была влюблена по уши во всю его семью.

Я никак не ожидала этого. Я предвкушала чудный отпуск с Дугласом — он обещал мне, что мы будем кататься на лыжах и заниматься любовью (честно говоря, я не настаивала на лыжах). Я знала, что должна буду перес-

пать со всеми его С-братьями, если они того пожелают, — своего рода негласный ритуал. Но меня это отнюдь не беспокоило — искусственный человек просто не может относиться так серьезно к обыкновенному совокуплению, как люди. В нашем детском саду большинство девочек проходили специальную тренировку для работы “Подружками по вызову”, а потом их контрактировали международные корпорации. Я сама прошла основной курс такого тренинга до того, как объявился Босс, выкупил мой контракт и перевернул всю мою жизнь. (А я сбежала, разорвав контракт с ним, и пропадала несколько месяцев черт знает где, но... Это уже другая история).

Но, наверно, мне все равно было бы чуждо человеческое восприятие секса, даже если бы я и не проходила курс тренинга на “подружку” — и ИЧ просто не может принять людского отношения, нас никогда ведь этому не учили.

Но мы ничегошеньки не знаем о том, что значит быть в семье. В самый первый день своего пребывания там все из-за меня пили чай намного позже обычного, потому что я не могла заставить себя прекратить кататься по полу с семью ребятишками — от одиннадцати лет и до ползункового возраста... Да, и еще с двумя или тремя собаками и молодым котом по имени Мистер Смотри-под-ноги — его называли так за уникальную способность занимать сразу весь пол в любой комнате.

Никогда в жизни я не испытывала ничего подобного. И я не хотела, чтобы это кончилось.

На лыжах меня возил кататься не Дуглас, а Бриан. Лыжные отельчики на Маунт-Хант чудесны, но спальни там отапливаются плохо, и нужно крепко прижиматься друг к другу, чтобы согреться. Потом Викки возила меня смотреть стадо овец, принадлежащее семье, и там я была представлена собаке с искусственно развитым интеллектом, которая разговаривала, — большой колли по имени Лорд Нельсон. Лорд был невысокого мнения об умственных способностях овец, в чем он, я думаю, вполне разобрался.

Берти взял меня с собой на Милфорд-Саунд — сначала мы шатлом добрались до Дунэдина и провели там ночь. Дунэдин мне понравился (“Южный Эдинбург”), но это все

же не Крайстчерч. На маленьком пароме мы поплавали по фьорду — на пароме были крошечные каютки, где могли уместиться двое, лишь потому что было холодно и опять приходилось тесно прижиматься друг к другу (что мы и делали).

Нигде больше нет фьорда, который мог бы сравниться с фьордом у Милфорд-Саунд. Да, мне приходилось бывать на Бермудах, там действительно здорово, но... Я уже приняла решение.

Если вы думаете, что для меня Южный остров — все равно что для мамы ее первенец, что ж, так оно и есть. Северный остров тоже не плох, с его горячими ключами и известными всему миру Глоуормскими пещерами. И вообще вся гряда островов выглядит, как волшебная страна, но... На Северном острове нет Южных Альп и нет Крайстчерча.

Дуглас водил меня смотреть их маслобойню, и я видела, как огромные полосы прекрасного масла аккуратно нарезались в брикеты. Анита представила меня семье священника... До меня начало доходить, что, вполне вероятно, мне могут предложить остаться. И тогда я поняла, что от "Господи-что-же-мне-делать-если-они-предложат" я перешла к "Господи-что-же-мне-делать-если-они-не-предложат", а потом просто к "Господи-что-же-мне-делать".

Понимаете, я никогда не говорила Дугласу, что я — не человек.

Я слышала не один раз, как люди хвастали, будто они могут моментально отличить искусственного человека от обычного. Чушь! Конечно, все могут отличить искусственное существо, если оно не соответствует человеческому облику — скажем, мужчину с четырьмя руками или карлика с тремя парами конечностей. Но если гениальный инженер решил сознательно следовать образу и подобию человека (в этом и состоит техническое отличие ИЧ от ИС — искусственного человека от искусственного существа), ни один человек никогда не сумеет обнаружить разницу, даже если он тоже гениальный инженер.

У меня иммунитет против рака и большинства инфекционных заболеваний. Но на мне ведь нигде это не

написано. У меня необычные рефлексy, но я не демонстрирую их, хватая на лету мух двумя пальцами. Я никогда не участвую в играх с людьми, где требуется ловкость и сноровка.

У меня необычная память, необычная ориентация во времени и пространстве, необычные лингвистические способности. Но если вы думаете, что благодаря этому мой показатель коэффициента интеллектуальности эквивалентен показателю гения, то должна вам сказать: там, где я училась, тест на КИ состоял в том, чтобы *не* показывать свои способности. И никто из людей никогда не сумеет выявить мои уникальные способности и таланты, если только... Если не произойдет что-либо экстремальное, связанное либо с моей профессией, либо с моей шкурой, либо с тем и другим одновременно.

Весь комплекс моих способностей и возможностей накладывает, конечно, отпечаток и на сексуальную жизнь, но, к счастью, большинство мужчин считают мое усиление женской чувственности результатом *своего* высочайшего качества. (Мужское тщеславие, если к нему правильно подходить, вовсе не порок, а наоборот — добродетель. При правильном подходе эта черта делает мужчину намного приятнее, от него получаешь больше удовольствия. Что безумно раздражает меня в Боссе, это полное отсутствие тщеславия. Поэтому нет никакой возможности манипулировать им, черт бы его побрал!)

Я не боялась, что меня расколют. Поскольку все лабораторные знаки были устранены с моего тела, включая и татуировку на нёбе, способа выявить, что я была создана *сознательно*, а не выскочила по прихоти биорюлетки, где миллиард сперматозоидов борется за шанс попасть в яйцеклетку... Такого способа просто не существует.

Но жена в С-браке должна вносить лепту в копошащийся клубок детей на ковре в гостиной.

Вы спросите: почему бы и нет? Я имею в виду, спросите *меня*. Причины есть. Целая куча.

Моя профессия — курьер, работающий в своего рода военизированной организации. Представьте себе, как я

справлюсь с неожиданным нападением, выставляя перед собой живот с восьмимесячным младенцем внутри.

Нас, ИЧ женского пола делают или стерильными, или с естественным предохранением от беременности. Для искусственного человека способность иметь детей — я хочу сказать, выращивать их внутри своего тела, — вовсе не кажется “нормальной”. Она кажется нам очень странной. Когда я впервые увидела беременную женщину, я была того же роста, что и сейчас, и я подумала, что она чем-то страшно больна. Когда же мне объяснили, что с ней, у меня... тошнота подкатила к горлу. И теперь, когда я думала об этом здесь, в Крайстчерче, мне тоже было не по себе. Делать это, как кошки, — с болью и кровью, — Господи, да зачем? И зачем вообще это делать? Мы заполонили весь этот глобус, не говоря уже о небесах, так зачем же делать его еще хуже?

Словом, я, скрепя сердце, решила, что откажусь от участия в браке — скажу, что не могу иметь детей. Это не совсем так, но... почти правда.

Никто не задавал мне вопросов.

Во всяком случае на эту тему. Следующие несколько дней я изо всех сил наслаждалась семейной жизнью, пока это было доступно: теплотой женской болтовни, когда мы мыли посуду после чая, шумной возней с собаками, кошками и детьми, добродушные сплетничания за работой в саду — все это обдавало меня теплыми волнами *причастности*.

Как-то утром Анита пригласила меня на прогулку по саду. Я поблагодарила ее и объяснила, что как раз сейчас мне нужно помочь Викки, но Анита настояла на своем, и через несколько минут мы с ней расположились в дальнем углу сада, неподалеку от возившихся малышей.

— Марджори, дорогая, — начала Анита (в Крайстчерче я — Марджори Болдуин, поскольку именно под таким именем я познакомилась с Дугласом в Кито), — мы обе знаем, зачем Дуглас пригласил тебя сюда. Тебе хорошо с нами?

— Ужасно хорошо!

— Как ты думаешь, тебе нравится это настолько, что ты хотела бы остаться навсегда?

— Да, но... — у меня не получилось сказать: “Да, но, к сожалению, я не могу рожать детей”. Анита оборвала меня на полуслове.

— Пожалуй, будет лучше, — сказала она, — если сначала я объясню кое-что, дорогая. Мы должны обсудить кое-какие материальные вопросы. Если предоставить это мужчинам, деньги вообще не будут упоминаться — Альберт и Бриан так же сходят по тебе с ума, как Дуглас, и я их понимаю. Но вся наша группа — это не только брак, но и своего рода семейная деловая корпорация, и кто-то должен взять на себя бухгалтерию — потому-то я являюсь председателем всего сообщества и главным менеджером. Дело в том, что эмоции никогда не застилают мне рассудок настолько, чтобы я забывала следить за делами. — Она улыбнулась и ее вязальные спицы тихонько звякнули. — Спроси у Бриана, он иногда называет меня “железной рукой”, но, между прочим, сам никогда не станет забивать себе голову такими “пустяками”... Ты можешь оставаться у нас в гостях, сколько пожелаешь. Какое имеет значение один лишний рот за таким столом, как наш? Никакого. Но если ты хочешь присоединиться к нам официально со всеми формальностями, я обязана как “железная рука” оговорить все условия контракта, потому что я не могу допустить разбазаривание нашего семейного состояния. Надеюсь, ты поймешь меня правильно... Итак, Бриану принадлежат три доли, Альберту и мне — по две. У Дугласа, Виктории и Лиз — по одной. У всех право голоса соответствует их долям. Как видишь, из десяти голосов у меня есть лишь два, но... Вот уже несколько лет я угрожаю им своей отставкой, и они тут же голосуют за неограниченное доверие моим способностям. Настанет день, когда они сбросят “тирана”, и тогда я могу со спокойной душой отойти от дел и стать “бабушкой-на-печи”. (Ну да, подумала я, и твои похороны состоятся вечером того же дня!) Однако пока дела в моих руках. Каждый из детей обладает правом на одну долю, но без права голоса, потому что доля ребенка выплачивается ему (или ей) наличными, когда тот покинет семью — в качестве приданного или как начальный капитал. Таким образом эти деньги могут просто уплыть из семьи, хотя я и надеюсь, что этого не случится. Такие потери капитала долж-

ны, разумеется, учитываться и быть тщательно спланированы — скажем, если три наши дочки выйдут замуж в течение одного года, положение может стать довольно затруднительным, если не сказать катастрофическим.

Я сказала ей, что все это звучит очень разумно и что наверняка на свете есть немного семей, где так заботились бы о будущем детей. (На самом деле я в этих делах совершенно не разбираюсь).

— Да, мы стараемся, чтобы им было как можно лучше, — согласилась она. — В конце концов, в детях весь смысл семьи. Итак, ты сама понимаешь, что взрослый человек, желающий присоединиться к нашей семье, должен выкупить свою долю — иначе весь механизм перестает работать. Браки, конечно, свершаются на небесах, но счета должны быть оплачены на земле.

— Аминь! — кивнула я, понимая, что вопрос для меня исчерпан. И решение отрицательное. Я не могла, конечно, сейчас точно подсчитать состояние этой С-семьи, но... Они были богаты — это ясно, хотя и обходились без прислуги и жили в старом доме без всякой автоматики. Как бы то ни было, я не могла выкупить свою долю.

— Дуглас сказал, что он понятия не имеет, есть у тебя деньги или нет. Я имею в виду капиталовложения.

— У меня их нет.

Она и бровью не повела.

— Когда мне было столько же лет, сколько тебе, у меня их тоже не было. Но ты ведь работаешь, правда? Не могла бы ты работать в Крайстчерче и выплачивать свою долю из жалованья? Я понимаю, найти работу в чужом городе не так-то просто, но... У меня есть кое-какие связи. Скажи, чем ты занимаешься? Ты никогда об этом не рассказывала.

И не собираюсь! Я поблагодарила ее, а потом откровенно сказала, что работа моя секретна и я не стану обсуждать ее даже в общих чертах, но... Нет, я не могу найти постоянную работу в Крайстчерче, и поэтому вряд ли есть способ присоединиться к ним, но я чудесно провела время здесь и надеюсь, что они тоже...

— Дорогая, — оборвала она меня на полуслове, — я затевала этот разговор вовсе не для того, чтобы доказать невозможность контракта. Меня не очень интересует, почему это не получится. Я хочу сделать так, чтобы это *получилось*. Бриан предложил отдать тебе одну его долю... Дуглас и Альберт тут же заявили, что возместят ему ее, хотя и не сразу, но я наложила на это вето. Это было бы плохим прецедентом — я им так прямо и сказала, не стесняясь в выражениях. Вместо этого я согласилась принять одну долю Бриана в качестве поручительства за выполнение обязательств твоего контракта.

— Ну... У меня нет никакого контракта!

— Будет. Сколько ты можешь выплачивать в месяц, продолжая работать там, где ты работаешь? Не нужно лезть из кожи вон, но постарайся выплатить долю как можно быстрее, потому что это как с годовым доходом от недвижимости: Часть идет на уплату налога, а часть покрывает оставшийся долг, и таким образом, чем больше взносы, тем лучше для тебя.

Я никогда раньше не покупала недвижимость!

— Могу ли я выплачивать золотом? — поинтересовалась я. — Можно, конечно, обменивать золото и на здешнюю валюту, но мне платят золотом.

— Золотом? — Анита неожиданно оживилась, открыла сумочку и достала приставку к своему компьютеру. — С золотом я могу предложить тебе более выгодную сделку. — Она набрала код, подождала пока на дисплее появились какие-то цифры, и кивнула. — Гораздо более выгодную. Я, конечно, не могу сбывать целые слитки, но кое-что мы можем устроить.

— Я же говорю, я сама могу перевести их деньги. Можно даже в новозеландскую валюту и прямо сюда, на автоматический банковский депозит, даже если я в этот момент буду не на Земле. Куда лучше? В Крайстчерческую контору Банка Новой Зеландии?

— М-мм, нет. Пожалуй, в Банк Кентерберри. Я состою там в совете директоров. Не возражаешь?

— Конечно нет. Чем ближе к семье, тем лучше.

На следующий день мы подписали контракт, и в конце недели я вышла за них замуж — все чин по чину — в

боковой часовенке кафедрального собора, и... Я была вся в белом (мать честная!)...

Еще через неделю я вернулась на работу — и с грустью и с радостью одновременно. Следующие семнадцать лет я буду выплачивать 858 новозеландских долларов и 13 центов ежемесячно. Впрочем, могу выплатить всю сумму быстрее, если смогу и захочу. За что? Я не смогу жить дома, пока не выплачу все, потому что для ежемесячных взносов должна продолжать работать. Так за что же тогда? Не за секс, это точно. Как я говорила капитану Тормею, секс можно найти где угодно — глупо платить за это. Наверно, за честь окунать руки в воду для мытья посуды, так я думаю. За возможность кататься по полу с детьми и щенками так, чтобы тряслись стены. За теплое чувство, что, куда бы меня не занесло, на этой планете есть место, где я смогу все это делать по праву, потому что я часть этого.

Неплохая сделка, на мой взгляд.

Как только шатл взлетел, я звякнула своим, навалилась на Вики и, выждав, пока она перестанет ахать, сказала ей номер моего рейса. Я собиралась позвонить из Окленда, но в оклендском аэропорту все время разница — хоть шатл и летит быстрее звука, он делает две посадки — в Веллингтоне и в Нельсоне, так что кто-то меня встретит. Во всяком случае я надеялась на это.

Встречали меня все. Вернее, почти все. У нас есть лицензия на владение гравилетом, поскольку мы разводим овец и коров и не можем обойтись без грузового транспорта, однако нам не разрешено пользоваться им в пределах города. Тем не менее Бриан как-то ухитрился обойти это правило и на боковых сиденьях этого фермерского летающего вагончика расселась почти вся моя семья.

Прошел без малого год с моего последнего визита — почти вдвое больше предыдущего. Нехорошо. За такое время дети могут подрасти и уйти из дому. Я перебрала в памяти все имена, стараясь никого не пропустить, и убедилась, что все на месте, кроме Эллен, которую уже трудно было назвать ребенком — ей было одиннадцать,

когда я выходила за них замуж, а теперь она уже молодая дама студенческих лет. Анита и Лиз остались дома — готовить пир по случаю моего приезда, и... Опять меня ожидали мягкие упреки за то, что я не предупредила их заранее, и опять мне придется терпеливо объяснять, что при моей работе мне лучше, как только вырвутся свободные деньки, хватать первый же ПБ, а не давать предупредительные звонки... В самом деле, мне что, нужно заранее договариваться о приезде к себе домой?

Вскоре я уже каталась по полу с детьми. Мистер Смотри-под-ноги — когда я впервые познакомилась с ним, был молодым тощим котярой — ждал возможности приветствовать меня с достоинством, подобающим его статусу главного кота. Он внимательно оглядел меня, подошел, потерся о мой локоть и замурлыкал. Я была дома.

Через некоторое время я спросила:

— А где Эллен? Все еще в Оклэнде? Мне казалось, в университете уже каникулы. — Спрашивая, я смотрела на Аниту, но она, казалось, меня не слышала. Интересно, у нее что-нибудь со слухом? Вряд ли.

— Марджи... — раздался голос Бриан, и я оглянулась он смотрел на меня без всякого выражения и больше не произнес ни слова, а лишь отрицательно покачал головой.

Эллен — запретная тема? В чем дело, Бриан? Я решила отложить разговор, пока не смогу поговорить с ним отдельно. Анита всегда подчеркивала, что любит всех детей одинаково, независимо от того, ее это дети или нет. Ну да, конечно! За исключением того, что ее особое отношение к Эллен становилось ясным любому, кто приближался к ней на расстояние выстрела.

Поздно вечером, когда дом приутих и мы с Берти собирались ложиться в постель (следуя результату своего рода лотереи, где проигравший по придуманным нашим шутниками-мужьями правилам был обязан спать со мной первым), Бриан постучался и зашел в нашу комнату.

— Все нормально, — сказал Берти, — ты свободен. Я проиграл и готов расплатиться.

— Постой, Берт. Ты говорил с Марджи насчет Эллен?

— Нет еще.

— Тогда давай объясним ей... Эллен вышла замуж без благословения Аниты, и... Анита в ярости. Поэтому при Аните лучше не говорить об Эллен, заметано? Ну, а теперь я побегу, пока она меня нехватила.

— А что, тебе запрещено зайти и сказать мне спокойной ночи? Или поцеловать меня? Или задержаться для этой цели здесь подольше? Ты ведь и *мой* муж тоже. Или нет?

— Да, дорогая, разумеется, но Анита сейчас очень ранима и не стоит ее огорчать и задевать лишний раз.

Бриан чмокнул нас обоих, сказал нам "спокойной ночи" и ушел.

— Что все это значит, Берти? — спросила я. — Почему Эллен не может выйти замуж за того, за кого хочет? Она достаточно взрослая, чтобы самой решить этот вопрос.

— Ну... Да, но... Эллен сделала не очень хороший выбор. Она вышла замуж за тонгана и собирается жить на этом острове... Как он там...

— А Анита считает, что они должны жить здесь, в Крайстчерче?

— Что-что? А-а, нет... Конечно, нет! Она вообще против этого брака.

— Почему? Этот парень... У него что-нибудь не так?

— Марджори, ты не расслышала меня? Он *тонган*.

— Да-да, я не глухая. И живет он на острове... Для Эллен там будет очень жарко — для любого, кто вырос в нормальном климате, там слишком жарко, — но это уже ее трудности. И я так и не поняла, почему Анита расстроилась. Наверняка есть еще что-то, чего я не знаю.

— Да все ты знаешь! А может быть, и нет... Тонганы не такие, как мы, они не белые. Они дикари...

— Ничего подобного! — Я привстала на кровати, обрвав то, что по-настоящему еще не началось. Секс и диспуты плохо совместимы. Для меня во всяком случае. — Они самые цивилизованные люди из всех полинезийцев. Иначе

зачем было бы ранним исследователям называть эту группу островов Дружескими островами. Ты когда-нибудь был там, Берти?

— Нет, но...

— Я была. Если бы не жара, это был бы просто райский уголок. И не спорь, пока сам не увидишь. Этот парень... Чем он занимается? Если он просто сидит и вырезает безделушки из красного дерева для туристов, я могу понять Аниту. Это так?

— Нет. Но я сомневаюсь, что он сможет содержать жену. Эллен ведь не может еще работать, она не получила степени... Он — морской биолог.

— Понятно. Он не богат, а Анита... уважает деньги. Но он ведь и не будет нищим — он сможет стать профессором в Окленде или Сиднее. Кроме того, биолог может здорово разбогатеть в наши дни. Он может создать какое-нибудь новое растение или животное и стать весьма состоятельным.

— Дорогая, ты так и не поняла.

— Да, не поняла. Так объясни мне.

— Ну... Эллен должна была выйти замуж за кого-нибудь из... ее сорта.

— Что ты хочешь этим сказать, Альберт? За того, кто живет в Крайстчерче?

— М-мм... Это не повредило бы.

— За богатого?

— Не обязательно. Хотя большинство удачных браков — те, которые с финансовой стороны не слишком однобоки. Когда полинезийский парень женится на белой наследнице приличного состояния, у него ведь вполне может быть... свой резон.

— А-аа, вот оно что! Стало быть, он без гроша в кармане, а она только что получила причитающуюся ей долю... Да?

— Нет... Не совсем... А, черт, ну почему она не могла выйти за белого? Не для того же мы ее вырастили...

— Берти, что за чушь? Ты говоришь прямо-таки, как датчанин о шведе. Я думала, в Новой Зеландии давно покончили с этим. Помню, Бриан объяснил мне, что майори и в политическом и в социальном отношении ничуть

не уступают англичанам и достойны ничуть не меньше уважения.

— Никто с этим не спорит. Но тут... другое дело.

— Наверно, я отупела, — сказала я (а может, это Берти отупел? Майори — полинезийцы, тонганы — тоже, так какого же...) И оставила эту тему. Я проделала весь путь из Виннипэга не для того, чтобы осуждать достоинства своего зятя, которого я и в глаза не видела. “Зятя... Как странно. Меня всегда умиляло, когда кто-нибудь из детишек называл меня не Марджи”, а “мама”, но... я никогда не представляла себе, что у меня может быть зять.

Однако по закону он был моим зятем... А я даже не знаю, как его зовут!

Я постаралась утихомириться, ни о чем не думать и дать возможность Берти доказать, что мне тут рады, — он в этом смысле очень не плох. Прошло немного времени, и я уже всю доказывала ему, как я рада, что я наконец дома, и... неприятная прелюдия была позабыта.

ГЛАВА VII

На следующее утро, еще лежа в постели, я решила не начинать самой разговора об Эллен и ее муже, пока кто-нибудь другой не заговорит об этом. В конце концов, я не могу судить ни о чем, пока не узнаю всех подробностей. Я не собиралась оставлять эту тему... Эллен ведь и моя дочь тоже. Но торопиться не стоило. Пусть Анита успокоится.

Однако никто об этом не заговаривал. Ленивые золотые денечки следовали один за другим, и я не стану их описывать, потому что вряд ли вас заинтересуют дни рождения и семейные пикники — все это очень дорого мне, но у постороннего вызовет лишь скуку.

Мы с Викки отправились с ночевкой в Оклэнд — за покупками. Когда мы остановились в “Тэсманском дворце”, Викки сказала:

— Мардж, ты можешь кое-что сделать для меня? И никому — ни слова?

— Конечно, — кивнула я. — Надеюсь, что-нибудь пикантное? Дружок? Или сразу два?

— Если бы у меня объявился хоть один, я бы тут же поделилась им с тобой. Нет, это — поделикатнее. Я хочу поговорить с Эллен, но мне не хочется ссориться из-за этого с Анитой. Здесь у меня впервые появился шанс все устроить. Ты можешь забыть потом об этом? О том, что говорила с ней?

— Не совсем, потому что я сама собираюсь с ней поговорить. Но я не стану ничего рассказывать Аните, если ты этого не хочешь... Вик, в чем дело? Я знаю, что Анита расстроена из-за брака Эллен, но... Что ж она ждет, что и все остальные не станут даже *разговаривать* с Эллен? С нашей дочерью?

— Боюсь, что сейчас это — *ее* дочь. Анита... Она сейчас не очень способна здраво рассуждать, понимаешь?

— Похоже на то. Ну, я лично не позволю Аните отлучать меня от Эллен. Я бы позвонила ей раньше, но я не знаю ее номера.

— Сейчас я тебе покажу. Я ей сейчас позвоню, а ты запишешь. Следи внима...

— Стой! — Я схватила ее за руку. — Не трогай терминал, ты ведь не хочешь, чтобы Анита узнала об этом.

— Ну да. Потому я и звоню отсюда.

— И звонок будет включен в наш счет за номер в отеле, и ты заплатишь за счет своей семейной карточкой, и... Разве Анита уже не проверяет каждый счет в доме?

— Проверяет, конечно,... Ох, Мардж, я такая тупица!

— Нет, ты просто не умешь врать. Анита не станет возражать и сетовать на дороговизну, но она обязательно заметит по коду, что это был международный звонок. Мы можем зайти в местное отделение связи и позвонить оттуда — за наличные. Или проще, мы заплатим *моей* карточкой, и счет вообще не попадет к Аните.

— Ну, конечно! Мардж, из тебя получился бы первоклассный шпион!

— Вряд ли, это слишком опасная профессия. Но у меня есть навыки, когда-то мне приходилось водить за нос мою мать... Давай не будем терять времени и сходим прямо сейчас на почту. Слушай, Вик, что там с этим мужем Эллен? Он с двумя головами или?..

— А? Нет, он — тонган. Ты не знала?

— Да знаю я! Но тонганы не заразные, и в конце концов, это — дело Эллен. Ее трудности, если даже таковые и имеются. Хотя я лично никаких особых трудностей не вижу.

— Ну... Анита очень переживает. Конечно, раз уж дело сделано, ничего не остается, кроме как выдавливать дежурные улыбки, но... Смешанные браки всегда кончаются неудачей, особенно если девушка выходит замуж за парня низшего сорта, как это сделала Эллен.

— “Низшего сорта”! Все, что мне о нем известно, это — что он тонган. Тонганы — рослые, красивые, гостеприимные и примерно такие же смуглые, как я. По виду они ничем не отличаются от майори. Что бы случилось, если бы этот молодой человек был майори? Из хорошей семьи... Богатый землевладелец и так далее... А?

— Честно говоря, Мардж, я не думаю, чтобы Аните это понравилось. Но она пошла бы на бракосочетание и дала бы свое благословение. У смешанных браков с майори есть много прецедентов, так что их... Ну, это нужно принимать, как норму, но никто не обязан кричать “ура”. Смешение рас в любом случае не очень хорошее дело.

(Викки! Вик... А ты знаешь какое-нибудь лучшее “дело”, которым можно вытащить мир из той задницы, в которой он торчит?)

— Вот так? Викки, скажи, этот вечный загар на мне... Ты знаешь, где я его подхватила?

— Конечно, ты говорила нам. Американские индейцы... Чероки — так ты, по-моему, называла... Мардж! Я тебя обидела? О, Господи! Это ведь совсем другое! Все знают, что американские индейцы... Они, ну... Совсем как белые! Ничем не отличаются...

(Да-да, конечно! И: “Многие из моих лучших друзей — евреи”. Но я — не чероки, насколько мне известно. Родная, маленькая Викки, интересно, что бы ты сказала, узнай, что я — ИЧ? Мне следовало бы сказать тебе, но... Это будет слишком большой удар).

— Ты не обидела меня, потому что я понимаю причину. Ты просто ничего не знаешь. Ты нигде не была и наверняка всосала расизм с материнским молоком.

Викки залилась краской и воскликнула:

— Это нечестно! Мардж, когда обсуждалось твое вступление в семью, я была на твоей стороне! Я голосовала за тебя!

— Мне казалось, что все были “за”, в противном случае... я никогда бы не вышла за вас замуж. Должна ли я понимать это так, что моя кровь чероки была минусом в этой дискуссии?

— Ну... Это упоминалось.

— Кем? И в каком смысле?

— Это ... Мардж, это было закрытое голосование, иначе нельзя... И я не имею права говорить об этом.

— Что ж, я понимаю тебя. А собрание по поводу Эллен тоже было закрытым? Если даже так, то ты можешь смело говорить о нем со мной, поскольку я имела полное право присутствовать там и голосовать.

— Никакого собрания не было, Анита сказала, что это вообще не нужно. Она сказала, что не собирается кормить и содержать охотников за приданым. И с тех пор, как она запретила Эллен приводить Тома в дом и знакомить с семьей, никто не мог ничего поделаться.

— И никто из вас не заступился за Эллен? Викки, и ты не заступилась?

— Ну... — Викки опять покраснела, — это просто взбесило бы Аниту.

— Сейчас это, кажется, начинает бесить меня. По нашему семейному уставу Эллен — моя дочь и твоя тоже ни чуть не в меньшей степени, чем дочь Аниты. И Анита не права, запрещая ей приводить мужа домой, даже не посоветовавшись с остальными.

— Мардж, все было не совсем так. Эллен хотела привести Тома... Ну, она хотела превратить это в решающий визит. Ты же знаешь, что это такое.

— А да, конечно. Я ведь сама была под этим микроскопом.

— Анита старалась удержать Эллен от неудачного брака, не посвящая нас во все это. первое, что мы все узнали, это что Эллен уже замужем. Стало быть, как только Эллен услышала "нет" от Аниты, она отправилась прямехонько в церковь.

— А, черт! Кажется, я начинаю понимать. Эллен взяла Аниту за горло, выйдя замуж так неожиданно... Это ведь значило, что Анита должна выплатить ей одну долю из семейного бюджета наличными без всяких вычетов. Это могло быть и впрямь трудновато. Деньги немалые. У меня самой уходят годы на выплату моей доли.

— Да нет же, дело не в этом. Просто Анита разозлилась, оттого что ее дочь — ее любимая дочь, это не для кого не секрет, — вышла замуж за человека, который ее не стоит. Аните не нужно было платить столько денег, это вовсе не обязательно. Ведь по контракту нет юридического обязательства выплачивать долю, и... Анита подчеркнула, что нет и морального обязательства отрывать часть от общего семейного капитала ради какого-то искателя приключений.

Я почувствовала, как к горлу у меня подступает холодная ярость.

— Вики, — осторожно начала я, — я с трудом верю своим ушам. Что же вы все за бесхребетные червяки? Как же вы могли позволить, чтобы с Эллен обращались подобным образом? — Я на секунду замолчала и сделала глубокий вдох и выдох, чтобы справиться со злобой. — Я вас просто не понимаю. Вас всех. Но я постараюсь подать вам хороший пример. Как только мы вернемся домой, я сделаю две вещи: первое — когда все будут в гостинной, я подойду к терминалу, позвоню Эллен и приглашу ее с мужем в гости... Попрошу их приехать в ближайший уик-энд, потому что мне надо возвращаться на работу и я не хочу упустить случай познакомиться с моим новым зятем.

— Анита разорвет тебя на части.

— Посмотрим. Второе, что я сделаю, — созову семейный совет и потребую, чтобы Эллен выплатили ее долю в кратчайший срок — так быстро, насколько это позволяет состояние наших финансов и кредита. Полагаю, — добавила я, — Анита снова будет в ярости.

— Наверно. И напрасно, потому что голосование будет не в твою пользу. Мардж, зачем тебе все это? Ведь и так дела обстоят неважно.

— Может быть. Но вполне возможно, что некоторые из вас давно уже ждут, когда же появится тот, кто возглавит восстание против Аниты. По крайней мере я увижу, как разделятся голоса. Вик, по контракту, что я подписала, я должна уплатить семье более семидесяти тысяч новозеландских долларов. И мне было сказано, что делается это для того, чтобы каждый из наших многочисленных детей, покидая общий дом, мог получить полностью свою долю. Я не спорила. Я подписала контракт, и, если этот контракт в силе, все, что говорит Анита, не имеет никакого значения. Если мы не в состоянии выплатить Эллен ее долю сразу, я буду настаивать, чтобы все мои месячные взносы поступали на счет Эллен до тех пор, пока Анита не проглотит неизбежность потери одной доли и не выплатит Эллен всю сумму. Ты считаешь это несправедливым?

— Мардж, я не знаю, — сказала она, помолчав. — У меня не было времени подумать.

— Так найди время. Потому что самое позднее в среду тебе придется сказать или “да” или “нет”. Я не позволю, чтобы с Эллен и дальше так обращались. — Я ухмыльнулась и добавила: — Расслабься! Улыбнись, и давай сходим на почту — поболтаем с Эллен и покажем ей другую сторону медали.

Но мы так и не пошли на почту и не позвонили Эллен, вместо этого мы отправились обедать и за обедом продолжали спор. Я не помню точно, каким образом в разговоре появилась тема искусственных людей. Думаю, это произошло, когда Викки в очередной раз принялась “доказывать”, насколько она свободна от всяких расовых предрассудков, демонстрируя эти самые предрассудки

всякий раз, как только открывала рот. Майори были у нее, конечно, дэнди, равно как и американские индейцы и, разумеется, хинди, а также, безусловно, китайцы, которые подарили человечеству несколько гениев... Словом, все это, конечно, так и все это знают, но где-то же надо "привести черту"...

Мы уже ложились спать, и я старалась не отвечать ей и тем самым прекратить эту пустую болтовню, когда что-то буквально ударило меня. Я села на постели и спросила:

— А как *ты* узнаешь?

— Как я узнаю *что*?

— Ты сказала: "Конечно, никто не женится на искусственном существе". Как ты узнаешь, что человек искусственный? На них ведь далеко не на всех есть серийные номера.

— А?.. Ох, Марджи, не будь дурочкой! Искусственно созданное существо невозможно принять за живого человека. Если бы ты видела хоть одного...

— Я видела. И не одного, а многих!

— Тогда ты сама знаешь.

— *Что* я знаю?

— Тогда ты прекрасно отличишь такого монстра от человека, лишь только глянешь на него.

— *Как?* Где находятся те шрамы или родимые пятна, или что там еще, по которым можно отличить искусственного человека от любого другого? Назови хоть один признак.

— Марджи, с тобой сегодня очень трудно! Ты словно задалась целью дразнить меня... Это на тебя совсем не похоже, милая. Ты превращаешь наши каникулы во что-то очень неприятное.

— Не я, Вик. *Ты* это делаешь. Болтая отвратительные, наиглупейшие вещи о том, в чем ты ни черта не смыслишь. — И эта моя фраза с блеском доказывает, что как ни старайся гениальный конструктор, а настоящего суперчеловека ему не создать, потому что моя реплика хоть была и честной и справедливой, но совершенно не годилась для споров с родными — слишком резко.

— О... Как ты могла!.. Это неправда!..

То, что я сделала вслед за этим, вовсе не содействие моей лояльности по отношению к другим искусственным людям по той простой причине, что ИЧ не испытывает никакой приверженности к своей категории — для этого просто нет никаких предпосылок. Я слышала, что француз может умереть, защищая честь “родной Франции”, но... Вы можете представить себе, чтобы кто-то сражался и умирал за честь “Гомункул инкорпорэйтед, секция Нью-Джерси”? Я думаю, что сделала это ради себя самой — это было одно из тех критических решений в моей жизни, которые я никогда не могла потом проанализировать, не могла понять причины, побудившей меня поступить так, а не иначе. Босс говорит, что весь процесс обдумывания важнейших поступков и решений происходит у меня на каком-то подсознательном уровне. Может быть, он прав.

Я встала с постели, скинула ночную рубашку и встала прямо перед ней.

— А ну-ка посмотри на меня, — требовательно сказала я. — Кто я? Искусственная? Или нет? И в любом случае, как ты это определила?

— Ох, Марджи, кончай выставлять себя напоказ. Всем известно, что у тебя самая лучшая фигура в нашей семье, и тебе совершенно незачем это доказывать.

— Отвечай! Скажи, кто я и как ты это определила. Можешь не отвечать сейчас — в любой лаборатории сделай любой анализ, любой тест, но... Потом скажи, кто я, и покажи тот знак, который докажет то, что ты скажешь.

— Ты противная девка, вот ты кто.

— Возможно. Даже вероятно. Но какого сорта? Натуральная? Или искусственная?

— Ох, чтоб тебя!.. Натуральная, конечно.

— Ты ошибаешься. Я искусственная.

— Да прекрати ты дурочку из себя строить! Надень рубашку и ложись спать.

Вместо этого я накормила ее досыта правдой: сказала, в какой лаборатории была создана, назвала день и месяц, когда была извлечена из искусственной матки — мой “день рождения”, правда мы, искусственные, “вынашиваемся” дольше, чтобы был ускорен затем процесс созре-

вания, — заставила ее выслушать подробное описание жизни в лабораторных яслях. Вернее, в яслях при той лаборатории, где была сделана я, — в других кое-что может быть и по-другому. Я кратко рассказала ей о жизни после яслей — почти все здесь было ложью, потому что я не могла выдавать секреты Босса, — повторила в основном то, что давным-давно еще рассказывала всей семье, сказала, что работала и работаю секретным коммерческим агентом. Упомянуть Босса не следовало, поскольку несколько лет назад Анита решила, что я агент международной фирмы — что-то вроде дипломата, постоянно путешествующего с секретными миссиями... Напрашивающийся вывод, который я с удовольствием подтверждала тем, что никогда не опровергала его.

— Марджи, — сказала Викки, — зачем ты это делаешь? Ведь всей этой ложью ты можешь погубить свою бессмертную душу!

— У меня нет души! Я ведь именно об этом тебе и твержу.

— Ну, прекрати! Пожалуйста... Ты родилась в Сизтле. Твой отец был инженер по электронике, твоя мать была педиатром. Ты потеряла обоих родителей при землетрясении — ты же рассказывала нам о них... Показывала фотографии.

— "Мать моя пробирка и скальпель мой отец"! Викки, на свете миллион или больше искусственных людей, чьи "свидетельства о рождении" были "уничтожены" при разрушении Сизтла. Их невозможно сосчитать, потому что невозможно уличить их во лжи. После того, что случилось в этот месяц, появится еще множество людей моего сорта, которые "родились" в Акапулько. Мы вынуждены искать такие зацепки, чтобы нас не преследовали невежественные и предубежденные люди.

— Ты хочешь сказать, что "невежественная" и "предубежденная"?

— Я хочу сказать, что ты прелестная девочка, которой взрослые заморочили голову. Тебе наплели много срунды, и я хочу это исправить. Но если эти "башмаки" тебе подходят, можешь в них оставаться.

И я заткнулась. Викки не поцеловала меня на ночь. Мы обе долго не могли заснуть.

Весь следующий день мы делали вид, что разговора просто не было. Викки не упоминала об Эллен, я не упоминала об искусственных людях. Но все это испортило нам настроение, у обеих остался неприятный осадок. Мы купили все, за чем приезжали и вечерним шатлом отправились домой. Я не сделала того, чем грозилась, — не стала звонить Эллен, когда мы вернулись. Я не забыла о ней, я просто надеялась, что, быть может, ситуация разрешится сама собой. Трусость, наверно.

В начале следующей недели Бриан позвал меня с собой, когда поехали проверять участок земли для какого-то клиента. Это была долгая и приятная поездка верхом с остановкой и ленчем в сельской гостинице — фрикас-со, зараженные, как свиные отбивные, но явно из говядины, и море сидра. Ели мы снаружи, прямо под деревьями.

— После сладкого — вишневый пирог, жуткая вкуснятина, — Бриан сказал:

— Марджи, Виктория рассказала мне очень странную историю.

— Вот как? Что же за история.

— Дорогая, пожалуйста поверь, я никогда бы не заговорил об этом, если бы Викки не была так расстроена. — Он замолчал и посмотрел на меня.

Я выдержала паузу и спросила:

— Чем она расстроена, Бриан?

— Она клянется, будто ты сказала ей, что ты искусственное существо, выдающее себя за человека. Прости, но это ее слова.

— Да, я сказала ей это. Правда другими словами. — Больше я не стала ничего объяснять. Бриан долго молчал, а потом очень мягко обратился ко мне:

— Могу я спросить, зачем?

— Послушай, Бриан, Викки наболтала очень много ерунды про тонганов, и я постаралась объяснить ей, что это все глупость неправда, что она этим оскорбляет Эллен. Я очень расстроена из-за Эллен. В тот день, когда я присхала, ты дал мне знак заткнуться, и я заткнулась... И не высовывалась. Но я не могу больше сидеть и молчать. Бриан, что нам делать с Эллен? Она же твоя дочь.

И моя... Не можем же мы сидеть и смотреть, как с ней обращаются! Что нам делать?

— Я не совсем согласен с тем, что нужно что-то делать... Марджи, пожалуйста, не уходи от темы. Викки действительно очень расстроена, и я стараюсь это как-то исправить — выяснить, где вы не поняли друг друга.

— Я не уйду от темы. Наша тема — это несправедливость, которая совершается по отношению к Эллен, и я этого не оставляю. Есть что-нибудь явно неподходящее в ее муже, кроме этого дурацкого предубеждения? Ну, из-за того что он — тонган?..

— Насколько я знаю, нет. Хотя, на мой взгляд, со стороны Эллен было неразумно выходить замуж за человека, который даже не был представлен семье. Я вижу в этом поступке элементарное неуважение к людям, которые любили ее и заботились о ней на протяжении всей ее жизни.

— Одну минуту, Бриан. По словам Викки, Эллен попросила разрешения привести его домой с формальным визитом — как когда-то была приглашена я сама, — но Анита запретила ей. После чего Эллен и вышла за него замуж. Это правда?

— Ну... да. Но Эллен была упряма и поступила недуманно. Я считаю, что ей не следовало так поступать, не поговорив с остальными родителями. Этот ее поступок сильно задел меня.

— А она пыталась поговорить с вами? И ты сам пробовал поговорить с ней?

— Марджори, к тому времени, когда я узнал обо всем, это было уже плюсквамперфектум.

— Понимаю... Бриан, с тех пор, как я приехала домой, я все жду, что мне кто-нибудь объяснит, что же произошло. По словам Викки, все это даже не выносилось на семейное обсуждение. Анита запретила Эллен приводить в дом своего любимого. Все остальные родители Эллен или не были в курсе, или просто не стали мешать этой, м-мм, жестокости. После чего девушка вышла замуж... Да-да, жестокость! А потом Анита к жестокости присовокупила еще и жуткую несправедливость: она отказала Эллен в ее семейной доле. Это правда?

— Марджори, тебя здесь не было. Мы все — остальные родители, — старались вести себя как можно более обдуманно в сложной ситуации. И я не думаю, что с твоей стороны правильно — являться после всего случившегося и осуждать всех и вся. Честное слово, я так не думаю.

— Родной, я не хотела тебя обидеть. Я лишь хочу сказать, что вас было шестеро... *Шестеро!* И вы *ничего* не смогли сделать. Анита в одиночку совершила поступки, которые я считаю жестокими и несправедливыми, а все остальные... Стояли в стороне и молча наблюдали это. Никаких семейных решений не было, были решения Аниты. Если это правда, Бриан, — а если нет, поправь меня, — тогда я считаю себя вправе потребовать полного собрания всех мужей и жен, чтобы загладить жестокость — пригласить в дом Эллен с мужем, и исправить несправедливость — выплатить Эллен ее долю полностью или хотя бы, если этот долг нельзя погасить сразу, признать его. Что ты на это скажешь?

Бриан побарабанил пальцами по столу.

— Марджори, — вздохнув, сказал он, — это очень упрощенный взгляд на очень сложную ситуацию. Ты сомневаешься в том, что я люблю Эллен и не меньше тебя забочусь о ее состоянии?

— Нет, конечно, дорогой.

— Благодарю. Я согласен с тобой, Анита не должна была отказывать Эллен в праве привести своего молодого человека в дом. В самом деле — если бы Эллен взглянула на него на фоне своего домашнего окружения, на фоне наших традиций и теплоты наших отношений, возможно, она сама пришла бы к заключению, что он ей не подходит. Анита сама толкнула Эллен на этот глупый брак — я так ей сказал. Но скоропалительно приглашая их сейчас в гости, мы... Словом, этим дела не поправишь. И ты это сама понимаешь. Давай согласимся на том, что Анита должна оказать им теплый и радушный прием, но... Ведь всем понятно, что она этого не сделает, даже если они приставят ей нож к горлу! — Он улыбнулся, и я вынуждена была улыбнуться в ответ.

Анита может быть очаровательной, но... Точно так же может быть и холодной, и грубой, если это ей нужно.

— Вместо этого, — продолжал Бриан, — я найду предлог поехать в Тонго через пару недель и это даст мне возможность как следует выяснить обстановку без бдительного ока Аниты...

— Правильно! Возьми меня с собой... Ну, пожалуйста!

— Это разозлит Аниту.

— Бриан! Анита достаточно разозлила меня. И из-за того, что она будет злиться, я не собираюсь лишаться удовольствия повидаться с Эллен.

— М-мм... А ты можешь отказаться от удовольствия совершить нечто такое, что может повредить нашему общему благополучию?

— Если ты так ставишь вопрос, то — да. Но я могу потребовать объяснений.

— Можешь. И, конечно же, получишь их. Но давай сначала разберемся со вторым пунктом твоих обвинений. Разумеется, Эллен получит все, что ей причитается, до последнего пенни. Но ты должна согласиться, что нет никакой нужды торопиться с этим. Скоропалительные браки, как правило, длятся недолго. И, хотя у меня сейчас нет никаких доказательств, может ведь оказаться, что Эллен попалась на крючок заурядного охотника за приданым. Давай подождем немного и посмотрим, как скоро захочет этот парень наложить лапу на ее деньги. Разве это не разумно?

Я вынуждена была признать его правоту.

— Марджори, — сказал он, — родная моя, ты особенно дорога мне и всем нам, потому что мы так редко тебя видим. И каждый твой приезд домой — новый медовый месяц для нас всех. Но из-за того, что ты так редко бываешь дома, ты не совсем понимаешь, почему мы все так стараемся не раздражать Аниту.

— Ну... Да, я действительно не понимаю. Не понимаю, почему это происходит только с вашей стороны, ведь обе стороны должны идти навстречу друг другу.

— Имея дело с законом и с живыми людьми, мне очень часто приходилось наткаться на разницу между тем, что должно быть и тем, что есть. Я жил с Анитой дольше, чем вы все, и я научился справляться с ее, м-мм... небольшими слабостями. Может быть, ты этого до конца не осознаешь,

о именно она — тот цемент, который держит нас всех вместе.

— Почему, Бриан?

— Да ведь ее роль в семье очевидна. Как управляющая всеми семейными делами и финансами, она просто незаменима. Возможно, кто-нибудь из остальных тоже мог бы этим заниматься, но ты же знаешь, то никто *не хочет* брать это на себя, и у меня есть основания считать, что никто не обладает ее способностью и компетентностью. У нее есть огромный авторитет не только в денежных делах — идет ли речь предотвращении ссоры между детьми или о тысячах ругих мелочей, неизбежных в такой большой семье, Анита всегда в состоянии взять на себя ответственность и все уладить. У С-семьи — такой, как наша, — обязательно должен быть ответственный и сильный лидер.

— Ответственный и сильный тиран... — пробормотала сквозь зубы.

— И потому, девочка моя, подожди ты немного, дай старику Бриану время, чтобы все уладить. Ты ведь веришь, что я люблю Эллен не меньше, чем ты?

— Конечно, родной. — Я погладила его руку и мысленно добавила: только не тяни слишком долго!

— Значит, когда мы вернемся домой, ты разыщешь Ликки и скажешь ей, что ты пошутила и что ты не хотела ее огорчать? Пожалуйста, я прошу тебя.

Черт! Я была так поглощена проблемой Эллен, что совсем забыла с чего начался разговор.

— Погоди минутку, Бриан! Я повременю и не стану раздражать Аниту, раз ты говоришь, что это необходимо. Но я не собираюсь потакать расовым предрассудкам Ликки.

— Тебе и не нужно этого делать. В нашей семье не все смотрят на эти вещи одинаково. Я и Лиз согласны с тобой, Ликки же колеблется.. Она хочет найти любое оправдание, о чем уцепиться за любой предлог, чтобы Эллен могла вернуться домой. И теперь, после того, как я поговорил с ней, она готова признать, что тонганы ничем не отличаются от майори и что главное — каков человек сам по

себе. Но ее очень расстроило твое странное заявление насчет... тебя самой.

— Но, Бриан, ты ведь сам говорил мне как-то, что почти получил степень биолога перед тем, как окончательно решил стать юристом.

— Ну... Да, хотя “почти” — пожалуй, слишком сильно сказано.

— Тогда ты должен знать, что искусственный человек биологически идентичен естественно рожденному и отличить их невозможно. Ведь отсутствие души снаружи незаметно. И изнутри тоже.

— М-мм? Дорогая, я ведь обычный прихожанин, а в вопросах души пусть разбираются теологи. Однако на самом деле искусственное существо легко обнаружить.

— Я не сказала “искусственное существо”. Под это определение подходит даже говорящая собака — такая, как Лорд Нельсон. Но искусственный человек ничем не отличается от обычного. Так как же ты его обнаружишь? Викки говорила чушь, когда утверждала, будто может отличить. Возьми, скажем, меня. Бриан, ты ведь знаешь меня со *всех* сторон... И я очень рада этому обстоятельству. Так кто я? Искусственный человек или обычный?

Бриан ухмыльнулся и облизал губы.

— Марджори, родная, я готов присягнуть в любом суде, что девять десятых твоего тела — человеческие на сто процентов... За исключением тех мест, которые ангелоподобны. Назвать их?

— Я знаю твои вкусы, родной, так что в этом нет необходимости. Спасибо, но... Пожалуйста, будь серьезным. Предположим, ну, чисто умозрительно, что я — искусственная. ИЧ. Каким образом мужчина, побывавший со мной в постели — как ты прошлой ночью и во множество других ночей, — обнаружит, что я ИЧ?

— Марджи, прекрати. Это уже не смешно.

Иногда обычные люди выводят меня из себя, и ровным голосом я сказала:

— Я — искусственная.

— Марджори!

— Не веришь мне на слово? Тебе нужны доказательства?

— Прекрати эти дурацкие шутки! Немедленно! Или когда мы вернемся домой, я тебя просто выпорю! Марджори, я никогда пальцем тебя не тронул... И ни одну из своих жен, но, ей Богу, ты заслуживаешь трепки!

— Да? Видишь этот последний кусочек торта на твоей тарелке? Я сейчас возьму его. Накрой ладонями тарелку, чтобы помешать мне.

— Не будь дурочкой.

— Попробуй, накрой. Ты не сумеешь сделать это так быстро, чтобы остановить меня.

Мы взглянули друг другу прямо в глаза, и вдруг он начал сдвигать ладони. Чисто автоматически я вошла в разнос, взяла вилку, подцепила кусок торта, пронесла его между сдвигающимися ладонями Бриана и вышла из разноса прямо перед тем, как положила кусочек торта себе в рот.

(Пластиковые ложки в яслях нужны были не для моего унижения, а для моей *безопасности*. Когда я впервые взяла в руку вилку, я проколола себе губу насквозь, потому что не умела еще замедлять свои движения до уровня обычного человека).

Я не знаю слова, которое могло бы достоверно передать выражение лица Бриана.

— Достаточно? — спросила я. — Наверно, нет. Что ж, дорогой, давай тогда поздороваемся за руку. Пожмем друг другу руки и посмотрим, кто кого. — Я протянула ему правую руку.

Он колебался, потом протянул свою. Я позволила ему ухватиться как следует, а потом медленно и осторожно начала сжимать ладонь.

— Не сделай себе больно, милый, — предупредила я его. — Скажи, когда хватит.

Бриан не неженка и умеет переносить боль. Я уже готова была разжать руку, чтобы не сломать ему кости, когда неожиданно он выдавил:

— *Хватит!*

Я тут же разжала свою руку и принялась массировать его кисть.

— Мне было ужасно неприятно делать тебе больно, родной, но я должна была доказать, что говорю правду. Обычно я никогда не показываю свои реакции и силу. Но они нужны мне для моей работы. Несколько раз сила и быстрота реакций спасали мне жизнь. Я никогда не применяю их... Только когда меня вынуждают. Так что, тебе нужны еще какие-нибудь доказательства? У меня стимулированы не только скорость реакций и сила, но силу и скорость легче всего показать.

— Нам пора возвращаться, — сказал он.

По дороге домой мы не обменялись и десятком слов. Я обожаю кататься верхом, но в этот день я с гораздо большим удовольствием прокатилась бы на чем-нибудь лязгающем и гроыхающем, но только *bystree!*..

Следующие несколько дней Бриан явно избегал меня — мы встречались с ним только за обеденным столом. Потом как-то утром ко мне подошла Анита.

— Марджори, дорогая, — сказала она, — я собираюсь съездить в город по разным мелким делам и хочу, чтобы ты помогла мне. Ты не прокатишься со мной?

Разумеется, в ответ она услышала “да”. Мы зашли в несколько магазинчиков на Глоукестер-стрит и в Дерхэме, никакой помощи от меня не требовалось, и я решила, что она просто не хочет быть одна. Это обрадовало меня — в обществе Аниты бывать очень приятно (до тех пор, пока ей не перечишь).

Закончив ходить по магазинам, мы прошлись по Кэмбридж-терас, вдоль берега Авона, по Хэгли-парку и вошли в ботанический сад. Там она нашла местечко на солнце, откуда мы могли наблюдать за птицами, и извлекла из сумочки свое вязание. Мы просто сидели и болтали ни о чем.

Примерно через полчаса ее телефон звякнул. Она отложила вязанье и поднесла к уху миниатюрную пластиковую трубку.

— Да? — Секунду она слушала, потом кивнула и сказала: — Спасибо. Пока. — И спрятала трубку, не удостоив меня сообщением, кто ей звонил. Что ж, ее право.

Впрочем, когда она заговорила со мной, я почувствовала, что телефонный разговор имел к этому отношение.

— Скажи мне, Марджори, — спросила она, ты никогда не испытываешь никакого сожаления? Или хотя бы малейшего чувства вины?

— Иногда... Почему бы и нет. А что случилось? Ты о чем? — Я стала прикидывать, где я могла быть неосторожной и чем-то задеть ее.

— О том, как ты обманула и предала нас?

— *Что-о-о?!*

— Не строй из себя святую невинность. Мне никогда не приходилось раньше иметь дело с существом, рожденным не по законам Божеским. И я не знаю доступны ли твоему пониманию понятия вины и греха, но, полагаю, теперь, когда ты разоблачена, это не имеет значения. Семья требует аннулировать контракт немедленно. Бриан сегодня встречается с судьей Риджи.

Не шелохнувшись, я спросила:

— На каком основании? Я не совершила ничего дурного.

— В самом деле? Ты забыла, что по нашим законам не человек не может вступать в брак с людьми?

ГЛАВА VIII

Часом позже я села на шатл, летящий в Оклэнд, и в моем распоряжении оказалось достаточно времени, чтобы обдумать глупость, которую я сотворила.

Почти три месяца — с той самой ночи, когда мы говорили об этом с Боссом, -- я впервые, наверно, в своей жизни чувствовала себя легко и свободно относительно моей "человечности". Он сказал мне, что я "женственна не меньше, чем сама праматерь Ева" и что я спокойно могу рассказывать всем и каждому, что я ИЧ, потому что никто мне не поверит.

Босс был почти прав. Но он не рассчитывал на то, что я стану *доказывать* свою “нечеловечность” — юридическую “нечеловечность” по новозеландским законам.

Моим первым порывом было требование, чтобы меня выслушал весь семейный совет, но... мне было заявлено, что мой вопрос уже разбирался на совете без моего участия и голосование состоялось — шестеро “против” и ни одного “за”. Я больше не вернулась в дом. По телефону (в ботаническом саду) Анита сообщила, что все мои личные вещи упакованы и отправлены в камеру хранения на шатл-вокзале.

Конечно, я могла настаивать на том, чтобы “приговор” был произнесен мне всем домом, не довольствуясь заявлением одной Аниты. Но зачем? Чтобы выиграть спор? Доказать свою правоту? Или помахать после драки кулаками? Пять секунд ушло у меня на то, чтобы осознать — все, чем я дорожила, пропало. Гордая, как телеграфный столб, вся надувшаяся от спеси, как мыльный пузырь, отныне я — больше не “часть”. Те дети — не мои. И никогда мне уже не кататься с ними по полу.

Я размышляла об этом с холодным сожалением и так старалась сохранить глаза сухими, что чуть было не забыла — Анита обошлась со мной весьма “благородно”. В контракте, который я подписывала с семьей, черным по белому было написано, что в случае нарушения мною данного контракта, я обязана выплатить всю сумму полностью незамедлительно. Быть “нечеловеком” — значит нарушить контракт? (Хоть я ни разу не просрочила ни единого взноса.) Итак, с одной стороны, если они исключают меня из семьи, мне причитается около восемнадцати тысяч новозеландских долларов. С другой — мне не только не принадлежит выплаченная часть моей доли, но я еще должна уплатить им сумму в два с половиной раза большую.

Но они поступили “благородно”: если я тихо и незаметно исчезну, они не станут выдвигать обвинений против меня. Что произойдет в случае, если я буду подымать шум и нарываться на публичный скандал, не оговаривалось, но ясно подразумевалось.

Я исчезла без шума.

Мне не нужен психоаналитик для того, чтобы понять — я сделала это ради себя самой. Это я и так прекрасно понимала с той самой минуты, когда Анита объявила мне “приговор”. Вопрос другой: *почему* я это сделала?

Я поступила так не ради Эллен, и у меня не было ни малейших оснований тешить себя иллюзией, будто я сделала это для нее. Наоборот, мой идиотизм напрочь лишил меня возможности хоть как-то помочь ей.

Почему я сделала это?

От злобы.

Другого ответа я найти не могла. От злобы на весь род людской за то, что моя порода считается у них “нелюдью”, а стало быть, такие, как я, не имеют у них права на нормальное отношение и на элементарную справедливость. За то, что с первого дня своей жизни я столкнулась с непреложной истиной: у рожденных детей изначально есть привилегии, которых никогда не будет у меня по той простой причине, что я *не* человек. Возможность быть принятой за человека — это возможность очутиться в стане привилегированных, но это не означает, что я приняла собственно систему. Наоборот, я испытывала еще большее ее давление на себе, потому что не могла это высказать. И наступил день, когда для меня стало важнее знать, примет ли меня моя семья такой, какая я есть, чем сохранение теплых отношений под маской. Я хотела получить ответ на этот вопрос.

И я его получила. *Ни один* из них не вступился за меня... Как ни один не вступился за Эллен. Думаю, я знала это — поняла, что они отвергнут меня, как только узнала, что они предали Эллен. Но этот уровень моего знания зажат так глубоко, что я сама его не очень хорошо понимаю — это та самая черная дыра, где, по словам Босса, происходит самый главный процесс моего подлинного мышления.

Прилетев в Оклэнд, я выяснила, что опоздала на сегодняшний рейс полубаллистика на Виннипег. Зарезервировав место на завтрашний рейс и сдав в багаж все, кроме спортивной сумки, я стала раздумывать, чем бы за-

няться в ближайшие двадцать два часа. И конечно, тут же подумала о своем Вежливом Волке — о капитане Жане. Судя по тому, что он мне говорил, шансы на то, что он в городе — один против пяти, но... В его квартире, если она свободна, наверно, все-таки приятнее, чем в отеле. Я отыскала терминал и набрала его код.

Через несколько секунд экран засветился и на нем появилось довольно симпатичное и радостно улыбающееся лицо молодой девицы.

— Привет, меня зовут Торчи, а вы кто?

— Я Марджи Болдуин, — ответила я, кажется, я не туда попала. Мне нужен капитан Тормей.

— Нет, крошка, ты попала, куда надо. Подожди минутку и я выпущу его из клетки. — Она отвернулась и, отходя от экрана, позвала: — Эй, красавец! Там роскошная девка на проводе? Она знает, как тебя зовут.

Когда она отвернулась и стала отходить от экрана, я увидела сначала обнаженную грудь, а потом и всю ее целиком. Отличное тело — быть может, чуть широковатый таз, но длинные ноги, тонкая талия и ягодицы — точь в точь, как у меня... А на мои еще никто никогда не жаловался.

Я тихонько выругалась — ведь я прекрасно отдавала себя отчет в том, зачем я позвонила капитану: чтобы забыть о трех мужчинах в объятиях четвертого. Я застала его дома, но... кажется, место уже занято.

Он появился перед экраном одетый, но не слишком — с полотенцем вокруг бедер, это, по-моему, называют “лава-лава”. На лице его сначала появилось удивленное выражение, а потом он узнал меня.

— О-о-о! Мисс... Болдуин! Вот здорово! Вы откуда?

— Из аэропорта. Представился случай сказать вам “привет”!

— Стойте, где стоите. Не двигайтесь и не дышите. Семь секунд, чтобы натянуть брюки и рубашку — и я подъеду за вами.

— Нет, капитан. Я правда только хотела сказать “привет”. Я опять здесь транзитом.

— Куда вы летите? В какой аэропорт? Когда вылет?

А, черт! Я же заготовила версии заранее... Ну что ж, иногда бывает лучше сказать правду, чем выдавливать из себя вымученное вранье:

— Возвращаюсь в Виннипег.

— Серьезно? Тогда вы разговариваете с вашим пилотом. Завтрашний рейс — мой. Скажите мне точно, где вы стоите, и я заседу за вами минут через сорок, если мне повезет с такси.

— Капитан, вы очень любезны, но совершенно свихнулись. У вас уже есть одна гостья, и больше вам не осилить — та молодая дама, которая ответила на мой звонок. Торчи.

— Торчи — это не имя. Это ее состояние. Она моя сестра, ее зовут Бетти. Она живет в Сиднее и торчит здесь всякий раз, когда приезжает... Я, по-моему, вам о ней говорил. — Он обернулся и крикнул: — Бетти! Подойди и представься. Только води себя прилично.

— Уже поздно вести себя прилично! — раздался бодрый голос, и она показалась из-за его спины, поправляя распахнувшийся лава-лава (кажется, с этой проблемой она сталкивается не впервой). — А, чтоб ей черт!.. Мой братец вечно хочет, чтобы я вела себя прилично, а вот муж — тот махнул давно рукой. Слушай, крошка, я слышала, что ты тут говорила. Я его замужняя сестра, это — чистая правда. Но только, если ты не хочешь выйти за него замуж, иначе я сразу становлюсь его невестой, так ты хочешь?

— Нет.

— Отлично. Тогда можешь брать его тепленького. Я пока сделаю чай. Ты пьешь джин? Или лучше виски?

— Я выпью то же, что и вы с капитаном.

— Ему ничего нельзя, у него рейс меньше чем через сутки. Но мы с тобой надеремся, как следует.

— Тогда я пью то же, что и ты. То есть все, что угодно.

Я убедила Жана, что ему не стоит заезжать за мной — в порту было полно такси. Номер 17 по Локсли-Пэред находился в многоквартирном недавно выстроенном блоке с двойной системой охраны: войдя в главный вход, я оказалась запертой между первой дверью и второй, как в космическом корабле.

Бетти чмокнула меня в щеку и я поняла, что она уже успела выпить, мой Вежливый Волк тоже чмокнул меня, и его поцелуй продемонстрировал сразу две вещи: первое — он ничего не пил, второе — он рассчитывал затащить меня в постель в самое ближайшее время. Он ничего не спрашивал о моих мужьях, и я сама не заговаривала о своей семье... Своей бывшей семье. Нам с Жаном было хорошо вместе, потому что мы пользовались одними и теми же сигналами, причем пользовались со знанием дела, не промахиваясь и не вводя друг друга в заблуждение.

Пока мы с Жаном вели этот безмолвный разговор, Бетти вышла из комнаты и тут же вернулась, держа в руках лава-лава.

— Чаепитие официальное, — икнув сказала она, — так что вытряхивайся из своего и влезай в парадную форму.

Интересно, это она придумала? Или он? Я все же решила, что она. Хотя распутные намерения Жана были так же недвусмысленны, как прямой удар в челюсть, по сути своей он был весьма старомоден, чего не скажешь о Бетти — та давно объявила себя вне закона. Впрочем, дело шло к тому, чего хотела я сама, а на остальное мне было наплевать. Обнаженные женские ноги действуют ничуть не меньше, чем обнаженная грудь, хотя большинство людей этого почему-то не понимает. Женщина в лава-лава гораздо более соблазнительна, чем вообще безо всего. Вечеринка развивалась, как надо, и я предоставила Жану решать, когда нам избавляться от опеки его сестрички. Если это вообще стоит делать — я не удивлюсь, если окажется, что Бетти в этом смысле торгует билетами. И не расстроюсь. Ни капельки...

Я здорово надралась.

Как здорово, я поняла лишь на следующее утро, когда, проснувшись, нашла себя в постели с женщиной и мужчина этот был *не* Жан Тормей.

Несколько минут я лежала, не шевелясь и глядя на похрапывающего человека, стараясь пробиться сквозь джинсовую завесу на мой памяти и сообразить, кто же это такой. Мне кажется, что женщину все-таки обычно

знакомят с мужчиной, прежде чем она ложится в ним в постель. Интересно, представили ли нас с ним друг другу? И знакомы ли мы с ним вообще?

Что-то стало всплывать в памяти по кусочкам... Имя: профессор Фредерико Фарнези. Зовут: или Фредди, или Эдди, или Толстячок. Нет он не толстячок — так, небольшое брюшко от сидячего образа жизни. Муж Бетти и зять Жана. Каким-то образом он присутствовал вчера вечером, но я не могла вспомнить, ни когда он приехал, ни почему его не было в самом начале, ни... Ничего.

Но раз он был вчера вечером здесь, меня ничуть не удивляло, что я спала с ним. При том настроении, которое у меня было вчера, ни один мужик поблизости не мог чувствовать себя в безопасности. Но кое-что меня угнетало: неужели я продинамила моего Вежливого Волка и оставила с носом ради другого мужика? Стыдно, если так, Фрайди! Это крайне невежливо...

Я сосредоточилась и "копнула" поглубже. Нет, по крайней мере один раз я уж точно *не* продинамила Жана. К моему большому удовольствию. И к его — тоже, если его слова вчера были искренними. Нет, я не была невежлива с моим гостеприимным хозяином, а он, в свою очередь, был очень нежен со мной — именно это мне и было нужно после того, как меня предала и бросила банда самовлюбленных расистов под предводительством Аниты... Потом я действительно "изменила" Жану, но... по его просьбе. Да, теперь я вспомнила: моему хозяину потребовалась помощь от вновь прибывшего, и в этом нет ничего удивительного — чтобы утешать тоскующую женщину усилий одного мужчины часто бывает недостаточно, но... Я совершенно не помнила, каким образом состоялся "обмен". Мы что, все поменялись? Фрайди, не будь идиоткой! ИЧ не может, конечно, до конца разобраться во всех людских сексуальных табу, но это — самое строгое (я как следует усвоила это, когда проходила курсы "платных подружек") и соблюдается оно даже теми, кто плюет на все остальные. Итак, этот вариант отпадает...

Фредди перестал храпеть и открыл глаза. Он зевнул, потянулся, увидел меня и удивленно вытаращился, но в

ту же секунду, вспомнив что-то, улыбнулся и потянулся ко мне. Я с радостной улыбкой приняла его объятия и уже готова была принять искреннее участие в действии, когда в комнату зашел Жан.

— С добрым утром, Фредди, Марджи, — сказал он, — простите, что прерываю вас, но экипаж ждет. Марджи должна встать и одеться, нам нужно ехать сейчас же.

Но Фредди и не подумал отпускать меня. Он кашлянул, прочистил горло и продекламировал:

— *Птичка утром прилетела,
И давай в окно стучать:
“Как тебе не надоело!
Как не стыдно столько спать!..”*

— М-мда, капитан, ваше отношение к служебным обязанностям и забота о нашей гостье делает вам честь. Когда вы должны там быть? За два часа до отлета, да?

— Да, но...

— В то время, как Элен... Тебя ведь зовут Элен, правда? Так вот, Элен должна быть там за тридцать минут до вылета. Что я беру на себя.

— Фред, я вовсе не хочу портить тебе утро, но ты же знаешь, что здесь чертовски трудно достать кэб. Поэтому я позаботился заранее, и он сейчас стоит и ждет нас, хотя и ворчит. Я имею в виду кучера.

— Чистая правда. Кучера нас любят, потому что их лошади не любят взбираться на наш холм. Именно по этой причине, мой дорогой и любимый родственник, я вчера вечером заказал экипаж, пообещав мешок золота. И в эту самую минуту надежный старый Россиант находится внизу, в стойле у привратника — он набирается сил, пожирая кукурузу, початок за початком, чтобы быть в полной боевой готовности. И как только я дам сигнал, привратник (разумеется, подкупленный мной заранее) запряжет милое животное в коляску и подаст ее к подъезду. После чего я доставлю Элен к выходу на посадку ровно за тридцать одну минуту до вылета. И таким образом я ублажу то обилие плоти, которое окружает твоё сердце.

— Ты хочешь сказать, которое сейчас находится рядом с твоим сердцем.

— Я хочу сказать то, что сказал.

— Что ж... Мардж, ты как?

— М-мм... А это ничего, Жан? Мне бы не хотелось выпрыгивать из постели сию секунду, но... Я не хочу опоздать на твой рейс.

— Ты не опоздаешь. На Фредди можно положиться, хотя по его виду этого не скажешь. В любом случае выйди отсюда не позже одиннадцати, тогда ты успеешь даже пешком. Я сохраню тебе место после последней проверки — у капитана все же есть некоторые привилегии. Ну-с, очень хорошо, можете возвращаться к прерванному занятию, — Жан взглянул на часы, — мне пора. Пока, ребята!

— Эй, может, ты поцелуешь меня! Что это за “пока”!

— Зачем? Мы увидимся на корабле, а потом у нас будет время в Виннипеге.

— Поцелуй меня, черт тебя побери, или я опоздаю на твой дурацкий корабль!

— Тогда оторвись от своего жирного римлянина и постарайся не испачкать мою красивую форму.

— Старик, — ухмыльнулся Фредди, — не подвергай свой фрак такому риску! Я поцелую Элен и за тебя и за себя.

Жан наклонился и как следует поцеловал меня в губы, а я... Я не испачкала его красивой формы. Потом он чмокнул макушку Фредди и сказал:

— Все, развлекайтесь, ребята. Но не забудь доставить ее вовремя в порт. Пока! — В комнату заглянула Бетти, Жан обнял ее за талию и вместе с ней вышел, закрыв за собой дверь.

Я переключилась на Фредди. Он с улыбкой спросил:

— Элен, ты готова? Если нет, приготовься!

И я с удовольствием приготовилась, радостно думая, что Жан, Бетти и Фредди — это как раз то, что нужно Фрайди, чтобы выкинуть из головы и тех лицемерных пуритан, с которыми мне так долго пришлось делить крышу над головой.

Бетти принесла нам чай так вовремя, что, я полагаю, она подслушивала у двери. Она уселась на кровати в позе

лотоса и выпила с нами чаю. Потом мы встали и позавтракали. Я съела кашу со сливками, два яйца всмятку, сэндвич с колбасой и кентерберийской ветчиной, кусок горячего пирога с вишневым джемом и лучшим в мире маслом, апельсин и запила все это крепким кофе с молоком и сахаром. После этого, даже если бы весь мир лопнул так же, как лопнула для меня Новая Зеландия, мне было бы наплевать.

Фредди к завтраку надел лава-лава, но Бетти не стала утруждать себя этим, и я последовала ее примеру. Я росла в спец-яслях, и потому никогда не пойму до конца все правила человеческого этикета, но одно я усвоила твердо — женщина в гостях должна одеваться (или раздеваться) соответственно хозяйке. Вообще-то я не привыкла разгуливать голышом перед людьми (перед своими в яслях — это другое дело), но с Бетти я чувствовала себя удивительно и просто. Интересно, вела бы она себя так со мной, если бы знала, что я — ИЧ? Думаю, да, но у меня не было большого желания экспериментировать. Потрясающий завтрак.

Фредди доставил меня в пассажирский салон ровно к одиннадцати двадцати, вызвал Жана и потребовал квитанцию, каковую тот ему торжественно выписал. Как и в первую нашу встречу Жан наклонился и помог мне пристегнуть ремень, тихонько шепнув:

— Тебе ведь тогда вовсе не требовалась моя помощь, правда?

— Правда, — с улыбкой кивнула я. — Но я рада, что притворилась тогда. Я потрясающе провела время.

— Мы хорошо проведем время и в Виннипеге. Я позвонил Жансте из порта и сказал, что привезу тебя ужинать. Она просила тебе передать, что и завтракать ты будешь с нами. Она велела сказать тебе, что покидать Виннипег ночью — большая глупость. И она права — на любой пересадке тебя запросто могут укокошить нелегальные иммигранты из империи, которых мы постоянно хватаем и отсылаем за границу.

— Я обсужу это с ней, когда мы приедем. — (Капитан Жан, вы просто обманщик! Кто говорил мне, что вряд ли женится, что хочет всегда быть свободным, “как дикий

гусь"? Не помните? Я так и думала, что вы *не захотите* это сейчас вспоминать.)

— Нечего обсуждать, все уже решено. Жанета может не доверять мне — она считает, что по части женщин я слабоват... Что, конечно, чистейший вздор... Да, но она полностью доверяет Бетти, а Бетти сейчас уже наверняка звонит ей. Она знает Бетти дольше, чем меня, они снимали вдвоем квартиру, когда учились в Мак-Гилле. Там-то я и познакомился с Жанетой, а Фредди — с моей сестричкой. От нас четверых не было спасенья, нам очень нравилось иногда трясти этот шарик — от Северного полюса до Южного.

— Бетти просто прелесть. Жанета похожа на нее?

— И да, и нет. Жанет была вожаком во всех наших соблазнительных проказах. Прости, мне нужно пойти и сделать вид, что я капитан. Вообще-то управляет этим летающим гробом, конечно, компьютер, но помню, еще на прошлой неделе я собирался выяснить, как у него это получается. — С этими словами он подмигнул мне и ушел.

После пьяной ночной вакханалии с Жаном, Фредди и Бетти я была способна болсе здраво размышлять о своей бывшей семье. Была ли я и вправду обманута?

Я подписала этот тупой контракт по своей доброй воле, включая и параграф о его аннулировании, давший им возможность меня вышвырнуть. За что я платила? За секс?

Нет! Все, что я говорила раньше, чистая правда: секс есть везде, бери — если хочешь. Я платила за счастливую участь быть *причастной*. Причастной к семье, особенно к счастливым домашним обязанностям, вроде... ну, сменить мокрые пеленки, вымыть посуду, приласкать котенка. Мистер Смотри-под-ноги был для меня гораздо важнее, чем Анита, хотя я никогда не позволяла себе даже мысленно рассуждать об этом. Я старалась любить их всех до тех пор, пока случай с Эллен не высветил кое-какие темные уголки этого "дома".

Что ж, давайте посмотрим. Я точно знала, сколько дней за всю совместную жизнь я провела со своей бывшей семьей. Немножко арифметики и — вот вам, во сколько мне обходилась комната и все мои сладкие домашние обя-

занности (поскольку все это было конфисковано): чуть больше четырехсот пятидесяти новозеландских долларов в день.

Даже для роскошного отеля это, пожалуй, дороговато. А ведь реально мое пребывание не обходилось семье и в четвертую часть этих денег. Интересно, на каких финансовых условиях вступали в семью остальные? Этого я так никогда и не узнала.

Может быть, Анита, понимая, что не сумеет запретить мужчинам приглашать меня в дом, когда им захочется, организовала все таким образом, чтобы я была не в состоянии бросить работу (нужно ведь платить долгу), и в то же время была привязана к ним на условиях, очень выгодных для семьи?.. То есть для Аниты? Трудно сказать наверняка. Я так мало знаю о браке у людей, что даже сейчас не берусь судить. Даже сейчас, когда...

Но я знаю одно: меня очень удивило, что Бриан оказался против меня. Я считала его самым старшим, самым умным и самым терпимым в семье и уж во всяком случае, человеком; достаточно разбирающимся в биологии, чтобы понять...

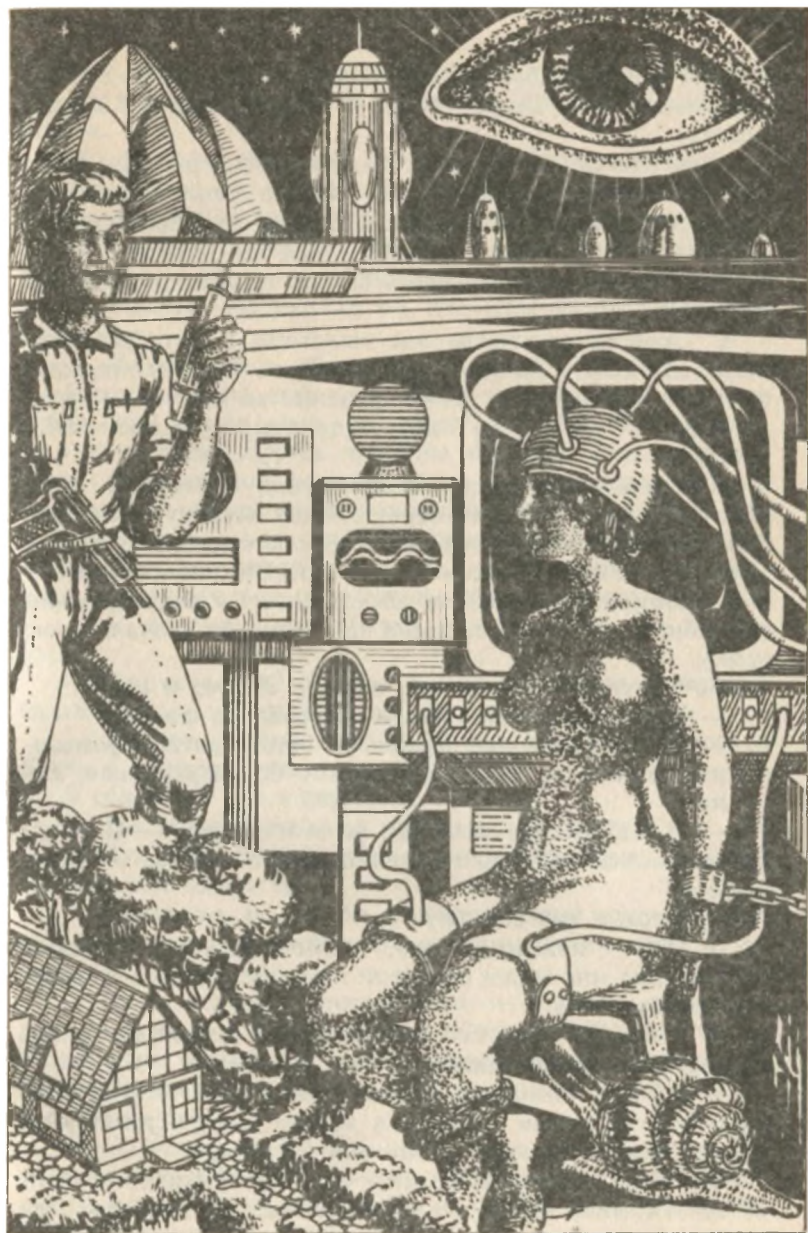
Может, все было бы иначе, выбери я что-нибудь иное для демонстрации своих способностей? Может, покажи я ему что-нибудь менее жестоко?..

Но я показала ему свое превосходство в силе — там, где у мужчины есть все основания считать себя выше. Я врезала ему прямо по его мужской гордости...

Никогда не бейте мужа по яйцам, если только не решили для себя, что через секунду вы его убьете. Никогда! Даже в переносном смысле... Нет, *особенно* в переносном смысле.

ГЛАВА IX

Наконец-то свободное падение закончилось и мы плавно вошли в дивное скольжение по гиперпространству. Компьютер работал идеально, сводя напряжение почти к ну-

лю, но все же вибрация ощущалась на кончиках зубов... А я, после столь бурной ночи, чувствовала ее и в других местах.

Довольно резко мы вышли из гиперпространства, долго болтались в подпространстве (визг в ушах нарастал), потом вынырнули, включились тормоза и... Посадка. Я с облегчением перевела дыхание — как ни любила я полубаллистики, но от “выныривания” до посадки я всегда не дышала.

С Северного острова мы вылетали в четверг днем, таким образом в Виннипег мы прибыли вечером предыдущего дня (среды), и я тут совершенно ни при чем — если не верите, гляньте на карту, где отмечены временные пояса.

Я опять задержалась и выходила последней. Наш капитан, как и в самую первую нашу встречу, взял мою сумку и повел меня к таможне, но уже в качестве старого друга — чему я была очень рада. Он провел меня к иммиграционной службе и таможенному контролю через служебный вход и предложил для осмотра сначала свою сумку.

Не притронувшись к ней, офицер кивнул и сказал:

— Привет, капитан. Какая контрабанда сегодня?

— Все как обычно. Краденые бриллианты, промышленный шпионаж, оружие... Ну, не без наркотиков, конечно.

— И все? Жалко даже мел на это тратить. — Он мелком нарисовал на сумке Жана какой-то значок. — Дама с тобой?

— Первый раз ее вижу.

— Моя — индейская скво, — вмешалась я, — а белый босс обещал мне много огненной воды. Белый босс не сдержал своего слова.

— Еще бы, он его никогда не держит. Долго собираетесь побыть здесь?

— Я живу в империи, а здесь транзитом... Может быть, на сутки. Прошлым месяцем я делала здесь пересадку на пути в Новую Зеландию. Вот мой паспорт.

Он кинул на него беглый взгляд, поставил штамп и, не открывая сумки, тоже нарисовал на ней знак мелом.

— Если надумаете задержаться, я с удовольствием угощу вас огненной водой. А капитану Тормею не стоит доверять.

Мы прошли таможеню, и сразу за барьером Жан выпустил из рук обе сумки, схватил стоящую там женщину за локти, поднял ее — что свидетельствовало о его прекрасной форме, поскольку она была лишь сантиметров на десять ниже его, — и жарко расцеловал. Опустив затем ее на землю, он указал ей на меня и торжественно произнес:

— Жанет, это — Мардж.

Интересно, на кой черт Жану нужна была возня со мной, если у него дома есть *такое*? Потому что там была я, а ее не было? Другой причины нет, но... Ведь здесь она *есть*. Дорогая моя леди, надеюсь вы подыщите мне на ночь какую-нибудь занятную книжонку?

Жанет поцеловала меня и я почувствовала себя лучше. Потом она, не убирая своих рук с моей талии, отодвинулась и, внимательно рассмотрев меня, произнесла:

— Я не вижу его. Милая, ты оставила его на корабле?

— Что оставила? У меня только эта сумка, и все... А багаж мой на транзитной линии.

— Да нет, я имею в виду сияние. После разговора с Бетти я ожидала увидеть сияние.

Я обдумала это и спросила:

— Ты уверена, что она говорила про сияние?

— Ну... Она сказала, что — ангел. Остальное, возможно, уже мои домыслы.

— Возможно. Во всяком случае прошлой ночью на мне не было сияния. Я вообще его редко надеваю, когда путешествую.

— Да, — кивнул капитан Жан, — прошлой ночью на ней... вернее в ней была только изрядная доза спиртного. Родная, мне неприятно тебе это говорить, но... Бетти дурно влияет на окружающих. Просто спаивает их. Прискорбно, но — факт.

— О, Господи! Может, нам лучше сразу сходить на молитвенное собрание? Как ты, Марджори? Быстро перекусим прямо здесь и плюнем на ужин. Все прихожане дружно помолятся за тебя, а?

— Как скажешь, Жанет. — (Должна ли я соглашаться? Я плохо знаю ритуал “молитвенных собраний”).

— Слушай, Жанет, — вмешался капитан Жан, — может, мы лучше отвезем ее домой и там сами помолимся за нее. Я не уверен, что Марджори привыкла к публичным раскаяниям.

— Марджори, этот вариант тебя больше устраивает?

— Я думаю... да.

— Тогда поехали. Жан, пойди поздоровайся с Джорджем.

Джорджа звали Джордж Перральт — больше я ничего в данный момент о нем не узнала, кроме того, что он правил парой великолепных черных рысаков, запряженных в коляску “Хонда”. Недешевый экипаж. Интересно, сколько получает капитан полубаллистика? Фрайди, не лезь не в свои дела! Но экипаж действительно красивый. Как, впрочем, и сам Джордж — высокий, темноволосый, в темном костюме и темной шляпе. Изумительный кучер. Однако Жанет представила его отнюдь не как слугу, а он наклонился и поцеловал мне руку. Разве кучер целует руки гостям? М-да, кажется я залезла в совершенно незнакомую область людского этикета — этому меня не учили.

Жан сел впереди, рядом с Джорджем, а Жанет усадила меня сзади, развернула огромный шерстяной плед и сказала:

— Вряд ли, лстя из Оклэнда, ты захватила с собой шаль. Залезай.

Я не стала возражать и объяснять, что не подвержена простуде. Это было очень мило с ее стороны, и я с благодарностью залезла под плед. Джордж вырулил на шоссе, шелкнул языком, и лошадки припустили мерной рысью. Жан достал рожок и сильно дунул в него — вряд ли в этом была нужда, наверно, ему просто нравился этот громкий звук.

Мы приехали не в город — их дом находился в небольшом городке к северу от Виннипега и ближе к аэропорту. Когда мы подъехали, было уже темно, но это не помешало мне сразу увидеть, что дом выстроен, как загородная кре-

пость, и способен выдержать любое нашествие, кроме профессионального военного штурма. Тройные ворота, причем между первыми и вторыми — открытое пространство. Снаружи не было видно ни электронных глаз, ни автоматических ловушек, но я не сомневалась в их существовании — на заборе были красно-белые отметины, предупреждающие господ “незваных гостей”, чтобы они не беспокоились.

Я плохо рассмотрела, как устроены ворота, — было слишком темно, — и внутри тоже не увидела ни “ловушек”, ни инфракрасной сигнализации, ни электронного оружия, но... Вряд ли разумные люди потратят столько сил и денег на ограду и будут полагаться при этом лишь на пассивные формы обороны. Вспомнив, как Ферма Босса попала впросак, когда “дядя Джим” отключил питание, и как вся защита пошла насмарку, я хотела было спросить об их системе энергоснабжения, но... Наверное, это был не тот вопрос, который могла задать обычная гостья.

И еще больше меня заинтересовало, что случится, если на нас нападут, скажем, до того, как мы окажемся внутри, за воротами. Но это опять-таки был бы не очень тактичный вопрос, хотя если у них нет при себе оружия... Я-то обычно не ношу с собой оружия, но другие — вряд ли. Ведь далеко не все проходили специальный курс тренировок, и еще меньше — обладают моими способностями. Я больше полагаюсь на свою “безоружность”, чем на разные железки, которые могут конфисковать на любой таможне, которые вы легко можете потерять и к которым в самый нужный момент обычно не хватает патронов. Я выгляжу безоружной, и это дает мне преимущество, но... у других людей — другие проблемы. Я ведь — особый случай.

Жан подудел в свой дурацкий рожок, но на сей раз не бесцельно — все ворота распахнулись, и мы въехали внутрь.

— Веди ее в дом, дорогая, — сказал Жан, — а я помогу Джорджу управиться с лошадьми.

— Мне вовсе не нужна помощь.

— Ладно, вылезайте. — Жан, слез, помог нам выбраться и вручил мою сумку Жанет.

Джордж щелкнул языком, коляска покатила в сторону, и Жан пошел за ней. Жанет провела меня в дом и... у меня перехватило дыхание. Прямо в холле бил фонтан, причем не простой, а постоянно меняющейся формы и цвета. Отовсюду раздавалась негромкая музыка, на переливы которой (по-видимому) и реагировал фонтан.

— Жанет... Кто архитектор?

— Нравится?

— Еще бы!

— Тогда сознаюсь: архитектор — я. Техническое исполнение — Жана, а Джордж занимался интерьером. Он в некотором смысле художник, и в другом крыле находится его студия. Кстати, забыла тебе сказать, Бетти просила меня спрятать твою одежду, пока Джордж не напишет с тебя хоть одно ню.

— Бетти так сказала? Но я никогда не была моделью и... мне надо возвращаться на работу.

— А может, тебе не захочется — все ведь в наших руках. Впрочем, если... Может быть, ты стесняешься? Бетти сказала, что ты не из стеснительных, но Джордж может рисовать не только обнаженную натуру. Во всяком случае он может начать и с одетой.

— Нет, я не из стеснительных. Ну, может, позировать я и стесняюсь немного — никогда раньше не робовала. Слушай, а мы можем подождать с этим? Честно говоря, сейчас мне гораздо больше хочется в туалет, чем на холст, — я не была там с тех пор, как вышла из квартиры Бетти. В порту просто времени не хватило...

— Прости, родная! Идиотизм — заставить тебя торчать здесь и рассуждать о живописи Джорджа. Еще много лет назад мать учила меня: первое, что надо сделать для гостыи — это показать ей, где ванная комната.

— Моя мать твердила мне то же самое, — солгала я.

— Вот сюда, — слева от фонтана открывается занавес, и она провела меня по коридору в комнату. — А здесь ванная. Она у нас с тобой общая, потому что моя комната прямо за ней, с другой стороны, и по виду — зеркальное отражение твоей. Так что ванную мы делим на двоих...

Было, что делить. Три отдельные кабины, каждая — с биде и сушилкой. Душ, в котором свободно разместилось бы предвыборное собрание, с огромным количеством тумблеров и переключателей (придется спрашивать, что они означают и как ими пользоваться). Стол для массажа и искусственного загара. Бассейн (или у них это называется горячей ванной) — явно не для одной персоны, а для большой и веселой компании. Два одинаковых туалетных столика. Терминал, холодильник, книжный шкаф со специальной полкой для кассет...

— А леопарда нет? — спросила я.

— Ты ожидала увидеть леопарда?

— Каждый раз, когда на экране в “чувствилках” я вижу такую комнату, главная героиня, всегда появляется с ручным леопардом.

— Понятно. А котенок не подойдет?

— Конечно! Вы с Жаном — любители кошек?

— Я не смогла бы жить в доме, где нет кошки. Даже не стала бы пробовать. Кстати, сейчас их у нас столько, что я могу предложить тебе неплохой экземпляр. О цене не беспокойся.

— Я бы взяла с удовольствием. Но не могу.

— Обсудим это позже. Ты будешь принимать душ? Я приму, а то я так долго чистила Черную Красотку и Дьявола перед поездкой в аэропорт, что от меня, наверно, здорово пахнет стойлом. Чувствуешь?

И вот так — легко и просто — минут через двенадцать я очутилась в ванне (бассейне!). Джордж тер меня губкой сзади, Жан — спереди, а хозяйка терла себя сама, весело смеясь и давая мужчинам различные советы, на которые они не обращали внимания. Если бы вы могли все это наблюдать, то увидели бы, что вся последовательность моих действий была очень логична и что эти добрые сибариты ни единым жестом не смутили меня — ни одной попытки соблазнить, ни единого намека на то, что прошлой ночью я попросту изнасиловала (во всяком случае в переносном смысле) хозяина этого дома.

Потом я делила с ними роскошный ужин... Нет, просто пир — в гостиной (или большом холле, или маленькой столовой, или как там она у них называется) с камином.

Камин, как мне с гордостью поведала хозяйка, Жан сделал своими руками... На мне был один из халатов Жанет, а за свое представление об обеденном халате в Крайстчерче Жанет была бы немедленно арестована. Но здесь это не вызвало у обоих мужчин никаких реакций.

Когда мы добрались до кофе и коньяка, я немного осоловела от выпивки до обеда и вина за обедом. По просьбе Джорджа я сняла (с сожалением) халат Жанет, и он сделал несколько стереоснимков, усаживая и укладывая меня в разных позах. При этом он так бесстрастно обсуждал мои прелести, словно речь шла о куске телятины. Я продолжала твердить, что у меня "хорошая масса" — может, это и комплимент, но уж во всяком случае никак не призыв к действию.

Некоторые карточки получились прекрасно, особенно та, где я раскинулась на низкой тахте, а по груди, по животу и по ногам у меня ползает дюжина котят. Я попросила снимок для себя, и оказалось, что у Джорджа есть необходимое оборудование, чтобы сделать копию.

Потом Джордж снял меня вместе с Жанет, и я попросила и с этой карточки сделать копию, потому что наш с ней контраст выгодно оттенял обеих, а Джордж ухитрился сделать нас красивее, чем в жизни. В конце концов, я стала зевать, и Жанет велела Джорджу прекратить. Я принялась извиняться, говоря, что с моей стороны очень странно хотеть спать, потому что в той зоне, откуда я прилетела, сейчас еще лишь начало вечера.

Жанет фыркнула, заявила, что сон не имеет никакого отношения к часам и временным зонам.

— Джентльмены, мы ложимся! — с этими словами она увела меня из гостиной.

Мы зашли в ее великолепную ванную комнату, она положила руки мне на плечи и сказала:

— Марджи, ты предпочитаешь спать в одиночестве или в компании? Я знаю от Бетти, что у тебя была бурная ночь. Может быть, ты хочешь просто тихонько поспать одна? Или нет? Скажи сама.

Я честно сказала ей, что, если это зависит от меня, я никогда не сплю одна.

— И я тоже, — кивнула она. — Мне нравится, как просто ты это сказала — не стала мямлить и притворяться... С кем бы ты хотела спать?

Добрая ты душа, как же я могу сделать вид, что не понимаю, как тебе хочется самой побыть со своим мужем в первую ночь его приезда домой!

— Может быть, нам лучше начать с другого конца — кто хотел бы спать со мной?

— С тобой? *Все* мы, конечно, я уверена в этом. Или двое из нас, или один — на твое усмотрение. Решай сама.

Я растерянно заморгала, пытаюсь прикинуть, сколько же я выпила.

— Четверо в *одной* постели?

— Тебе это не нравится?

— Никогда не пробовала. Звучит заманчиво, но в постели, наверно, будет тесно... На мой взгляд.

— Ну, нет. Ты не была в моей комнате. Кровать у меня по-настоящему *большая*, потому что оба моих мужа очень часто хотят спать со мной... И там еще остается много места, так что мы всегда рады гостям.

Да, я действительно перебрала — пила две ночи подряд и такими дозами, к которым совершенно не привыкла...

— Два мужа? Я не подозревала, что Британская Канада приняла австралийскую норму!

— Британская Канада — нет, но британские канадцы — приняли. Во всяком случае многие из нас. Ворота заперты, а остальное никого не касается. Ну, так как, хочешь попробовать в большой кровати? Если захочешь спать, всегда можешь тихонько уползти в свою комнату — для этого я и сделала такую планировку. Что скажешь?

— Пожалуй... да. Только сначала я, наверно, буду чувствовать себя дилетанткой.

— Это быстро пройдет. Давай...

Ее прервал резкий звонок на терминале.

— А, черт! Да что б тебя!.. — воскликнула Жанет. — Наверняка это из аэропорта... Срочный вызов Жану, и, конечно, ему надо схать, и плевать им на то, что он только что возвратился из дальнего рейса!

Она подошла к терминалу, включила “прием” и мы услышали:

— ... случае тревоги. Наша граница с Чикагской Империей нарушена, большое количество беженцев скопилось в приграничной полосе. Атака со стороны Квебека серьезна, но, возможно, она нанесена по инициативе местного приграничного командования, поскольку объявления войны не было. В настоящее время введено чрезвычайное положение, поэтому рекомендуем: не выходить на улицы, сохранять спокойствие и ожидать на этой частоте официальных сообщений и инструкций.

Начался Красный Четверг.

ГЛАВА X

Мне кажется, все знают и думают о Красном Четверге и о том, что было потом, примерно одно и то же. Но чтобы объяснить самое себя (а может, и *самой себе*, если это вообще возможно!), я должна рассказать, как я восприняла это, включая все мои страхи и всю мою растерянность.

Мы вчетвером залезли в большую постель Жанет, но не для секса, а просто для того, чтобы как-то сохранить душевный комфорт и быть вместе. И мы не могли оторвать глаз и ушей от экрана терминала. Там все время повторялись одни и те же сообщения — отражение атаки со стороны Квебека, граница Чикагской Империи убит в своей постели, граница с Империей закрыта, саботаж повсюду, не выходить на улицы, сохранять спокойствие, — но все равно каждый раз мы, затаив дыхание, вслушивались, ожидая услышать хоть что-нибудь, что внесло бы хоть какой-то смысл во все эти новости.

Однако вместо этого положение становилось все хуже и хуже. К четырем утра мы уже знали, что волна убийств и саботажа охватила всю планету. Когда рассвело, появились неподтвержденные сообщения о трагедиях на Эль-4, на базе “Тихая”, на Стационарном Спутнике и

оборванное на полуслове) на Сириусе. Невозможно было уяснить, достигла ли беда Альфы Центавра и Тау Кита. Официальный дикторский голос с терминала громогласно тказывался гадать, призывая всех нас не верить “необосованным и вредным” слухам.

Около четырех Жанет соорудила с моей помощью несколько сэндвичей и сварила кофе.

В девять я проснулась от того, что пошевелился (жордж, и обнаружила, что заснула, положив голову ему а грудь и обняв его правой рукой за шею. Жан полулежа асположился поперек кровати, уставившись на экран ерминала... закрытыми глазами. Жанет исчезла — уполла тихонько в мою комнату и залезла в считавшуюся ные моей кровать. Я осторожно выбралась из постели, мудрившись при этом не разбудить Джорджа, и проскольнула в ванную. Там я избавилась от естественных последствий выпитой канистры кофе и сразу почувствовала ебя лучше. Заглянув в “свою” комнату, я увидела, что окинувшая нас хозяйка уже не спит и машет мне рукой, тобы я вошла. Повинуясь ее жесту, я проскользнула в омнату и, когда она подвинулась, освобождая мне место ядом с собой, залезла в постель. Она поцеловала меня и просила:

— Ну, как там мальчики?

— Оба спят. Во всяком случае спали три минуты назад.

— Хорошо. Им надо поспать. Они оба — паникеры, в тличие от меня. Я решила, что нет никакой надобности тправляться в преисподню сонной, и потому уползла сюа. Ты уже, по-моему, спала, когда я ушла.

— Наверно. Не помню, когда я заснула. Диктор бубнил дно и то же, бубнил уже в тысячный раз и... Потом я роснулась.

— И ничего не упустила. Я убавила звук, но оставила итры — там повторялось одно и то же. Марджори, пальчики ждут бомбежки. Я же думаю, что никакой бомежки не будет.

— Надеюсь, ты права. Но почему?

— Кто кого будет бомбить? Кто враг? Насколько я оняла эти сообщения, все основные средоточия власти и илы сейчас в Квебеке, никакие военные силы не ринимают участия в происходящем. Убийства, пожары,

поджоги, взрывы, саботаж, насилие... Словом, все что угодно, но не схватка. Нет, это не Восток против Запада, не марксисты против фашистов, не черные против белых... Марджори, если кто-то прибегнет к ракетам, это будет означать, что весь мир свихнулся.

— А разве это не так?

— Думаю, что нет. Смысл всего этого в том, что тут вообще нет смысла. Мишень — повсюду. Везде. Это направлено на все правительства сразу.

— Анархисты? — предположила я.

— Не знаю. Может быть, нигилисты.

В комнату вошел Жан в старом халате, с двухдневной щетиной, кругами под глазами и очень хмурым лицом.

— Жанет, — сказал он, — я не могу дозвониться Бетти и Фредди.

— А они собрались возвращаться в Сидней?

— Да нет, дело не в этом... Я не могу пробиться ни в Сидней, ни в Окленд. Всюду этот дурацкий компьютерный автомат: "В-данный-момент-линия-не-работает-попробуйте-чуть-позже- спасибо-за-внимание".

— Черт! Может, повреждение?

— Не исключено. Но может, и что-то похуже. Потом я позвонил в справочную аэропорта и спросил, что случилось со спутником связи Виннипег — Окленд. Пришлось назвать свой чин, чтобы подошел старший инспектор... Он сказал, чтобы я пока не дергал его с линиями связи, потому что у них дела поважней: все полубаллистики на земле, потому что два — были уничтожены в воздухе. Рейс двадцать девятый — Виннипег — Буэнос-Айрес и сто первый — Ванкувер — Лондон.

— Жан!..

— Оба уничтожены мгновенно. Никто не уцелел. Прессованные взрыватели — никаких сомнений, потому что оба взорвались при выходе из атмосферы... Жанет, в следующий свой рейс я проверю все сам. Задержу взлет под любым предлогом и все проверю... Но, — уныло добавил он, — кто знает, когда он будет, мой следующий... Невозможно же взлететь на полубаллистике, когда нет связи с портом приземления... А инспектор признался, что все линии связи оборваны.

— Жан! — Жанет прыгнула с кровати, подбежала к нему и поцеловала. — Прекрати себя грызть! Сейчас же прекрати! Конечно, ты сам все проверишь и будешь проверять, пока они не поймают вредителей. Но сейчас, ты сию минуту выкинешь это из головы, потому что никаких рейсов не будет, пока не восстановят линии связи. Значит, объявляются каникулы. Что касается Бетти и Фредди... Безобразие, конечно, что мы не можем связаться с ними, но ведь ты сам прекрасно понимаешь, что они — взрослые люди и нянька им не нужна. И наверняка они точно так же волнуются сейчас за нас, и... совершенно напрасно. Я очень рада, что это случилось, когда ты дома, а не на другой стороне планеты. Ты — здесь, тебе ничто не угрожает, а на остальное мне наплевать. Мы будем сидеть тут и веселиться, пока вся эта чушь не закончится.

— Мне нужно быть в Ванкувере.

— Тебе *не нужно* ничего делать, муж мой, кроме как платить налоги и жить до старости, а потом умереть. Никто не станет запихивать искусственных существ в корабли, когда корабли не летают.

— Искусственных существ? — невольно вырвалось у меня, о чем я тут же пожалела.

Жан взглянул на меня, словно видел впервые, но тут же улыбнулся и извиняющимся тоном сказал:

— Привет, Марджи, доброе утро... Ты не волнуйся и прости, что я затеял этот дурацкий разговор, как раз когда ты здесь... Искусственные существа, про которых говорила Жанет, это не машины, а... Ну, они живые. Понимаешь, у руководства фирмы возникла эта бредовая идея, будто ИС, сделанный специально для пилотирования, будет лучшим пилотом, чем человек. Я — секретарь Виннипегской секции, поэтому я должен бороться с этим. Встреча руководства и представителей Гильдии пилотов назначена в Ванкувере на завтра.

— Жан, — вмешалась Жанет, — позвони генеральному. Глупо лететь в Ванкувер, не проверив сначала, будет ли вообще...

— Ну, хорошо, хорошо.

— Но не просто спроси, а убеди генерального нажать на руководство и заставить их отложить встречу, пока не

отменят чрезвычайное положение. Я хочу, чтобы ты был здесь... Чтобы ты сберег меня в целости и сохранности.

— Или наоборот.

— Или наоборот, — согласно кивнула она. — Но если это будет необходимо, я упаду в обморок прямо в твои объятия. Что тебе сделать на завтрак? Только что-нибудь не очень сложное, не то я велю тебя арестовать.

Я не слушала их разговор с того момента, как слова “искусственные существа” резанули мне слух. Я думала, что Жан — да и все они и здесь, и там, в Оклэнде, — цивилизованные люди без всяких предрассудков... во всяком случае настолько, чтобы относиться к моему сорту людей ничуть не хуже, чем к себе подобным. А только что я своими ушами услышала, что Жан представляет свою гильдию в сваре работодателей и рабочих и борется за то, чтобы не позволить моему сорту, или “виду”, или.. — словом, называйте, как хотите, — чтобы такие, как я, не могли соревноваться с людьми.

Что же прикажешь нам делать, Жан? Перерезать себе глотки? Мы не просили нас делать, точно так же, как вы не просили вас рожать. Может быть, мы и не люди, но мы целиком разделили с людьми эту старую, как мир, участь: мы чужаки в этом мире, который создан не нами...

— Мардж!

— А?.. Простите, я замечталась. Что ты сказала, Жанет?

— Я спрашивала, что ты хочешь на завтрак, родная?

— Мне все равно. Я ем все, что не движется, или.. движется, но медленно. Можно, я помогу тебе?

— Я надеялась, что ты предложишь это, потому что на кухне от Жана мало проку, несмотря на его заверения.

— Я отлично готовлю! Из меня вышел бы прекрасный повар, — с ноткой обиды в голосе произнес Жан.

— Ну конечно, дорогой... Жан когда-то дал мне письменное обязательство, что всегда будет готовить завтрак, если я попрошу. И он держит слово — ни разу еще не пытался увильнуть. Только мне нужно действительно *проголодаться*, чтобы попросить его.

— Марджи, не слушай ее!

Я так до сих пор и не знаю, умеет ли Жан готовить, но что касается Жанет, то она, безусловно, умеет

Джордж, как я выяснила позже, тоже прекрасный улинар). Она подала на завтрак — не без моей помощи — пышный омлет с чеддером, нежные пирожки в континентальном стиле с сахаром и джемом и сэндвичи со слегка обжаренной ветчиной. И еще: апельсиновый сок, только то выжатый из свежих апельсинов вручную, а не соковыжималкой-автоматом. И еще: потрясающий кофе из олько что сорванных кофейных зерен.

Да, новозеландская еда, конечно, очень красива, но новозеландская кухня — это просто не кухня.

Джордж появился к завтраку с точностью кошки — в данном случае мамы-кошки, вошедшей за секунду до его появления, а может, и на секунду позже. Котятам вход был запрещен — Жанет была слишком занята завтраком, тобы в суматохе не наступить на одного из них. Жанет акже объявила, что, пока мы едим, новости будут выключены, а за столом можно говорить обо всем, кроме чрезвычайного положения. Меня это устраивало, потому что валившиеся на нас странные и мрачные события не шли меня из головы, даже когда я спала. как справедливо аметила Жанет, накладывая табу на эту тему, только дерная бомба может пробить нашу “защиту”, а взрыва дерной бомбы мы, по всей вероятности, даже не заметим — так что надо расслабиться и наслаждаться завтраком.

Вот я и наслаждалась... Вместе с мамой-кошкой, одившей по нашим ногам против часовой стрелки, давая нать каждому, когда наступала его очередь протянуть ей усочек ветчины... Думаю, ветчины она съела больше всех ас.

Когда я убрала со стола (вымыв, а не выбросив тарелки — Канет в смысле посуды была очень старомодна), Жанет варила еще кофе, включила новости, и мы уселись посужать, посмотреть и обсудить их — уселись в кухне, а е в громадной зале, где вчера ужинали. У Жанет была, то называется, “крестьянская кухня”, хотя никогда, поюему, у крестьян таких кухонь не было: огромный камин, ольшой круглый стол с так называемыми “капитанскими” тульями, мягкие кресла и очень много свободного прост-

ранства, что не допускало превращения готовки и подачи на стол в каторгу. Котят впустили в кухню, положив тем самым конец их громким жалобам, и они мигом заняли весь пол. Я взяла одного из них на руки — белого с большими черными пятнами, — и он тут же громко замурлыкал. Было ясно, что сексуальная жизнь мамы-кошки ничем и никем не лимитировалась — среди котят не было двух одинаковых или хотя бы похожих...

В сообщениях не оказалось почти ничего нового, кроме некоторых событий в Империи: хватали демократов и по приговору военно-полевых судов (их называли офицерскими трибунами) уничтожали на месте — кого ла-зерами, кого расстреливали, а кого вешали. Чтобы спокойно смотреть, мне пришлось здорово взяться за самоконтроль... Приговору подлежали все взрослые от четырнадцати лет и старше — нам показали одну семью, где приговоренные родители умоляли пощадить их сына, утверждая, что ему всего двенадцать. Президент суда, офицер имперской полиции, оборвал дебаты, достав личное оружие и собственноручно застрелил парня, а потом велел покончить родителей и старшую сестру мальчишки.

Жан выключил изображение и звук, оставив лишь ползущие по экрану титры.

— Хватит! — буркнул он. — Я уже насмотрелся... Ясно, что тот, кто сейчас у власти вместо убитого главы, уничтожает всех по малейшему подозрению. — Закусив губу, он мрачно посмотрел на меня. — Мардж, ты еще не выкинула из головы свое идиотское намерение возвращаться сейчас домой?

— Я же не демократ, Жан. Я вообще не занимаюсь политикой.

— А ты думаешь, тот мальчишка занимался политикой? Эти казаки прикончат тебя просто так, для тренировки... как бы там ни было, ты все равно не можешь ехать. Граница закрыта.

Я не стала говорить ему, что на земле вряд ли найдется такая граница, которую я не смогла бы перейти. Вместо этого я сказала:

— По-моему, это распространяется только на тех, кто движется на север. Разве они препятствуют гражданам Империи возвращаться домой?

— Марджи, — вздохнул он, — ты не умнее котенка, которого держишь на коленях. Ты что, не понимаешь, что симпатичной маленькой девочке не надо играть в игры с плохими ребятами, иначе ей могут сделать очень больно? Я уверен, если бы ты была дома, твой отец не выпустил бы тебя на улицу. Но ты сейчас здесь, у нас дома, что накладывает на нас с Джорджем определенную ответственность... Правда, Джордж?

— Так точно, мой генерал!

— Между прочим, я буду защищать тебя и от Джорджа. Жанет, ты в состоянии объяснить этому ребенку, что все здесь ей рады и хотят, чтобы она осталась? Она, по моему, из тех дам, которые всегда норовят сами выписать чек.

— Дело не в этом, Жан, — начала я, но меня прервала Жанет:

— Марджи, — сказала она, — Бетти просила меня позаботиться о тебе как следует, если ты считаешь, что кому-то что-то должна, сделай взнос в Британско-Канадский Красный Крест. Или в приют для бездомных кошек. Что же касается нас, то так уже вышло, что мы трое зарабатываем кучу денег и у нас нет детей. Ты для нас все равно, что еще один котенок... Так как? Ты остаешься? Или мне нужно спрятать твою одежду и хорошенько выпороть тебя?

— Я не хочу, чтобы меня пороли.

— Жаль, я предвкушала... Джентльмены, вопрос решен, она остается. Мардж, мы тебя надули. Джордж несомненно попросит тебя позировать в свободное время — он вообще жуликоватый парень, — а картинки предоставит нам вместо того, чтобы оплатить овощи и фрукты, как он обязан по нашему договору. И еще представит это так, будто он нам делает одолжение.

— Ничего подобного, — вмешался Джордж. — Ее содержание я оформлю, как деловые расходы, моя очаровательная Жанет. И должен тебе сказать, что она стоит дороже, чем мои взносы на питание — по крайней мере раза в полтора.

— Согласна. Но не в полтора, а в два. По крайней мере. И не торгуйся, ты ведь ничего ей не заплатишь...

Кстати, а в твоей студии она тебе не нужна? Я имею в виду — в лаборатории?

— Ценная мысль! Она витала где-то на задворках моего сознания, и... Спасибо тебе, бесценная наша, за то, что ты извлекла ее на свет Божий! — Он повернулся ко мне: — Мардж, ты не продашь мне одно яичко?

Он застал меня врасплох. Я постаралась сделать вид, что не поняла:

— Но... У меня нет никаких яиц!

— Есть, есть! И на самом деле — много. Гораздо больше, чем понадобится тебе самой. Я имею в виду яйцеклетки. В лабораториях за яйцеклетки платят гораздо дороже, чем за сперму — простая арифметика. Ты поражена? Я тебя шокировал?

— Нет... Только удивил. Я думала, ты художник.

— Мардж, — вмешалась Жанет, — я говорила тебе, что он — артист во многих смыслах. Это правда. С одной стороны, он — старший профессор тератологии в Университете Манитобы, с другой — он главный технолог Ассоциации генетических лабораторий и великий специалист по яслям. Это, кстати говоря, требует большого артистизма и очень высокой квалификации. При этом он недурно управляет холстом и красками. А также с приборной панелью компьютера.

— Это точно, — кивнул Жан. — К чему бы Джордж ни прикоснулся, он — мастер. Но зря вы, двое, обрушили это на Мардж. Она же наша гостья... Многие люди очень огорчаются, когда слышат разговоры о манипуляциях с генами... Особенно с их генами.

— Мардж, я огорчил тебя? Прости, я не хотел...

— Ничуть. Жан, я не принадлежу к тем, для кого неприятна сама мысль об искусственных людях, или искусственных существах, или ком-то там еще... Да что там, многие мои друзья — ИЧ...

— Ну-ну, дорогая, — мягко прервал меня Джордж, — не надо заходить так далеко.

— Почему ты так говоришь? — спросила я, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал не очень резко.

— Говорю, потому что знаю, потому что работаю в этой области и у меня действительно много друзей ИЧ. Чем я, кстати, горжусь. Но...

— Я полагала, — тут же возразила я, — что ИЧ никогда не знают своих создателей.

— Это правда, и я никогда не нарушал кодекс. Просто я хочу сказать, что у меня есть много возможностей познакомиться с искусственными существами и искусственными людьми (это, кстати, не одно и то же) и завести друзей среди них. Но, прошу прощения, дорогая мисс Марджори, — если вы только не моя коллега по профессии... Нет?

— Нет.

— Только гениальный инженер или тот, кто очень тесно связан с этой промышленностью может утверждать, что у него есть друзья среди ИЧ. И это потому, моя дорогая, что, невзирая на очень распространенную байку, отличить искусственного человека от обычного совершенно невозможно. Да-да... А из-за нелепых предрассудков, свойственных тупым и невежественным людям, искусственный человек почти никогда добровольно не признается в своем происхождении. Да что там "почти"! Вообще никогда. Поэтому, хотя я и очень рад, что у тебя не едет крыша от разговоров об ИЧ, мне приходится расценивать твое утверждение, как...ну, как гиперболу, что ли, к которой ты прибегла, чтобы продемонстрировать свою свободу от предрассудков.

— Что ж... ладно. Пусть будет так. Я не понимаю, почему ИЧ должен считаться гражданином второго сорта. Это несправедливо.

— Несправедливо. Но некоторые люди напуганы. Спроси, например, у Жана. Он готов сейчас сломя голову мчаться в Ванкувер, только чтобы не позволить ИЧ стать пилотами. Он...

— Заткнись ты! Черта с два! Я поддерживаю это потому, что мои братья по гильдии так проголосовали, но... Я же не идиот! Джордж, я не живу с тобой, мы общаемся, и... я понял, что тут нужен компромисс — мы должны как-то договориться. Мы ведь в нынешнем веке уже не настоящие пилоты — все делает компьютер. Если компьютер вырубится, я, как настоящий бойскаут, попытаюсь посадить коробку на землю, но... Не спеши ставить на меня! Скорости, требующиеся в критические моменты, давно уже лежат за пределами человеческих возможностей... Ну,

конечно же, я *постараюсь!* И каждый пилот на моем месте выложится, но... Джордж, если ты можешь создать ИЧ, который будет мыслить и действовать со скоростью, достаточной, чтобы самостоятельно выйти из подпространства, я уйду на пенсию. Это — все, чего мы добиваемся: если компания заменит нас ИЧ, нам должны быть выплачены все наши деньги. Если ты, конечно, и впрямь можешь создать *такое...*

— Ну, разумеется, я мог бы это сделать. И когда я сотворил бы это, если бы мне позволили, все пилоты могли бы спокойно отправляться удить рыбу до конца своих дней. Но это был бы не ИЧ, а искусственное существо. Если бы мне пришлось создавать организм, способный обеспечить *полную* безопасность при пилотировании, я никогда не стал бы ограничивать себя таким потолком — соблюдать абсолютную его идентичность обычному человеку...

— Не надо этого делать!

Мужчины уставились на меня с изумлением, а Жанет — с любопытством, я же... пожалела, что не прикусила себе язык вовремя.

— Почему нет? — поинтересовался Джордж.

— Ну... Потому что я никогда бы не села на такой корабль. Гораздо безопаснее я чувствую себя с Жаном.

— Спасибо тебе, Мардж, — улыбнулся Жан, — но... ты ведь слышала, что сказал Джордж. Речь идет о пилоте, который будет делать все *лучше*, чем я. Это вполне возможно. И так оно, черт возьми, и будет! Заменяли шахтеров автоматами — так же заменят и нас. Я не обязан кричать "ура" по этому поводу, но я не могу и закрывать на это глаза.

— Что ж... Скажи, Джордж, ты работал когда-нибудь с компьютером, наделенным интеллектом?

— Конечно, Марджори. Искусственный разум — та область, которая очень тесно переплетается с моей.

— Хорошо. Тогда ты должен быть в курсе, что множество раз специалисты-ученые, создатели искусственного интеллекта, объявляли всему свету, что они совершили переворот и вплотную подошли к созданию полностью разумного компьютера. И каждый раз это кончалось пшиком.

— Да. Это печально.

— Нет. Неизбежно. Это всегда будет кончаться именно так. Компьютер может стать полностью разумным — какие сомнения?! Доведите его до уровня, идентичного человеческому разуму, и ему *придется* стать разумным. Но тогда он осознает, что он — не человек. Потом он обнаружит, что никогда не сможет стать человеком, и все, что он может, — это сидеть и подчиняться человеческим приказам... И тогда он сходит с ума. — Я пожала плечами. — Это тупик. Он не может быть человеком и никогда не сможет. Не исключено, что Жан и не сумеет спасти своих пассажиров в критический момент, но он *постарается*. Искусственное создание, не будучи человеком и не испытывая никакой лояльности по отношению к человеческим существам, может запросто разбить корабль... Просто так! Просто потому, что оно устало от несправедливого обращения с ним. Нет, Джордж, лично я полечу с Жаном, а не с твоим ИС, которое в конце концов станет ненавидеть род людской.

Только не с *моим* ИС, дорогая, мягко поправил меня Джордж. — Разве ты не заметила, в каком наклонении я все время обсуждал этот проект?

— Нет. Мне кажется...

— В сослагательном. Потому что ты не сказала мне сейчас ничего нового. Я никогда над этим не работал и не стану работать. Я *способен* создать такого пилота. Но я не способен встроить в это ИС то этическое восприятие, какое есть у Жана.

— Может быть, мне стоит на предстоящей встрече потребовать, чтобы любой пилот, будь он ИЧ, или ИС, проходил этический тест? — подумав спросил Жан.

— Какой тест, Жан? Я не знаю способа всунуть в него этические понятия, а Мардж только то убедительно объяснила, почему в данном случае не помогут никакие тренировки и обучения. Но так или иначе, *каким* тестом ты это обнаружишь? — Джордж повернулся ко мне. — Знаешь, когда я был студентом, — сказал он, — я читал старинные рассказы о роботах-гуманоидах... Да, очаровательные рассказы, и многие из них были основаны на, как их называли, законах роботехники. Главным в этих законах было то, что в каждого робота вводилось основное правило: он никогда не мог ни прямо, ни косвенно причинить вред человеку. Прекрасная основа для фан-

тазии, но... Как это осуществить на практике? Что может заставить разумный организм нечеловеческого происхождения, электронный или органический, быть лояльным по отношению к людям? Я не знаю, как это сделать. Точно так же не знают и искусственные люди. — Джордж усмехнулся. — Разумность можно определить, как уровень мышления, на котором разум вопрошает: "А что во всем этом есть для меня?" Ну-с, Мардж, как насчет продажи мне одного свежего яичка? Быть может, я тогда попробую сказать, что в этом есть для тебя, а?

— Не слушай его, — вмешалась Жанет, — он положит тебя на холодный стол и станет вторгаться в лоно любви без всяких романтических намерений. Я-то знаю, я ведь уже трижды имела глупость поддаться на его уговоры. И он даже не заплатил мне.

— Как же я мог тебе заплатить, если у нас с тобой все общее? Марджори, дорогая моя девочка, стол совершенно не холодный, он *очень* удобный, и ты можешь в это время читать, или болтать по видеофону, или делать все, что тебе заблагорассудится. Теперь эта процедура уже не та, что сто лет назад, когда лезли через брюшную полость и нередко протыкали...

— Хватит! — прервал его Жан. — Тут, кажется, что-то новенькое... — Он прибавил звук на терминале.

— ... Совет по выживанию. События, происшедшие за последние двенадцать часов, являются предупреждением для богатых и власть имущих о том, что время их сочтено и справедливость должна восторжествовать. Убийства и прочие наглядные демонстрации продолжатся до тех пор, пока не будут удовлетворены наши справедливые требования. Оставайтесь на местах и не выключайте местные каналы экстренных сообщений...

ГЛАВА XI

Даже те из вас, кто слишком молод, чтобы самим слышать это объявление, наверняка читали о нем и проходили в школах. Но все равно я должна кратко пересказать его,

чтобы объяснить потом, как и почему повлияло оно на меня и на мою странную жизнь. Так называемый Совет по выживанию объявил себя тайным сообществом “простых людей”, посвятивших себя искоренению миллиардов несправедливостей, царящих на Земле и на всех планетах, куда только ни ступала нога человека. Этому они решили отдать свои жизни.

Но для начала в их планы входило — *взять* кое-какие жизни. Они заявили, что составили списки тех, кто “дергал за веревочку” на нашей планете и за ее пределами — свой список для каждого территориального государства и один общий список “вождей” мирового масштаба. Имена в этих списках и были их мишенями.

Перечислив имена мировых “вождей”, голос с терминала приступил к списку для Британской Канады. По выражениям лиц и глубокомысленным кивкам моих хозяев я видела, что они согласны с большинством кандидатур. Заместитель премьер-министра был в этом смысле, а вот сама премьер — к моему и, вероятно, к (еще большему) ее собственному удивлению, — в списке отсутствовала. Как бы вы чувствовали себя, если бы потратили всю свою жизнь на политику, прошли весь путь до самой вершины, а потом появились бы какие-нибудь умники и объявили, что вы настолько не имсете никакого значения, что вас даже убивать ни к чему? Это все равно, как если бы вас изнасиловала кошка!

Далес голос пообещал, что в грядущие десять дней убийств больше не будет. Если по истечении этого срока положение не исправится, каждый десятый выбранный по жребью из этого списка будет уничтожен. Приговоренные не будут названы, они будут просто убиты. Еще через десять дней — опять каждый десятый. И так до тех пор, пока выжившие не создадут Утопию.

Голос объяснил, что Совет — никакое не правительство и не собирается заменять какой бы то ни было правительственный орган. Совет — это просто гвардия моралистов, олицетворяющих собой гражданское сознание общества. Те, кто выживает, так и останутся у власти, но они выживут лишь при условии, что будут творить справедливость. Пытаться уйти в отставку и сложить с себя бремя власти — бессмысленно, о чем их предупредили, и:

— Вы слушали Голос выживания! Близится рай на Земле!

После этого последовала длинная пауза — слышно было, как проматывается пустой конец пленки, а потом на экране появился диктор.

Первой нарушила молчание Жанет:

— Да, но... — начала она, однако Жан резко перебил:

— Что "но"?

— Нет сомнений, что в этом списке значатся самые влиятельные люди страны... Власть имущие. Представь, что ты — в этом списке и настолько труслив и глуп, что согласен сделать *все*, лишь бы уцелеть. Ну, и что ты будешь делать? Что есть справедливость?

("Что есть истина?" — спросил Понтий Пилат и... умыл руки. У меня ответов не было, поэтому я молчала.)

— Дорогая, это же очень просто, — ответил ей Джордж.

— Просто?!

— Конечно. Они все здорово упростили. Каждый шеф, босс или, допустим, тиран изначально знает, что он должен делать. Так во всяком случае предполагается — ведь это его работа. Если он делает то, что должен, что ему положено, все идет нормально. Если же его постигает неудача, ему предлагают прислушаться к... гражданскому сознанию общества. С помощью доктора, м-мм... Гильотины.

— Джордж, сейчас не до шуток!

— Никогда не говорил серьезнее, дорогая. Если лошадь не берет барьер, пристрели лошадь. Продолжай дальше в том же духе и в конце концов ты найдешь лошадь, которая возьмет барьер. Если у тебя не кончатся лошади. Это особый вид псевдологии, с помощью которой большинство людей лезет в политику. И это заставляет порой сомневаться в том, что человечеством вообще можно управлять с помощью *любой* системы правительств.

— Правительство — всегда грязное дело, — буркнул Жан.

— Верно. Но убийство — еще грязнее.

Эта политическая дискуссия длилась бы еще дольше, если бы экран не осветился — кстати, я давно заметила, что политические дебаты никогда не иссякают сами по се-

бе, пока их не оборвет что-то извне. На экране появился диктор, вернее, дикторша.

— Пленку, которую вы только что прослушали, — объявила она, — передали нам прямо на станцию. Представитель премьер-министра высказался о ней крайне отрицательно и распорядился, чтобы станции, которые еще не транслировали пленку, воздержались от трансляции — под флагом Закона о защите граждан. То, что подобное распоряжение означает введение предварительной цензуры, а следовательно, идет вразрез с конституцией — очевидно. «Голос Виннипега» будет продолжать сообщения о развитии событий. Призываем вас сохранять спокойствие и оставаться в домах, если только гражданские службы не нуждаются в вашем присутствии.

Далее последовало повторение тех новостей, которые мы уже слышали, и Жанет выключила звук.

— Жан, — сказала я, — предположим, я останусь здесь до тех пор, пока в Империи все не успокоится...

— Это не предположение, а свершившийся факт.

— Слушаюсь, сэр. Но тогда мне нужно срочно связаться со своим шефом. Могу я воспользоваться вашим терминалом? С моей кредитной карточкой, конечно.

— Только не с твоей. Я закажу разговор сам.

Я почувствовала, что начинаю злиться.

— Жан, я в восторге от гостеприимства, которое ты... С которым вы все меня встретили. Но если вы собираетесь оплачивать даже то, за что любой гость может и должен платить сам, то вам лучше зарегистрировать меня как наложницу и объявить, что вы выплачиваете все мои долги.

— Резонно. Какое жалование ты хочешь?

— Постой! — вмешался Джордж. — Я заплачу больше. Он у нас скупердяй.

— Не слушай их обоих, — посоветовала Жанет. — Может, Джордж и заплатит побольше, но он заставит тебя позировать и потребует яичко — за те же деньги. Что касается меня, то я всегда мечтала о наложнице-рабыне. Родная, из тебя выйдет роскошная одалиска, даже без ожерелья на шее. Ты умешь делать спинной массаж? А как насчет вокала? И наконец, главный вопрос: как ты относишься к женскому полу? Последнее можешь шепнуть мне на ухо.

— Послушайте... Давайте я выйду на минутку, потом вернусь, и мы начнем все сначала. Мне просто нужно сделать один звонок. Жан, я могу воспользоваться своей кредитной карточкой? У меня — единая, с кредитом “три-А”.

— Где зарегистрирована?

— Имперский банк в Сант-Луисе.

— У тебя железные нервы. Ты, стало быть, сладко спала всю ночь и не слышала объявления. Ты хочешь, чтобы твоя карточка была уничтожена?

— Уничтожена?..

— Эхо, что ли, у нас в доме? «Бритканкредит» объявил, что в связи с чрезвычайным положением карточки, зарегистрированные в Империи и Квебеке, подлежат ликвидации. Так что прошу — вставляй ее в прорезь и увидишь, как образуется компьютер. А потом почувствуешь запах паленого пластика.

— Ох...

— Ну-ну, продолжай. “Ох...” — у тебя отлично получилось.

— Ты прав, Жан, и... Давай я съем пирог с горчицей и с перцем, но после этого можно я позвоню Бессу за твой счет?

— Конечно-конечно... Если ты уладишь этот вопрос с Жанет. Она ведь ведет хозяйство.

— Жанет?..

— Ты так и не ответила на мой главный вопрос, родная. Шепни мне на ухо.

Я наклонилась и прошептала ей на ухо несколько слов. Она широко открыла глаза.

— Ну и ну... Но сначала давай сделаем твой звонок.

Я назвала ей код, она пошла к себе в комнату и набрала его на своем терминале. Титры на экране исчезли, и появился фирменный знак связи, а потом слова:

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ —
СВЯЗИ С ЧИКАГСКОЙ ИМПЕРИЕЙ НЕТ.

Буквы светились десять секунд: когда они погасли, у меня с губ сорвалось довольно крепкое словцо.

— Ай-яй-яй, — раздался за спиной голос Жана. — Ни дамам, ни хорошеньким маленьким девочкам не следует так говорить.

— А я — ни то, ни другое. И я в полной ярости!

— Я знал, что ты будешь злиться. Я слышал объявление. Но я знал и то, что ты не поверишь мне на слово и захочешь сама попробовать.

— Да, Жан, конечно... А теперь я не только расстроена, а... Вообще на мели. У меня огромный кредит в Имперском банке Сант-Луиса, но я не могу взять оттуда ни пенни. Все, что у меня есть — несколько новозеландских долларов и какая-то мелочь. Да, еще пятьдесят империалов и... недействительная карточка. Ты говорил что-то о наложнице? Можешь нанять меня за гроши — этот рынок, пожалуй, сейчас хорош для покупателя.

— Подумаю. Обстоятельства изменились, и я, пожалуй, возьму тебя за койку и харчи. Впрочем... Что ты там нашептала Жанет? Это может повлиять на окончательное решение.

— Она нашептала мне: "Не рой другому яму", — вмешалась Жанет (я ничего подобного ей не говорила), — и я адресую это тебе, мой добрый повелитель. Мардж, за прошедший час ты не стала хуже. Ты по-прежнему не можешь возвращаться, пока все не уляжется... А когда все уляжется, границы откроют, восстановят связь и твоя кредитная карточка снова станет желанной и почитаемой... Ну, если не здесь, то уж во всяком случае через сто миль после границы. Так что расслабься и жди...

— ... С ясным умом и спокойным сердцем. Аминь. Да, это — самое лучшее, — кивнул Жан. — А Джордж скоротает время, рисуя тебя в разных видах. Он ведь в аналогичном положении — оба вы опасные чужаки и вас интернируют, стоит вам лишь переступить порог этого дома.

— Мы что, пропустили еще какое-то объявление? — спросила Жанет.

— Да. Оно повторялось несколько раз. И Джордж и Марджори должны немедленно явиться в ближайший полицейский участок. Я бы не советовал этого делать. Джордж может строить из себя дурака и твердить, что он понятия не имел о том, что указ распространяется на

проживающих здесь постоянно. Они, конечно, могут и отпустить вас на поруки, но с тех же успехом вы можете провести зиму в каких-нибудь грязных бараках, ибо где гарантия, что эта свистопляска закончится через неделю-две?

Я задумалась. Всему виной моя собственная глупость. В деловые поездки я всегда беру с собой не одну кредитную карточку и приличную сумму наличными. Но отправляясь в отпуск, я и не подумала соблюдать это правило. За наличные и верблюд может пролезть сквозь игольное ушко... Даже не один раз. А вот без них... Что делать без них?

После курса основной подготовки я ни разу не пробовала нелегально пересечь границу. Может, настала пора проверить на практике, что дает этот курс? Слава Богу, погода нормальная!

— Эй! Включите звук! — послышался голос Джорджа. — Или идите сюда!

Мы все побежали в гостиную и услышали с экрана:

— ... Господа! Не верьте хвастовству грешников! Мы и только мы несем ответственность за знаки грядущего апокалипсиса, что вы видите вокруг вас. Прислужники Сатаны пытаются присвоить себе святые действия избранных Богом слуг и направить их на свои гнусные цели. За это они несут сейчас кару. правители же мира здесь, на Земле, должны осуществить следующие святые деяния:

Прекратить все полеты к раю Господню, ибо, пожелай Господь, чтобы люди летали, он дал бы им крылья.

Не допустить, чтобы бесовские наваждения продолжали существовать. Так называемая генная инженерия есть издевательство над высшими помыслами Господними. Разрушайте здания, где творят этот смертный грех. Уничтожьте живых мертвецов, коих создают в черных ретортах. Перевешайте бесов, что творят сии беззакония.

— О, Господи, — пробормотал Джордж, — похоже, это обо мне!

Я промолчала. Я-то знала, что это — обо мне.

— Мужчины, что ложатся с мужчинами, женщины, что ложатся с женщинами, все, кто ложатся с животными, должны быть забиты камнями, равно как и женщины, уличенные в измене.

Паписты и сарацины, неверующие и евреи, а также все, кто поклоняется идолам, Ангелы Господни обращаются к вам: покайтесь, ибо час пробил! Покайтесь или падите от меча избранных Богом!

Развратники, проститутки и нечестивцы, покайтесь! Или ждет вас страшная кара Господня!

Грешники, не выключайте эту волну, ибо здесь вам могут поведать, как сумеют обрести Свет те из вас, для кого еще не все потеряно!

По приказу Высшего генерала Ангелов Господних!

Пленка кончилась, и наступила тишина.

— Жанет, помнишь, как мы первый раз увидели этих Ангелов Господних? — спросил Жан.

— Такого не забудешь. Но я никак не ожидала *такого...*

— А что, эти Ангелы Господни и впрямь существуют? — спросила я. — Значит, это не просто бред?

— Ну... Вообще-то трудно представить, чтобы те “ангелы”, которых мы видели с Жаном, были связаны с этим делом. Прошлой весной, в апреле, я заехала в аэропорт, встретить Жана. Главный зал был полон поклонников Кришны, эти кришнаиты в длинных робах, с бритыми головами прыгали, тряслись и выпрашивали деньги. С посадочной площадки выходила делегация ученых-исследователей, прилетевшая на какую-то конференцию... По-моему, на Северо-Американскую конвенцию. Когда они подошли вплотную к кришнаитам, появились эти самые Ангелы Господни — с написанными от руки плакатами, тамбуринами и дубинками... Марджи, это была самая поганая свара, которую я где-либо видела. Отличить их друг от друга не составляло труда. Кришнаиты — одетые, как клоуны в цирке, с их бритыми лбами... В общем, с ними все ясно. Ангелы и ученые спецкостюмов не носили, но перепутать из было невозможно. Вышедшие с посадочной площадки все были чистые коротко постриженные, аккуратные, а ангелы выглядели, как... незастеленные кровати. Да еще этот из “благочестивый” запах — когда ветер от них подул в мою сторону, я поспешила отойти, чтобы меня не стошнило... Ученым, конечно, не впервой было драться за свои права, и они защищались стойко, не бросая ни одного своего раненого. Кришнаиты дрались беспомощно, как

цыплята, не обращая внимания на раненых, но Ангелы... Они лезли, как сумасшедшие, напролом... Они и *есть* сумасшедшие! Дрались кулаками, зубами, дубинками до тех пор, пока уже не могли подняться. Чтобы оттеснить их, понадобилось по одному конному полицейскому на каждого Ангела, хотя обычно одного верхового хватает на десяток хулиганов... Похоже, Ангелы знали время прилета ученых и специально пришли встретить их — кришнаиты там оказались случайно... Порт — удобное место для плясок, трясок и выколачивания монет, а Ангелы, увидев, что не смогут отличить ученых от кришнаитов, принялись молотить и тех и других.

— Я видел их из-за барьера, — кивнул Жан. — Эти Ангелы дрались, как одержимые, но... я и представить себе не мог, что эти грязные придурки могут запугать всю планету. Черт!.. Я и сейчас не могу поверить! Я думаю, они просто блефуют — ну, как те психопаты, что берут на себя ответственность за любой террористический акт.

— Все равно, мне бы не хотелось столкнуться с ними лицом к лицу, — возразила Жанет.

— Это верно! Я скорее схватился бы со сворой диких собак. Но у меня не укладывается в голове, как свора диких собак может запугать правительство! Что за странный мир...

Никто из нас не предполагал, что могут появиться другие претенденты на ответственность за акции, но... Двумя часами позже на волне появились некие стимуляторы.

— Говорит официальный представитель стимуляторов. Тщательно выбрав цель, мы совершили первые казни, после чего не начинали никаких беспорядков. Мы сочли целесообразным блокировать некоторые линии связи, но блокада будет снята, как только позволят обстоятельства. Дальнейшее развитие событий вынуждает нас огласить наш благотворный и лишенный всякого насилия проект. Оппортунисты, называющие себя Советом за выживание в англо-язычных странах, или последователями Льва Троцкого, или прочими бессмысленными именами где бы то ни

было, пытаются воспользоваться нашей программой. Они легко могут быть выведены на чистую воду вследствие того простейшего факта, что никакой программы у них самих нет. Хуже дело обстоит с религиозными фанатиками, зовущими себя Ангелами Господними. Их так называемая программа — это безумная смесь антиинтеллектуальных лозунгов и невежественных предрассудков. Успеха они не добьются, но их доктрина ненависти может натравить людей на своих братьев и сестер, поэтому фанатики должны быть остановлены.

Чрезвычайный Декрет номер один. Все, кто называют себя Ангелами Господними, приговариваются к смертной казни. Власти обязаны приводить приговор в исполнение сразу же по опознании виновных. Всем гражданам при каждой встрече с именующими себя Ангелами Господними следует сообщать о них властям. Гражданам разрешается самим совершать аресты и в случае необходимости применять силу.

Соккрытие сведений о вышеозначенной группе лиц, а также укрывание их, оказание им любой помощи приравнено к тягчайшим уголовным преступлениям.

Чрезвычайный Декрет номер два. Ложно взятая на себя ответственность за любую акцию стимуляторов, а также ложные ссылки при каких-либо действиях на приказ стимуляторов приравнивается к тягчайшему преступлению. Все власти повсеместно обязаны следовать этому закону. Декрет распространяется на группы и отдельных личностей, именующих себя Советом за выживание, однако декрет не ограничивается лишь этой категорией.

Примечание. Вышеназванные законы вступают в действие с момента их объявления. Политические, финансовые и прочие лидеры обязываются исполнять вышеназванные меры и несут личную и коллективную ответственность за их выполнение. Заслушание — смертная казнь.

Немедленные реформы. Все налоги, цены и ренты объявлены замороженными. Все закладные на частное жилье аннулированы. Любая прибыль не должна превышать шести процентов.

В каждой стране медицинская промышленность полностью национализируется. Врачам выплачивается жалованье, адекватное зарплате учителей высших учебных за-

ведений, сестрам — адекватное зарплате учителей в начальных школах. Отменяется плата за содержание в клиниках и больницах. Все граждане, независимо от социального положения, обеспечиваются медицинским уходом на самом высоком уровне.

Все общественные и частные службы, функционирующие в данный момент, продолжают работу. После переходного периода будут разрешены и произведены те перемены местоположения различных учреждений и лиц, которые приведут к росту общего благосостояния.

Следующие демонстрационные казни произойдут через десять дней, плюс-минус два дня. Список официальных лиц, подверженных риску, оглашенный так называемым Советом за выживание, не утверждается и не аннулируется. Каждый из вас должен заглянуть себе в душу и спросить себя, все ли вы делаете правильно и на благо ваших сограждан. При положительном ответе, вы — в полной безопасности. Если ответ отрицателен, вы можете быть причислены к группе лиц, избранных в качестве наглядного примера всем тем, кто ввергнул нашу честную планету в пучину несправедливостей и гнусных привилегий.

Специальный Декрет. Производство псевдолюдей прекращается немедленно. Все так называемые искусственные люди и (или) искусственные существа должны быть готовы подчиниться новому закону, выработанному властями, как только таковой появится и вступит в силу. Во время переходного периода, пока готовятся решения, согласно которым будет строиться жизнь псевдолюдей, чтобы не причинять вреда человечеству, исключая возможность бесчестной конкуренции с подлинными людьми, подобные существа должны продолжать работу, но оставаться полностью изолированными в нерабочее время.

Местным властям запрещается уничтожать этих существ, и лишь при следующих условиях их можно...

Речь неожиданно прервалась, и на экране появилось потное лицо усталого мужчины.

— Я — сержант Мэллой, я говорю от имени председателя парламента Хендерсона. Все подобные неофициальные передачи отныне запрещены. Обычные регулярные программы вскоре будут продолжены. Однако не снимайте

настройку с этого канала на случай чрезвычайных сообщений. — Он запнулся, вздохнул и устало произнес: — Плохое время, ребята. Наберитесь терпения.

ГЛАВА XII

— Ну вот, дорогие, выбирайте — кому что нравится, — усмехнулся Джордж. — Теократия во главе с охотниками на ведьм и бесов. Или фашистский социализм во главе с вчерашними недоучками. Или толпа беснующихся прагматиков, обожающих пристреливать лошадь, не берущую барьер. Делайте ваши ставки! Выбор свободен, но только — по одной на каждого!

— Прекрати, Джордж! — сказал Жан. — Это не предмет для шуток.

— Брат мой, какие шутки? Я плачу. Одна банда велит застрелить меня при первом появлении, другая — объявляет мою профессию вне закона, а третья... Мне кажется, третьей — той, что отделяется общими угрозами, не конкретизируя, — нужно бояться больше всего. Стало быть, если я не удовлетворюсь одной лишь врачебной практикой, вновь сформированное правительство — моя нынешняя “альма матер” — объявит меня чужаком, которого нужно пока держать взаперти, а потом... Так что же мне делать? Шутить? Или рыдать у тебя на груди?

— Прежде всего перестать разглагольствовать — вот что. Мир сходит с ума прямо на наших глазах, и нам стоит хорошенько все обдумать и решить, что можно предпринять.

— Прекратите, вы оба! — твердо сказала Жанет. — Есть одна вещь, которую знает любая женщина и *не знает* почти ни один мужчина: бывает время, когда самый мудрый поступок — ничего не делать, а ждать. Я прекрасно знаю вас обоих. Вы, конечно, дайте вам волю, тут же побежите в пункт набора рекрутов, запишетесь в ополчение и целиком отдадите себя во власть сержантов. Это очень подходило вашим отцам, вашим дедам, и, поверьте,

мне искренно жаль, что это совершенно не годится для вас. Наша страна в опасности, а значит, и вся наша жизнь — это ясно. Но если кто-то знает лучший способ противостоять этому, чем просто сидеть и ждать, пусть выскажется. Если же нет, то хватит делать круги. Подходит время того, что обычно всегда называли ленчем. У кого-нибудь есть лучшие предложения?

— Мы очень поздно завтракали.

— Значит, у нас будет поздний ленч. Когда ты увидишь его на столе, тебе немедленно захочется есть. И Джорджу — тоже... Мы можем сделать и еще кое-что: если вдруг положение ухудшится, Мардж должна знать, куда укрыться в случае бомбежки.

— Или чего-нибудь похуже, — буркнул Жан.

— Или чего-нибудь похуже, — согласно кивнула Жанет. — Ты прав, Жан. Скажем, если полиция станет разыскивать вражеских лазутчиков. Кстати, а вы, двое сильных и храбрых мужчин, подумали, что нам делать, когда начнут стучаться в нашу дверь?

— Да, я думал об этом, — ответил Джордж. — Первый план таков: вы отдаете Мардж в руки казаков, это отвлекает их и таким образом даст мне время убежать. Далеко-далеко.

— Понятно, — кивнула Жанет, — но у тебя, кажется, есть и другой план?

— Ну, он не так прост и элегантен, как предыдущий, но... Есть и другой. Я сам отдаюсь в руки гестапо. Они выясняют, можно ли меня — почетного гостя и исправного налогоплательщика, ни разу не уклонившегося от взносов в фонд полицейских и пожарников, — бросить в застенок без всяких на то оснований. И пока я таким образом приношу себя в жертву высоким идеалам, Мардж ныряет в тайник и ложится на дно. Они ведь не знают, что она здесь, а вот обо мне, к сожалению, *знают*. Так что, "на смертный бой идти готов..."

— Не играй в благородство, дорогой, это тебе не подходит. Мы из этих двух планов сделаем один. Если... Нет, *когда* они придут искать кого-то из вас, или обоих, вы вместе ныряете в тайник и пробудете там столько, сколько потребуется. Дни... Недели. Словом, сколько нужно.

— Нет, — покачал головой Джордж, — это не для меня. Сыро. Вредно для здоровья.

— И потом, — вмешался Жан, — я обещал Мардж, что буду защищать ее от Джорджа. Какой смысл спасать ей жизнь, но при этом швырять ее в объятия этого сексуально озабоченного дикаря?

— Не слушай его. Моя единственная слабость — сладкий ликер.

— Крошка, ты нуждаешься в защите от Джорджа?

Вполне искренно я ответила, что скорее Джорджу может понадобиться моя защита, но в подробности вдаваться не стала — пусть примут это как юмор.

— Что же касается твоих жалоб на сырость, Джордж, то наша нора имеет тот же климат, что и во всем доме, — я сама делала проект. Полиции мы тебя не отдадим, даже если понадобится для этого связать тебя и запихнуть туда силой. — Она повернулась ко мне. — Идем со мной, родная. Мы сейчас совершим легкую прогулку. Не без дождичка, правда. — Она провела меня в предназначенную мне комнату и взяла в руки мою спортивную сумку. — Что у тебя здесь?

— Ничего особенного. Несколько пар чулок, трусики... Паспорт. Бесплезная кредитка, немного наличных, удостоверение личности, блокнот... Весь мой багаж остался в порту.

— Это хорошо, потому что все эти мелочи можно оставить в моей комнате — у нас с тобой примерно один размер. — Она открыла ящик комода и достала пластиковый конверт, прикрепленный к поясу. Обычный дамский кошелек на поясе — я его сразу узнала, хотя никогда таким не пользовалась. Он не годится для моей работы, слишком примитивен.

— Положи сюда все, с чем ты не хочешь расставаться, и надень пояс на себя... Да застегни его как следует, потому что ты вся вымокнешь. Волосы не боишься намочить?

— Господи, нет, конечно! Я и феном-то никогда не пользуюсь — просто вытираю из полотенцем или отряхиваюсь.

— Отлично. Клади все в кошелек, надевай пояс и снимай с себя всю одежду — незачем ее мочить. Впрочем,

если явятся жандармы, тебе все равно придется быстро нырнуть и шмотки вымокнут, но ты высушишь их в норе.

Мы зашли в ее огромную ванную, на мне был только пояс, на ней — одна улыбка.

— Родная, — сказала она, — посмотри под сиденье на той стороне, -- и указала на противоположный конец ванны-бассейна.

— Ничего не вижу, — сказала я, пристально вглядевшись в поверхность воды.

— Я специально так рассчитала. Вода чистая, и ты можешь разглядывать дно, сколько угодно. Но в том единственном месте, откуда видно то, что находится под сиденьем, свет лампы так отражается от поверхности воды, что бьет прямо тебе в глаза. Под сиденьем небольшой туннель. Ты его не увидишь, как бы ни старалась, но если залезешь в воду, можешь дотянуться до него. Вход в туннель — чуть меньше метра в диаметре, а длина всего туннеля — метров шесть. Ты не боишься закрытого пространства? Какой-нибудь клаустрофобии или чего-то вроде у тебя нет?..

— Нет.

— Это хорошо. Единственный способ пробраться в нору — вдохнуть поглубже, нырнуть и проплыть весь туннель. Это не так уж трудно, вдоль дна встроены специальные уступы, от которых можно отталкиваться... Но главное — не сомневаться, что ты вынырнешь и все будет нормально. Сначала в туннеле будет темно, но свет включится сам — там система радиационного включения, реагирующего на тепло тела. Для первого раза, пожалуй, я нырну первой. Ты готова?

— Да.

— Пошли. — Жанет вошла в бассейн. Вода доставала ей чуть выше талии. — Делаем глубокий вдох! — Она вдохнула и нырнула под мраморное сиденье.

Я вошла в воду, набрала в грудь воздух (мне этого хватит на дольше, чем любому человеку) и нырнула вслед за ней. Найти туннель на ощупь не составило труда, двигаться по нему было легко, а уступы на дне еще больше облегчали путешествие, но все равно мне показалось, что там гораздо больше шести метров.

Неожиданно впереди зажегся свет, я доплыла до него и поднялась на ноги. Жанет протянула мне руку, помогла выбраться из воды, и я очутилась в крохотной комнатке — от пола до потолка было не больше двух метров... Уютнее, чем в могиле, конечно, но... Ненамного.

— Повернись, дорогая. Вот сюда.

“Вот сюда” — это оказалось, — за тяжелую стальную дверь, в полуметре над полом. Жанет открыла ее, мы по очереди сели на порог, потом перебросили ноги на ту сторону, и дверь закрылась за нами со звуком крышки барокамеры.

— Дверь герметичная: — объяснила Жанет. — Если бомба разорвется поблизости, взрывная волна выплеснет всю воду из туннеля сюда, но дальше двери — ни на миллиметр. Ну, конечно, при прямом попадании... Впрочем, прямого попадания мы не заметим, так что я на него не рассчитывала. Осматривайся, привыкай... Я сейчас поищу полотенце.

Мы очутились в длинной узкой комнате с куполообразным потолком. Справа у стены стояло несколько раскладных кроватей, стол со стульями и рядом с ним терминал компьютера, в дальнем конце — крохотная кухонька и дверь в ванную или душевую. Жанет зашла за эту дверь и тут же появилась с большим полотенцем.

— Постой спокойно и не вертись, пока мамуля тебя вытрет, — сказала она. — Фенов здесь нет, я постаралась обойтись минимумом автоматики.

Она вытерла меня насухо, а потом за полотенце взялась я и “поработала” над ней — с большим удовольствием, должна признаться, ибо Жанет была красивым экземпляром человеческой породы. В конце концов она сказала:

— Хватит, крошка. Теперь давай-ка я устрою тебе небольшую экскурсию; ведь если ты окажешься здесь, то в качестве беженки, а стало быть, вполне вероятно, будешь совсем одна... Да-да, это очень даже возможно, и твоя жизнь будет зависеть от того, насколько хорошо ты изучишь это место. Итак, первое: видишь книжку, висящую на цепи над столом? Это — инструкция, мое личное изобретение, и цепочка здесь вовсе не ради шутки. С этой книжкой тебе не нужны никакие экскурсии — в

ней все. Где аспирин, где аммонал, где яблочный соус — там все указано.

И все же она, несмотря на инструкцию, прочла мне коротенькую лекцию: запасы пищи, морозильная установка, система вентиляции, ручной насос для воды на случай отказа автоматики, одежда, лекарства и так далее...

— Я рассчитала здесь все на три месяца для троих, — сказала она.

— А как ты возобновляешь запасы?

— А как бы ты это делала?

— Откачала бы воду из туннеля и бассейна, — подумав, ответила я.

— Совершенно верно. У нас есть потайной резервуар, он не значится ни на одном из планов постройки. Впрочем, многие вещи не боятся воды, а что-то можно проташить и в водонепроницаемых пакетах... Кстати, как там деньги у тебя в кошельке на поясе? Не намокли?

— Думаю, нет. Я выдавила весь воздух из кошелька, прежде чем закрыть его. Жанет... А ведь этот тайник не только бомбоубежище, иначе ты бы не тратила столько сил и денег, чтобы сохранить его *втайне*, а?

Она нахмурилась, а потом усмехнулась.

— А ты догадлива, родная. Ты права, я не стала бы строить это только ради бомбоубежища. Если на нас когда-нибудь станут падать ядерные бомбы, я не очень захочу уцелеть и пережить это. Я сделала нору, чтобы иметь защиту в случае, как говорят, "гражданских беспорядков"... Мои дед и бабушка часто рассказывали мне о временах, когда люди были вежливы друг с другом, никто не боялся выходить ночью на улицу и почти все не запирали двери. Не было или почти не было заборов вокруг домов, не говоря уже об электрической проволоке и лазерной защите. Может, так оно все и было, но я не так стара, чтобы помнить это. На протяжении всей моей жизни, и это я хорошо помню, все менялось к худшему. Когда я закончила школу, то на своей первой работе занималась тем, что разрабатывала модели новых защитных устройств для реконструированных старых зданий. Но те модели уже устарели, а ведь это было не так уж давно. Тогда главной задачей защиты было — остановить и спугнуть незваного гостя, сейчас же защита, как правило, двухступенчатая:

если первая ступень не остановила, вторая — должна убить. Это противозаконно, но все, у кого есть достаточно средств, пользуются только такими средствами. Марджи, скажи, что я тебе еще не показала? Не лезь в книгу, ты ее испачкаешь. Напряги извилины — какую главную часть норы я не показала тебе?

Она что, и вправду хочет, чтобы я сказала?

— По-моему, ты показала мне все... Даже основной блок энергоснабжения!

— Ну, подумай, родная. Представь, что дом наверху взорван. Или что он полон незваных гостей... Ну хотя бы, что полиция обыскивает каждый закуток — ищут тебя и Джорджа. Что тогда нужно иметь *здесь*?

— Ну... У каждого, кто живет под землей — лисиц там, зайцев, кротов, — должен быть запасной выход, да?

— Умница! Где он?

Я притворилась, что стараюсь отыскать его. На самом деле из-за подсознательного рефлекса, привитого специальными тренировками ("Не расслабляйся ни на секунду в закрытом помещении, пока не нашла способ выбраться"), я давно уже нашла его.

— По идее он должен быть напротив основного входа, то есть туннеля, а значит... Я думаю, он внутри этого шкафа. Да?

— Не знаю, то ли поздравлять тебя, то ли как следует подумать, как бы его спрятать получше. Ты права — внутри шкафа и сразу налево. Свет зажжется от тепла твоего тела, как и в туннеле — система питания автономная и, по-моему, ее хватит на всю жизнь. Но на всякий случай стоит захватить с собой фонарь — ты знаешь, где он лежит, — потому что этот туннель довольно длинный. Он выходит наружу далеко от дома, в небольшой рощице, там, где густые заросли кустарника. Замаскированная дверь, хоть она и тяжелая, открывается легко. Вот так...

— Здорово сделано, но... Слушай, Жанет, а что если кто-то найдет этот вход снаружи и войдет? Хотя бы, я, а? В конце концов, я ведь посторонняя.

— Ты не посторонняя. Ты наша старая подруга, с которой мы просто недавно познакомились. Но ты права, кто-то может случайно найти запасной выход, несмотря на то, что он хорошо замаскирован. Тогда... Первое: жуткий

вой сирены по всему дому, и мы, не спускаясь вниз, просмотрим каждый метр туннеля на экране одного из мониторов. Далее, мы кое-что предпримем — слезоточивый газ, например. Но если в это время нас не будет дома, то мне, честно говоря, останется лишь посочувствовать Жану и Джорджу.

— Почему?

— Потому что сочувствовать *мне* вряд ли придется — я сошлюсь на внезапное женское недомогание. Мне не очень улыбается избавляться от мертвецов, особенно если тело пролежало уже несколько дней... Брр-р-р.

— А-а... Понятно.

— Но тело не будет мертвым, если у его владельца останется хоть одна извилина. Вспомни, что я тебе говорила, Мардж, я же профессиональный специалист по защитным устройствам — по современным, то есть двухступенчатым. Допустим, кто-то добрался до этой двери и просунул свои когти внутрь — нет, он пока еще живой. Если это кто-то из нас — вряд ли, но в принципе возможно, — он легко дотянется до потайного выключателя, и защита не сработает. Я покажу тебе, где он находится... Если же это незваный гость, он увидит загоревшуюся надпись на двери: “Частная собственность — держись подальше!” Допустим, он плюнет на это и проходит дальше метров пять — раздастся голос, предупреждающий, что дом под активной защитой. Кретин продолжает идти вперед... Вой сирен, красный свет слепит ему глаза. Он идет дальше? Что ж, бедным Жану и Джорджу придется вытаскивать из туннеля груды вонючего тряпья — только не наружу и не в дом. Если кто-то покончит с собой, стараясь прорваться сквозь нашу “защиту”, тело его никогда не найдут, он просто исчезнет. Хочешь узнать, каким образом?

— Совсем не хочу. Я уверена, что я не из тех, “кому следует ознакомиться”. — (Замаскированный боковой туннель, Жанет, и — в конце его известковая яма... Интересно, сколько тел уже там? Жанет, ты вся такая нежная, как утренний туман, но если кто-то и выживет в эти сумасшедшие годы, ты будешь среди них. Ума и осторожности тебе не занимать, и наивна ты не больше, чем Мария Медичи.)

— И я так думаю. Хочешь посмотреть что-нибудь еще?

— Вряд ли, Жанет. Тем более, что скорее всего я никогда не воспользуюсь этим чудным убежищем. Возвращаемся?

— Попозже. — Она подошла ближе и положила руки мне на плечи. — Так что ты мне там прошептала на ухо?

— По-моему, ты слышала.

— Да. Я слышала. — С этими словами она притянула меня к себе и...

На терминале, стоящем у стола, зажглась надпись: "Ленч готов!" Жанет с отвращением взглянула на экран и, вздохнув, сказала:

— Тупая машина. Всю малину изгадила...

ГЛАВА XIII

Ленч был великолепен. Вокруг огромной супницы с подогревом расположились холодные закуски: маринованные огурцы, сыр нескольких сортов, хлеб, соленья, орехи, маслины, сельдерей и чуть поодаль — хлебные корочки, натертые чесноком. Джордж склонился над супом с торжественностью метрдотеля и разлил его по глубоким тарелкам. Когда я уселась за стол, Жан повязал мне на шею огромную салфетку и посоветовал:

— Приступай как можно скорее. И не стесняйся чавкать по-свински.

Я попробовала суп и кивнула:

— Так и сделаю. — Потом повернулась к хозяйке и добавила: — Жанет, ты, наверно, придумывала этот суп весь вчерашний день.

— Ничуть не бывало, — возразила Жанет. — Он был завешан Джорджу его прапрабабкой.

— Ну, не надо преувеличивать, — вмешался Джордж, моя покойная матушка, упокой Господь ее душу, — начала варить его в тот год, когда я родился. Моя старшая сестра всю жизнь мечтала унаследовать рецепт, но она вышла замуж за недостойного — британского канадца, есте-

ственно, — и поэтому рецепт отошел ко мне. Я стараюсь следовать традициям, но все же... Думаю, и вкус, и букет были лучше, когда его готовила покойная маман.

— Я в этих вещах не разбираюсь, — пожала я плечами, — но ручаюсь, этот суп не имеет никакого отношения к консервам.

— Я начала варить его на прошлой неделе, — сказала Жанет, — но Джордж отогнал меня от плиты и следил за ним сам. Он понимает в супах больше, чем я.

— Я вообще ничего не понимаю в супе, я просто ем его, и... надеюсь в супнице есть еще.

— Кажется, нет, — сказал Джордж, — но мы можем сварить. Правда свежего мяса, по-моему, нет, но наловим мышей...

— Что там свежего в новостях? — перебила его Жанет.

— А как же твое правило? “Только не за едой”, а?

— Жан, любимый, уж кто-кто, а ты должен прекрасно знать, что мои правила распространяются на всех, кроме меня самой.

— В общем, без персмен. Об убийствах больше ни слова. Если и появились какие-нибудь новые охотники взять на себя весь происшедший кошмар, наше заботливое правительство решило не уведомлять нас об этом. Господи, как же я ненавижу эту логику — “Папочка лучше знает”! “Папочка” не знает, иначе мы бы не очутились по уши в том дерьме, в котором торчим сейчас. Это лишь подтверждает, что мы не знаем ничего, и мне по этому поводу так и хочется пристрелить кого-нибудь.

— По-моему этого уже было достаточно. Или ты намерен записаться в Ангелы Господни?

— Улыбайся, когда говоришь такие вещи. Или хочешь, чтобы у тебя распухла губа?

— Вспомни последний раз, когда ты хотел выпороть меня. Что из этого вышло?

— Именно поэтому я и сказал “губа”?

— Дорогой, я закажу для тебя успокоительную микстуру... Поверь, мне очень жаль, что ты так расстроен. Мне тоже это не нравится, но я не вижу другого выхода, кроме как выкинуть все это из головы.

— Жанет, ты иногда бываешь разумна до невозможности. Что действительно выводит меня из себя, так

это — огромная черная дыра во всех сообщениях... И я не вижу никакого объяснения этому.

— Чему?

— Международным корпорациям. Все новости касались только территориальных государств, и ни слова — о корпоративных. А между тем, всякому, кто умеет считать до десяти, ясно, на чьей стороне сегодня настоящая власть. Что, эти обороты не в курсе?

— Старина, — мягко сказал Джордж, — может быть, именно поэтому корпоративные государства и не объявлялись мишенями?

— Да, но... — Жан пожал плечами и уставился в свою тарелку.

— Жан, — сказала я, — помнишь тот день, когда мы впервые встретились? Ты объяснил, что не существует способа ударить по корпорациям — говорил еще в Ай-би-эм и России.

— Я говорил не совсем так, Мардж. Я сказал, что военная сила бесполезна, когда имеешь дело с корпорацией. Обычно, когда эти гиганты воюют между собой, они пользуются деньгами и юридическими заковычками, то есть воюют с помощью банкиров и адвокатов, а не грубого насилия. Ну да, иногда они нанимают боевиков, пользуются военной силой, но никогда не признаются в этом и... Это не их стиль. Однако нынешние шутники используют как раз то оружие, которым *можно* врезать по корпорациям и здорово *задеть* их: терроризм и саботаж. Это же очевидно! И меня здорово беспокоит, почему мы до сих пор ничего об этом не слышали. И я не понимаю, что происходит. Почему они до сих пор не вступили в игру?

Я проглотила большой кусок хлеба, который перед этим обмакнула в этот потрясающий суп, а потом сказала:

— Жан, а может так быть, что это какая-нибудь корпорация... — или даже не одна, а несколько — стоит за всем этим спектаклем?

Жан так резко выпрямился, что задел ложку в тарелке и пролил суп на скатерть.

— Мардж, — медленно проговорил он, — ты просто чудо. Я выудил тебя из толпы по причинам, не имеющим никакого отношения к твоим мозгам...

— Я знаю. — Но мозги у тебя на месте. Ты моментально углядела самое слабое место в этом идиотском намерении компаний нанимать искусственных пилотов... Я повторю твои аргументы в Ванкувере. А теперь — в этой бредовой картине всего происходящего — ты добавила один мазок, и все стало на свои места.

— Я не уверена, что все встало на места, — сказала я. — Но, судя, по сообщениям, убийства и саботаж охватили всю планету, равно как и Луну, и дошли аж до Сириуса. Для этого нужны сотни людей, скорее всего даже тысячи. И убийства, и саботаж — профессии не из легких, они требуют тренировок. Любители, если даже их и удастся нанять, завалят дело в семи случаях из десяти. Все это означает, что... За этим стоят деньги, *много* денег. У какой-нибудь там вшивой политической организации или у сумасшедшей религиозной секты подобных денег нет и быть не может. Так у кого же есть деньги для демонстрации такого масштаба? Я не знаю... Я просто назвала один из возможных вариантов.

— Ты решила проблему. Все ясно, кроме одного: *кто?* Мардж, чем ты занимаешься во время, свободное от семьи на Южном острове?

— У меня нет семьи на Южном острове, Жан. Мои мужья и сестры по С-браку развелись со мной. — Выговорив это, я вдруг так же поразилась услышанному, как и он.

Все замолчали. Жан с трудом глотнул и тихо сказал:

— Мне... Мне очень жаль, Марджи.

— Не стоит, Жан. Это была ошибка, теперь она исправлена и тема закрыта. Я больше не поеду в Новую Зеландию. Но я с удовольствием съездила бы как-нибудь в Сидней — повидать Бетти и Фредди.

— Я уверен, им это придется по вкусу.

— Мне тоже. Кроме того, они оба приглашали меня. Жан, а что преподает Фредди? Мы с ним... У нас не было времени поговорить об этом.

— Фредерико мой коллега, Мардж, — ответил Джордж, — счастливое совпадение, приведшее к моему пребыванию здесь.

— Да, это правда, — кивнула Жанет. — Толстячок вместе с Джорджем перекраивал гены в Мак-Гилле, там

Джордж встретил Бетти, Бетти отфутболила его в моем направлении, а я... Я его сцапала.

— Вот мы с Джорджем и договорились, — вмешался Жан, — поскольку никто из нас в одиночку не мог справиться с Жанет. Верно, Джордж?

— Ты прав, о брат мой. Если, конечно, мы вдвоем можем с ней справиться.

— Мне, кстати, трудно справляться с вами, — заметила Жанет, — и я, пожалуй, попрошу Мардж помочь мне. Ты как, Мардж?

Я не стала серьезно отвечать на это предложение, потому что ни на йоту не верила в его серьезность. Все просто болтали ерунду, чтобы как-то сгладить свое шоковое сообщение. И мы все это знали. Но заметил ли кто-нибудь, кроме меня, что вопрос о моей работе больше не обсуждался? Я-то знала, что произошло, но... Почему же так резко проснулся мой подсознательный инстинкт и произвел столь сильный отвлекающий маневр? Ведь я все равно никогда бы не стала выдавать секреты Босса!

Вдруг до меня дошло, что мне необходимо срочно связаться с ним. Участвует он в этих странных событиях? И если да, то на чьей стороне?

— Желаете еще супу, мадам?

— Нет, не давайте ей больше супу, пока она не ответит на мой вопрос.

— Жанет, ты же это не на полном серьезе. Джордж, если я съем еще супу, я захочу еще хлеба. И растолстею. Нет, не надо меня искушать.

— Еще супу?

— Ну, хорошо... Только немного.

— Я совершенно серьезно, — твердо сказала Жанет. — Я, конечно, не хочу тебя ничем связывать, потому что сейчас ты, наверно, не испытываешь большого энтузиазма при мысли о браке. Но ты можешь попробовать, и через год мы вернемся к этой теме. Если захочешь. А пока что ты будешь просто моей собственностью... Да, и я разрешу этим двум маньякам находиться с тобой в одной комнате, только если их поведение меня будет устраивать.

— Эй, постой, — протестующе воскликнул Жан, — кто, интересно, привез ее сюда? Я! Так что Мардж — дама моего сердца!

— Она дама сердца Фредди, если верить словам Бетти. И ты привез сюда Мардж в качестве заместительницы Бетти, но... Это все было вчера, а с сегодняшнего дня она — дама *моего* сердца! И если кому-то из вас захочется с ней поговорить, будьте любезны подойти ко мне на предмет получения талона. Я права, Марджори?

— Конечно, Жанет, если тебе так хочется. Но боюсь, сейчас вопрос носит чисто академический характер, потому что мне действительно надо уезжать. Скажи, в доме есть большая карта приграничной полосы? Я имею в виду южную границу.

— Конечно. На компьютере. А если хочешь распечатку, сделай сама — принтер — в моем кабинете, он сразу за спальней.

— Но я не хочу прерывать новости.

— Ты и не прервешь. Каждый терминал здесь может работать самостоятельно. Без этого в доме невозможно было бы жить, ты же видишь, какие здесь все эгоисты...

— Особенно Жанет, — кивнул Жан. — Мардж, зачем тебе понадобилась большая карта границы с Империей?

— Вообще-то я с большим удовольствием вернулась бы домой монорельсом, но... Это сейчас невозможно, а поэтому мне нужно найти какой-то другой способ.

— Так я и думал. Родная, мне придется спрятать подальше твои башмаки. Ты понимаешь, что тебя могут запросто пристрелить на границе? Причем пограничники с *обеих* сторон сейчас с удовольствием развлекутся.

— М-мм... Так можно я займусь картой?

— Разумеется... Если ты пообещаешь даже не пытаться лезть в приграничный район.

— Брат мой, — мягко произнес Джордж, — зачем заставлять человека лгать и ввергать его в искушение?

— Джордж прав, — подвела итог Жанет, — никаких принудительных обещаний. Валяй, Мардж, действуй, а я уберу со стола. Жан, ты собирался мне помочь.

Следующие два часа я провела с компьютером, сначала запоминая общую картину границы, а потом самым подробнейшим образом — некоторые ее участки. Граница не может быть на все сто процентов *на замке*, не помогут даже стены с колючей проволокой, которыми в тоталитарных государствах огораживают некоторые объекты. Обычно

наилучший маршрут в таких случаях — неподалеку от охраняемых пользоваться всем известным путем.

Поблизости было несколько пропускных пунктов: Станция Эмерсон, Сосновая бухта, южная станция Гретна, Мэйда и еще парочка. Я обратила внимание на Розовую реку, но она, кажется, уходила в сторону и впадала в Красную реку (карта в этом месте была смазана).

Был еще странный кусок суши, клином входящий в Лесное озеро, к юго-востоку от Виннипега. На карте он был выкрашен в тот же цвет, что и Империя, и, похоже, мне ничто не могло помешать пересечь границу на этом участке — если не принимать во внимание несколько километров болота. Я — не сверхчеловек, и я запросто могу захлебнуться и утонуть, но... этот неохраняемый участок уж очень дразнил мое воображение. В конце концов я все же выкинула это из головы по той простой причине, что, хотя формально этот кусок был частью Империи, его отделяли от нее двадцать два с лишним километра воды. Украсть лодку? Голову даю на отсечение — стоит появиться в этом пространстве любой лодчонке, и она немедленно нарвется на прожектор, и, если не назовет нужный пароль, ее тут же угостят лазером, а с лазером не поспоришь. Во всяком случае я с ним в спор не вступаю, потому что ему ни глазки не состроишь, ни взятку не сунешь, и... я выкинула это из головы.

Только я оторвалась от карты и принялась строить в воображении свой маршрут, как с терминала раздался голос Жанет:

— Марджори, пожалуйста пройди в гостиную. И побыстрее!

Я пришла туда очень быстро. Жан говорил с кем-то, глядя на экран. Джордж стоял так, что его с экрана не было видно. Жанет знаком показала мне, чтобы я тоже встала в непросматриваемом участке комнаты.

— Полиция, — шепнула она. — Тебе лучше нырнуть в нору. Давай, не мешкай, а когда они уйдут, я тебя позову.

— Они в курсе, что я здесь? — шопотом спросила я.

— А черт их знает.

— Тогда давай подождем, пока это не выяснится. Если они знают про меня и не смогут меня найти, у вас будут неприятности.

— Плевать мы хотели на неприятности.

— Спасибо... Но давай все-таки подождем и послушаем.

— Мел, не валяй дурака, — говорил меж тем Жан, обращаясь к лицу на экране. — Джон не чужак и не враг, ты же прекрасно это знаешь. А что касается этой... мисс Болдуин, так ты ее назвал?.. Почему вы решили искать ее здесь?

— Вчера вечером она выехала из аэропорта вместе с тобой и с твоей женой. И если она не с вами, то вы наверняка знаете, где она сейчас. Что касается Джорджа, то любой квебекец сегодня чужак и враг, неважно — сколько он здесь прожил и в какой клуб ходит. Я полагаю, ты сам предпочтешь, чтобы его забрал ваш старый приятель, чем посторонний патруль. Давай, отключай верхнюю защиту, я сажусь.

— Вот уж действительно, старый приятель! — громко шепнула Жанет. — Он еще со школьной скамьи пытается затаскать меня в постель, а я с тех самых пор твержу ему “нет”... Он какой-то весь скользкий!

— Мел, — со вздохом произнес Жан, — сейчас твои заверения в дружбе по меньшей мере смешны. Если бы Джордж был здесь, он наверняка предпочел бы, чтобы его арестовал посторонний, а не сцапал человек, разглагольствующий о дружбе. Так что начни все сначала и пусть все будет по правилам.

— Значит, ты *так* хочешь? Ладно! Говорит лейтенант Дякей. Я должен произвести в вашем доме арест. Отключите защиту, я приземлюсь.

— Говорит Жан Тормей, домовладелец. Приветствую блюстителей порядка. Лейтенант, приставьте ордер к своему передающему устройству так, чтобы я мог удостовериться в его правильности и сфотографировать его.

— Жан, ты что совсем спятил? Было объявлено чрезвычайное положение, и мне не нужен никакой ордер!

— Какой-то треск, я вас не слышу.

— Не слышишь? Ну, может, тогда ты *это* услышишь: я приземляюсь и вынужден спалить твою защиту. Если при этом загорится что-то еще, мне будет очень жаль.

Жан с отвращением посмотрел на экран и чем-то щелкнул на приборной доске.

— Верхняя защита отключена, — сказал он, потом выключил микрофон и повернулся к нам. — У нас двоих есть три минуты, чтобы спуститься в нору. Я не смогу задержать его дольше на пороге.

— Я не собираюсь лезть ни в какие норы, — спокойно ответил Джордж. — Я буду настаивать на своих правах. И если не сейчас, то позже я привлеку Мелвина Дикей к суду и спущу с него шкуру.

— Ты спятил, — пожал плечами Жан, — но ты уже не мальчик. Поступай, как знаешь. Мардж, детка, ныряй вниз. Он не уверен, что ты здесь, и я быстренько от него избавлюсь.

— Что ж... Если это необходимо, я нырну, но... Я ведь могу просто переждать в ванной комнате у Жанет, а? Он придет, покрутится здесь и уйдет. А я включу там терминал, чтобы все видеть. Идет?

— Мардж, с тобой становится все труднее и труднее.

— Тогда уговори Джорджа — пусть он тоже нырнет в нору. Если же он останется здесь, я могу вам понадобиться... Чтобы помочь ему. И тебе.

— Ты соображаешь, что говоришь?

Я сама толком не отдавала себе отчет, но просто знала, что со всей моей подготовкой глупо было выходить из игры и отсиживаться в этом убежище.

— Жан, этот Мелвин Дикей... Он, по-моему, может сделать Джорджу что-нибудь... плохое. Я чувствую по его голосу, и если Джордж не ныряет со мной, я останусь с ним, чтобы этот Дикей ничего не... Ну, я хочу сказать, что тому, кто попал в руки полиции, всегда нужен свидетель.

— Мардж, ты же все равно не сможешь его остановить... — Послышался дверной гонг. — А, черт! Это он... Исчезни отсюда! И ныряй в нору!

Я убралась из гостиной, но не в нору, а в ванную Жанет. Там я включила терминал, настроила изображение на гостиную и включила звук.

Разряженный, как петух, Дикей горделивой поступью вошел в гостиную. Его маленькая душонка разместилась в теле, почти не уступавшем размерами Жану. Его бегающие глазки сразу засекли Джорджа, и на губах заиграла торжествующая улыбочка.

— Ага, вы здесь, — радостно протянул он. — Перральт, я арестую вас за сознательное уклонение от явки в полицию на предмет высылки из страны в условиях чрезвычайного положения — параграф шестой!

— Я не получал таких указаний.

— Чушь! Это передавалось по всем каналам новостей.

— А я обычно не слушаю новости. И я не знаю такого закона, который был бы применим ко мне. Могу я взглянуть на копию приказа, согласно которому вы намереваетесь арестовать меня?

— Не морочьте мне голову, Перральт. Мы действуем в условиях чрезвычайного положения, и я выполняю инструкции. Вы сможете ознакомиться с приказом в полиции. Жан, я обещаю вам помочь мне. Возьмите эти браслеты, — Дикей вытащил из-за спины пару наручников, — и наденьте их на него. Руки заведите ему за спину.

— Мел, — Жан не тронулся с места, — не старайся быть глупее, чем ты есть на самом деле. У тебя нет ни малейшего повода надевать на Джорджа наручники.

— Нет повода? Черта с два! Нам придется сидеть рядом, а арест я совершаю без чьей бы то ни было помощи. И я не могу рисковать и допустить, чтобы он попробовал выкинуть какой-нибудь трюк по дороге в полицию. А ну-ка живо! Надевай на него браслеты!

— Не смей наставлять на меня свой дурацкий пистолет! — раздался голос Жанет, и..

Я уже не смотрела на экран. Вон из ванной, мимо двух дверей, вниз, через длинный холл и — я уже была в гостиной, чувствуя странный озноб, как всегда, когда мне приходится резко входить в разнос.

Дикей пытался взять на прицел сразу троих, одной из которых была Жанет. Этого ему не стоило делать. Я очутилась рядом с ним, одной рукойхватила у него пистолет, а другой ударила его по шее. Послышался неприятный хруст — с таким хрустом всегда ломаются шейные позвонки, этот звук никогда не спутаешь с треском

ребер... Я опустила тело на ковер и положила пистолет рядом, механически отметив, что это — "Рэйтон-505", которым можно было уложить мамонта... Интересно, почему люди с маленькими душонками всегда обожают большой калибр?

— Жанет, ты не ранена? — спросила я.

— Нет.

— Я прибежала так быстро, как только могла... Жан, когда я говорила, что вам может понадобиться моя помощь, я имела в виду что-то вроде этого... Но мне надо было оставаться здесь — я чуть не опоздала.

— В жизни своей не видал, чтобы кто-то двигался так *быстро!*

— Я видел, — спокойно произнес Джордж.

— Ну, разумеется. — Я кинула на него быстрый взгляд. — Разумеется, *ты* видел... Джордж, ты можешь мне убрать это? — Я указала на мертвеца. — Да, и еще — ты умеешь водить гравилет? Полицейскую модель?

— Умею, если нет другого выхода.

— И я примерно так же. Давайте сначала избавимся от тела. Жанет говорила мне о яме, куда попадают тела непрошенных гостей. Нет, она не показывала место. Это где-то рядом с потайным выходом из норы? Надо приниматься за дело. Жан, как только мы избавимся от трупа, Джордж и я — мы можем убраться отсюда. Или Джордж может оставаться... Но главное — избавиться от гравилета и от тела — тогда вы с Жанет можете изображать глухонемых. Вы никогда его не видели, никаких улик нет. Но нам нужно спешить, пока его не хватились.

Жанет опустилась на колени рядом с бывшим лейтенантом полиции.

— Мардж, ты... по-настоящему убила его.

— Да, я очень спешила. Но я все равно бы убила его, потому что, когда имеешь дело с полицейским, убить — гораздо *безопаснее*, чем ранить. Жанет, ему не надо было наставлять свою пушку *на тебя*. Если бы не это, я, быть может, только отняла бы у него пистолет, а потом... Потом убила бы его, если бы ты сама решила, что это необходимо.

— Ты... и впрямь очень спешила. Тебя здесь не было, потом ты оказалась здесь, а Мел стал падать... Необходимо? Я не знаю, но... мне его ни чуточки не жаль, он — обыкновенная крыса... *Был* обыкновенной крысой.

— Мардж, — медленно произнес Жан, — кажется, ты не отдаешь себе отчета в том, что убийство полицейского — это очень серьезное дело. Это тягчайшее преступление, причем единственное, за которое в Британской Канаде полагается смертная казнь.

Когда люди начинают так говорить, я просто перестаю их понимать — разве полицейский чем-нибудь отличается от остальных?..

— Жан, для меня тыкать пистолетом в моих друзей — очень серьезное дело. Тыкать им в Жанет — тягчайшее преступление. Мне очень жаль, если я тебя огорчила, но... Сейчас у нас здесь тело и гравилет, и от них нам надо избавиться. Я могу помочь. А могу и просто исчезнуть — сию секунду. Выбирай, что тебе больше нравится, но выбирай быстро. Мы ведь не знаем, как скоро они примутся искать его... И нас. Мы лишь знаем, что этого не избежать.

Говоря это, я одновременно шарила по карманам у бывшего лейтенанта — он был без сумки, поэтому пришлось обыскивать тело, причем очень аккуратно, потому что естественные реакции организма всегда одинаковы... К счастью, он всего лишь чуть-чуть замочил трусы, и вони не было. Почти. Все самое важное было у него в карманах пиджака — бумажник, рация, удостоверения, деньги, кредитные карточки — словом, вся дребедень, без которой современный человек не может ощущать себя живым. Я взяла бумажник и "Рэйтон-505", все остальное — чепуха. Да, еще эти дурацкие браслеты...

— Как избавиться от металла? Их можно кинуть в ту же яму?

Жан все еще кусал губы. Джордж мягко сказал:

— Жан, нам стоит воспользоваться предложением Марджори и принять ее помощь — ведь ясно, что она в этих делах эксперт.

Жан наконец стряхнул с себя оцепенение и перестал ммуриться.

— Джордж, — сказал он, — бери его за ноги.

Мужчины подняли тело и потащили его в ванную Жанет. Я побежала вперед, бросила бумажник, пистолет и наручники на кровать в своей комнате и, оглянувшись, увидела, что Жанет присовокупила к этим вещам шляпу своего несостоявшегося любовника. Я кивнула и по-

спешила в ванную, раздеваясь на ходу. Мужчины внесли туда тело, и Жан сказал:

— Мардж, тебе не стоит нырять, мы с Джорджем протащим его сами. И сами избавимся от тела.

— Хорошо, — кивнула я, — только давайте я сначала его вымою. Я знаю, как это делается, и мне удобнее сделать это раздетой. Потом я быстренько приму душ.

— Зачем? — Жан с недоумением уставился на меня. — Пускай остается грязным.

— Пожалуйста, если ты так хочешь, но тогда вы не сможете пользоваться бассейном и нырять в нору, пока не смените воду и как следует не вычистите дно. По-моему, лучше вымыть тело — так будет быстрее. Хотя... — я повернулась к вошедшей в этот момент Жанет. — Ты говорила, что можно перекачать всю воду в специальный резервуар... Сколько это займет времени? Если полный цикл — туда и обратно?

— У нас маленький насос, так что... Около часа.

— Жан, если вы разденете его и засунете под душ, я справлюсь минут за десять. Да, а что делать с одеждой? Она пойдет с ним в “склеп”, или уничтожим ее другим способом?

Дело пошло быстро, как только они принялись выполнять мои команды. Жанет тоже разделась и заявила, что поможет мне с телом, Джордж собрал всю одежду и понес ее в спиральную машину, а Жан нырнул в туннель, чтобы проверить, как работает насос.

Мне не хотелось, чтоб Жанет помогала мне обмывать труп, потому что я проходила соответствующую психологическую подготовку, а она, я уверена, нет. Но с подготовкой или без, она держалась прекрасно — не раскисла ни на секунду, лишь пару раз сморщила нос. С ее помощью я управлялась быстрее, чем если бы делала все одна.

Джордж принес обратно выстиранную одежду, Жанет засунула шмотки в пластиковый пакет и, прежде чем закрыть его, выдавила оттуда весь воздух. Из бассейна вынырнул Жан, держа в руках конец веревки. Мужчины обвязали веревкой тело под мышками, и через несколько секунд оно исчезло.

Через двадцать минут мы все были чистыми и сухими, а в доме не осталось и следа от лейтенанта Дикея. Жанет вошла в мою комнату, как раз когда я перекладывала содержимое бумажника Дикея в свой пластиковый конверт

на поясе, который она мне дала. Наличные, две кредитные карточки — “Америкэн экспресс” и “Мэйпл Лиф”...

Она не стала говорить никаких глупостей, вроде: “Грабить мертвых...”, — а если бы и сказала, я бы не стала ее слушать. В эти дни обойтись без действующей кредитки и наличных — невозможно. Жанет вышла из комнаты и тут же вернулась, неся в руках раза в два больше наличных денег, чем я вытащила из бумажника полицейского. Я взяла их, но сказала:

— Ты ведь знаешь, что я понятия не имею, когда и как смогу тебе их вернуть.

— Конечно, знаю. Мардж, я — богата. Богатыми были мои дед и бабушка, богатыми — мои родители, теперь богата я сама... Слушай, родная, какой-то ублюдок наставил на меня пистолет, а ты... Ты пришибла его голыми руками. Смогу я когда-нибудь рассчитаться за *это*? Там стояли оба моих мужа, но... Врезала ему *ты*!

— Не нужно винить мужчин, Жанет — у них нет моей подготовки.

— В этом я имела случай убедиться. Когда-нибудь ты расскажешь мне поподробнее... Скажи, ты можешь оказаться в Квебеке?

— Очень может быть. Особенно, если Джордж решит, что ему тоже лучше убраться отсюда.

— Я думала об этом, — она протянула мне еще деньги, — обычно я не держу квебекские франки дома, поэтому вот все, что есть.

В этот момент в комнату вошли мужчины. Я взглянула на свои часы, потом — на те, что висели на стене.

— Сорок семь минут прошло с того момента, как я убила его, значит, он не разговаривал со своим начальством где-то около часа. Джордж, я хочу попытаться... Думаю, я справлюсь с полицейским гравилетом. Ключ — у меня. Или ты полетишь со мной и сам хочешь сесть на место пилота? Решай — летишь? Или остаешься ждать, пока они не придут арестовывать тебя еще раз? Так или иначе, я лечу отсюда.

— Давайте *все* смоемся! — неожиданно выпалила Жанет.

— Лихо! — Я не сумела скрыть радости.

— Ты действительно этого хочешь? — спросил Жан.

— Я... — Она запнулась и растерянно огляделась. — Я не могу. Мама-кошка, котятка... Черная Красотка, Дья-

вол, Звездочка, Рыжик... Мы, конечно, можем закрыть дом, отапливается он всего одним энергоблоком, но уйдет как минимум дня два, чтоб устроить всю нашу семью... Я не могу их просто бросить... Даже если бы был единственный котенок, все равно!.. Я просто *не могу!*

Возразить на это было нечего, и я промолчала. Страшная кара ожидает тех, кто бросает котят на произвол судьбы... Босс говорит, что я сентиментальна до идиотизма. Что ж, он прав.

Мы вышли из дома. На улице лишь начинало потихоньку смеркаться, и до меня неожиданно дошло, что я приехала сюда только вчера... Странно, а казалось, будто прошел целый месяц. Надо же, двадцать четыре часа назад с еще была в Новой Зеландии!

Полицейская машина торчала прямо на огороде Жанет, что вызвало у нее тираду, слегка удивившую меня, — я не ожидала, что она умеет произносить такие слова. Это был обычный антиграв, не предназначенный для выхода из атмосферы, примерно такого же размера, как наш фермерский выгончик на Южном острове. Нет-нет, это не вызвало у меня никаких ностальгических воспоминаний — Жанет со своими мужчинами и Бетти с Фредди вылечили меня от тоски по бывшей С-семье. Что прошло, то — прошло, такова я... А теперь я очень хотела вернуться к Боссу. Образ отца? Может быть, но меня мало увлекают все эти заумные теории.

— Дайте-ка мне взглянуть на эту землечерпалку, прежде чем вы начнете с ней играть, — сказал Жан, — а то вы можете натворить с ней дел.

Он поднял дверцу и забрался внутрь. Минут через пять он вылез и сказал:

— Что ж, если хотите, можете лететь. Но сначала выслушайте меня. У него есть опознавательный сигнал. Наверняка есть и активный маяк, хотя я так и не сумел его отыскать. Энергоблок стоит на тридцати одном проценте, так что о Квебеке забудьте — выше двенадцати тысяч метров вам не подняться. Но что хуже всего, на терминале постоянно вызывают лейтенанта Дикей.

— Ну и что? Мы не будем обращать на это внимание, и все дела!

— Разумеется, Джордж. Но в прошлом году, после заседаний в Ортеге в полицейские машины разрешено

вмонтировать устройства, позволяющие уничтожить аппарат с помощью дистанционного взрывателя. Я пытался найти это устройство и... Если бы я нашел его, я бы, конечно, сумел отключить. Но я не нашел, но это вовсе не значит, что его там нет.

— Жан, — пожала я плечами, — я никогда не бегала от необходимого риска, но всегда старалась избежать риска другого сорта. Тем не менее, нам все равно нужно избавиться от этой консервной банки — взлететь на нем и бросить его где-нибудь.

— Не суетись, Мардж. Летать — все-таки моя профессия. Что касается этого... Да! На нем стоит стандартный Эй-джи-автопилот военного образца, так что мы можем его куда-нибудь отправить. Но куда? Может быть, на восток? Он разобьется, не долетев до Квебека, и... Это может навести их на мысль, что ты, Джордж, хотел сбежать на родину. А между тем, ты преспокойно отсидишься в норе.

— Жан, мне все равно, потому что я не собираюсь отсиживаться ни в каких норах. Я согласился убраться отсюда только потому, что Мардж может понадобиться моя помощь.

— Скорее уж она будет о тебе заботиться — ты что не видел, как она уложила Головастика?

— Видел. Но я не сказал, что ей нужна забота, я сказал, что ей может понадобиться помощь.

— Не вижу разницы.

— А я вижу, но не хочу спорить. Впрочем, если ты настаиваешь...

Я прервала этот диалог, сказав:

— Жан, у него хватит энергии до южной границы с империей?

— Да. Но лететь тебе на нем опасно.

— Я не это имела в виду. Задай ему курс на юг и поставь на предельную дистанцию. Может быть, его собьют ваши пограничники, а может — со стороны империи. Возможно, ему удастся пересечь границу и он будет уничтожен дистанционным взрывателем... Или просто кончится энергия и он разобьется. Словом, в любом случае мы избавимся от него.

— Будет сделано! — Жан снова залез внутрь, поколдовал у приборной панели и, когда гравилет оторвался от земли, прыгнул вниз и прокатился по земле.

— Все в порядке? — протягивая ему руку и помогая подняться, спросила я.

— Все отлично! Смотрите!

Полицейская машина быстро набирала высоту, разворачиваясь к югу. Неожиданно она резко вырвалась из облаков, сверкнула в лучах заходящего солнца, стала быстро уменьшаться, превратилась в крошечную точку и исчезла.

ГЛАВА XIV

Мы снова сидели в кухне и обсуждали создавшееся положение, одновременно прислушиваясь к терминалу и потягивая коктейли, которые соорудил нам Жан.

— Послушай, Мардж, — говорил он, — не дергайся, посиди здесь и, когда этот дурацкий сезон закончится, ты поедешь домой со всеми удобствами. Если они вновь заявятся сюда, ты нырнешь в нору. Самое худшее — побудешь там какое-то время, а Джордж, как ему велела Бетти, напишет с тебя парочку “ню”. Ты согласен, Джордж?

— Это было бы замечательно.

— Ну, так как, Мардж?

— Жан, если я скажу Боссу, что не могла прибыть, когда следовало, потому что двадцатипятикилометровая полоса границы была закрыта, он мне просто не поверит. — (Сказать им, что я — курьер со спецподготовкой? Нет, не стоит. Пока не стоит).

— Что же ты собираешься делать?

— Ребята, думаю, я вам уже порядком надоела. — (Жан, родной, ты же все еще не можешь оправиться от шока после того, как на твоих глазах, в твоей гостиной убили человека! Хоть ты и взял себя в руки, и ведешь себя как профессионал, но...) — Я теперь знаю, где ваш запасной выход, так что, когда вы завтра утром проснетесь, меня, возможно, здесь уже не будет. И вы спокойно забудете все неприятности, которые из-за меня вам...

— *Нет!*

— Жанет, когда кончится эта свистопляска, я тебе позволю. И если захочешь, я с удовольствием навещу тебя, как только у меня будет свободное время, но сейчас я должна вернуться к своей работе. Ну, сколько раз я могу это повторять?

Но Жанет и слышать не желала о том, чтобы я в одиночку пыталась пересечь границу (это я-то, которой так же нужен был здесь помощник, как рыбе зонтик!). У нее, правда, был свой план: мы с Джорджем могли путешествовать по ее с Жаном паспортам. Мы с ней были примерно одинаковой комплекции, да и Джордж был почти одного роста с Жаном. Лица, конечно, разные, но... Кто в наше время смотрит на стереографии в паспорте?

— Вы можете потом вернуть паспорта по почте... Впрочем, есть вариант и попроще. Можете отправиться в Ванкувер, а оттуда в Калифорнийскую конфедерацию по обыкновенным туристическим картам, но под *нашими* именами. Когда пересечете калифорнийскую границу, считайте, вы дома... Мардж, там твоя кредитка будет действительна и ты запросто свяжешься со своим шефом. И никакая полиция там вам ничего не сделает. Изящно?

— Да, — подумав, согласилась я. — Прodelка с туристскими картами, пожалуй, безопаснее, чем с паспортами... Для всех безопаснее. Как только я окажусь там, где действует моя кредитка, у меня не будет никаких проблем.

Я тут же заполучу наличные и... Никогда и никто не застанет меня больше врасплох без денег. С наличными же деньгами нигде не пропадешь. Особенно в Калифорнии — там полно жуликов, в отличие от Британской Канады, где еще сохранилось много патологически неподкупных чиновников.

— В конце концов, — добавила я, — в Беллингеме мне будет никак не хуже, чем здесь... Оттуда я доберусь до Республики Одинокой Звезды и, если там граница закрыта, попытаюсь перейти ее нелегально. Есть какие-нибудь осложнения у Техаса с Чикаго? Они не разорвали дипломатические отношения?

— Судя по сообщениям, нет, — ответил Жан. — Впрочем, я могу запросить компьютер.

— Да, будь добр, запроси до того, как я уеду... Если понадобится, я могу добраться через Техас до Висконсина. Вверх по реке всегда плавают контрабандисты, и за деньги можно легко к ним примазаться...

— До того, как мы уедем, — мягко поправил меня Джордж.

— Джордж, этот маршрут удобен для меня, но тебе... С каждым шагом ты будешь все дальше и дальше от Квебека. Ты же говорил, что твой второй дом — в Мак-Гилле?

— Моя очаровательная леди, у меня нет ни малейшего желания отправляться в Мак-Гилл. Раз уж у меня возникли осложнения с полицией здесь — в моем истинном доме, — мне ничего не остается, кроме как ехать с тобой. Как только мы окажемся в Вашингтонской провинции Калифорнии, ты можешь сменить имя миссис Тормей на миссис Перралт, поскольку я уверен, что обе мои кредитные карточки — и “Мэйпл Лиф”, и “Квебекский кредит”, — будут действительны там.

(Джордж, милый, ты просто прелесть... Но когда я буду рвать когти из Калифорнии, мне так же понадобится ты, как испанский сапожок. А когти, милый, мне придется рвать, что бы там Жанет не говорила — домой и оттуда попасть непросто).

— Джордж, это звучит здорово. И я не могу сказать, что ты должен оставаться дома. Но я *должна* сказать, что по профессии я — курьер, и годами я путешествовала по всей планете в одиночестве, не раз бывала в космических колониях и на Луне. На Марсе и Сириусе — еще нет, но в любой момент меня могут послать туда...

— Ты хочешь сказать, что предпочитаешь ехать одна? Ты не хочешь, чтобы я составил тебе компанию?

— Да нет же! Нет! Я просто хочу сказать, что, если мы поедем вместе, это будет просто... ну, просто для удовольствия — твоего и моего. Но ты должен понять, что как только я окажусь в империи, я *должна* буду остаться одна, потому что я там немедленно приступаю к своим обязанностям.

— Слушай, Мардж, — сказал Жан, — пусть Джордж по крайней мере поможет тебе выбраться отсюда в такое место, где и речи не будет о том, что тебя могут выслать, и где твоя кредитная карточка станет действительной.

— Да-да, — добавила Жанет, — главное — это добраться до нормальной территории, где никто не будет на тебя смотреть как на вражеского лазутчика... Да, Мардж, ты можешь пользоваться моей визовой карточкой сколько

захочешь, у меня есть еще “Мэйпл Лиф”... Только не забудь, что ты — Жанет Паркер.

— Паркер?

— На визе стоит моя девичья фамилия. Вот, возьми...

Я взяла, решив, что использую ее лишь в самом крайнем случае, если кто-то будет висеть у меня на хвосте и заглядывать мне через плечо. При нормальных же обстоятельствах я постараюсь списать все на счет лейтенанта Дикея — его кредит наверняка не аннулируется в течение ближайших нескольких дней, а может, и недель... Мы еще немного поболтали, а потом я сказала:

— Я уезжаю прямо сейчас. Джордж, ты — со мной?

— Постой! — воскликнул Жан. — Что за спешка? Уже поздно, и утро вечера мудренее.

— Зачем ждать утра? Монорельс работает круглосуточно. Или нет? — Я знала, что работает.

— Да, но до ближайшей станции пилить и пилить... И на улице уже темно, как в мешке с углем.

Не стоит, пожалуй, сейчас обсуждать мою способность видеть в темноте, решила я.

— Жан, даже если идти пешком, я успею на станцию к полуночи. Если капсула отправляется ровно в полночь, я смогу как следует выспаться в Беллингеме, и, если граница с империей в Калифорнии открыта, я свяжусь со своим Боссом завтра утром. Я права?

Через несколько минут мы все уже сидели в их изящном экипаже. Жан был мною недоволен — еще бы, я оказалась совсем не тем мягким, нежным и беспомощным созданием, которых так обожают мужчины. Но он справился со своим раздражением и, когда они высадили нас на углу Периметра и Мак-Филипс, прямо напротив станции, очень нежно поцеловал меня на прощание. Мы с Джорджем смешались с толпой и влезли в двадцатитрехчасовую капсулу. Всю дорогу через континент нам пришлось стоять.

В Ванкувере мы были в двадцать два часа (по тихоокеанскому времени, в Виннипеге — полночь); садясь в шаттл на Беллингем, взяли декларации для туристических карт, заполнили их во время полета и на выходе заложили в компьютер. Оператор даже не поднял головы, когда компьютер выплюнул нам наши карты, а лишь пробормотал:

— Желаю приятно провести здесь время.

В Беллингеме выход с ванкуверского шаттла ведет прямо в нижний холл беллингемского "Хилтон-отеля". Прямо перед нами в воздухе плавали буквы:

БАР. ГОРЯЧИЕ ЗАВТРАКИ.
БИФШТЕКСЫ, КОКТЕЙЛИ,
МОМЕНТАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ.
Бар работает круглосуточно

— Миссис Тормей, любовь моя, — обратился ко мне Джордж, — мне кажется, мы с вами забыли поужинать.

— Мистер Тормей, вы, как всегда, правы. Давайте закажем жареного медведя.

— Кухню конфедерации не назовешь экзотической или тонкой, но... Она здоровая, простая и вполне подходящая для тех, кто успел как следует проголодаться. Я уже как-то раз ел в этом заведении — несмотря на его название, здесь можно заказать довольно разнообразные блюда. Если ты отложишь в сторону меню и позволишь мне сделать заказ, я могу гарантировать — голодной ты не останешься и получишь определенное удовольствие.

— Джордж... То есть я хочу сказать, Жан... Я ела твой суп, так что можешь заказывать мне все, что пожелаешь.

Это действительно был бар — без столиков: Но стулья были мягкие со спинками и, садясь к стойке, вы не бились об нее коленями, так что все — вполне сносно. Как только мы уселись, перед нами оказались аперитивы с яблочным соком. Джордж сделал заказ, пошел к присмному столику и зарегистрировал нас там. Вернувшись, он уселся на стул, поднял бокал с аперитивом и сказал:

— Теперь можешь называть меня "Джордж", поскольку ты — миссис Перралът. Именно так я написал в регистрационной карте компьютера. Ваше здоровье, мадам.

— Благодарю вас, мсье. — Я подняла свой бокал.

Сок оказался ледяным и потрясаяще вкусным. Хотя я и не собиралась заводить себе мужа — хватит с меня, — но из Джорджа получился бы замечательный муж — и "подставной", как сейчас, и в натуре, но... Жанет просто-напросто одолжила мне его на время — только и всего.

Прибыл наш "завтрак": ледяной яблочный сок; зм-ляника "Имперская долина" со взбитыми сливками; по два

яйца, зажаренных в виде “глазуньи” на каждом бифштексе среднего размера — таком нежном, что его вполне можно “резать” вилок (“яйца в седле”); большие горячие пирожки; масло; клеверный мед; черный кофе в огромных чашках.

Кофе, сок и пирожки исчезали так быстро, что их едва успевали подносить. Нам предложили повторить бифштексы с яйцами, но мы вынуждены были отказаться.

На том уровне, где мы сидели, шум не располагал к оживленному разговору. На экране над баром шли объявления — каждое задерживалось ровно настолько, чтобы его можно было успеть прочитать, но, как обычно, все они снабжались кодовым номером, чтобы любой посетитель мог легко воспроизвести его на стоящем возле каждого места у стойки личном терминале. За едой я машинально читала все объявления.

“Свободный звездолет ”Джек Пот” набирает членов экипажа в Бюро по найму в Вегасе. Льготы ветеранам, участвовавшим в вооруженных столкновениях”.

Неужели пиратский корабль так открыто объявляет о себе? Пусть даже в Свободном Штате Вегас... Трудно поверить, но еще труднее понять смысл как-то иначе.

“Если курить, то уж со вкусом —
табак, одобренный Иисусом!

АНГЕЛЬСКИЕ ПАЛОЧКИ

Гарантировано: неканцерогенны!”

Насчет рака я могла не волноваться, но так или иначе ни суррогатные “палочки”, ни никотиновые сигареты — не для меня. Рот женщины должен быть свежий.

“ГОСПОДЬ ожидает тебя в номере 1208 в ”Башне Льюиса и Кларка”. Не заставляй ЕГО самого приходить за тобой — тебе это придется не по вкусу!”

Мне это было явно не по вкусу.

“СКУЧАЕШЬ? Мы сколачиваем группу первопроходцев на необжитую планету типа Т-13. Секс — без ограничения. Средний биологический возраст — 32 ($\pm$ 1 год). Тестирование темперамента не обязательно. Никаких предварительных взносов. Корпорация “Система экспансии”, Отдел демографии и экологии. Луна-Сити ГПО почтовый ящик ДЕМО, или Тихо 800-2300”.

Я набрала код и внимательно перечитала это объявление на своем терминале. Интересно, каково было бы

осваивать новый мир бок о бок с товарищами? С теми, кто не имел бы понятия о моем происхождении, и кого бы это совершенно не волновало. Мои способности могли бы вызывать там уважение, а не неприязнь, во всяком случае пока они не были бы обращены на моих коллег...

— Джордж, взгляни на это.

— Ну и что? — посмотрев, спросил он.

— Это могло бы быть занятным... Нет?

— Нет! Марджори, по Т-шкале все, что превышает восьмерку, требует огромных денег, баснословно дорогого оборудования и тренированных колонистов. Т-13 — утомительный способ самоубийства и больше ничего.

— Вот как...

— Прочти вот это. — Он указал на экран.

Я прочла:

У.К. — составь завещание. Тебе осталось жить неделю.
А.С.Б.

— Джордж, это действительно угроза убить этого У.К.? Вот так открыто? Ведь можно выследить...

— Не знаю. Это может оказаться не так просто. Интересно, что мы увидим на этом месте завтра? Будет написано: "Шесть дней"? А потом: "Пять дней"? Ждет ли У.К., когда его настигнет удар? Или это какой-то новый вид рекламы?

— Не знаю... — Мне пришлось в голову как-то связать это с нашим бедственным положением. — Джордж, а может, все эти жуткие угрозы в "Новостях" — часть какого-то жуткого надувательства?

— Ты хочешь сказать, что на самом деле не было никаких убийств и все новости — ложные от начала и до конца?

— Я... сама не знаю, что хочу сказать.

— Марджори, надувательство, конечно, во всем этом есть. И прежде всего в том, что три разные группировки приписывают все себе, а следовательно, две из них занимаются надувательством и пытаются обмануть весь белый свет. Я не думаю, что сообщения об убийствах ложные. У надувательства, как у мыльного пузыря, есть верхний предел, дальше которого — ХЛОП! Я имею в виду предел во времени и в количестве людей, которых пытаются одурачить. *Это* — слишком большой "пузырь" —

слишком много людей и слишком большая территория, чтобы оказаться обманом. Иначе, отовсюду же поступали бы опровержения. Хочешь еще кофе?

— Нет, спасибо.

— Еще что-нибудь?

— Ничего. Еще один пирожок с медом и... я лопну.

Снаружи это была обыкновенная дверь в номере отеля: 2100. Но очутившись внутри, я воскликнула:

— Джордж! Зачем?

— Невесте положен подвенечный наряд.

— Как красиво... Это потрясающе. Но ты не должен был тратить столько денег. Ты и так превратил унылую поездку в настоящий пикник. Но если ты хотел, чтобы я вела себя сегодня ночью как невеста, тебе не стоило кормить меня "яйцами в седле" и целой корзиной горячих пирожков. Невеста должна быть очаровательна, а я вся раздулась, как бочка.

— Ты очаровательна.

— О, Господи! Джордж, не надо сейчас играть... Пожалуйста, не надо! Ты засек меня, когда я убила Дикея. И ты знаешь, *что* я такое.

— Я знаю, что ты нежная, храбрая и чрезвычайно галантная дама.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Ты ведь занимаешься этим, и ты конечно же сразу все засек и раскусил меня.

— У тебя суперреакции. Да, я видел это.

— Значит, ты знаешь, что я. Я признаюсь. Да. Я уже давно так живу. Я долго практиковалась — годы — и умею это скрывать, но... Этот ублюдок не должен был целиться в Жанет!

— Не должен был. И за то, что ты сделала, я навечно твой должник.

— Ты серьезно? А Жан считал, что я не должна была убивать его.

— У Жана первая реакция всегда общепринятая. Потом до него доходит. Жан вообще — истинный пилот, он думает мускулами, но... Послушай, Марджори...

— Я не Марджори.

— М-мм?

— Ты можешь звать меня моим настоящим именем — тем, которое я получила в “яслях”. Меня зовут Фрайди. Фамилии, конечно, нет. Когда мне нужна фамилия, я беру первую попавшуюся — как правило, Джонс. Но зовут меня на самом деле Фрайди.

— Ты хочешь, чтобы я так называл тебя?

— Ну... Да, пожалуй. Так меня зовут там, где мне не нужно скрывать это. Когда я с людьми, которым доверяю. Мне следовало с самого начала доверять тебе, правда?

— Мне это очень приятно. Я просто польщен и... Я постараюсь оправдать твоё доверие, тем более, что я у тебя в долгу.

— Как это, Джордж?

— Я думал, это всем ясно. Когда я увидел, что хочет Мел Дикей, я решил сдержаться и не усложнять положение всех остальных. Но когда он стал грозить своей пушкой Жанет, я дал себе слово, что позже, когда я буду на свободе, убью его. — Джордж едва приметно усмехнулся. — Однако едва я успел пообещать себе это, как появилась ты — внезапно, как карающий ангел, — и привела приговор в исполнение. Так что с меня причитается. Один раз за мной.

— Одно убийство?

— Если пожелаешь, пожалуйста.

— Да нет, не стоит. Как ты сам сказал, я — супер... И я привыкла управляться с этим сама, когда вынуждена...

— Тогда все, что пожелаешь, дорогая Фрайди.

— Да-да... То есть иди ты к черту, Джордж! Я вовсе не хочу, чтобы ты чувствовал себя в долгу передо мной. Я тоже люблю Жанет... По-своему. Этот гад сам подписал себе приговор, когда наставил на неё пистолет. Я сделала это не для тебя, а для *себя*, и ты мне ничего не должен.

— Дорогая Фрайди, ты такая же любвеобильная, как и Жанет. Я давно это уже понял.

— Ну... Тогда почему бы тебе не затащить меня в постель, где я с удовольствием отплачу тебе за все хорошее? Я понимаю, что я не человек, и не рассчитываю, что ты будешь любить меня, как свою человеческую жену... Ты вообще не будешь меня любить, но... Кажется, я нравлюсь тебе и ты не относишься ко мне как... ну, как отнеслись мои мужья и С-сестры и как большинство людей относятся к ИЧ... Ты не потратишь времени зря, я могу доставить тебе удовольствие,

правда, могу. Я так и не сдала экзамен на “подружку”, но прошла почти всю подготовку и... я *постараюсь*.

— Господи, милая моя!.. Кто ж тебя так обидел?

— Меня? Со мной все в порядке. Я просто пытаюсь объяснить, что давно знаю, как устроен этот мир. Я не ребенок и не вчера вышла из яслей. ИЧ не может ждать от рожденного человека сентиментальной любви — мы оба знаем это, и ты понимаешь это лучше других, ты ведь профессионал. Я отношусь к тебе с огромным уважением и, честное слово, ты мне очень нравишься. Если ты позволишь мне лечь с тобой в постель, я приложу все усилия, чтобы убажить тебя...

— Фрайди!

— Да, сэр?

— Ты не ляжешь со мной в постель и не станешь убаживать меня.

Неожиданно я почувствовала слезы на глазах — вот уж, действительно, редкая штука.

— Простите, сэр, — грустно сказала я. — Я не хотела вас обидеть. Простите, что я осмелилась...

— Черт бы тебя побрал! *Прекрати!*

— Сэр?

— Прекрати называть меня “сэр”. Прекрати вести себя, как рабыня! Называй меня Джорджем. И если хочешь прибавить “дорогой” или “милый”, как ты иногда делала раньше, пожалуйста не забывай, как это произносится. Или придумай мне какое-нибудь прозвище... Словом, обращай со мной нормально, как со своим другом. Всю эту болтовню о “человеке” и “нечеловеке” придумали тупые и невежественные кретины, и уж кто-кто, но любой, как ты выражаешься, профессионал это прекрасно знает. Твои гены — *человеческие*, их выбирали чрезвычайно тщательно. Возможно, это делает тебя *сверхчеловеком*, но сделать тебя нечеловеком это никак не может. Ты бесплодна?

— А? Нет, с естественным предохранением.

— За десять минут под местным наркозом я могу убрать это. Потом ты забеременеешь от меня. Твой ребенок будет человеком? Или нечеловеком? Или, может быть, получеловеком?

— Ну... человеком.

— Можешь дать свою голову на отсечение, что именно так! А теперь запомни и никогда не забывай: родить человека может только *человеческая* мать. Понятно?

— Да... Я не забуду. — Неожиданно я почувствовала какое-то странное волнение, что-то вроде *покалывания* внутри, там где... Желание? Да, но какое-то не похожее на то, что я обычно чувствую, хотя похотлива я, как кошка. — Джордж... А ты хочешь это сделать? Хочешь, чтобы... Чтобы я забеременела от тебя?

По его лицу было видно, что он очень удивлен. Помолчав, он подошел ко мне вплотную, обеими руками осторожно поднял мне голову и заглянул прямо в глаза. Потом он обнял меня и поцеловал — по десятибалльной шкале мне пришлось бы оценить этот поцелуй в восемь с половиной. Может быть, даже в девять... Вряд ли можно было сделать это лучше — стоя и не снимая одежды. Потом он взял меня на руки, сел в кресло, усадив меня к себе на колени, и начал медленно и как-то очень бережно меня раздевать. Жанет заставила меня одеть ее шмотки, поэтому на мне было разных вещичек, которые куда интереснее снимать, чем обычный спортивный комбинезон. Костюм из суперкожи — выстиранный и выглаженный — отдыхал в моей сумке.

Расстегнув все пуговицы, все «молнии» и сняв наконец с меня все, Джордж сказал:

— Эти десять минут мне нужно было бы провести в моей лаборатории, а потом должно пройти не меньше месяца до твоей первой брачной ночи, так что... Эти два условия спасли тебя от раздутого живота... Да-да, только эти два, ибо фраза, подобная той, что ты произнесла, действует на человеческих особей мужского пола, как красная тряпка на быка. Словом, тебе повезло, и вместо всего этого я собираюсь затащить тебя в постель и постараться ублажить, хотя, признаюсь, я тоже не сдавал экзамен. — Он поставил меня на пол и снял последний клочок одежды, еще остававшийся на мне. — На тебя очень приятно смотреть. И еще приятнее прикасаться... Кто первый идет в ванную? Мне лично нужно принять душ.

— Пожалуй, я — за тобой. У меня это займет больше времени.

И действительно, когда я вышла из ванной, было уже больше двух, но зато я была свежа, чиста и так весела, как, наверное, еще никогда в своей жизни. Ни капли духов — запах свежего женского тела мужчины любят го-

раздо больше, чем самые тонкие ароматы самой изысканной парфюмерии (пусть даже некоторые из них сами не подозревают об этом).

Джордж лежал в постели, под одеялом и, судя по похрапыванию, уже спал. С величайшей осторожностью я забралась в постель и улеглась рядом с ним, ухитрившись не разбудить его. Честно сказать, я не была разочарована, потому что я вовсе не эгоистка. И потом я пребывала в счастливой уверенности, что он несомненно разбудит меня утром, свежую и отдохнувшую, и это будет гораздо лучше. Лучше для нас обоих — минувший денек был тяжеловат и для меня тоже.

ГЛАВА XV

Я не ошиблась.

Я вовсе не собираюсь отбивать Джорджа у Жанет, но... С удовольствием думаю о грядущих веселых и радостных визитах к ним в гости. И если он когда-нибудь захочет ликвидировать мою "стерильность", может, будет и неплохо родить от него ребенка и даже сделать это по-кошачьи... Не понимаю, почему Жанет до сих пор не занялась этим.

В третий или четвертый раз я проснулась от дивного запаха — Джордж вынимал завтрак из продуктового лифта.

— У тебя есть двадцать одна секунда на то, чтобы встать с постели и принять душ, — сказал он. — Суп на столе. У тебя был очень правильный завтрак вчера, посреди ночи, следовательно, тебя ожидает совершенно неправильный перекусон.

Я думаю, это действительно неправильно — есть на завтрак свежего омара. Но мне понравилось. К омару были кусочки банана и кукурузные хлопья в молоке — как-то уж слишком правильно, а также горячие сухарики с зеленым салатом. Все это я запила чашкой кофе с цикорием и хорошей порцией бренди. Джордж — замечательный распутник, добрый гурман, дивный шеф-повар и потрясающий целитель душ, который легко может заставить ИЧ поверить в то, что она — человек, или по крайней мере в то, что это не имеет никакого значения.

Кстати, интересно: почему все трое представителей этой семьи такие стройные? Уверена, они не сидят на диете и не изнуряют себя мазохистскими упражнениями... Как-то один врач сказал мне, что всю необходимую зарядку человек может делать, не вылезая из постели, если партнер подходящий. Может, от этого?..

Так, это все были хорошие новости, что же касается плохих...

Международный Коридор был закрыт. Можно, конечно, добраться до Дезирада с пересадкой в Портленде, но нет никаких гарантий, что открыт туннель Омахат-Гэри. Можно без проблем попасть в Сан-Диего, поскольку туннель Сан-Жозе открыт от Беллингема до Ла-Джоллы. Но Висконсин — это не Чикагская империя, а лишь речной порт, из которого при деньгах и желании можно попасть туда.

Я постаралась дозвониться Боссу. Через сорок минут я испытывала к синтетическому голосу примерно те же чувства, с которыми большинство людей относится к моей "породе". Кому, интересно, в голову пришла идея — заложить в компьютер "вежливость"? Может быть, в первый раз и приятно слышать машинный голос, произносящий: "Благодарю за терпеливое ожидание", — но уже на третий раз вы испытываете раздражение, а сорок минут такого разговора могут вывести из терпения даже индийского йога.

Я так и не заставила этот дурацкий терминал признать, что дозвониться в империю невозможно. Этот электронный кретин не был запрограммирован на то, чтобы сказать простое "нет", он был запрограммирован на вежливость. А между прочим, было бы хорошим облегчением услышать от него после нескольких бесплодных попыток что-нибудь, вроде: "Кончай насиловать меня, детка, ты же видишь — ничего не выходит".

Потом я постаралась дозвониться до Беллингемского почтового отделения и выяснить, как работает почтовая связь с империей — можно ли черкнуть несколько слов и оплатить их, как обыкновенную посылку, без всяких факсимильных копий, почтограмм и прочей электроники? В ответ мне прочли жизнерадостную лекцию о том, что рождественские послания нужно отправлять заблаговременно. Поскольку Рождество было почти полгода назад, вряд ли я могла расценить это, как своевременное предупреждение.

Я пробилась туда еще раз, и мне выдали целый набор бесполезных кодов.

Я ухитрилась дозвониться в третий раз — в бюро по обслуживанию клиентов, — и услышала: “Все наши помощники, к сожалению, в настоящий момент заняты, благодарю-за-терпеливое-ожидание”.

Я не стала терпеливо ожидать. В любом случае мне не нужен ни телефонный разговор, ни тем более письменный. Мне надо доложиться Боссу лично. Для этого мне нужны деньги. Наличные. Оскорбительно-вежливый голос терминала сообщил, что местное отделение Единой карты находится в Беллингемском отделе Транс-Американской корпорации. Я набрала код отдела, и сладкий голосок — не синтетический, а записанный на пленку — проворковал: “Благодарим за звонок в Единую карту. В интересах максимальной прибыли миллионов наших благополучных клиентов все наши отделы в Калифорнийской конфедерации объединены с главным отделом в Сан-Жозе. Для скорейших услуг, пожалуйста, используйте свободный от налогообложения код, отпечатанный на обратной стороне вашей Единой кредитной карты”. После этого голосок принялся перечислять лучшие бары Беллингема, а я быстро отключилась.

Моя Единая карта, зарегистрированная в Сант-Луисе, была без этого “свободного” кода — на ней стоял лишь код Имперского Банка в Сант-Луисе. Без особых надежд я попробовала набрать его, и... та же “песенка”.

Пока я набиралась ума-разума у компьютера, Джордж читал Олимпийское издание “Лос-Анджелес таймс” и терпеливо ждал, когда мне надоест валять дурака. Наконец я сдалась и спросила:

— Джордж, что там в газете насчет чрезвычайного положения?

— Какого положения?

— А? Ну, хорошо, прости меня, ты был прав, я сдаюсь.

— Фрайди, любимая моя, единственное чрезвычайное положение, о котором упоминает этот листок, связано, как они пишут, с возрастанием опасности “русско диверсико”. Также планируется демонстрация с пикетами против “Доу кемикл”, а во всем остальном — тишь и благодать. Словом, на западном фронте без перемен.

Я наморщила лоб, чтобы получше собраться с мыслями.

— Джордж, я плохо разбираюсь в калифорнийской политике...

— Дорогая моя, никто не разбирается хорошо в калифорнийской политике, включая и калифорнийских политиков.

— ... Но я помню, в новостях были сведения о, как минимум, дюжине политических убийств в Калифорнийской конфедерации... Что же это все — фальшивка? — Я прикинула время, учитывая разные временные пояса... Прошло около тридцати пяти часов.

— Я нашел тут некрологи, посвященные некоторым выдающимся дамам и джентльменам, чьи имена упоминались в новостях той ночью, но... О них не сказано, как об убитых. Один скончался после “продолжительной болезни”, другой — в результате “неосторожного обращения с огнестрельным оружием”, третий — при “необъяснимой катастрофе частного гравилета”, и генеральный прокурор приказал начать расследование. Правда, я помню, тогда объявляли, что сама генеральный прокурор — убита...

— Джордж, что происходит?

— Не знаю. Но думаю, что выяснять сейчас не стоит. Это может быть довольно опасно.

— Но... Я не собираюсь ничего выяснять, а ведь не политик и никогда в эти игры не играла. Я хочу лишь как можно скорее попасть в империю. Но для этого, что бы там ни писала “Лос-Анджелес таймс”, мне нужны наличные — ведь граница закрыта. А мне подумать тошно, что придется разорять Жанет и пользоваться ее визовой картой. Может, я могу использовать свою собственную, но для этого мне надо добраться до Сан-Жозе и там попытать счастья — у них теперь такая система, понимаешь? Ты поедешь со мной в Сан-Жозе? Или вернешься к Жану и Жанет?

— Моя прекрасная леди, все, чем я располагаю, в твоём распоряжении, но... Укажи мне путь в Сан-Жозе, и я буду тебе весьма благодарен. Слушай, ну почему ты из кожи лезешь вон, лишь бы не брать меня с собой в империю? Разве не может так случиться, что твоему шефу пригодятся мои способности? Я ведь не могу вернуться в Манитобу, и мы оба знаем почему.

— Джордж... Я не лезу из кожи, просто граница с империей *закрыта*! Поэтому, может быть, мне придется вломиться туда, как Дракуле. Это опасно, но я обучена

таким вещам, только... Я должна это делать одна, понимаешь? Ты ведь профессионал и все знаешь... Кроме того, хоть мы и не в курсе, что происходит в самой империи, судя по новостям, сейчас везде круто. И вполне возможно, что по прибытии туда мне придется действовать очень *быстро*... чтобы остаться в живых. Я и этому обучена.

— Ну да, и потом ты ведь — супер, а я... Да, я понимаю.

— Джордж, родной, я не хотела тебя задеть. Слушай, как только я улажу свои дела, я сразу позвоню тебе! Сюда, или домой, или куда ты скажешь. И я тогда уже буду знать, опасно ли переходить границу... — (Джордж попросит у Босса работу? Невозможно! Или?... Что если у Босса есть нужда в опытном гениом инженере? В сущности, когда дошло до дела, оказалось, что я ничего не знаю про Босса и про его интересы, кроме того маленького “кусочка”, где работаю сама). — Ты серьезно хочешь попросить работу у моего Босса? Так что же мне сказать ему?

Джордж едва заметно усмехнулся — этой усмешкой он пользовался, когда хотел скрыть свои мысли, точь-в-точь как я “натягивала” на себя лицо, похожее на мое изображение в паспорте.

— Откуда мне знать? — сказал он. — Я знаю о твоём шефе лишь то, что ты упорно не хочешь говорить о нем и что он может позволить себе пользоваться такой, как ты, в качестве, м-мм, посланника. Но, Фрайди, я могу вычислить не хуже, а может, и лучше тебя, сколько вложено в твое создание, воспитание и подготовку... Да, еще — сколько твоему шефу пришлось заплатить, чтобы выкупить тебя...

— Меня не надо было выкупать. Я — свободная личность!

— Тогда это стоило еще дороже, и это влечет за собой другие догадки, но... Не обращай внимания, дорогая, я больше не буду гадать. Ты попросила, серьезно ли я, — что ж, человеку всегда интересно, что там, за горизонтом. Я напишу тебе свой послужной список и, если что-то в нем заинтересует твоего шефа, он наверняка даст мне знать. Теперь насчет денег: тебе не удастся разорить Жанет, потому что деньги для нее ничего не значат. И еще потому, что лично я с удовольствием снабжу тебя наличными в любом количестве. Да-да, я уже выяснил, что мои кредитные кар-

точки, несмотря на все политические проблемы, пользуются здесь большим почетом. За наш полуночный завтрак я заплатил по Квебекской кредитке, за номер в отеле — “Американ экспресс”, а за утренний перекусон — “Мэйпл Лиф”. Таким образом, у меня три действующие карты, и все они соответствуют моему удостоверению личности, так что, — он ухмыльнулся, — сделай милость, разори меня, милая.

— Но я не хочу разорять тебя, точно так же как не хочу разорять и Жанет. Слушай... Давай попробуем мою карточку в Сан-Жозе, и, если не сработает, я... я с удовольствием одолжу у тебя наличные. И верну, как только окажусь на своей территории. (А может, Джордж согласится воспользоваться для меня кредиткой лейтенанта Дикей? Женщине ведь дьявольски трудно получить наличные по кредитке мужчины. Одно дело сунуть кредитку в автомат, когда платишь за какую-нибудь покупку, и совсем другое — получать наличные).

— Ну что ты все время твердишь: “Одолжу, одолжу...”? Ведь это я — твой вечный должник.

Я решила изобразить дурочку и спросила:

— Ты действительно считаешь, что должен мне? За эту ночь?

— Конечно. Было неплохо. Ты вполне нормальна.

— Что-о-о-? — я чуть не задохнулась.

— Ты хотела бы, чтобы я сказал “плохо”? — без тени улыбки, глядя на меня в упор, спросил он. — Или, что ты ненормальна?

— Джордж, — сказала я, когда ко мне вернулось дыхание, — раздевайся. Все снимай. Сейчас я затащу тебя в постель и буду убивать. Медленно... Очень медленно. А в конце я тебя задушусь и сломаю хребет в трех местах. “Плохо”, “неплохо”... Раздевайся, дрянь!

Он улыбнулся и потянулся к молнии на брюках.

— Ладно, прекрати, — прервала я его движение. — Лучше поцелуй меня, и поехали в Сан-Жозе. “Неплохо”, — я фыркнула, — *это со мной-то?!*

Поездка из Беллингема в Сан-Жозе занимает примерно столько же времени, сколько из Виннипег в Ванкувер, но на этот раз нам достались сидячие места. Мы вынырнули на поверхность в 14.15, и я с любопытством стала озираясь по сторонам — мне никогда раньше не доводилось бывать в столице конфедерации.

Первое, что бросилось в глаза, это множество гравилетов в воздухе, которые снуют, как огромные мухи, — в большинстве своем такси. Я не знаю второго такого города, где разрешалось бы до такой степени заполнять воздушное пространство. На улицах было полно конных экипажей, вдоль каждой тянулись огороженные тротуары для пешеходов, и тем не менее от самоходных колясок было не продохнуть — как от велосипедов в Кантоне.

Второе, что привлекло мое внимание, это сам дух Сан-Жозе. Это не город. Теперь я поняла смысл классической фразы: “Тысячи деревушек, съехавшихся вместе в поисках города”.

Кажется, у Сан-Жозе нет других занятий, кроме политики. Но Калифорния вообще отдается политике больше, чем все остальные страны вместе взятые, — здесь полнейшая, безо всяких ограничений и поправок демократия. Конечно, демократию можно встретить повсюду — слабенькой ее формой пользуется даже Новая Зеландия. Но только в Калифорнии найдете вы демократию в ее чистейшем и неразбавленном виде. Любой гражданин здесь начинает голосовать, как только его (ее) рост позволяет ему (ей) дотянуться до кнопки регистрации, а голоса принимаются регистраторами, даже если голосующему недавно было выдано свидетельство о смерти.

Я не понимала этого до тех пор, пока не прочла в колонке новостей, что на Сосновом кладбище в Преходе было организовано три избирательных участка и голосование шло полным ходом с помощью доверенностей, выписанных умершими на своих родственников. (О, Смерть, не будь горда!)

Лично я столкнулась с демократией, уже будучи взрослой женщиной, и в умеренных дозах и разумных пределах она кажется мне вполне нормальным делом. Скажем, британские канадцы пользуются демократией в слегка разбавленном виде и прекрасно себя чувствуют. Но лишь в Калифорнии демократией упиваются круглые сутки. Здесь, кажется, дня не проходит, чтобы где-то не проводились какие-нибудь выборы, и, как мне говорили, каждый избирательный участок не живет без выборов и месяца.

Думаю, они могут себе это позволить. У них везде чудесный климат — от Британской Канады и до Мексиканского королевства — и богатейшая земля на всей планете. Второе любимое занятие калифорнийцев (секс) в его про-

стных формах почти ничего не стоит — как марихуана, оно доступно всем и везде. Это оставляет уйму времени и сил для первого любимого занятия — политики-политики-политики.

Они избирают *всех и каждого* — от регистратора на избирательном участке и до председателя конфедерации (шефа). И почти так же быстро они их всех отзывают и переизбирают. Например, шеф избирается сроком на шесть лет, но из последних девяти шефов лишь двое отбыли полный срок, а все остальные были отозваны, кроме одного, которого линчевали. Во многих случаях чиновника не успевают привести к присяге, когда появляется первая петиция о его отзыве.

Однако калифорнийцы не ограничиваются выборами, перевыборами, отзывами и (иногда) линчеванием своих представителей власти, они еще обожают принимать законы. На каждых выборах баллотируется гораздо больше законов, чем кандидатов. Провинциальные и национальные представители обладают порой здравым смыслом — во всяком случае меня уверяли, что типичный калифорнийский законник снимет свое предложение, если вы сумеете доказать ему, что дважды два — не три и не пять, независимо от того, сколько избирателей проголосовали за это. Но подлинные законники ("инициативные группы") не принимают во внимание подобные "мелочи".

Например, три года назад один "подлинный" экономист обнаружил, что выпускники колледжей зарабатывали в среднем на тридцать процентов больше, чем их сверстники, не обладающие степенями бакалавров. Подобный факт попирает святая святых калифорнийской демократии — самое Калифорнийскую Мечту, — и потому он был предан анафеме и на следующих же выборах были приняты меры: выпускники всех высших учебных заведений в Калифорнии, а равно и все калифорнийские граждане, достигшие восемнадцатилетнего возраста, автоматически получали степень бакалавра.

Восхитительная мера — обладатель степени теперь не имел никаких антидемократических привилегий. На следующих выборах ожидалось снижение возрастного ценза, и сейчас ширилось и крепло движение за распространение этого закона на всех граждан, включая новорожденных.

Глас народа — глас Божий. Лично я не вижу в этом ничего страшного. Это не стоит ни гроша и всем доставляет много радости (за исключением нескольких здравомыслящих людей, которых, впрочем, можно пересчитать по пальцам). Было около трех часов, когда мы с Джорджем шли по южной стороне Национальной площади перед дворцом председателя в поисках главного отделения Единой карты. Джордж говорил, что с моей стороны было бы разумнее зайти к “Королю Бергеру” на предмет маленького перекуса на взамен ленча. По его мнению, громадный Бергер, сотворенный из филейных частей и соевого шоколада, являлся единственной калифорнийской данью международной кухне. Незаметно кривясь, я соглашалась с ним...

Человек двадцать мужчин и женщин спускались по огромной дворцовой лестнице. Джордж начал было сворачивать в сторону, чтобы не столкнуться с ними, когда в середине этой толпы я заметила маленького человечка в традиционном головном уборе из орлиных перьев со знакомым по фотографиям лицом и остановила Джорджа. И в тот же самый момент краем глаза я заметила еще кое-что: фигуру человека, выходящего из-за колонны на самом верху лестницы. Дальше я действовала по внезапному импульсу. Отшвырнув в сторону несколько человек из свиты шефа, я опрокинула его на ступеньки и тут же ринулась к колонне.

Я не убила того, кто прятался за ней, — я просто сломала ему руку, в которой он держал пистолет, а потом врезала ему как следует по хребту, когда он попытался бежать. Мне не нужно было так торопиться, как пришлось за день до этого в доме Жанет, и ликвидировав мишень, которую изображал собой шеф (ну, на кой черт он носит этот нелепый головной убор?), я успела подумать, что, если взять убийцу живьем, он может привести к тем, кто стоит за всеми этими идиотскими убийствами. Однако я не успела решить, что мне делать дальше, — двое из столичной полиции уже держали меня за руки. У меня здорово испортилось настроение — я представила, каким презрительным тоном будет разговаривать со мной Босс, когда я признаюсь, что позволила арестовать себя среди бела дня при всем честном народе. Какую-то долю секунды я всерьез подумывала о том, чтобы вырваться и исчез-

нуть за горизонтом, что было вполне достижимо, поскольку у одного полицейского явно подскочило давление, а второй был пожилым, близоруким человеком в очках с толстыми стеклами...

Слишком поздно. Если я войду в полный разнос, через два квартала я почти наверняка затеряюсь в толпе и оторвусь от них. Но эти дуболомы, стараясь попасть в меня, уложат как минимум с полдюжины случайных прохожих. Непрофессионально! Какого черта дворцовая стража не охраняет как следует своего шефа, а заставляет заниматься этим меня?.. Надо же, какой-то осел за колонной, мать честная! Такого не было со времен убийства Хью Лонга...

Ну, почему я влезла вдруг в это дело и не дала убийце пришить шефа конфедерации в этой его дурацкой шапке? А потому что я натренирована на активную защиту — вот почему. И в драку я вступаю рефлексивно. У меня нет ни малейшего интереса к дракам, я не люблю их, но... Так уж выходит.

Впрочем, долго размышлять о своих рефлексах мне не пришлось, потому что в игру вмешался Джордж. Джордж говорит на британо-канадском английском без акцента (может быть, слишком правильно), но сейчас он бормотал что-то невразумительно по-французски и пытался оторвать двух стражей порядка от моих локтей. Тот, что в очках, пытаясь разобраться с Джорджем, отпустил мою левую руку, и я тут же врезала ему локтем в поддых. Он охнув рухнул на землю. Второй все еще держал мою правую руку, поэтому тремя пальцами левой я достала его в то же место, что и первого. Он, тоже охнув, свалился на своего коллегу и оба, раскрыв рты, стали судорожно ловить ртом воздух.

Все это произошло гораздо быстрее, чем я рассказываю, то есть: два осла схватили меня под руки, вмешался Джордж и — я свободна. Сколько могло пройти? Две секунды? Как бы там ни было, но убийца со своим пистолетом исчез.

Я уже была готова тоже исчезнуть вместе с Джорджем (пусть даже мне придется тащить его волоком на себе), когда обнаружила, что Джордж уже все за меня решил. Он поставил меня по правую руку от себя и направил прямо на главный дворцовый вход, расположенный за длинным рядом колонн. Когда мы вошли в ротонду, он отпустил мой локоть, тихонько сказав:

— Не беги, дорогая... Тише, тише, вот так. Возьми меня под руку.

Я взяла его под руку. В ротонде было полно народу, но никто не суетился и никак нельзя было сказать, что в нескольких метрах отсюда только что была совершена попытка убийства главного правительственного чиновника страны. Арендованные ларьки в ротонде жили своей напряженной жизнью, особенно те из них, у которых из окошек свешивались разные шмотки и сувениры. Слева от нас молодая женщина продавала лотерейные билеты, вернее, пыталась продавать — в данный момент покупателей не было, и она уткнулась в свой терминал, по которому передавали душеспитательную драму.

Джордж затормозил и мы остановились у ее киоска. Не поднимая на нас глаз, она пробормотала:

— Сейчас-сейчас, вот только закончится... Сейчас будет перерыв — и я к вашим услугам. Вы пока осмотритесь, выберите что-нибудь...

Вся ее будка была снаружи увешана гирляндами из лотерейных билетов. Джордж принялся внимательно рассматривать их, и я притворилась, что меня тоже они интересно интересуют. Мы тянули время, пока драма на терминале не сменилась рекламой. Молодая женщина убрала звук и повернулась к нам.

— Спасибо за то, что подождали, — с приятной улыбкой проговорила она. — Я никогда не пропускаю “Скорбящую женщину”. Классный сериал, особенно теперь, когда Минди Лу опять забеременела, а дядя Бен так по-дурацки это воспринял. А вы смотрите театральные сериалы, дорогая?

Я призналась, что у меня редко хватает на них времени — слишком много работы.

— Это вы напрасно. Это плохо. Они так много могут дать и в смысле образования и... Ну, вообще. Возьмите хоть Тима — это мой сосед и дружок, — он не смотрит ничегошеньки, кроме спорта. И поэтому у него в голове ни одной извилины, его ничего не колышет. Вот, например, этот переломный момент в жизни Минди Лу... Дядя Бен буквально заел ее, оттого что она не хочет признаться, не хочет сказать, кто это сделал. Так вы думаете, Тима это хоть сколечко волнует? Да ему наплевать.

И вот что никак не могут уразуметь и Тим, и дядя Бен, это то, что она просто *не может сказать* — ведь это случилось на групповике. Да... Вы под каким знаком родились?

Вообще-то мне следовало иметь наготове ответ на такой вопрос, люди часто спрашивают об этом. Но если вы никогда не были рождены, то невольно стараетесь избегать таких вещей и даже не думать о них. Совершенно произвольно я назвала дату:

— Двадцать третьего апреля мой день рождения.

В этот день родился Шекспир, поэтому число и запало мне в голову.

— Ого! У меня как раз есть лотерейный билет для вас! — она пошарила в одной из гирлянд внутри будки, нашла билет и показала мне его номер. — Смотрите! Видите? Ну, разве это не удача, — именно сегодня вы подошли, и у меня как раз есть этот билет, а? — Она открепила билет. — Он стоит всего двадцать бруинов.

Я протянула ей британоканадский доллар.

— С этого у меня нет сдачи, — покачала она головой.

— Оставьте сдачу себе. На счастье.

Она взяла доллар и протянула мне билет со словами:

— Вы настоящий игрок, дорогуша. Когда выиграете по нему, загляните ко мне, и мы пропустим по рюмочке. Ну, а вы, мистер, нашли, что вам нужно?

— Пока нет, — с улыбкой ответил Джордж. — Я родился в девятый день, девятого месяца, девятого года, девятой декады. Можете подобрать что-нибудь в этом роде?

— Ой-ей-ей! Вот так комбинация! Я, конечно, попробую, но... Впрочем, если не найду, то не стану ничего навязывать. — С этими словами она нырнула в свои гирлянды и принялась перебирать их, все ниже опуская голову, пока совсем не скрылась под прилавком на несколько минут.

Когда ее лицо вновь появилось перед нами, оно так и пылало триумфом, а в руке был зажат лотерейный билет.

— Нашла! — Воскликнула она. — Вы только гляньте сюда, мистер! И скажите мне спасибо!

Мы посмотрели на номер билета: 8109999.

— Я просто поражен, — признался Джордж.

— Поражен? Вы *богаты*. Вот ваши четыре девятки — четыре последних цифры. Сложите остальные — опять девятка. Разделите 81 на девять — снова девятка. Сложите

последние четыре — тридцать шесть. Прибавьте к этому девятку, сложенную из первых двух цифр — сорок пять. Из девяти в квадрате, то есть того числа, которое образуют первые две цифры, вычтите сорок пять — опять тридцать шесть, то есть ваши четыре девятки. Что бы вы ни делали с этими цифрами, все равно вернетесь к дате вашего рождения. Чего еще желаете, мистер? Голеньких танцовщиц, а?

— Сколько вы возьмете с меня за него?

— Ну, видите ли, это ведь необычный билет. Любой другой вы, конечно, могли бы приобрести за стандартную цену — двадцать бруинов, но этот... Что если мы сделаем так: вы будете выкладывать передо мной купюры до тех пор пока я не улыбнусь, идет?

— Что ж, не так глупо. Но тогда, если вы не улыбнетесь в тот момент, когда я сочту, что уже пора улыбнуться, я забираю свои деньги и ухожу. Идет?

— Но я могу окликнуть вас и попросить вернуться.

— А вот это уже нет. Раз уж вы не оговариваете четкую цену, я не дам вам возможности шантажировать меня.

— Вы крутой клиент. А что если...

Тут неожиданно все громкоговорители вокруг нас принялись орать "Слава вождю", а потом раздался гимн. Молодая женщина за прилавком махнула нам рукой и, стараясь перекрыть грохот литавр, крикнула: "Обождите! Это сейчас кончится!" Из дворца вышла толпа людей, прошла сквозь ротонду и направилась к главному выходу. Я заметила головной убор из орлиных перьев в середине толпы, но на этот раз вождь был так тесно окружен своими телохранителями, что убийце пришлось бы здорово попотеть, вздумай он повторить попытку.

Когда все стихло, продавщица лотерейных билетов сказала:

— Это был малый выход. Интересно, если ему понадобилось сходить за парой носовых платков, почему он не послал кого-нибудь из своих шестерок? Весь этот шум только мешает торговле... Ну, так как, старина, вы решили, сколько вы согласны заплатить за то, чтобы стать богатым?

— Разумеется, — ответил Джордж, выложил на прилавок трехдолларовую бумажку и взглянул на продавщицу.

Секунд двадцать они молча смотрели друг другу прямо в глаза, потом она усмехнулась и сказала:

— Пожалуй, я улыбаюсь. Да. Думаю, что во весь рот. — Она одной рукой взяла деньги Джорджа, а другой протянула ему билет. — Хотя ручаюсь, что могла вытянуть из тебя еще доллар.

— Ну, этого мы никогда уже не узнаем, не так ли, — с улыбкой возразил Джордж.

— Может, еще раз? Удвоим ставки и — либо все, либо ничего, а?

— На *тех* же условиях? — мягко спросил Джордж.

— Слушай парень, ты из меня сделаешь старуху. Ступай себе с Богом, пока я не передумала.

— Где здесь поблизости туалетные комнаты?

— Вниз по коридору и налево. Удачи.

Пока мы шли к туалетным комнатам, Джордж шепотом по-французски сказал мне, что, пока мы торговались в продащице, жандармы прошли мимо нас, заглянули в туалеты, вышли, вернулись в ротонду и ушли по главному коридору. Я оборвала его — тоже по-французски, — шепнув, что знаю все, но что все это место напичкано Глазами и Ушами, поэтому поговорим позже.

Я действительно видела, как два стражника в униформах — не те двое, которым я устроила колики в желудках, — следовали за нами, почти наступая нам на пятки, потом прошли мимо, проверили туалетные комнаты (резонно, поскольку любители в таких случаях частенько прячутся именно в общественных туалетах), опять продефилировали мимо нас и скрылись в глубине дворца. Джордж преспокойно торговался с продащицей лотерейных билетов, а те, что искали нас, проходили мимо дважды. Неплохо. Вполне профессионально.

Но мне пришлось подождать с выношением ему похвалы — мы стояли как раз рядом с личностью неопределенного пола, продающей входные билеты в туалетные комнаты. Я спросила ее (или его), где тут можно попудрить женщине нос. Она (я все-таки решила, что это она, так как при ближайшем рассмотрении под майкой у нее находились или фальшивые, или очень маленькие груди) резко огрызнулась:

— Ты что, чокнутая? Или нарываешься? Я ведь могу и легавого позвать. — Потом, взглядевшись в меня пристальнее, пробормотала: — Ты иностранка.

Мне пришлось сознаться, что это правда.

— Ладно. Только больше так не разговаривай, тут этого не любят. Мы здесь все демократы, поняла? Так что и сеттеры и терьеры пьют из одного крана! И давай, покупай билет или не загораживай проход.

Джордж купил два билета, и мы вошли внутрь.

Справа от входа располагался ряд открытых кабинок, над ними плавала светящаяся голографическая надпись:

ЭТИ УДОБСТВА ПРЕДОСТАВЛЕНЫ
ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ
КОМФОРТ ОБЕСПЕЧЕН КАЛИФОРНИЙСКОЙ
КОНФЕДЕРАЦИЕЙ —
ДЖОН ТАМБРИЛ "БОЕВИТЫЙ",
ВОЖДЬ КОНФЕДЕРАЦИИ

Голографическое изображение вождя в полный рост витало прямо над надписью.

Среди открытых кабинок были и кабины с дверями за отдельную плату, причем некоторые из них были тщательно закрыты занавесками. Слева от нас за небольшим прилавком расположилась личность уж вовсе неопределенного пола. Джордж подошел к этому прилавку и, к моему удивлению, купил несколько косметических наборов и флакон дешевых духов. Затем он попросил билет для входа в одну из самых дальних закрывавшихся кабин.

— Один билет? — подозрительно вскинув на него глаза, осведомилась личность за прилавком. — Эх, ты бесстыдник! Здесь не место для таких безобразий, парень.

Вместо ответа один британоканадский доллар скользнул из руки Джорджа в руку продавщицы (или продавца) и мгновенно исчез. Очень слащавым голосом она проворковала:

— Только недолго. Если я нажму на звонок, сразу приводите себя в пристойный вид. Кабина номер семь, в дальнем правом углу.

Мы вошли в кабину номер семь. Джордж поплотнее закрыл занавески, спустил воду в унитазе, отвернул кран холодной воды и оставил его открытым. По-французски от объяснил мне, что мы должны сменить наш облик, не прибегая при этом к карнавальным маскам, а потому, дорогая, давай-ка вылезай из этого платья и надевай тот костюм, что у тебя в спортивной сумке. Мешая английские

слова с французскими, он принялся объяснять детали, продолжая время от времени нажимать на спуск унитаза и то увеличивать, то уменьшать струю воды, льющуюся в раковине. Итак, он хотел, чтобы я напялила этот вызывающий костюм из суперкожи, наложила раза в три больше косметики, чем я обычно себе позволяю, и попыталась выдать себя за знаменитую вавилонскую блудницу или что-то в этом роде:

— Понимаю, детка, это не твой стиль, но ты уж постарайся.

— Постараюсь. Постараюсь сделать это *неплохо*.

— Вот дрянь!

— А ты, значит, собираешься надеть платье Жанет? Не думаю, чтобы это тебе подошло.

— Вовсе нет. Я не стану выворачиваться наизнанку, просто чуть-чуть перевернусь.

— Прости, что сделаешь?

— Ну, я хочу сказать, что не стану влезать в женское платье. Просто попытаюсь придать себе чуть-чуть женственный вид.

— Вряд ли у тебя это выйдет. Впрочем, ладно, давай попробуем.

Со мной мы возились недолго — отработали лишь влажно-похотливый вид, который заарканил Жана в свое время, и наложили на физиономию до черта косметики (этим занялся Джордж, который, кажется, понимал в этом больше, чем я сама). Ну и походка, когда мы уже выходили, эдакая, знаете, хочу-все-что-движется.

На себя Джордж намазюкал еще больше косметики, чем на меня, плюс эти чудовищные духи (к счастью, он не заставил меня надушиться ими), плюс ярко-оранжевый шарф, который я носила в качестве пояса. Потом он заставил меня сделать ему начес и сбрызнуть голову лаком... Вот, пожалуй, и все, если не считать его походку — выглядел он по-прежнему Джорджем, но совсем не тем классным парнем, что так потрясюще будил меня несколько раз минувшей ночью.

Я сложила все оставшиеся шмотки в свою спортивную сумку и мы вышли из кабинки. Бесплезная кляча у турникета в изумлении вытаращила на меня глаза, когда мы проходили мимо, но ничего не сказала, потому что мужик, что стоял, облокотясь на столик с газетами, ткнул пальцем в Джорджа и сказал:

— Ты, вождь желает повидаться с тобой. — А потом вполголоса добавил: — Глазам своим не верю... Не может быть, чтобы этот...

Джордж остановился и беспомощно всплеснул руками:

— О, Боже, наверняка тут какая-то ошибка! — воскликнул он.

Мужик вытащил изо рта зубочистку и кивнул:

— Я и сам так думаю, гражданин, но... Я молчу и тебе советую. Пошли. Тебя, сестренка, это не касается.

— Я решительно отказываюсь идти куда бы то ни было без моей дорогой сестры! Вот так! — объявил Джордж.

— Морри, она не может торчать здесь, — вмешалась бесполоая королева. — Детка, пойдй сюда и сядь рядом со мной.

Джордж незаметно качнул головой, но он мог этого и не делать — останься я здесь, корова тут же оттащила бы меня в кабинку для переодевания, или мне пришлось бы запихнуть ее в мусорную корзину. Какую-то долю секунды я взвешивала первый вариант: конечно, если бы я была "при исполнении", я легко прошла бы через это — уж во всяком случае это было бы более приятно, чем с Булыжником, — но без особой радости. Если (и когда) я пожелаю сменить свои сексуальные пристрастия, я сделаю это с тем, кто мне нравится и кто разбудит во мне хоть тень желания. Итак, придвинувшись поближе к Джорджу и взяв его за руку, я сказала:

— Мы никогда не разлучались с братом с тех пор, как мамуля на смертном одре велела мне заботиться о нем. — Я подумала и добавила: — Вот так!

Мы с Джорджем упрямо надули губы и уставились в пол. Тот, кого "корова" назвала Морри, взглянул на меня, перевел взгляд на Джорджа, потом опять на меня и вздохнул:

— Ладно, черт с вами. Двигай за нами, сестренка. Но помни: рот не открывать и в разговор не вступать.

Преодолев шесть контрольно-пропускных пунктов — на каждом из которых меня пытались отшить, — нас с Джорджем наконец ввели в резиденцию. Первое мое впечатление от вождя конфедерации Джона Тамбрила — что он выше, чем мне показалось вначале. Я решила, что все дело в отсутствии головного убора из перьев. Мое второе впечатление: он был еще безобразнее, чем на плакатах, портретах и экранах. Приглядевшись внимательней, я

лишь тверже уверилась в правильности второго впечатления — как и множество его предшественников на политической арене, Тамбрил превратил свое персональное уродство в определенного рода козырь. (Интересно, уродство — необходимое качество для главы государства?) Тамбрил был похож на лягушку, которая тщится выглядеть жабой, но безуспешно.

Вождь прочистил горло и прорычал:

— А что *эта* тут делает?

— Сэр, — быстро вмешался Джордж, — я хочу сделать серьезное заявление! Этот человек... Вот *этот*, — Джордж ткнул пальцем в красавца Морри, — пытался разлучить нас с сестрой! Он должен быть наказан!

Тамбрил взглянул на Морри, потом на меня, потом опять на “шестерку”.

— Это правда?

Морри принялся объяснять, что он этого и не думал делать, но если бы и сделал, то только потому, что он выполнял приказ Тамбрила и в любом случае он считает...

— Ты тут не для того, чтобы считать, — буркнул Тамбрил. — Я поговорю с тобой позже. И почему она до сих пор стоит? Принеси ей стул! Мне, что ли, обо всем здесь думать?

Как только я была усажена, вождь переключил свое внимание на Джорджа:

— Сегодня вы совершили храбрый поступок! Да, сэр, воистину храбрый поступок! Великая калифорнийская нация гордится тем, что умеет воспитывать достойных сынов Отечества. Как вас зовут?

Джордж назвал свое имя.

— “Пэйролл” — гордое калифорнийское имя, мистер Пэйролл. Оно происходит из глубин нашей великой истории, от славных предков, которые свергли гнет Испании, и к храбрым патриотам, которые свергли гнет Уолл-Стрита. Вы не против, если я буду называть вас Джордж?

— Конечно, нет.

— А вы можете называть меня просто — Миротворец. Это и есть суть нашей великой нации, Джордж, — все мы равны!

— Скажите, — неожиданно вырвалось у меня, — а это распространяется на ИЧ? На искусственных людей, вождь Тамбрил?

— Что-что?

— Я спросила насчет искусственных людей, вроде тех, что делают в Беркели и Дэвисе. Они тоже равны?

— Э-э... Вот что, юная дама, вам не следует перебивать старших, когда они заняты важным разговором. Что же касается вашего вопроса, то как, интересно, человеческая демократия может применяться к тем, кто не является человеком? Хотели бы вы, чтобы кошки имели право голоса? Чтобы гравилет принимал участие в выборах? Ну, говорите.

— Нет, но...

— Вот видите. Все равны и все обладают правом голоса. Но должно же где-то провести черту. А теперь, черт возьми, замолчите и не прерывайте тех, кто умнее и лучше. Джордж, то, что вы сегодня совершили... Если бы этот псих пытался убить меня — а он и не думал этого делать, никогда не забывайте этого, — невозможно было вести себя более самоотверженно, в самых лучших традициях нашей великой Калифорнийской конфедерации. Я горжусь вами!

Тамбрил встал, вышел из-за своего огромного стола и, заложив руки за спину, принялся прохаживаться перед нами. Тут я поняла, почему сидя он казался мне выше — или он пользовался специальным высоким креслом, или кресло стояло на какой-то подставке. Встав на ноги, он едва доставал мне до плеча.

Прохаживаясь, он, казалось, думал вслух:

— Джордж, для человека вашей храбрости и отваги всегда найдется место в моей, так сказать, официальной семье. Кто знает — может, настанет такой день, когда ты сможешь еще раз проявить свое мужество и спасти меня уже от *настоящего* покушения. Я имею в виду, разумеется, разных иностранных наймитов — стойких патриотов Калифорнии мне бояться нечего, они все любят меня за то, что я сделал для них во время оккупации Бюро Октагона. Но соседние страны завидуют нам. Они полны зависти к нашему богатому, свободному и демократичному образу жизни и порой их ненависть выплескивается наружу, так что, кто знает... — Он постоял несколько секунд с опущенной головой, видимо, обдумывая что-то особо важное, потом торжественно произнес, выделяя голосом все заглавные буквы. — Есть Главная Цена в Привилегии служения Народу и его Вождю, но Цену Эту нужно

платить с Радостью. Скажи мне, Джордж, если понадобится принести Саму Великую Жертву — жизнь свою отдать во имя жизни Вождя Твоего Народа и Твоей Страны, — если Вождь Страны Твоей потребует такой Жертвы, принесешь ли ты ее, не колеблясь?

— Вряд ли такое случится, — ответил Джордж.

— Что?..

— Ну, видите ли, когда я голосую... Кстати, это бывает нечасто, так вот, я обычно голосую за реюнионистов. А нынешний премьер у нас — реваншист. Так что вряд ли он обратится с таким требованием ко мне.

— Какого черта ты там мелешь?! Что это значит?..

— Я говорю о своей стране — с вашего разрешения, о Квебеке. Дело в том, что я из Монреаля.

ГЛАВА XVI

Через пять минут мы очутились на улице. В течение этих минут мне казалось, что нас наверняка повесят, расстреляют или по крайней мере приговорят к пожизненному заключению в тюрьме самого строжайшего режима по обвинению в некалифорнийском подданстве. Но все же было принято более мягкое решение, когда главный советник Тамбрила убедил его в том, что не стоит рисковать и устраивать судебное разбирательство, — по его словам, генеральный Консул Квебека мог бы пойти на это, но подкуп всего консульства обошелся бы слишком дорого.

Нам было дано несколько иное объяснение нашего освобождения, но советник не знал, что я слышала весь его разговор с Тамбрилом — я не посвящала в свои способности усиливать слух даже Джорджа. Главный советник вождя нашептал ему что-то о недавней истории с какой-то мексиканской куколкой, о которой газетчики раздули шумную историю, и сказал, что они не могут сейчас влезать в новый скандал, так что “хрен с ними, шеф, пускай катятся восвояси...”

Итак, мы были отпущены из дворца и через сорок пять минут вошли в главную контору Единой карты

алифорнии. Еще десять минут ушло у нас на то, чтобы снять дурацкий грим и переодеться в туалете в здании калифорнийского коммерческого кредита. Туалет здесь также отличался антидискриминационной политикой, но выражалась она не в столь агрессивной форме — вход был бесплатный, кабинки закрывались, и женщины располагались по одну сторону, а мужчины по другую — там, где были такие высокие штуковины, которыми мужская половина человечества пользуется с такой же легкостью, как унитазами. Единственное помещение, где оба пола сосуществовали вместе — комната в центре со столиками и зеркалами, но и здесь женщины предпочитали стоять с одной стороны, а мужчины — с другой. Я не против общих туалетов, меня это ничуть не смущает — в конце концов я воспитывалась в яслях, — но я метила, что, если у мужчин и женщин есть возможность разделяться при этом процессе, они всегда ею пользуются.

Джордж выглядел намного лучше с ненакрашенными глазами. Он заодно смыл лак с головы и нормально причелся. Я сняла с него свой оранжевый шарф и засунула его себе в сумку.

— Наверно, это выглядело глупо и наивно с моей стороны? Ну, весь этот маскарад?.. — сказал он.

Я огляделась. Поблизости никого не было, и кондиционеры здорово шумели вокруг.

— Не думаю, Джордж. Полагаю, недель за шесть из тебя можно сделать настоящего профессионала.

— Профессионала? В каком смысле?

— Ну, что-то вроде Пинкертона. Или... — Кто-то вошел и стал неподалеку от нас. — Обсудим это позже. Кстати, из этой истории мы выскочили с двумя лотерейными билетами.

— Верно, я и забыл... Когда розыгрыш твоего?

Я вытащила билет и взглянула.

— Слушай, это сегодня! Сегодня днем! Или, может, я ошиблась со счета?

— Нет, все правильно, — подтвердил Джордж, изучив свой билет. — Хорошо бы нам через час найти какой-нибудь терминал и проверить.

— Ни к чему, — возразила я. — Мне никогда не везло ни в картах, ни в рулетку, ни в лотерею. Даже когда я покупаю креслеры, в пачках очень редко оказывается

— И тем не менее, моя Кассандра, стоит проверить.

— Ладно, будь по-твоему. Когда розыгрыш твоего?

Он достал своей билет, я взглянула на него и воскликнула:

— Слушай, он тоже сегодня! Теперь и я думаю, что стоит проверить — твой.

— Фрайди, — сказал Джордж, не отрывая внимательного взгляда от своего билета, — посмотри сюда. — Он поскреб ногтем по билету: буквы остались, а серийный номер сполз с бумаги. — Ну и ну! На сколько минут наша подруга нырнула под прилавок, прежде чем “найти” мой билет?

— Не помню. На одну-две, не больше.

— Однако этого ей хватило.

— Ты хочешь вернуться к ней?

— Я? Зачем, милая? Ее виртуозность достойна восхищения. Но она тратит свой талант на пустяки. Ладно, пошли наверх — закончим наши дела с Единой картой до лотерейных игр.

Я опять вернулась к своему статусу “Марджори Болдуин”, — и мы были допущены к беседе с “нашим мистером Чамберсом” в главном офисе Калифорнийской Единой карты. Мистер Чамберс оказался очень приятным человеком — гостеприимным, дружелюбным, симпатичным, словом, как раз тем, кто был мне нужен, судя по табличке на его кабинете, гласившей, что он является вице-президентом Отдела клиентуры. Но через несколько минут до меня дошло, что главная его обязанность — говорить клиентам “нет”, а главный его талант — облекать этот ответ в такое количество дружелюбных и вежливых слов, что клиент в результате так толком и не соображает, что его попросту завернули.

Итак, прежде всего, мисс Болдуин, пожалуйста, поймите, что Единая карта Калифорнии и Единая карта Чикагской империи — это совершенно разные корпорации и с нами у Вас нет никакого контракта. К нашему великому сожалению. Правда, в целях сотрудничества и углубления деловых контактов мы обычно принимаем их карточки, как и они — наши. Но... к его чрезвычайному сожалению, он вынужден объяснить, что в данный момент — он подчеркивает это, *в данный момент*, — империя прервала все внешние сношения и, как это ни странно

и даже нелепо, по его мнению, *сегодня* у них нет даже определенного курса, по которому бруины соотносятся к кронам, а потом... Как, скажите на самом деле, они могут выплатить сумму по карточке империи при всех их, поверьте, горячем желании... Разумеется, они почтут за честь сделать это... позже... Но мы от всей души хотим вам помочь, надеемся, что вы прекрасно проведете здесь время, и что-могу-для-вас-сделать?

Я спросила его, когда, по его мнению, будет снято чрезвычайное положение. Мистер Чамберс моментально сделал нейтральное лицо:

— Чрезвычайное положение? О каком чрезвычайном положении вы говорите, мисс Болдуин? Может быть, таковое и введено в империи, не случайно же они закрыли все границы, но здесь — нет! Оглянитесь по сторонам — вы когда-нибудь видели страну, так благоденствующую и процветающую, как наша?

Я сказала, что не видела, и поднялась, чтобы уйти, поскольку спорить и что-либо доказывать было совершенно бесполезно.

— Благодарю вас, мистер Чамберс. Вы были необыкновенно любезны.

— Это мой долг, мисс Болдуин. Это долг каждого служащего Единой карты. И не забудьте, если я могу вам чем-то помочь, я всегда к вашим услугам.

— Спасибо, буду иметь в виду. Да, кстати, в этом здании есть где-нибудь общий терминал? Я днем купила лотерейный билет, а розыгрыш оказывается сегодня же.

Мистер Чамберс весь расплылся в улыбке:

— Дорогая мисс Болдуин, я так счастлив, что вы спросили! Прямо на этом этаже расположен наш конференц-зал, и каждую пятницу в полдень все наши служащие — по крайней мере те из них, кто обладает билетами, — собираются там и наблюдают за розыгрышем. Джи Би — это наш президент, — так вот старина Джи Би решил, что так будет лучше, чем если бы все служащие потихоньку под любыми предлогами отлучались в соседние магазины или кафе. Лучше с моральной точки зрения. А когда кто-нибудь из наших что-то выигрывает — такое случается, — он или она получает роскошный пирог, утыканный свечами, как принято дарить в дни рождения, — это подарок самого Джи Би. Он дарит его лично и даже съедает кусочек.

— У вас веселая команда.

— О да! В нашем финансовом учреждении и слыхом не слыхивали о компьютерных махинациях, все любят старину Джи Би! — Он взглянул на свой палец, на котором красовался перстень с часами. — Давайте же пройдем в конференц-зал.

Мистер Чамберс проследил, чтобы нас усадили в самые удобные кресла, лично принес нам кофе и только потом уселся и принялся смотреть на розыгрыш.

Главный экран терминала занимал почти всю стену зала. Около часа разыгрывались маленькие призы и в течение этого часа главный ведущий обменивался двусмысленными шутками со своим ассистентом, в основном, относительно прелестей девочек, вытаскивающих счастливые билеты из вертящегося барабана. Этих девчонок выбирали явно из-за этих самых прелестей — их костюмы не только подчеркивали все прелести, но также наглядно демонстрировали публике, что им в буквальном смысле нечего скрывать. Работа непыльная, если, конечно, студия нормально отапливалась.

Справа от нас слышались восторженные возгласы — один из младших клерков Единой карты выиграл тысячу бруинов. Чамберс с улыбкой заметил:

— Это случается нечасто, поэтому будет обсуждаться всю следующую неделю. Ну что — пойдем? Ах да, у вас же еще на руках билет, который может выиграть... Впрочем, вряд ли. Молния редко бьет в одно место дважды.

Под грохот барабанов девка в телесного цвета бикини вытащила два предпоследних приза и... Наконец, самый последний "Гран при — Супер Калифорния". Ведущий церемонию громко зачитал его номер, после чего цифры зашверкали над его головой.

— Мистер Зи, — обратился он к ассистенту, — обладатель выигрыша зарегистрировался в нашем списке?

— Одну минуточку... Нет, не регистрировался.

— Итак, среди нас есть Золушка! Неизвестный победитель! Кто-то в нашей великой и чудесной Конфедерации стал на двести тысяч бруинов богаче! Слышит ли нас этот счастливчик сейчас? Позвонит ли он... Или, может быть, она... Позвонит ли она нам или придет сюда, чтобы все могли полюбоваться на нее или его... до конца нашего шоу?! Или же кто-то разбудит этого счастливца завтра ут-

ром, чтобы сообщить ему (или ей), что он разбогател? Ребята, вы все видите номер? Он будет сиять там до конца нашей программы, а потом его будут повторять в каждом выпуске новостей, пока не объявится счастливцев. А теперь прослушайте новости...

— Фрайди, — шепнул мне Джордж, — дай-ка мне взглянуть на твой билет.

— В этом нет нужды, Джордж. Это он. Я выиграла.

Мистер Чамберс поднялся и с дежурной улыбкой обратился к нам:

— Представление окончено, — сказал он. — Это удача, что хоть кто-то из нашей дружной семьи выиграл небольшую сумму. Было очень приятно провести с вами время, мисс Болдуин и мистер Каро... Перра... И прошу вас, если у вас возникнут какие-либо вопросы, не стесняйтесь, обращайтесь прямо ко мне, и я приложу все усилия, чтобы...

— Мистер Чамберс, — вежливо перебила я его. — Может Единая карта получить это для меня? Мне бы не хотелось делать это самой.

Мистер Чамберс был во всех отношениях приятный мужчина, но со слегка замедленными реакциями. Трижды он сравнивал номер на моем билете с цифрами, все еще сияющими на экране, прежде чем поверить своим глазам. Затем Джорджу пришлось резко остановить его, когда он попытался убежать сразу в нескольких направлениях: звать фотографа, представителей Национальной лотереи и заказывать команду телевизионщиков. Джордж сделал это вовремя, потому что, не вмешайся он, мне пришлось бы действовать самой, причем гораздо резче. Меня всегда раздражает, когда здоровенные мужики не принимают в расчет мои возражения, и я порой обхожусь с ними круто.

— Мистер Чамберс! — сказал Джордж. — Вы разве не слышали, что она сказала? Она *не желает* делать это сама. Никакой рекламы.

— Что? Но победители всегда попадают в выпуски новостей — это обычная процедура, таковы правила! Прошу вас, не беспокойтесь, это не займет ни минуты вашего времени, потому что... Помните девушку, выигравшую маленький приз до вас? Сейчас ее как раз фотографируют с

Джи Би и с его пирогом. Так что давайте пройдем сию минуту в его кабинет и...

— Джордж, — прервала я этот монолог, — “Американ экспресс”.

У Джорджа прекрасные реакции, и я с удовольствием выйду за него замуж, если Жанет когда-нибудь решит его бросить.

— Мистер Чамберс, — немедленно отреагировал он, — будьте любезны сообщить нам адрес главного отделения “Американ экспресс” в Сан-Жозе.

Мистер Чамберс застыл, словно на него напал столбняк.

— Что вы сказали? — с тихим ужасом прошептал он.

— Вы можете сообщить нам адрес “Американ экспресс”? Мисс Болдуин желает получить по своему билету у них, что касается меня, то я предварительно позвоню им и выясню, как у них обстоит дело с тайной банковских операций.

— Но вы... Вы *не можете* так поступить! Она же выиграла *здесь!*

— Мы можем и мы именно так и поступим. Она не выигрывала здесь. Просто она случайно оказалась здесь во время розыгрыша. А теперь, пожалуйста, дайте нам пройти, мы уходим.

Далее мы вынуждены были повторить всю сцену для Джи Би. Он был обыкновенный напыщенный индюк с сигарой в углу рта и с куском пирога, прилипшим к его верхней губе. При этом он был далеко не глуп, схватывал все на лету, но слишком привык к моментальному исполнению всех своих желаний, поэтому Джорджу пришлось очень громко упомянуть “Американ экспресс”, прежде чем до него дошло, что я не соглашусь ни на какую рекламу и в противном случае скорее обращусь к уличным менялам валюты, чем к его фирме.

— Но позвольте, какие менялы, если мисс... э-э-э, мисс Булгрин является клиентом Единой карты.

— Нет, — возразила я, — я лишь полагала, что являюсь клиентом Единой карты, но мистер Чамберс отказал мне в кредите. Таким образом, мне придется открыть счет в “Американ экспресс”. И без всяких фотографий.

Чамберс объяснил, что моя кредитная карточка выписана Имперским банком Сант-Луиса.

— Учреждение с прекрасной репутацией, — заметил Джи Би. — Чамберс, снабдите ее другой карточкой. Нашей. Немедленно. И оплатите ей выигрышный билет. — Он взглянул на меня и вынул сигару изо рта. — Без всякой рекламы. Все дела клиентов Единой карты сохраняются в тайне. Вы удовлетворены, мисс... э-э-э, мисс Уоллгрин?

— Вполне, сэр.

— Чамберс, приступайте.

— Да, сэр. На какую сумму открыть кредит, сэр?

— Какую сумму вы желаете, мисс Белгуим? Возможно, вы назовете сумму в кронах? Каков кредит, открытый вам моими коллегами в Сант-Луисе?

— Я отношусь к разряду золотых клиентов, сэр, и мой счет всегда измерялся в золоте, а не в кронах. Можно ли устроить это здесь? Видите ли, я просто не привыкла думать в бруинах. Я так часто путешествую, что мне гораздо удобнее оперировать граммами золота. — Упомянуть о золоте в стране с нетвердой валютой — почти нечестно. Это туманит мозги банкирам.

— Вы хотите платить золотом?

— Если позволите. Через Южно-Африканское приемное отделение и контору в Луна-Сити. Это вас устроит? Обычно я плачу раз в квартал, но я могу распорядиться, чтобы вам пересылали взносы ежемесячно, если вас это больше устраивает.

— Нет-нет, нас вполне устроят ежеквартальные взносы. — Еще бы — при этом они получают оптимальный процент!

— Что же касается суммы кредита... Честно говоря, сэр, я не люблю помещать значительную часть своих финансов в какой-то один банк и в какой-то одной стране. Что, если мы остановимся на тридцати килограммах?

— Как пожелаете, мисс Бедлам. Если захотите увеличить сумму, просто дайте нам знать — только и всего. Чамберс, приступайте.

Итак, мы вернулись в тот самый кабинет, где мне полтора часа назад было сказано, что мой кредит здесь не-

действителен. Мистер Чамберс протянул мне бланк заявления со словами:

— Позвольте, я помогу вам заполнить это.

Я взглянула на анкету. Имена родителей, имена бабушек и дедушек. Дата и место рождения. Точные адреса проживания за последние пятнадцать лет. Нынешнее место работы. Предыдущее место работы. Причина увольнения с предыдущего места работы. Нынешний доход. Банковские счета. Три гарантии от лиц, знающих вас не менее десяти лет. Обращались ли вы с заявлением о банкротстве, возбуждались ли против вас преследования за неуплату счетов, были ли вы ответственным служащим какого-либо финансового учреждения, состояли ли компаньоном фирмы, впоследствии реорганизованной согласно параграфу тринадцатому Народного Закона номер девяносто семь Калифорнийской конфедерации по гражданскому состоянию? Были ли вы обвинены в...

— Фрайди. Ни в коем случае, — вполголоса произнес Джордж.

— Именно это я и собиралась сказать, — кивнула я, вставая.

— Всего хорошего, мистер Чамберс, — вежливо произнес Джордж.

— Что-нибудь не так?

— Еще бы. Ваш начальник велел вам обеспечить мисс Болдуин Золотой кредитной карточкой на сумму кредита в тридцать килограммов чистого золота, а не подвергать ее перекрестному допросу.

— Но это ведь стандартный бланк заявления, обычная формальность, и нам...

— Нас это не интересует. Передайте Джи Би, что вы опять сели в лужу.

“Наш” мистер Чамберс позеленел и выдавил.

— Прошу вас, сядьте.

Через десять минут мы ушли, я — обладательницей новенькой Золотой кредитной карты, действительной где угодно (надеюсь на это). В обмен я указала номер моего почтового ящика в Сант-Луисе, мой последний адрес (дом Жанет), номер моего счета в Луна-Сити с письменной инструкцией выплаты (ежеквартально) через Южно-Африканское отделение. Также мне была выдана

приличная сумма наличными в бруинах и такая же в кронах вместе с чеком на лотерейный билет. Мы вышли из здания, пересекли площадь, нашли скамеечку и уселись на нее. Было всего восемнадцать часов, погода стояла прохладная, но солнце ярко освещало холмы Санта-Круз.

— Дорогая Фрайди, каковы будут ваши следующие желания? — осведомился Джордж.

— Посидеть спокойно пару минут и немного сосредоточиться. Потом я угощу тебя выпивкой. Я выиграла в лотерею и за это стоит выпить. По крайней мере.

— По крайней мере, да, — согласился он. — Ты получила двести тысяч бруинов за... двадцать?

— За доллар, — поправила я его, — я не взяла у нее сдачу.

— Все равно, вполне достаточно. Ты выиграла чистыми около восьми тысяч долларов.

— Семь тысяч четыреста семь долларов и сколько-то там центов.

— Ну, это не состояние, но вполне приличная сумма.

— Вполне приличная, — кивнула я. — Для женщины, которая с утра жила на благотворительные пожертвования своих друзей. Если я, конечно, не заработала что-то за мое "нормальное" поведение прошлой ночью.

— За эту реплику братишка Жан обеспечил бы тебя распухшей губой. Я же лишь могу заметить, что, хоть семь тысяч четыреста и приличная сумма, гораздо большее впечатление на меня произвело другое, а именно: не обладая ничем, кроме лотерейного билета, ты заставила одну из самых строгих банковских фирм предоставить тебе открытый счет в пределах миллиона долларов — золотом. Родная, как ты это сделала? Безо всякой грязи! Ты даже не повысила голос.

— Но... Джордж, это же ты заставил их выдать мне карточку.

— М-мм? Нет, не думаю. Ну да, я конечно, старался тебе подыгрывать, но... Играла, безусловно, ты сама. Все ходы — твоя личная инициатива.

— Только не с той дурацкой анкетой! Уж это ты мне не приписывай.

— А-а, да. Но эта лошенная задница не имела никакого права тебя допрашивать. Ведь его босс приказал выдать тебе карточку без всяких разговоров.

— Ты меня спас. Я была уже на пределе. Джордж... Джордж, родной, я знаю, ты сказал мне, чтобы я плюнула и не думала об этом... Ну, о том, кто я такая, но... Я стараюсь. Я *правда* стараюсь! Но когда он подsunул мне этот бланк, где надо писать все о родителях и о дедах и бабках... Это выбило меня из седла!

— Я и не ожидал, что за одну ночь я сумею тебя исправить. Мы продолжим работу в этом направлении. Так или иначе ты была “в седле”, когда речь зашла о сумме кредита.

— Знаешь, я как-то слышала, как один человек сказал, — это был Босс, — что одолжить десять долларов гораздо труднее, чем миллион. Поэтому, когда они спросили, я и назвала миллион... Нет, не совсем миллион — в британо-канадских долларах около девятисот шестидесяти четырех тысяч.

— Не буду мелочиться. Когда счет заходит за девятьсот тысяч, у меня кончается кислород. Слушай, “нормальная”, а ты знаешь, сколько получает профессор?

— Какое это имеет значение? Судя по тому, что я знаю о твоей профессии, одно успешное создание нового искусственного существа приносит миллионы. Даже миллионы граммов золота, а не долларов. У тебя что, не было успешных разработок? Или это бестактный вопрос?

— Давай сменим тему. Где мы проведем эту ночь?

— За сорок минут мы можем добраться до Сан-Диего или за тридцать пять — до Лас-Вегаса. И там, и там есть свои плюсы и свои минусы в смысле шансов попасть в империю. Джордж, теперь, когда у меня достаточно денег, я немедленно должна быть на работе, и плевать мне на всех сумасшедших и фанатиков. Но я клянусь тебе чем хочешь, что как только у меня выберется несколько свободных денечков, я тут же навешу тебя в Виннипеге.

— Может статься, что я к тому времени еще не успею вернуться в Виннипег.

— Тогда я приеду к тебе в Монреаль. Слушай, родной, мы обменяемся с тобой всеми нашими адресами — я ни в коем случае не хочу тебя потерять. Ты ведь не только

убедил меня в том, что я — человек, ты... ты сказал, что я нормальная, что со мной нормально... Словом, ты вполне подходишь мне по своим моральным устоям. А теперь выбирай, потому что мне все равно: Сан-Диего, где мы поболтаем по-испански, или Вегас — там поглазею на множество обнаженных дам, а?

ГЛАВА XVII

Мы съездили и туда, и туда, а потом отправились в Висксберг.

Оказалось, что техасско-чикагская граница закрыта с обеих сторон на всем ее протяжении, поэтому я решила попробовать сначала речной маршрут. Конечно, Висксберг принадлежит Техасу, но для моих целей его местоположение — главный речной порт рядом с империей — было весьма удобно, поскольку этот порт — главная база контрабандистов обоих государств.

Висксберг делится на три части: Нижний город, порт — прямо у самой воды (нередко страдающий от наводнений), — и Верхний город, расположенный на огромном утесе примерно стометровой высоты и в свою очередь разделенный на Старый город и Новый. Старый город окружен полями сражений давно забытой (всеми, кроме висксбергцев!) войны. Поля эти неприкосновенны, на них запрещены любые постройки, поэтому Новый город находится за пределами этой “святой” земли, и со старым городом его связывают лишь подземные коммуникации: туннели и монорельсовые трубы. Верхний город сообщается с Нижним при помощи эскалаторов и фуникулеров.

Для меня Верхний город был лишь местом для сна и переселения. Мы остановились в висксбергском “Хилтоне” (двойнике беллингемского и даже с точно таким же баром в холле), но приехала я сюда ради Нижнего, а точнее — ради рски. Время мы проводили грустно-всело, так как Джордж знал, что я не позволю ему двинуться со мной дальше, и мы оба избегали разговоров на эту тему. Я даже

не разрешала ему сопровождать меня в Нижний город и предупредила, что в любой день могу не вернуться в отель, могу даже не оставить ему записку в нашем номере — когда настанет момент, подходящий для “прыжка”, я “прыгну”.

Нижний Висксберг — город жестких нравов, порочный, со своими крутыми законами. Днем полицейские появляются только по двое, ночью — их вообще не сыскать. Это город взяточников, проституток, контрабандистов, толкачей, продавцов наркотиков, пройдох, жуликов всех мастей, сутенеров, наемников, скупщиков краденого, нищих, воров, притонодержателей, кидал... Словом, чего только не найдешь в висксбергском Нижнем городе. Расчудесное местечко, только не забудьте сделать анализ крови, когда выберетесь отсюда.

Это единственное место, во всяком случае известное мне, где искусственное существо с такими явными “отметинами” своего происхождения, как, скажем, четыре руки, отсутствие ног, глаза на затылке или что там еще у них бывает, — может зайти (или заползти) в бар, заказать кружку пива и не привлечь к себе никакого внимания. Что же касается моей “породы”, то быть искусственно созданной — здесь ровным счетом ничего не значит, поскольку девяносто пять процентов представителей здешнего общества не осмеливаются ступить на эскалатор, ведущий в Верхний город.

У меня возникло огромное искушение — никуда не уезжать отсюда. Было тут что-то настолько радужное и дружелюбное во всеобщем и повальном “беззаконии”, во всех этих изгоях, в жизни не ткнувших бы в меня обвиняющим перстом... Если бы не два момента — с одной стороны, Босс, а с другой — Джордж и воспоминания о гораздо лучше пахнущих местах, — я, быть может, и осталась бы в Висксберге (Нижнем) и нашла бы себе подходящее занятие и применение своим способностям. Но... Не помню, кто это сказал: “Мой долг меня вперед зовет и спать спокойно не дает”, — кто бы это ни придумал, но он-то понимал, отчего люди продолжают упрямо двигаться, когда им так хочется лечь и передохнуть. Одевшись так, словно я была солдатом без работы, я шлялась по набережной, наострив ушки, в поисках шкипера, который согласился бы взять на борт живой “товар”. К моему

огромному разочарованию, движения по реке почти не было. Новостей из империи не поступало, ни одно суденышко не спускалось сюда вниз по реке, поэтому никому из шкиперов не хотелось рисковать и плыть вверх.

Итак, большую часть времени я просиживала в барах, попивая (в умеренных дозах) пиво и потихоньку пуская слухи о том, что согласна уплатить приличную сумму за путешествие вверх по реке. Также я внимательно просматривала рекламу — гораздо болес откровенную по сравнению с калифорнийской. Здесь можно было печатать практически что угодно. Например:

*Вы ненавидите ваших родных?
Вы растеряны, связаны по рукам и ногам?
Вам все осточертело — жена (муж)?
ТОГДА ДАВАЙТЕ МЫ СДЕЛАЕМ ИЗ ВАС
НОВОГО(УЮ) МУЖЧИНУ (ЖЕНЩИНУ).
Пластические операции, переориентация,
смена местожительства и даже смена пола —
неузнаваемость гарантируется.
Свяжитесь с Доктором
Франком Франкентейном
в гриль-баре "Нежный Сэм".*

Впервые в жизни я столкнулась с рекламой платного убийства. Или я что-то не так поняла?

*У вас возникли проблемы?
Нет ничего незаконного —
дело не в том, что вы делаете, а в том как!
Мы располагаем самыми искусными
юристами-"отмазчиками" во всем
Штате Одинокой Звезды.
Фирма "Лазейки", инкорпорейтед.
Запросите "ЛЕВ" 10101*

Сверху — маленькое примечание, гласящее, что все коды, начинающиеся с "ЛЕВ", отвечают только запросам Нижнего города.

*“Артисты”, Лимитэд.
Документы любых видов,
инструменты и приспособления для любого рода общений,
дипломы, свидетельства о рождении, удостоверения
личности, паспорта, фотографии, деловые лицензии,
свидетельства о браке, кредитные Карты, голограммы,
аудио-видео записи, коммиссионные сборы, завещания,
отпечатки пальцев — качество всех работ
Гарантируется Ассоциацией “Ллойда” — “ЛЕВ” 10111.*

Разумеется, все вышеназванные услуги доступны практически в любом большом городе, но их крайне редко рекламируют в открытую. Что же касается “гарантии качества”, то я не очень в это верю.

Я решила не рекламировать свою проблему, ибо сомневалась, что гласное объявление может помочь в столь интимном деле, и продолжала ронять пару слов то тут, то там, в надежде на барменов, попрошайек и бандерш. Но я продолжала внимательно читать рекламные приложения — на всякий случай: вдруг что-нибудь полезное да выплывет... И натолкнулась как-то на хоть и лично мне ненужное, но весьма интересное сообщение. Я сделала себе копию и, вернувшись в отель, показала ее Джорджу:

*У.К. — Составь завещание. Тебе осталось жить
десять дней.*

А.С.Б.

— Что это значит, Джордж?

— Первос, которое мы видели, давало У.К. всего лишь неделю. Прошло больше недели и теперь у “него” в запасе десять дней. Если так будет продолжаться, У.К. умрет от старости.

— Значит, ты не думаешь, что...

— Нет, любовь моя, не думаю. Это просто шифр.

— Какой шифр?

— Да, самый простейший, и поэтому неподдающийся расшифровке. Первым объявлением тому, или тем, “кому положено”, сообщалось, что нужно осуществить что-то в размере семи, или ожидать чего-то в размере семи, или наконец, сообщалось нечто, под кодовым обозначением “семь”. В ныншнем объявлении сообщается то же самое,

под кодовым обозначением “десять”. Но значение самой цифры невозможно расшифровать с помощью статистического анализа, потому что задолго до середины процесса расшифровки код может быть сменен. Код — идиотский, а идиотский код, Фрайди, расшифровать невозможно, если тот, кто им пользуется, обладает хоть каплей здравого смысла и не слишком часто пьет из одного и того же колодца.

— Слушай, Джордж, ты говоришь так, словно сам изобрел этот код, или по крайней мере работал дешифровальщиком или кем-то там в этом роде.

— Ну да, кем-то в этом роде. Но понял я это не там. Самые сложные анализы шифров и кодов — они и сейчас далеко не совершенны — производятся там, где имеют дело с живыми генами. Все генетические коды тоже относятся к разряду идиотских, да-да, все, но... повторяются они столько миллионов раз, что в конце концов у нас появляется возможность отыскать и понять смысл некоторых сочетаний... Прости, что я заговорил об этом за едой.

— Да ладно, я ведь сама начала. Итак, угадать, что означает А.С.Б. невозможно?

— Абсолютно невозможно.

Этой же ночью прокатилась вторая волна убийств, точная по графику. Нет-нет, я вовсе не утверждаю, что тут есть какая-то связь.

Они “ударили” ровно через десять дней после первой “атаки”. Впрочем, время не добавило ничего нового и нам по-прежнему было неизвестно, какая группировка стояла за всем этим: и так называемый Совет за выживание, и их противники стимуляторы называли именно этот срок, а что касается Ангелов Господних, то те вообще не высказывались о времени второй “волны”.

Между первой волной террора и второй была разница, причем такая, которая, казалось, поможет мне кое в чем разобраться... Вернее, нам с Джорджем, когда мы обсуждали это после сообщений.

1. Никаких новостей из Чикагской империи. Никаких изменений здесь, поскольку из империи вообще не поступало никаких сведений после сообщений о ликвидации де-

мократов... Итого: молчание оттуда длится уже неделю, что заставляет меня здорово беспокоиться.

2. Никаких сообщений из Калифорнийской конфедерации о втором “ударе” — обычные сводки новостей и только. Кстати — после обычной сводки новостей и сообщений об убийствах “где-то там” поступила следующая информация: “Боевитый”, вождь конфедерации Тамбрил, после консультации со своим врачом назначил чрезвычайное правительство в составе трех человек со всеми вытекающими отсюда полномочиями, а сам отправился на продолжительный курс лечения в свою летнюю резиденцию “Орлиное гнездо”, поблизости от Тахо. Бюллетени о состоянии его здоровья будут поступать не из Тахо, а из Сан-Жозе.

3. По поводу этого и я и Джордж сразу сошлись в одном: “курс лечения” означал попросту бальзамирование трупа этого жалкого позера, а бюллетени о состоянии его “здоровья” будут поступать до тех пор, пока кто-то из правительственной “тройки” не перегрызет горло остальным в борьбе за власть.

4. Никаких сообщений о втором “ударе” во внеземном пространстве.

5. Кантон и Маньчжурия не сообщили о второй волне убийств. Поправка: подобных сообщений не появилось в Висксберге, Техасе.

6. Насколько я могу судить, во всех остальных местах террористы наносили удары. Тут, конечно, есть “черные дыры” — я не знаю, что произошло, скажем, в Непале или на острове Принца Эдуарда, но я не вижу причин, почему кого-то (за исключением тех, кто там проживает) это должно волновать — почти триста из четырехсот так называемых суверенных государств являются попросту фикцией, то есть не имеют никакого значения в геополитическом смысле. Однако все основные страны, кроме указанных выше, испытали на себе вторую волну терроризма и сообщили об этом — за исключением тех, где эти “удары” оказались либо очень слабо, либо очень сильно ощутимыми.

7. Почти все террористические акты провалились. В этом и было главное отличие первой “волны” от второй. В первый раз большинство убийц “достало” свои жертвы,

и большинству же убийц удалось скрыться. Теперь все по-лучилось наоборот: большинство “мишеней” остались в живых, а большинство террористов погибли. Очень немногих взяли живьем, и лишь единицам удалось бе-жать.

Этот последний пункт наконец-то избавил меня от до-вольно мучительного подсознательного раздражителя, здо-рово действующего мне на нервы последние десять дней. Что я имею в виду? За всеми этими убийствами стоял не Босс.

Почему я так уверена в этом теперь? Потому что вторая волна оказалась полным *провалом* того, кто стоял за этим. Далее: обычные исполнители, даже рядовые “бойцы”, обходятся недешево, так что наниматели ими особенно не разбрасываются. Тренированный убийца стоит по меньшей мере в десять раз дороже рядового “бойца”, и он (или она — что бывает чаще) никогда не даст себя ликвидировать! Бог ты мой, это же *бред*! Это *профессионалы*, они убивают и *уходят*. Стало быть, тот, кто стоял за всем этим, за одну ночь полностью разорился.

Не профессионально.

Значит, это был не Босс.

Но я так и не могла вычислить, кто же мог все-таки стоять за всей этой тупой клоунадой, потому что я просто не видела, кто сорвал банк. Мое раннее предположение, что за все это заплатила какая-то международная корпо-рация, кажется, было ошибочным: я не могла себе пред-ставить, чтобы хоть одна “международка” стала пользо-ваться услугами дилетантов и наняла желторотых птенцов, вместо профессионалов.

Однако еще труднее представить, что за этим стоит ка-кое-то территориальное государство, пытающее таким бре-довым способом добиться мирового господства.

Что же касается разных групп фанатиков, вроде Анге-лов Господних или стимуляторов, то для них это — слишком большой масштаб... И все же что-то фанатичес-кое, что-то ненормальное за всем этим крылось... Что-то иррациональное, бессмысленное и потому мне непонят-

ное... Впрочем, нигде ведь не написано, что я должна всегда все понимать и быть способной во всем разобраться... Дурацкий трюизм! Он всегда меня раздражал.

На следующее утро после второго "удара" весь нижний Виксберг пришел в странное возбуждение. Стоило мне зайти в салун и кивнуть бармену, как ко мне приблизился какой-то юнец и заговорщицки шепнул:

— Хорошие новости! "Рэйчел Райдерс" нанимает всех... Рэйчел велела сказать это *вам лично*.

— Слушай, шенок, — вежливо ответила я, — Рэйчел не знает меня, а я не знаю никакую Рэйчел.

— Слово скаута!

— Ты никогда не был скаутом и вряд ли сможешь грамотно написать это слово.

— Слушай, командирша, — не отставал он, — я ничего не ел с самого утра. Давай, просто пройдишь со мной туда, тебя ведь никто не заставляет ничего подписывать, а? Это прямо напротив, нам только улицу перейти.

Он и впрямь был тощий, но это могло означать лишь, что он вступил в тот переходный возраст, когда юнцы резко тянутся вверх: Нижний город — не то место, где голодают. Секунду я колебалась, и тут нашел нужным вмешаться бармен:

— Кончай, Коротышка! — процедил он сквозь зубы. — Оставь моих клиентов в покое. Не отвяжешься, перешибу хребет.

— Все в порядке, Фред, — кивнула я ему. — Я зайду к тебе попозже. — Я кинула на стойку бумажку и, не дожидаясь сдачи, повернулась к юнцу. — Пошли, Коротышка.

Рекрутская контора Рэйчел оказалась подальше, чем "только улицу перейти", и по дороге туда еще двое "ловцов" пытались отбить меня у Коротышки. Но их призывы не возымели никакого эффекта, поскольку у меня была лишь одна-единственная цель: дать тощему юнцу ухватить свой жалкий "кусочек".

Сержант по найму напомнила мне ту клячу, что стояла в туалете дворца в Сан-Жозе. Она окинула меня равнодушным взглядом и буркнула:

— Походных шлюх сейчас не нанимаем, сладкогрудка. Но если поболтаешься тут немножко, может, я и угощу тебя парой рюмок.

— Заплати своему “гонцу”, — сказала я.

— За что ему платить? Эй, Леонард, я же предупреждала — никаких шлюх. Выкатывайся отсюда и займись делом.

Я перегнулась через стойку и взяла ее за левое запястье. Вполне незаметно (для профессионала) в правой руке у нее очутился нож. Тогда мне пришлось переменить позу: я забрала у нее нож, воткнула его в стойку прямо перед ее носом и одновременно сжала ее левую лапку посильнее.

— Можешь заплатить ему одной рукой? — осведомилась я. — Или мне нужно сломать тебе пальчик?

— Тише, тише, — ответила она, не оказывая никакого сопротивления. — Держи, Лео. — Она открыла ящик, вытащила две техасские бумажки и протянула ему. Он моментально схватил добычу и исчез.

— И это все, что ты им платишь? — спросила я, ослабив хватку. — При такой-то конкуренции, когда их на улицах пруд-пруди?

— Он получает свои настоящие комиссионные, когда вы подписываетесь, — ответила она. — Я ведь тоже получаю свои деньги, когда доставляю вас готовенькими. А теперь, если ты не против, отпусти мою руку, она мне понадобится, чтобы оформить твои бумаги.

Я отпустила и неожиданно у нее в руке опять сверкнул нож, а рука двинулась прямо на меня. На этот раз прежде чем вернуть ей нож, я сломала лезвие пополам.

— Не делай этого больше, — попросила я. — Пожалуйста. И тебе стоит купить перо получше. Это — не “Золинген”.

— Я вычту цену лезвия из твоего аванса, родная, — невозмутимо ответила она. — С той секунды, как ты вошла сюда, на тебя глядит ствол. Мне нажать на курок, или мы прекратим эти игры?

Я не поверила ей, но ее предложение меня устраивало.

— Хорошо, больше никаких игр, сержант. Какие будут предложения? Твой гонец обещал мне небо в алмазах.

— Кофе с пирожными и обычные расценки. Стандартное жалованье. Контракт на девяносто дней с правом ком-

пании продлить его еще на столько же. Деревянный костюм оплачиваете пополам: половину — ты, половину — компания.

— Гонцы носятся по всему городу и предлагают стандартное жалование плюс еще пятьдесят процентов (это я “пальнула” втемную).

— Если так, — она пожала плечами, — мы это устроим. Каким оружием владеешь? Мы не берем новобранцев. В этот раз — не берем.

— Я дам тебе пару уроков с любим, каким, тебе кажется, ты владеешь. Где будут действия? Кто на прицеле?

— М-мм, ты круто берешь. Хочешь подписаться, как старший инструктор? Мне этого не надо.

— Куда мы тронемся? Вверх по реке?

— Ты еще ничего не подписала, а хочешь секретную информацию.

— За которых я готова заплатить. — Я вытащила пятьдесят техасских “Одиноких Звезд” десятками и положила перед ее носом. — Куда мы отправляемся, сержант? Я куплю тебе хороший нож вместо той картонки, которую мне пришлось поломать.

— Ты — ИЧ.

— Давай не переходить на личности. Я просто хочу знать: двинемся мы вверх по реке или нет? Скажем, до Сант-Луиса, а?

— Хочешь подписаться, как младший инструктор?

— Что-о-о? Господи, да нет, конечно! Как младший офицер.

Мне не стоило этого говорить — во всяком случае так скоро. Хотя чины не были в ходу у Босса, я, конечно же, была старшим офицером, потому что подчинялась и докладывала лишь одному Боссу и никому больше. Это всегда подтверждалось тем, что для всех, кроме Босса, я была *мисс Фрайди* — даже доктор Крэсни обращался ко мне так, пока я сама не попросила его быть попроще, — за исключением тех случаев, когда мне хотелось, м-мм... внеустановного общения. Но я никогда не думала о своем чине, поскольку хоть надо мной нет никого старше Босса, но нет и никого подо мной. По формальной шкале (а я никогда не сталкивалась с такой у Босса) я бы занимала “клетку”, сообщающуюся с “верхушкой” лишь горизонтально,

вне вертикального подчинения — то есть, старшим штабным офицером, если вам нравится подобный бюрократизм.

— Хорошо, дорогуша! Если ты и вытащишь это, то не из меня, а из полковника Рэйчел. Я думаю, она появится часам к тринадцати. — С этими словами она как бы в рассеянности потянулась к стопке купюр. Я взяла стопку первая, пошелестела купюрами и положила их вновь на стойку, но на этот раз поближе к себе.

— Так давай немного поболтаем, пока она не пришла, — предложила я. — Сейчас в городе полно наборов, и чтобы выбрать что-то одно, нужно иметь какой-то резон, правда? Так вверх по реке или нет? И как далеко? И с кем будем махаться — с профессионалами или с местными придурками? Затяжная драчка или врезать и слинять? Давай поболтаем, как подруги, а, сержант?

Она ничего не ответила и, не шевелясь, смотрела на стопку купюр. Я добавила еще десятку и взглянула ей в глаза. Ресницы у нее дрогнули, но она не потянулась к деньгам. Я добавила еще десятку.

— Убери это со стойки или дай мне в руки, сюда могут войти, — хрипло пробормотала она.

Я взяла стопку бумажек и сунула в ее протянутую руку.

— Благодарю вас, мисс, — сказала она, и деньги моментально исчезли. — Полагаю, мы пойдем вверх по реке и уж по крайней мере до Сант-Луиса.

— С кем будем драться?

— Вообще-то... Хотя ладно, если ты повторишь это кому-нибудь, я не только стану отрицать это, но выдерну из тебя селезенку и скормлю ее головастикам. Мы, может, и вовсе не будем драться. А может, и будем, но не в каких-то там операциях, а... Все мы составим новую охрану нашего нового председателя. Я бы сказала, новоиспеченного — он только-только избран, наш "новорожденный".

Что за чушь!

— Вот как? Занятно. Отчего же тогда все наемные конторы в городе рассылают гонцов в поисках новобранцев? Этот "новорожденный" председатель что — нанимает *всех*? Для охраны своего дворца?

— Мисс, я сама хотела бы знать. И здорово хотела бы.

— Может, мне постараться самой выяснить? Когда мы отплываем?.. — Я быстро поправилась: — Если отплывем... Может быть, у полковника Рэйчел имеются под рукой гравилеты?

— М-мм... Черт, сколько секретной информации ты хочешь за свои вшивые семьдесят “звезд”?

Я задумалась. Ничего не имею против траты денег, но мне надо быть уверенной, что товар того стоит. Если войска двинутся вверх по реке, контрабандисты лягут на дно по крайней мере на ближайшую неделю. Стало быть, путешествовать придется тем “транспортом”, который под рукой, но... Только не в качестве офицера! Я и так слишком много наболтала. Я вытащила еще две десятки и пошелестела ими:

— Сержант, а ты сама пойдешь с нами вверх по реке?

Она уставилась на банкноты, я положила одну из бумажек на стойку, и она моментально исчезла.

— Как же я упущу такой шанс, дорогуша? Ведь, выйдя из этой конторы, я становлюсь настоящим взводным сержантом.

Я положила на стойку вторую бумажку, и она немедленно отправилась вслед за предыдущей.

— Слушай, — сказала я, — если я дождусь твоего полковника и переговорю с ней и если она меня возьмет, то наверняка в качестве персонального адъютанта, снабженца или тому подобного дерьма. А мне лично не нужны ни бабки, ни заботы. Что мне нужно, так это поразвлечься. Знаешь, так активно отдохнуть. Хочешь нанять тренированного рядового? Такого, которого ты сможешь произвести в капралы или даже младшие сержанты, как только строй новобранцев поредеет и тебе надо будет заполнить вакансии, а?

— Ну да, — тоскливо буркнула она, — только миллионера мне и не хватало в своем взводе!

Мне на секунду стало ее жаль — какой сержант захочет в своем взводе набитого деньгами подчиненного?

— Да не буду я разыгрывать из себя миллионера, — пообещала я, — я просто стану обыкновенным рядовым. Если не веришь, засунь меня в любой другой взвод, идет?

— Думаешь, я совсем рехнулась? — со вздохом спросила она. — Ну уж нет, я суну тебя туда, где смогу глаз с тебя не спускать. — Она полезла в ящик, вытащила анкету с оттиском “Временное соглашение” и протянула ее мне. — Прочти это. Подпиши. Вопросы есть?

Я быстро проглядела анкету. Это была обычная формальность — объем грудной клетки, сумма наличных, состояние здоровья, — но между строк проглядывала инструкция о выплате жалованья лишь на десятый день после подписания контракта. Резонно. Для меня это являлось гарантией, что они и впрямь отправляются по тернистой дорожке, то есть — вверх по реке. Судите сами: во всех кошмарных снах нанимателям снится одно — беглецы-дезертиры, урвавшие аванс. На сегодняшний день в городе столько наемных пунктов, что любой бывалый солдат-ветеран может запросто подмахнуть штук пять-шесть таких бумажонок, собрать авансы в каждом наборном пункте и отвалить в места, где растут бананы... Если контракт составлен так, что предоставляет ему такую возможность.

Соглашение подписывалось лично с полковником Рэйчел Дэверс или (в случае ее смерти или недееспособности) с ее законным преемником и предусматривало выполнение подписавшим его рекрутом всех приказов полковника и тех штатных и внештатных офицеров, которых она назначает. Я обязуюсь честно сражаться и не просить пощады согласно международному закону и обычаям военных операций. Весь контракт был составлен так туманно, что потребовалось бы дюжина юристов из Филадельфии, чтобы разъяснить все “серые пятна”, а впрочем... Все это не имело никакого значения, потому что любая разница в истолковании вызывала лишь один естественный исход: подписавший (если он был с чем-то впоследствии не согласен) получал пулю в спину.

Срок контракта, как и объявила мне уже сержантша, — составлял девяносто дней с правом полковника продлить его еще на столько же на тех же условиях. Не было здесь и намек на возможность дальнейшего продления срока, и это меня насторожило. Что же это может быть за охрана политика — на шесть месяцев? А дальше — привст?!

Или сержантша наврала мне, или кто-то наврал ей, а она по своей тупости не разглядела такого явного несоответствия. Ну да ладно, хватит ее допрашивать — я потянулась за ручкой со словами:

— Когда медосмотр?

— Ты шутики шутишь?

— Конечно. — Я подписала соглашение и, когда она быстро зачитала мне какие-то устные примечания, сказала: — Да-да, я в курсе.

Она уставилась на мою роспись.

— Слушай, Джоана, а буква “ф” — это что за имя?

— Фрайди.

— Глупое имя¹. При исполнении ты — Джоана Джонс. Все остальное время — Джонси.

— Как скажете, сержант. А сейчас я при исполнении или свободна?

— Еще один момент, и будешь свободна. Приказ таков: спуститься по Карликовой аллее, там вывеска: “Уоо Фонг и братья Леви”. Быть там к четырнадцати ноль-ноль, готовой к отправке. Входить через заднюю дверь... Итак, до четырнадцати ты свободна и можешь уладить все личные дела. О своем вступлении в наши ряды можешь говорить кому угодно, но тебе строжайше запрещается под угрозой дисциплинарного взыскания делать какие-либо ссылки на характер задания, к которому ты отныне причастна. — Она так быстро произнесла последние фразы, словно это была ускоренная магнитофонная запись. — Деньги на еду нужны? Ах да, о чем это я... Конечно, не нужны... Так, это все, Джонси. Рада, что ты в нашей команде! Мы прекрасно проведем время. — И она поманила меня к себе.

Я зашла за стойку и приблизилась к ней. Она обвила рукой мои бедра, подняла на меня глаза и улыбнулась. Про себя я пожала плечами, поскольку решила, что сейчас не время обижать моего взводного

¹ По-английски “фрайди” (Friday) — пятница.

сержанта, улыбнулась в ответ, наклонилась и поцеловала ее в губы.

Не так уж плохо. Дыхание у нее было свежее.

ГЛАВА XVIII

Экскурсионное судно “Мадам Лу” пахло эпохой Марка Твена, и путешествие оказалось еще более занятным, чем я предполагала — три пассажирских палубы, четыре галюна (по два на каждую из команд). Но корабль был здорово перегружен, и мне казалось, что легчайший ветерок легко утопит это корыто. И это при том, что наш “линкор” был не единственным — впереди виднелась “Миртл Т. Хэншоу”, буравившая реку со скоростью как минимум узлов двадцать в час. Я подумала о подводных минах и понадеялась, что их радар-миноискатель функционирует нормально.

Полковник Рэйчел была на “Миртле” и командовала обеими соединениями — это подтвердило окончательно все мои подозрения. Такая бригада просто не могла предназначаться для дворцовой охраны. Полковник Рэйчел явно ожидала военных операций, и вполне возможно, что на берег нам придется сходить под огнем противника.

Нам еще не раздали оружие, и все рекруты оставались в штатском — видимо, полковник не ожидала немедленных действий, что совпадало с моей информацией, полученной от сержанта Мэри Гэмм о путешествии вверх по реке по крайней мере до Сант-Луиса... Ну, а вся остальная ее болтовня — будто мы станем охраной новоиспеченного председателя, указывала на то, что мы пройдем весь путь до столицы, если...

Если “новорожденный” председатель все еще возглавляет правительство. Если Мэри Гэмм в курсе всего реально происходящего. Если кто-то не повернул реку вспять, когда я отворачивалась, — словом, слишком много “если”, Фрайди, и слишком мало чего-то определенного. Одно я знала наверняка — наше суденышко должно вот-вот

пересечь границу империи... То есть на самом деле я уже не знала, по какую сторону границы мы находимся в данный момент и как это сейчас определить. Но я не очень-то беспокоилась, поскольку рассчитывала незаметно дезертировать из отряда Рэйчел, как только мы окажемся где-нибудь невядалеке от владений Босса, — до начала всяких военных операций. У меня хватило времени более или менее изучить нашу “гвардию”, и я была твердо уверена, что меньше чем за шесть недель, причем с помощью очень крутых сержантов и инструкторов, ее не привести в подобие боевой готовности. Слишком много сырых новобранцев и очень мало ветеранов или даже просто кадровых девок.

Формально-то полагалось, чтобы все они были кадровыми, но... Я не сомневалась, что многие из них — обыкновенные деревенские девчонки, сбежавшие от скуки из дому, которым от силы лет по пятнадцать. Может, внешне они и выглядели старше и, как гласит старая поговорка: “Выглядишь взрослым, значит, ты — взрослый”, — но, чтобы стать солдатом нужно не только набрать 60 килограммов.

Бросать такое “войско” в дело — равносильно самоубийству. Но меня это мало беспокоило. С животом, набитым бобами, я уселась на корме, облокотясь спиной на бухту каната, и принялась наблюдать закат и переваривать мой первый солдатский ужин (если это можно назвать ужином), от души надеясь на то, что “Мадам Лу” пересекает, или уже пересекла, границу с Чикагской империей.

— Прячетесь, рядовая? — раздался голос за моей спиной.

Я узнала этот голос и, повернув голову в ее сторону, ответила:

— Как можно сержант? У меня и в мыслях такого не было.

— Расслабься. Я просто задала себе самой вопрос: “Куда бы девалась я, если бы была такая же смазливенькая?” И нашла тебя здесь. Так что не бери в голову, Джонси. Ты выбрала себе место?

Я этого еще не сделала, поскольку выбор был велик, но все варианты одинаково поганые. Большинство нашего “войска” разместилось в пассажирских каютах — по четверо в каждой двойной и по трое в одиночных. Но наш

взвод с еще одним должен был спать в обеденном салоне. Так как я не видела причин, по которым меня пригласили бы за капитанский стол, я не стала дергаться и занимать какое-то определенное место. Выслушав это объяснение, сержант Мэри Гэмм кивнула и сказала:

— Верно. Когда возьмешь себе одеяло, не кидай его, чтобы застолбить место, кто-нибудь его обязательно сопрет. Тут за кубриками, рядом с кладовой, есть комната стюарда — она моя. Хотя она и на одного, но с широкой койкой. Кинь свое одеяло туда, там тебе будет удобнее, чем на палубе.

— Очень мило с вашей стороны, сержант! — Интересно, как мне отмазаться от этого? Или, может, расслабиться и принять как неизбежное?

— Зови меня Мэри, когда мы одни. Как ты сказала тебя зовут.

— Фрайди.

— Да, Фрайди. А что, довольно мило, когда не вдумываешься... — Мы молча уставились на исчезающий медно-красный диск солнца, а "Мадам Лу" вильнула на восток, следуя извиву русла. — Кажется, она вот-вот зашипит и выпустит пар, — задумчиво проговорила Мэри.

— Мэри, у тебя душа поэта.

— Я часто думала, что смогла бы. Я имею в виду писать стихи. Ты слышала приказ? Насчет маскировки?

— Не зажигать огонь, не курить снаружи. Не зажигать свет внутри, кроме как в полностью зашторенных каютах. Нарушителей пристрелят на рассвете, как только взойдет солнце. Мэри, меня это не колышет, потому что я не курю.

— Не совсем точно. Нарушители не будут расстреляны, они будут молить Бога, чтобы их *просто* расстреляли. Ты что, совсем не куришь, дорогая? Даже не побалуешься травкой с подружкой?

— Сдавайся, Фрайди!

— Ну, это же не называется "курить", это так... чтобы развлечься.

— И я так считаю. Я, конечно, не шляюсь постоянно с задурманенной башкой, но иногда побаловаться травкой, когда у тебя и у подружки подходящее настроение, — это

ничего. Ты ведь того же мнения, верно? — Она уселась на палубу рядом со мной и обняла меня.

— Сержант! То есть я хочу сказать, Мэри... Пожалуй-ста, не надо. Сейчас еще не очень темно и кто-нибудь может нас засечь.

— Ну и что? Кого это трогает?

— Меня. Мне это действует на нервы и не дает расслабиться.

— Ну, в нашем походе это пройдет. Ты что, первый раз? Я хочу сказать, с девчонкой?

— Ну... Мэри, ради Бога, не надо допроса. Ипусти меня, пожалуйста. Извини, но это действует мне на нервы. Я имею в виду, здесь. В любой момент ведь кто-то может выскочить из-за кубриков и напороться на нас.

Она хмыкнула, убрала руку и поднялась.

— Вообще-то это даже мило, что ты такая стеснительная. Ладно, у меня припасена бутылочка “Черной Омахи” специально для та...

Договорить она не успела. Небо прорезал яркий луч прожектора, осветившего плывущую далеко впереди “Миртл”, потом: “И-и-и-бух!!!” — и там, где только что находилась “Миртл”, полыхнуло зарево.

— О, Господи!

— Мэри, ты умеешь плавать?

— Что? Нет...

— Прыгай за мной, я поддержу тебя на воде. — Немешкая ни секунды, я прыгнула в воду, нырнула, вложив в это все, на что была способна, и, вынырнув, сделала еще несколько быстрых взмахов, прежде чем оглянуться. На фоне неба я увидела силуэт Мэри Гэмм, и...

Это было последнее, что я увидела, перед тем как “Мадам Лу” превратилась в ослепительную вспышку.

На этом участке Миссисипи ее западный берег — отвесный и скалистый, а восточный — пологий, еле видный, километрах в десяти-двенадцати. Река здесь может течь в любом направлении, это зависит от того, в какой канал мы вошли и у кого право собственности на этот канал. Мы могли плыть и на юг, и на север... Впрочем, нет, двигаясь вверх по реке, мы оставили закат за кормой.

Но во время захода солнца судно повернуло влево, видимо, войдя в канал, текущий на север, — я заметила, что закат сместился в левую сторону, и поэтому прыгнула с левого борта.

Как только я коснулась воды, первым моим рефлекторным действием было отплыть как можно дальше. Следующей реакцией — посмотреть, последовала ли за мной Мэри. Честно говоря, я не очень рассчитывала на это, потому что люди — я имею в виду живорожденных — редко могут соображать так быстро. Когда я последний раз ее видела, она стояла на палубе, перегнувшись через поручни и высматривая меня в воде (смотрела не туда, где я уже была, а гораздо ближе к кораблю). Потом сразу раздался взрыв, полыхнуло зарево и... было уже поздно. Мне на секунду стало немного жаль Мэри — она была далеко не худшим экземпляром своей породы, — а потом я выкинула ее из головы. У меня были свои проблемы.

Проблема первая — не напороться на обломки судна. Я нырнула под воду. Вообще-то я могу плыть под водой около десяти минут, хотя и страшно не люблю этого делать. Сейчас я выжала из себя все и, вынырнув, около минуты жадно глотала воздух. По-моему, теперь вода вокруг была чистой, я уплыла достаточно далеко от взрыва. Возможно, кто-то и уцелел и теперь болтался в воде, но я не слышала никаких звуков и не собиралась искать никого, поскольку у меня не было снаряжения не только для спасения утопающих, но и для моего собственного спасения (ради Мэри я, может, и задержалась бы и рискнула, но она-то точно не уцелела).

Я перевернулась на спину и стала смотреть в небо. Лунны не было видно, но вскоре я нашла Арктур, потом обеих Медведиц, а потом и Полярную звезду. Итак, где север — ясно, я чуть-чуть изменила направление и поплыла на запад. Плыла я на спине, потому что на спине, если не дергаться, можно плыть хоть целый год, совершенно не уставая. Если конечности станут затекать: просто расслабьтесь и тихонько шевелите пальцами рук и ног в воде, пока не почувствуете, что все прошло. С дыханием, когда плывешь на спине, тоже нет проблем, а спешить мне некуда, мне нужно лишь попасть в империю со стороны Арканзаса. Но ни при какой погоде мне не нужно назад, в Техас.

Итак, карты нет, определить, где я нахожусь, невозможно. Я знала твердо одно: я должна плыть на запад и ни в коем случае — на юг. Я продолжала, лежа на спине, тихонько плыть по течению и внимательно смотреть на звезды. Сказать точно, на сколько меня сносило на юг течение, было трудно, и единственное, на что я рассчитывала, — если (и когда) река свернет на юг, я, плывя на запад, естественно упрусь в берег на стороне Арканзаса.

Так и случилось. Через час — а может и через два — я почувствовала, что подплываю к левому берегу. Я взглянула на небо, сверилась с вегой и взяла еще круче на запад. Вскоре головой и задела корягу, перевернулась, ухватила за нее, встала на дно и, осторожно обходя другие коряги, пошла к берегу. Дно было илистое и грязное. Я выбралась на берег и огляделась вокруг.

Темень стояла полная, светились по-прежнему лишь звезды в небе. Отличить темную полосу воды от такой же темной полоски прибрежных кустов можно было лишь по отражающимся в воде звездам. По звездам наверху я сообразила, что двигаться на запад, значит — прямо в темную полосу кустов. Бр-р-р... Но единственная альтернатива — обратно в реку и... завтра я окажусь в Висксберге. Ну нет, благодарю покорно.

Я нырнула в кусты, потом в лесок и быстро, не останавливаясь, шла в течение нескольких часов. Может, это была и не самая длинная ночь в моей жизни, но самая унылая — это точно. Конечно, на свете хватает куда более опасных джунглей, чем леса и заросли в низовьях Миссисипи, но осваивать их без самого примитивного мачете или по крайней мере обычного острого ножа...

Я шла, все время оглядываясь, и путь мой был так же извилист, как русло реки, из которой я выбралась. Двигалась я, дай Бог, по километру в час, а может, и меньше — каждые несколько метров и останавливалась и смотрела на звезды, чтобы не сбиться с пути.

Дико раздражали мухи, комары, какие-то жуки, о существовании которых я никогда не подозревала, дважды я едва не наступила на змею — может, это были обыкновенные речные ужи, но я не стала проверять. Да, еще полным полно было птиц, которые издавали резкие крики, когда к нашему общему неудовольствию задевали крыль-

ями мою физиономию. Под ногами было сплошное болото, и все время приходилось преодолевать какие-то кочки и валешник. Раза три или четыре я бухалась в воду; когда она доходила мне до горла, я плыла. Как правило, вода была стоячей, но однажды мне показалось, что я попала в какой-то канал или маленький приток Миссисипи и за мной поплыло что-то очень большое. Огромная рыба? Сом? Но они, по-моему, обычно лежат на дне... Крокодил? Но они, насколько мне известно, вообще здесь не водятся. Может, это лохнесское чудище решило порезвиться? Не знаю, я его не видела, потому что, как только *почувствовала*, буквально взвилась над водой в диком прыжке и очутилась на суше.

Казалось, тысячу лет прошло после взрыва "Миртл" и "Мадам Лу", и наконец рассвело.

В километре к западу от меня расстиралась высокая долина Арканзаса. Я испытывала настоящий триумф, но не только его, еще и дикий голод, была вымотана, искутана комарами и прочей гнусью, начисто лишилась всякой привлекательности и страшно хотела пить.

Несколькими часами позже я очутилась в гостях у мистера Азры Хантера, а еще через пару часов в его маленьком фермерском вагончике, запряженном парой симпатичных мулов, мы подъезжали к небольшому городку под названием Эдора.

Поспать мне не удалось, но все остальное в доме Хантеров я получила — еду, питье и возможность умыться и привести себя в относительный порядок. Увидев меня, миссис Хантер всплеснула руками, одолжила мне расческу и накормила завтраком: яичница на сале с домашней ветчиной, кукурузный хлеб, масло, кофе и молоко. Чтобы как следует оценить кулинарные способности миссис Хантер, советую вам проплыть полночи по Миссисипи, а вторую половину по колено в грязи поплутать по близлежащим болотам. Никогда не ела ничего вкуснее!

Завтракала я в ее халате, потому что она заставила меня выстирать мой спортивный костюм — когда пришло время прощаться, он был почти сухим и я выглядела не так уж плохо. Почти прилично.

Я не предлагала Хантерам денег. Бывают среди живорожденных людей такие, у которых их очень мало, но зато очень много доброты и достоинства. Их гостеприимство не продается и не покупается, равно как и все остальные их поступки. Я еще только учусь распознавать такую особенность в некоторых представителях рода людского, но с Хантерами ошибиться было невозможно.

Мы пересекли долину Мэйкон, и дорога уперлась в широкую трассу. Мистер Хантер остановил мулов, слез со своего сиденья и подошел к вагончику.

— Мисс, — сказал он, подавая мне руку, — я буду очень признателен, если вы сойдете здесь.

Оперевшись на его руку, я вышла из вагончика и спросила:

— Что-нибудь случилось, мистер Хантер? Я чем-нибудь обидела вас?

— Нет, мисс, — помолчав, ответил он, — вовсе нет. Вы... Вы рассказали нам, как ваша рыбацкая лодка зацепилась за корягу и перевернулась...

— Ну да, а что?

— Бывают и коряги в реке, конечно... На них можно напороться. — Он помолчал, а потом добавил: — Вчера вечером, когда солнце уже почти зашло, что-то плохое случилось на реке. Да, два взрыва недалеко от пролива Кентукки. Очень сильные взрывы. Мы видели их из дома. И слышали...

Он опять умолк. Я тоже молчала. Мои объяснения, каким образом я попала сюда, конечно, были шиты белыми нитками. Но что еще могла я сказать им? Разве что придумать историю о летающей тарелке?

— У моей жены и у меня, — продолжал мистер Хантер, — никогда не было неприятностей с имперской полицией. И мы не хотели бы их иметь. Поэтому, если вы чуть-чуть пройдетесь пешком вот по этой трассе налево, вы попадете в Эдору. А я покачу домой.

— Понимаю, мистер Хантер. Хотела бы я знать, как мне отплатить вам и миссис Хантер за все, что вы для меня сделали.

— Очень просто.

— Просто? — Он что, имеет в виду деньги? Ну, нет, не может быть!

— Когда-нибудь вам повстречается кто-то, кому будет нужна ваша рука. Так протяните ее и вспомните нас.

— О... Я так и сделаю. Я сделаю это, можете быть уверены!

— Только не надо уведомлять нас об этом письмом. Людей, получающих письма, э-ээ... издалека... их обычно берут на заметку, а нам с женой не хотелось бы, чтобы нас замечали.

— Понимаю. Я сделаю это с мыслью о вас. И не один раз.

— Это хорошо. Брошенное семя всегда дает всходы, мисс. Миссис Хантер просила передать вам, что она будет молиться за вас.

Мои глаза стали мокрыми так внезапно, что я потеряла его из виду.

— О, пожалуйста, пожалуйста, передайте ей, что я буду поминать ее в своих молитвах и... буду молиться за вас обоих! — (Никогда в жизни я не молилась, но за Хантеров помолюсь!)

— Сердечно вам благодарен. Я передам ей. Мисс, могу я дать вам один совет так, чтобы вы не обиделись?

— Конечно. Мне сейчас очень нужен хороший совет.

— Вы не собираетесь надолго остаться в Эдоре?

— Нет. Мне нужно на север.

— Да, вы говорили. Так вот Эдора — это просто полицейский участок и несколько магазинов. Лей-Виллидж находится дальше, но зато там есть станция рейсовых гравилетов. Это около двенадцати километров отсюда, если вы пойдете по трассе направо. Если вы сможете пройти такое расстояние до полудня, вы успеете на дневной рейс. Правда, идти далековато, и денек сегодня выдался жаркий.

— Я успею.

— Рейсовый гравилет может подбросить вас даже до Литтл-Рока... Угу... Только это стоит денег. Я...

— Мистер Хантер, вы были очень добры ко мне. У меня с собой кредитная карточка, и я в состоянии оплатить рейс.

Я действительно была не в очень хорошей форме после моего романтического плавания и путешествия по болоту,

но все кредитки, удостоверения личности, паспорт и наличные лежали в водонепроницаемом кошельке на поясе, который мне дала Жанет тысячу световых лет назад. Ничто не намокло — когда-нибудь я расскажу ей об этом.

— Это хорошо. Я просто хотел предупредить. И еще одно. Местные ребята здесь, как правило, не суют нос в чужие дела. Если вы пойдете себе прямо на станцию и сядете в гравилет, те несколько пристающих, которые все же есть в округе, вряд ли успеют вам надоесть. Так что до свидания, и желаю вам удачи.

Я попрощалась с ним и пошла по трассе направо. Я хотела было поцеловать его на прощанье, но... мистер Хантер был не из тех, с кем посторонняя женщина могла позволить себе такие вольности.

Я успела на дневной рейс, и в 12.52 была в Литтл-Роке. Экспресс-капсула была уже битком набита, и я пошла на станцию монорельса. Через двадцать одну минуту я очутилась в Сант-Луисе. Прямо на станции в кабине с терминалом я набрала контактный код Босса.

Мне ответил голос:

— Используемый вами код в настоящее время отключен. Оставайтесь у терминала, и оператор... — Я быстро нажала на кнопку отключения и еще быстрее вышла из кабины. Потом я побродила по подземной части города, делая вид, что разглядываю витрины магазинов, а на самом деле все больше удаляясь от станции.

Отойдя на порядочное расстояние от той кабинки, я нашла терминал в каком-то магазине. Когда голос повторил: "Использованный вами код в настоящее время..." — я нажала на кнопку, но голос не прервался. Тогда я быстро закрыла лицо руками, опустилась на колени, выползла из кабинки и поспешила убратсь эдакой конспиративной походкой, которую я ненавижу, но... Только таким способом я могла избавиться от того, чтобы меня сфотографировали прямо с терминала, а *это* я ненавижу еще больше.

Несколько минут ушло на то, чтобы как следует затеяться в толпе. Когда я окончательно уверилась в том, что а мной никто не следит, я спустилась на один уровень ниже, зашла в городскую станцию местного сообщения и поехала в Восточный Сант-Луис. В запасе у меня был еще один код — для сверхчрезвычайных обстоятельств, — но не собиралась им пользоваться без соответствующих приготолвлений.

Новые владения Босса наверняка были в пределах десяти минут пути от любого места, но где именно — не знала. Я говорю о месте с такой уверенностью, потому что, когда меня отправили на курс переподготовки, полет на гравилете занял ровно шестьдесят минут. Когда возвращалась — те же шестьдесят минут. Когда я уезжала на “каникулы” и просила отвезти меня к капсуле на Миннеаполис, я была доставлена в Канзас-Сити ровно за шестьдесят минут. Только вот гравилеты были такие, что у пассажира не было ни малейшей возможности разглядеть оть что-нибудь снаружи. По законам геометрии и географии и исходя из того, на что в принципе способен гравилет, новые владения Босса должны располагаться где-о недалеко от Дес-Моинса, но в данном случае это “недалеко” охватывает круг радиусом, как минимум, километров в сто. Я никогда не старалась угадать, где находится База, как не старалась угадать и, кто из нашей команды в курсе. Знали лишь “те, кому следует”, а гадать том, как Босс устраивает свои дела, — пустая трата времени.

В восточном Сант-Луисе я купила легкий плащ с капюшоном и (в магазине сувениров) карнавальную маску, оставившись выбрать самую нейтральную. Потом я нашла терминал в самом людном месте — хоть я и не была в том уверена, но у меня возникли сильные подозрения, то Босс подвергся нападению еще раз, причем в этом случае проиграл схватку, а единственная причина того, что я с ударилась в панику — моя спецподготовка, включающая умение не впадать в панику при любых чрезвычайных обстоятельствах.

В маске и под капюшоном я набрала последний резервный код. Результат — прежний, а терминал опять не включился при повторном нажатии клавиши. Я поверну-

лась спиной к экрану, скинула маску, швырнула ее на пол будки, выскочила на улицу, завернула за угол, скинула плащ, скомкала его, швырнула в урну и вернулась в Сент-Луис.

Там, решив играть внаглую, я использовала кредитную карточку Имперского банка в Сент-Луисе, чтобы оплатить монорельс до Канзас-Сити. Часом раньше в Литтл-Роке я пользовалась ею без всяких колебаний, но сейчас... Сейчас у меня было лишь чисто религиозное убеждение в том, что с Боссом ничего не могло случиться (то есть вера была, а доказательства — увы!).

Это действительно была игра внаглую, поскольку действовать следовало так (невзирая не религиозные чувства), словно с Боссом и впрямь что-то случилось, то есть брать в расчет, что моя сент-луисская карточка (выписанная на кредит Босса) может засветить меня в любой момент. Она вполне могла быть уничтожена, стоило мне сунуть ее в автомат при расплате за какую-нибудь покупку. Однако этого не случилось.

Через пятнадцать минут (и четыреста километров) я очутилась в Канзас-Сити. Не выходя из вокзала, я запросила местную справочную о маршруте Канзас-Сити — Омаха — Су-Фолс — Фарго — Виннипег. Мне было сообщено, что до приграничной Пембины — пожалуйста, а дальше — ни-ни. Через пятьдесят шесть минут я была на границе с Британской Канадой, к югу от Виннипега. Стоял все еще ранний полдень. Десятью часами раньше я выбиралась из болота на левом берегу Миссисипи, прикидывая, добралась ли я до империи или, не дай Бог, меня снесло течением обратно в Техас.

Теперь меня гораздо больше волновало прямо противоположное: как выбраться из империи? До сих пор мне удавалось хоть на полшага опережать имперскую полицию, в случае, если она мною почему-либо интересуется, но сейчас... Прежде всего, сейчас у меня не оставалось ни малейших сомнений в том, что у полицейских властей есть сильное желание побеседовать со мной. Я такого желания не испытывала, потому что слышала множество сплетен и примерно представляла себе, какими методами они пользуются при расследо-

ваниях. Те парни, которые меня уже допрашивали в этом году, были, прямо скажем, не очень-то нежны, но... имперская полиция просто-напросто выжигала у подследственных мозги.

ГЛАВА XIX

Четырнадцать часов спустя я была лишь в двадцати пяти километрах к востоку от того места, где мне пришлось сойти с монорельса. Час из этих четырнадцати ушел у меня на покупки, почти час на еду, более двух часов — на консультацию со “специалистом”, шесть сладких часов на сон и почти четыре — на осторожное продвижение на восток, вдоль границы, не приближаясь близко к пограничной “изгороди”... И вот, когда рассвело, я приблизилась к “забору” и пошла по нейтральной полосе под видом обычной ремонтницы.

На мне по-прежнему был выцветший голубой комбинезон, в котором я нырнула с “Мадам Лу” — не потому, что он мне очень нравился, а потому что голубой комбинезон — это самый неприметный костюм для персоны любого пола. Он сойдет и на Эль-5, и в Луна-Сити, и вообще где угодно. Добавьте к нему шарф, и — добропорядочная домохозяйка вышла за покупками. Возьмите кейс, и вы — респектабельный бизнесмен. Возьмите в руку шляпу с медяками, и вы — патентованный попрошайка. Его трудно выпачкать, легко чистить, на нем не бывает складок, и ему нет износа, поэтому он — идеальная одежда для курьера, желающего оставаться в тени, который не имеет возможности тратить время на переодевания и охоты таскать с собой тяжелый багаж.

К этому комбинезону я добавила лишь засаленную кепку с пришпиленным к ней значком “моего” профсоюза, хорошо подогнанный пояс со связкой подержанных, но вполне пригодных инструментов и на одно плечо повесила “патронташ” с отремонтированными сигнальными “светлячками”, а на другое — паяльник для их установки.

Пембина — просто деревня. Поэтому, чтобы найти специалиста, мне пришлось быстренько смотаться на местной капсуле в Фарго. Мне нужен был специалист, вроде “Артист, Лимитэд” из Виксберга, правда, в империи подобные мастера обходятся без рекламы, и, чтобы найти их, нужно время и некоторые усилия. Офис “моего” располагался в нижней части города, недалеко от Мейн-авеню и Университетского проспекта — разумеется, под вполне respectable вывеской.

Вся моя экипировка была подержанной, включая и перчатки. В правом набедренном кармане, застегнутом на молнию, у меня лежал старый кожаный бумажник, а внутри него — удостоверение личности, из которого явствовало, что я — Ханна Дженсен из Морхеда. Была там также и мятая карточка Красного Креста с указанием группы моей крови — ОРХ, подпункт 2 (это, кстати, соответствовало действительности), но проставленные даты свидетельствовали, что я просрочила посещение донорского пункта на шесть с лишним месяцев. Не обошлась я и без бумажек, обеспечивающих “Ханну Дженсен” определенным кредитом — в бумажнике лежала Визовая карта, выписанная Морхедским сбербанком и Ссудной компанией. Правда, на этом я сэкономила Боссу, как минимум, тысячу крон: так как я не собиралась ею пользоваться, на ней не было невидимого магнитного кода, без которого любая кредитная карточка — не более чем кусок обычного пластика.

Итак, настало утро, и у меня по моим подсчетам было максимум три часа на то, чтобы перейти через “забор” — никак не больше, поскольку через три часа должны приступить к работе настоящие ремонтники, а встречаться с ними не входило в мои планы. Да, до их появления Ханна Дженсон должна исчезнуть, вообще скрыться с лица земли... Сегодня настал день моего банкротства — я истратила всю наличность в кронах. Правда, у меня оставалась еще моя Имперская кредитная карточка, но... Я всегда проявляла крайнюю осторожность с электронными ищайками. Ввели ли в действие три мои недавние попытки дозвониться Боссу по одной и той же карте какую-нибудь подпрограмму, по которой меня можно теперь опознать? Вроде бы я пользовалась этой карточкой лишь на вокза-

лах, да и то сразу после звонков, но... Удалось ли мне избежать *всех* электронных ловушек? Не знаю, да и не очень стремлюсь узнать, а просто хочу пробраться через этот "забор".

Я пошла вперед, еле удерживаясь от галопа, который не соответствовал моей роли. Мне нужно было место, где я могла бы пройти через "забор" так, чтобы меня никто не видел, хотя полоса просматривалась (и простреливалась) на пятьдесят метров с той и с другой стороны... Да, это следовало принять как должное или во всяком случае неизбежное. Что мне было нужно, так это полоска деревьесв или кустарника вдоль "полосы", что-то вроде нормандских живых изгородей.

Но в Миннесоте не бывает нормандских живых изгородей.

В Северной Миннесоте вообще почти нет деревьесв — по крайней мере их нет на том участке границы, на котором находилась я. Я стояла, уставясь на кусок "забора" и старалась убедить себя, что широкая полоса открытого пространства ничем не отличается от зарослей кустарника, когда никого нет поблизости. Мне это почти удалось, я сделала шаг вперед, и... В этот момент вдаль показался полицейский гравилет, неторопливо летящий на запад вдоль "забора". Я дружески помахала ему рукой и, не торопясь, зашагала в том же направлении.

Гравилет сделал небольшой круг, развернулся и сел метрах в пятидесяти от меня. Я повернулась и пошла навстречу севшим. Сначала вылез патрульный офицер, за ним — пилот, и по их униформе я распознала (Черт! Чтоб вас!..) не провинциальную полицию Миннесоты, а имперскую.

— Что ты здесь делаешь в такую рань? — резким тоном обратился ко мне патрульный. Я ответила ему так же резко:

— Я работала, пока вы мне не помешали.

— Какого черта? Здесь до восьми ноль-ноль никого не должно быть.

— Ты отстал от графика, здоровяк, — любезно возразила я. — Так было на *прошлой* неделе. Теперь нас две команды. Первая заступает в полночь, а вторая сменяет нас в полдень. Ясно?

— Но нас никто не уведомлял.

— А вы ждали личного послания суперинтенданта? Назовите мне ваш номер, и я передам, чтобы он послал вам его. А заодно передам, что вы ему так велели!

— Закрой ротик, крошка. Тут что-то не так... Ты, пожалуй, прокатишься с нами.

— Валяйте, я хоть отдохну... А вот вы дадите объяснение, почему этот участок не починен.

— Ладно, — помолчав, сказал патрульный, — клепай дальше. — И они полезли обратно в гравилет.

— Эй, ребята, у вас нет с собой травки? — окликнула я их.

— Мы не балуемся этим на дежурстве, — буркнул пилот, — и ты не вздумай.

— Глянь на свой нос, — вежливо посоветовала ему я, — он у тебя весь черный от табака.

Пилот хотел что-то ответить, но патрульный захлопнул люк, и они взмыли вверх — прямо над моей головой, так, что я вынуждена была пригнуться. По-моему, я им не понравилась.

Я вернулась к “забору”, отметив про себя, что Ханну Дженсен вряд ли можно назвать истинной леди. Не стоило так грубо обходиться с легавыми, только лишь оттого, что они такие поганые твари. В конце концов, тараканы, вши и гисны тоже должны как-то жить, хотя честно говоря, я не понимаю зачем?

Во время нашего “любезного” диалога я пришла к заключению, что мой план не блещет остроумием — Босс его бы не одобрил. Пересекать “забор” среди бела дня — слишком рискованно. Лучше как следует выбрать местечко, затаиться где-нибудь до ночи, а потом вернуться. Или провести ночь, обдумывая план № 2 — нырок *под* “забором”, в реке Розу.

Меня не очень-то прельщал этот план № 2. Нижнее течение Миссисипи было сравнительно теплым, но водичкой в здешних северных речках можно взбодрить и мертвеца. Позавчера я попробовала искупаться в одной речушке в Пембине — бр-р-р-р! Это на самый крайний случай.

Итак, выбрать точку, решить, как именно “пролезть”, потом отыскать какую-нибудь рожицу или кустарник, за-

рыться в теплые листья и дожидаться темноты. Отработать каждое движение, каждый жест, чтобы пройти сквозь этот “забор”, как кипятик сквозь лед... Я подняла глаза и столкнулась с еще одним ремонтником — мужчиной.

Если колеблетесь, идите сразу в атаку:

— Какого черта *ты* тут делаешь, а? Охотишься?

— Я обхожу “забор”. *Мой* участок. А вот ты что тут делаешь, сестренка?

— Да, пошел ты! Какая я тебе сестренка? Или ты забрел на чужой участок, или ты вообще чужой. — К своей досаде, я заметила на его новехонькой робе болтающийся “Уоки-токи”. Что ж, я ведь совсем недавно занялась этой работой и на этом попроще всего лишь подмастерье.

— Черта с два! — возразил он. — По новому графику я заступаю с рассвета и сменяют меня в полдень. Может, ты должна меня сменить, а? Да, скорее всего так, и ты просто пришла раньше. Сейчас я свяжусь с начальством и мы все уладим.

— Валий, — сказала я, подходя ближе.

Он заколебался и начал было:

— Может, лучше я... — Но договорить не успел, потому что я не колебалась.

Мне не хочется, чтобы читатель этих мемуаров подумал, будто я убиваю каждого, с кем у меня возникают какие-то разногласия. Я не причинила ему особого вреда, даже не сделала очень больно — просто усыпила ненадолго, правда, без предупреждения. Вербкой, болтающейся у меня на поясе, я связала ему ноги и руки. Будь у меня еще медицинский пластырь, я бы заклеила ему рот, но у меня с собой была лишь обычная веревка, и мне, в конце концов, гораздо важнее пройти через “забор”, чем помешать ему вызывать о помощи к кроликам и койотам. Не теряя времени, я занялась делом.

Паяльником, пригодным для починки “забора”, можно его и разрезать, но мой паяльник был немного лучше обычного — я купила его в одном магазинчике в Фарго, зайдя с заднего входа. Это был не оксиацетиленовый паяльник, каким он казался, а режущий сталь лазер. За две секунды я продслала дыру, вполне достаточную для Фрайди, и уже собралась было нырнуть, как сзади послышалось:

— Эй, возьми меня с собой!

Я заколебалась. Он принялся бессвязно, но настойчиво твердить, что он так же хочет скрыться от имперских легавых, как и я и “Ради Бога, развяжи меня!”

То, что я сделала, по глупости может сравниться лишь с поступком жены Лота. Я достала нож, разрежала веревку, связывающую его по рукам и ногам... нырнула в проделанную моей игрушкой дыру и пустилась бежать. Я не стала ждать и смотреть, последовал он за мной или нет.

В полукилометре виднелась роща, и я ринулась туда, ставя новый мировой рекорд по бегу. Тяжелый пояс с инструментами мешал мне, и я, не сбавляя темпа, скинула его, а через секунду скинула и кепку со значком, и... “Ханна Дженсен” отправилась в небытие, так как “паяльник”, перчатки и “патронташ” остались в империи. Из “ес” принадлежностей у меня был еще кожаный бумажник, но я избавлюсь от него позже, когда не буду так сильно занята.

Нырнув в рощу, я быстро отыскала укромное местечко и обернулась назад. У меня было неприятное ощущение, что на хвосте у меня кто-то висит. Мой бывший пленник к этому моменту был как раз на полпути от “забора” к роще, и тут... Над ним зависли сразу два гравилета. На том, что был ближе к нему, красовался кленовый лист Британской Канады. Я не могла рассмотреть опознавательный знак на втором, потому что он, пересекая нейтральную полосу, “смотрел” прямо на меня.

Британоканадский полицейский гравилет приземлился. Мой непрощенный гость, кажется, готов был сдаться безо всякого сопротивления — резонно, поскольку имперский гравилет приземлился сразу вслед за первым, забравшись при этом метров на двести вглубь Британской Канады... Да, это была имперская полиция, может быть, даже тот самый гравилет, что подлетал ко мне, когда я обходила “свой” участок.

По профессии я не юрист-международник, но не сомневаюсь, что войны порой начинались по куда менее значительным поводам. Я задержала дыхание, напрягла слух до предела и принялась слушать.

Среди полицейских обсих стран тоже не оказалось специалистов по международному праву: обсуждение

состоялось шумное и стороны долго не могли прийти к согласию. Имперская полиция требовала выдачи беженца на том основании, что он задержан при “попытке совершения”, а британский канадец ссыался (и, по-моему, вполне оправданно) на то, что “попытка совершения” применима лишь к уголовникам, застигнутым на месте преступления, в то время как единственным “преступлением” в данном случае являлся въезд в Британскую Канаду в месте, не предназначенном для въезда, — случай, не подлежащий юрисдикции имперской полиции, так что: “Уберите ваше корыто с британоканадской территории!”

Легавые из империи многословно принялись выражать свое несогласие, и это разозлило здешних полицейских. Канадец включил мегафон и рявкнул:

— Я арестую вас за вторжение на территорию и в воздушное пространство Британской Канады! Выходите и сдавайтесь! Не пытайтесь сбежать! — После чего имперский гравилет немедленно оторвался от земли, пересек границу в обратном направлении и исчез. Скорее всего канадцы именно этого и добивались.

Я замерла и почти не дышала, потому что теперь у них было полно времени и они могли переключить свое внимание на меня.

Придется признать, что мой товарищ по побегу полностью оплатил мне “пропуск” через “забор”: меня не стали искать. Наверняка он-то видел, как я нырнула в рощу, но... Вряд ли меня засекла патрульная служба. Конечно, брешь в “заборе” тут же вызывает сигнал тревоги в полицейских участках по обе стороны границы, это србатывает обычная электронная защита, действующая даже на случайное задевание “забора” какими-нибудь посторонними предметами, например, упавшим деревом. Потому-то я так торопилась.

Однако, чтобы сосчитать количество проникших в брешь тел, излучающих тепло, нужна совсем иная электроника. Не такая уж сложная, но дорогостоящая, и потому совершенно необязательная. Итак, мой неизвестный напарник не настучал на меня, и... никто не стал меня искать. Через некоторое время прибыла вызванная британоканадским гравилетом ремонтная команда: я видела, как они подобрали мой пояс с инструментами, от которого я

избавилась на бегу. Когда они отбыли, другая команда — со стороны империи — прибыла к своей стороне “забора”: они проверили, как произведен ремонт, и убралась восвояси.

Мне стало интересно, как все обернулось с поясами. Когда мой бывший пленник сдавался британоканадской полиции, я не помню, чтобы на нем был пояс. Думаю, ему пришлось снять его, чтобы пролезть сквозь дыру в “заборе” — дыра была точно для Фрайди, а для него, наверно, узковата.

Что же произошло? А вот что: канадцы видели один пояс на их стороне, а имперские легавые — тоже один на своей стороне. Ни у той, ни у другой стороны нет причин подозревать, что какой-то второй бедолага пролез через дыру... Пока мой бывший пленник держит рот на замке.

Довольно мило с его стороны, как мне кажется. Большинство мужчин не упустили бы шанс поквитаться за то, что их “погладили” так, как я его.

Я просидела в этой роще, пока не стемнело, — тринадцать утомительных часов. Мне не очень-то хотелось, чтобы меня кто-нибудь засек, пока я не найду Жанет (а если повезет, и Жана): зачем нелегальному иммигранту лишняя реклама? День тянулся долго, но еще давным-давно мой инструктор-гуру по самоконтролю лучшим образом обучил меня, как бороться с голодом, жаждой и скукой, оставаясь при этом спокойной, внимательной и готовой ко всему.

Когда полностью стемнело, я вышла из своего укрытия. Местность я знала лишь по карте, но этого было достаточно, поскольку карту я изучила основательно двумя неделями раньше, в доме у Жанет. Впереди меня ждали не такие уж большие трудности: пешая прогулка примерно в сто десять километров. Это расстояние нужно преодолеть ни кем не замеченной и до рассвета. Не очень сложная задача.

Маршрут тоже довольно простой. Я должна двигаться на восток, пока не выйду на прямую трассу из Ланкастера (империя) в Ла-Рошель (Британская Канада), а там — до официального пограничного порта (с этой стороны). Далее

на север, к пригородам Виннипега, обойти город слева и выйти на трассу север-юг, ведущую в порт. Оттуда Стонуолл совсем уже неподалеку, а значит, и дворец семейства Тормей. Последняя часть пути была самой трудной, потому что знала я ее не по карте, а лишь по сравнительно недавней поездке в веселой компании и в шикарном ландо, запряженном Черной Красоткой и Дьяволом.

Когда я подошла к внешним воротам замка Тормеев, уже светало. Я порядочно вымоталась, но была в неплохой форме: в принципе я могу выдержать двадцатичетырехчасовой марш-бросок трусой, если это необходимо (я продельвала это на тренировках). Правда, ныли ноги и очень хотелось пить, так что кнопку звонка я нажала с радостным облегчением.

Немедленно у меня над головой раздался голос:

— Говорит капитан Жан Тормей. Это запись. Дом охраняется виннипегской компанией “Волчья стража, лимитед”. Я пользуюсь услугами этой фирмы, потому что ее репутация общеизвестна: “волки” всегда рады нажать на курок, чтобы отличиться, и защищают интересы своих клиентов с большим рвением. Все звонки, адресованные в этот дом, будут зарегистрированы, почта доставлена. Благодарю за внимание!

Нет, это я благодарю тебя, Жан! Черт!.. Черт-черт-черт!!! Ну, почему я решила, что они должны сидеть дома? Просто я не позволяла себе допустить, что они могут уехать. Как говорят в таких случаях спецы-психоаналитики, я просто “дошла”: после потери новозеландской семьи, потери Босса (может, он уже мертв) семейство Тормеев в моем сознании трансформировалось в “мой дом”, а Жанет — в мою мать, которой у меня никогда не было.

Мне страстно захотелось очутиться на ферме у Хантеров, под теплым и заботливым крылышком миссис Хантер... Или в Виксберге — полечить одиночество Джорджем...

Между тем всходило солнце, скоро на дорогах станетлюдно, а я... Я была здесь незванным чужаком, прибывшим сюда нелегально, со скудной мелочью в британоканадской валюте в кармане, с туманом в голове от усталости, недосыпа и жажды, и... И при этом мне меньше всего хотелось

быть кем-то замеченной, вытащенной на свет Божий и подвергнутой разнообразным расспросам.

Однако трудностей в выборе вариантов у меня не было — выход был один-единственный: я должна по-звериному заползти в какую-нибудь нору, причем быстро, пока на дорогах никого нет.

Вокруг Виннипега маловато лесов, но я вспомнила, что слева от главной трассы, как раз позади дома Тормеев, оставалось несколько гектаров дикой, ничейной земли — прямо под холмом, на котором Жанет выстроила свой дворец. Завидев вдали молочный фургон, я не стала мешкать, и, сойдя с дороги, нырнула в кусты.

Идти было очень неудобно, вскоре я стала прыгать “с кочки на кочку” и буквально продираюсь сквозь колючие заросли. Но тут впереди замаячило кое-что получше леса — маленький ручеек, такой узкий, что я могла легко перешагнуть через него... Что я и сделала, но не раньше, чем напилась всласть. Чистый? Наверняка нет, но я об этом не задумывалась, потому что благодаря своему необычному появлению на свет могла не бояться большинства инфекций. Вода пахла свежестью и, напившись вволю, я почувствовала себя значительно лучше — физически, но не избавилась от тоски на сердце.

Я шла все дальше и дальше в поисках места, где не только смогу укрыться от посторонних глаз, но и рискнуть хоть немного поспать — последний раз я спала шесть часов и было это двое суток назад. Трудность поиска такого местечка вблизи большого города состоит в том, что здесь очень часто снуют отряды скаутов и вы можете не заметить их, пока они не наступят вам на физиономию. Поэтому я искала не просто безопасное место, а такое, куда не ступит нога человека.

И я нашла его. Выбоина прямо на крутой стене оврага, прикрытая колючим кустарником. У меня ушло минут десять на то, чтобы отыскать ее — вход в пещеру загораживал еще и обломок скалы, торчавший здесь, наверно, с самого Ледникового периода. Однако, приглядевшись к этому обломку, я обнаружила, что он не такой уж древний. На то, чтобы найти удобную для пальцев зацепку, ушло тоже минут десять, а потом... Он очень легко и просто отъехал в сторону. Я быстренько нырнула внутрь и

задвинула обломок за собой — на прежнее место... Вокруг было совершенно темно, если не считать светящихся в воздухе букв: ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — УБИРАЙТЕСЬ ПРОЧЬ.

Я замерла и задумалась. Жанет говорила мне, что устройство, отключающее смертельные ловушки, находится где-то неподалеку от входа. Но насколько неподалеку? И как оно замаскировано?

В любом случае замаскировано оно неплохо, по той простой причине, что вокруг было темно, как в угольной яме, и видны были лишь зловеще сверкающие буквы. Надпись явно и недвусмысленно сообщала: "Оставь надежду всяк сюда входящий".

Итак, Фрайди, доставай свой карманный фонарик на маленьких шипстоуновских батарейках и приступай к поискам. Но не заходи слишком далеко!

Да, конечно, в моей спортивной сумке, которую я оставила на "Мадам Лу", действительно лежал карманный фонарь. Может, он и сейчас горит, отпугивая рыб, на дне Миссисипи. Правда, я знала, что здесь, в туннеле, спрятаны другие фонари, но... у меня с собой не было даже спичек. Если бы я повстречала сейчас бойскаута, я бы терла его пятки друг о дружку до тех пор, пока не добыла бы огонь... Ладно, хватит валять дурачку, Фрайди!..

Я прилегла на пол и позволила себе немножко расслабиться и даже чуть-чуть всплакнуть. Потом я вытянулась на этом цементном полу (твердом и холодном? теплом и мягком? — утром разберемся) и уснула.

ГЛАВА XX

Спала я долго и, проснувшись, почувствовала, что пол все-таки твердый и холодный. Но я так хорошо выпалась и отдохнула, что мне было все равно. Я встала, потянулась и обнаружила, что больше не чувствую безнадежной тоски. Но здорово хотелось есть.

В туннеле было светло. Светящаяся надпись по-прежнему не советовала мне идти дальше, но тьма рассеялась. Я огляделась в поисках источника света и тут до меня дошло, что свет исходит лишь от сверкающей надписи: просто мои глаза привыкли к темноте. У людей, я знаю, глаза тоже постепенно привыкают к темноте, правда, гораздо медленнее и хуже, чем у меня.

Итак, я хотела было уже двинуться вперед — на поиски отключающего устройства, но... Вместо этого я застыла на месте и постаралась как следует пошевелить мозгами — это немного труднее, чем шевелить мускулами, но зато не вызывает никакого шума и съедает меньше калорий. Кстати, эта способность — единственное, что отличает нас от обезьян, правда, ненамного. Интересно, будь я на месте тех, кто ставил это устройство, куда бы я его запрятала? С одной стороны, оно должно быть достаточно надежно укрыто от посторонних глаз, с другой — оно должно вовремя спасти жизнь Жанет и обоих ее мужей. Итак, что же у нас получается?

Оно должно быть не слишком высоко, чтобы Жанет могла легко достать до него, а значит, его могу достать и я, поскольку мы с Жанет почти одного роста. Стало быть... Мне не нужно подпрыгивать или влезать на какую-нибудь табуретку.

Мерцающие буквы находились метрах в трех от входа в пещеру. Устройство не может быть намного дальше, потому что Жанет говорила, что следующее предупреждение, обещающее смертельный исход непрошеным гостям, было тоже “недалеко от входа” — она сказала: “В нескольких метрах...”. Как правило, “несколько” значит — не более десяти. Жанет не стала бы прятать устройство так, чтобы один из ее мужей, спасая свою жизнь, был вынужден вспоминать точно, где оно находится. Просто уверенность в том, что это устройство существует, и была ключом к разгадке его точного местонахождения, но... При этом любой незваный гость, не зная, что оно есть, не должен его обнаружить.

Я прошла вперед по туннелю, встала прямо под светящимися буквами и взглянула вверх. Надпись освещала все вокруг, кроме небольшого кусочка куполообразного потолка туннеля — прямо над буквами. Даже я, с моим

усиленным зрением, хорошо привыкнув к темноте, не могла разглядеть кусочка потолка, прямо над надписью. Я подняла руку и пошарила в том месте, которое было недоступно для глаз. Пальцы сразу нащупали что-то, похожее на кнопку. Я нажала на эту кнопку и... Надпись потухла, а вместо нее зажглись лампы на потолке, освещающие весь туннель.

Еда в морозильнике, печь для ее разогрева, большие полотенца, горячая и холодная вода, терминал в норе, на котором я могу прочесть все сиюминутные новости, а также краткое содержание предыдущих... Книги, тихая музыка, приличная сумма наличных денег, оставленная на случай чрезвычайного положения, оружие, шипстоунские аккумуляторы, одежда всех сортов, сидящая на мне почти идеально, поскольку она предназначалась для Жанет. встроенные в терминал часы-календарь, по которым я поняла, что проспала тринадцать часов, пока меня не разбудила твердость моей цементной "койки", уютная постель, призывно манившая меня поспать после того, как я выкупаюсь, поем и узнаю все новости... И наконец, чувство полной безопасности, позволившее мне расслабиться и не прибегать больше к жесткому душевному самоконтролю, до сих пор помогавшему мне подавлять все чувства и действовать...

Из новостей я узнала, что Британская Канада сменила чрезвычайное положение на "ограниченное чрезвычайное положение". Граница с империей оставалась закрытой. Граница с Квебеком тщательно контролировалась, но разрешались поездки по делам легального бизнеса. Разногласия между этими государствами оставались в основном по поводу того, в каком размере Квебеку следовало выплачивать репарации за ущерб от военной атаки, нанесенной, как теперь было признано, вследствие всеобщей паники и растерянности. Закон об интернировании еще действовал. Уже были освобождены под "гаранты" свыше 90 процентов квебекцев, но... лишь 20 процентов граждан империи. Таким образом, я вовремя смылась, поскольку, без всяких сомнений, меня отнесли бы к разряду "подозрительных" лиц. Но Джордж, похоже, мог воз-

вернуться домой в любой момент, если... Если тут не было каких-то заковык, которые до меня не дошли.

Совет по выживанию пообещал третий раунд убийств “в воспитательных целях” через десять дней (плюс-минус два дня) после второго. Стимуляторы объявили то же самое через сутки, добавив, что так называемый Совет по выживанию тоже приговорен. Ангелы Господни на сей раз не делали никаких заявлений, во всяком случае их не передавали по каналу новостей в Британской Канаде.

Я снова никак не могла сообразить, кто же стоит за всем этим безумием: стимуляторы — слабая организация, занимающаяся лишь пропагандой, не способная на террористические акты такого масштаба; Ангелы Господни явно перебиты или попросту смылись; Совет по выживанию вполне мог купить еще кучу непрофессиональных ублюдков, чтобы они пожертвовали собой в следующих неудачных попытках, но... Это были лишь домыслы, от которых придется отказаться, если следующая попытка обернется удачной и вполне профессиональной — лично я этого не ожидала, но я могла и ошибаться (со мной это бывало и не раз).

Словом, по-прежнему оставалось лишь гадать, кто дирижировал этими тупыми всплесками терроризма. Это не могло быть (и в этом я была уверена) территориальное государство, это могла быть международная корпорация или консорциум, хотя я и не видела в этом никакого резона. Это так же могла быть какая-то отдельная супербогатая личность, если... Если эта личность окончательно свихнулась.

Пытаясь как-то связать концы с концами, я припомнила все, что происходило на моих глазах в Виксберге, а потом то, что произошло с двумя кораблями на Миссисипи, и... Ничего. А может, это все вообще в порядке вещей, а?

Перед входом я оставила Жанет записку, в которой написала, какую одежду я у нее взяла, сколько взяла британоканадских долларов, включая те деньги, что она дала мне раньше, а также подробный отчет об использовании ее визовой карты: рейс из Виннипега в Ванкувер,

из Ванкувера в Беллингем — по-моему, все. (Платила ли я ее картой за рейс в Сан-Жозе или Джордж проявил там свою галантность? Не помню — все мои счета покоились на дне Миссисипи).

Взяв у Жанет достаточно наличных, чтобы убраться из Британской Канады (я надеюсь!), я хотела было оставить вместе с запиской и ее визовую карту, но... кредитная карточка — палка о двух концах. Это всего-навсего кусочек дешевого пластика, который... Который может стоить миллионы долларов или даже граммов золота. И я чувствовала, что обязана сохранить ее любой ценой, пока не вручу Жанет из рук в руки — любой другой вариант был бы просто нечестным.

Кредитная карточка очень смахивает на ошейник. В мире кредитных карточек вы никогда не можете уединиться, а если вам это и удастся, то стоит это будет огромных усилий. Кроме того, знаете ли вы, что именно делают бесчисленные схемы компьютера, когда вы суесте в него вашу карточку? Лично я — нет. И я гораздо спокойнее чувствую себя с наличными. Я никогда не слышала, чтобы кому-то повезло в споре с компьютером.

На мой взгляд, кредитные карточки — жуткая гадость. Но я ведь не человек и, вполне возможно, что человеческий взгляд на эти кусочки пластика мне просто недоступен (как и многое-многое-многое другое).

Итак, на следующее утро я вышла из дома Тормесв в великолепной брючной тройке Жанет (я была уверена, что Жанет выглядела в ней прекрасно, и чувствовала себя поэтому очень красивой, несмотря на отсутствие зеркал в норе) и хотела было нанять экипаж где-нибудь возле Стонуолла, но обнаружила, что могу выбрать лишь из двух вариантов: рейсовый гравилет или конный омнибус. И на том и на другом можно было добраться до станции монорельса — кольцевой и Мак-Филлипс, — откуда не так давно мы с Джорджем отправились в наш неофициальный медовый месяц. Хотя я и предпочитаю лошадей, но выбрала более скоростной вариант.

Из города я не сумею забрать свой багаж, все еще находящийся в камере хранения аэропорта. А возможно ли

забрать его из транзитной камеры хранения, не будучи при этом засеченной полицией и схваченной как подданная империи? Я решила не рисковать и затребовать багаж, когда буду уже за пределами Британской Канады. В конце концов, я не распаковывала эти чемоданы с тех пор, как улетела из Новой Зеландии, и если до сих пор умудрялась обходиться без них, то проживу и дальше. Сколько людей нарывались на крупные неприятности и даже отправлялись на тот свет только потому, что не желали расстаться со своим багажом, а?

Иногда мне кажется, что на плече у меня все время дремлет мой Ангел-хранитель. Всего несколько дней назад мы с Джорджем подошли прямо к нужному турникету, не моргнув глазом, засунули в компьютер карточки Жана и Жанет и преспокойненько отправились в Ванкувер. На этот раз, хотя только что объявили посадку на рейсовую капсулу, я почему-то отправилась мимо турникетов к Британоканадскому бюро путешествий. Там былолюдно, и вряд ли какой-нибудь дежурный мог заметить меня и поинтересоваться: какого черта я тут делаю, но... Я все же выждала, пока не освободился терминал в самом уголке, подошла к нему, набрала код капсулы на Ванкувер и сунула в прорезь карточку Жанет.

Мой Ангел-хранитель сегодня не дремал. Я вытащила карточку, торопливо спрятала ее в сумочку, надеясь, что никто не успел унюхать запах паленого пластика, и быстро растворилась в толпе.

Когда возле турникета я попросила один билет до Ванкувера, дежурный с сожалением оторвался от спортивной колонки в виннипегской "Свободной газете" и уставился на меня с плохо скрываемым раздражением.

— А почему это вы не пользуетесь кредиткой, как все? — спросил он.

— Вы продаете билеты? Если да, то в чем дело? Разве деньги уже отменили?

— Это не ответ...

— Я считаю, что ответила. Пожалуйста, один билет. И будьте добры, сообщите мне ваш номер и часы работы. Вы обязаны это сделать, если верить надписи над вашим за-
тылком.

— Пожалуйста, вот ваш билет. — Он пропустил мимо ушей мое требование сообщить его номер, а я проигнорировала его неудавшуюся попытку заставить меня действовать согласно его представлениям о правилах поведения. На самом деле мне совершенно не улыбалось вступать в пререкания с его начальством, я просто хотела выдать себя за эксцентричную особу, желающую по своему странному капризу платить наличными.

Вагон был переполнен, но стоять мне не пришлось: какой-то рыцарь, забредший сюда, по-видимому, из Средневековья, встал и уступил мне место.

Он был молод, недурен собой, и его галантность явно была вызвана наличием у меня, как представительницы противоположного пола, тех же качеств. Я с улыбкой приняла его предложение, он встал надо мной, а я сделала то единственное, чем могла хоть как-то отблагодарить его, — чуть подалась вперед, давая ему возможность заглянуть мне за блузку. Юный Дон-Кихот, казалось, чувствовал себя вполне удовлетворенным — всю дорогу он прилежно глазел в нужном направлении, а мне это не стоило ни денег, ни хлопот. Я была очень благодарна ему за его интерес, избавивший меня от шестидесятиминутного стояния на ногах.

Когда мы сошли в Ванкувере, он осведомился о моих планах на обед, ибо, по его словам, если у меня нет на примете ничего определенного, он знает дивный ресторан в гостинице "Бэйшор". С другой стороны, если я предпочитаю японскую или китайскую кухню...

Я сказала, что весьма сожалею, но днем мне нужно быть в Беллингеме.

Вместо того чтобы с достойной грустью принять отказ, он радостно улыбнулся:

— Какое счастливое совпадение! Я тоже должен быть в Беллингеме, но решил, что задержусь, чтобы пообедать с вами... А если так, то мы можем отлично сделать это в Беллингеме. Идет?

(Интересно, есть в международном законодательстве что-нибудь о пересечении границ с аморальными целями? И можно ли явное сексуальное устремление этого юнца рассматривать как "аморальное"? Искусственный человек никогда не сумеет понять людской сексуальный кодекс.

Единственное, что мы можем, — запоминать как можно больше правил и стараться не влипнуть в какую-нибудь неприятность, но... Это не так-то просто: людские сексуальные кодексы переплетаются, как спагетти в тарелке).

Моя попытка вежливо отшить его не удалась, и мне нужно было быстро решаться на что-то: или отшить его грубо, или пойти навстречу его явным намерениям. Я сказала себе (не очень вежливо): Фрайди, ты не девочка и, если ты сразу хотела бы лишиться его всякой надежды на то, что он уложит тебя в койку, это надо было сделать, когда он предложил тебе сесть на его место в капсуле! И все же я предприняла еще одну попытку:

— Хорошо, — ответила я, — идет. Но только при одном условии: я плачу за себя сама. И никаких споров по этому поводу.

Это была поганая выходка: мы оба знали, что, если он позволит мне заплатить самой за свой обед, его часовое стояние в капсуле больше не засчитывается и я ему ничего не должна. По правилам “танцулек” его галантность в капсуле тогда не предусматривает награды, и поэтому ему ничего не оставалось, кроме как...

— Хорошо, — кивнул этот грязный, похотливый, смазливый юнец, принимая условия игры.

— Споров не будет? — спросила я, с трудом скрыв свое изумленное негодование. — Я плачу *сама*.

— Никаких возражений, — кивнул он. — Вы явно не хотите налагать на себя ни малейших обязательств, хотя ведь это я пригласил вас пообедать, а стало быть, я и должен сыграть роль хозяина, тогда как у вас есть все привилегии гостьи. Не знаю, чем я вам так не понравился, но не буду настаивать: на уровне вокзала в Беллингеме есть “Макдоналд”, я съем там один “биг-мак” и выпью кока-колы, а вы заплатите за это, после чего мы расстанемся друзьями.

— Меня зовут Марджори Болдуин, — первый раз как следует рассмотрев его, сказала я, — а вас?

— Меня — Тревор Андреас, Марджори.

— Тревор... Хорошее имя. Тревор, ты грязный, хитрый и заслуживающий всяческого презрения тип. Поэтому отведи меня в самый лучший ресторан Беллингема, напои дорогими ликерами, накорми деликатесами и сам заплати

за это. Может, это удержит тебя от крайнего морального падения, но я не думаю, что тебе удастся затащить меня в постель, у меня сегодня не то настроение.

Мое последнее утверждение было ложью: настроение у меня было как раз то — честно говоря, я здорово завелась и, обладая он моим повышенным чутьем, сразу бы понял это. Так же как я учуяла, что он завелся. Мужчина — я имею в виду человек, — никогда не сумеет обмануть в этом смысле ИЧ, ведь все чувства у нас искусственно обострены. Этому я обучилась, когда проходила курс “подружек”. Но, конечно, меня никогда не оскорбляет такая мужская реакция, иногда я лишь притворяюсь оскорбленной, подражая поведению живорожденной женщины, но... стараюсь делать это как можно реже, а по возможности избегать совсем — я не такая уж хорошая актриса.

На всем пути от Висконсинга до Виннипега и не испытывала сексуальных желаний — было как-то не до того. Но после двух ночей прекрасного сна, горячей ванны и вкусной еды мое тело возвратилось в его нормальное состояние. Так почему же я солгала этому совершенно безвредному незнакомцу? “Безвредному”? Ну да, с моей во всяком случае точки зрения, — у меня естественное предохранение от беременности и иммунитет против четырех наиболее распространенных венерических болезней, а в “яслях” меня научили смотреть на секс, как на еду, питье, сон, болтовню, игры... Словом, как на одну из приятных потребностей, благодаря которым жить — весело и приятно.

Я солгала ему, потому что человеческие правила поведения требуют лжи на данном отрезке “танцулек”, а я... я выдаю себя за человека и не смею быть самой собой.

Он посмотрел на меня, заморгал и спросил:

— Так вы думаете, с моей стороны это все напрасно?

— Боюсь, что так. Извини.

— Вы ошибаетесь. Я никогда не стараюсь затащить женщину в постель. Если она захочет туда, то найдет, как дать мне знать об этом. А если она не хочет, то мне самому это не доставит никакого удовольствия. Но вам, кажется, не известна одна банальная истина: даже просто сидеть и смотреть на вас — стоит хорошего обеда, особенно если не придавать значения той глупой болтовне, которая слетает у вас с языка.

— Болтовне?! За это тебе придется найти очень хороший ресторан. Ладно, пойдем, уже объявили посадку на шаттл.

Я приготовилась к тому, что возникнут сложности на таможне, но офицер контрольного пункта очень внимательно изучил документы Тревора, прежде чем пропустить его за турникет, а мою Единую кредитную карточку из Сан-Жозе удостоил лишь беглого взгляда. Мне пришлось подождать Тревора за турникетом, как раз под светящейся надписью: “Бар. Горячие завтраки”.

— Если бы я увидел раньше вашу золотую кредитку, — сказал он, когда его наконец пропустили, — которой вы помахивали перед носом таможенника, я бы даже не предлагал заплатить за ваш обед, мадемуазель. Ты, оказываешься, богатая наследница.

— Слушай, охотник за девицами и приданым, уговор есть уговор. Ты сам заявил, что просто сидеть и смотреть на меня — стоит хорошего обеда. Даже несмотря на мою “болтовню”. Я постараюсь быть сговорчивой и, возможно, расстегну блузку... На одну пуговицу. Может, даже на две. Но увильнуть тебе не дам, богатые наследницы тоже ищут своей выгоды.

— Ну, и влип же я.

— Хватит ныть. Где этот ресторан?

— Слушай, Марджори... Теперь я вынужден сознаться, что совсем не знаю здешних кабаков. Может быть, ты сама выберешь?

— Тревор, твоя техника кадрежки просто чудовищна.

— Вот и моя жена всегда так говорит.

— Ты больше похож на волка-одиночку. Найди у себя ее фотографию, я взгляну на нее через пару минут, когда выясню, где мы будем обедать.

Я ухватила за локоть проходящего мимо таможенного офицера и спросила, как называется лучший местный ресторан.

— Знаете, — протянул он, наморщив лоб, — тут ведь не Париж...

— Это я заметила.

— И даже не Нью-Орлеан. На вашем месте я бы отправился в гостиничный ресторан “Хилтон”.

Я вернулась к Тревору и сообщила ему:

— Мы обедаем здесь, двумя этажами выше. Если у тебя, конечно, нет возражений. А теперь покажи мне ее фотографию.

Он протянул мне маленькое фото, я взглянула на карточку и невольно присвистнула. Всегда была равнодушна к блондинкам, а когда была маленькой, даже старалась “отмыть” свои волосы, чтобы они стали светлее.

— Тревор, у тебя дома *такое*, а ты охотишься на улице за падшими женщинами?!

— А ты разве падшая?

— Не уходи от вопроса.

— Марджори, ты мне неверишь и опять примешься болтать вздор. Пошли навстречу, пока у них не кончился мартини.

Обед получился неплохой, но Тревор не обладал воображением Джорджа, а также его кулинарными познаниями и искусством очаровывать метрдотелей. Словом, еда была сносная, но вполне стандартная — на усредненный американский вкус. Так можно поест и в Беллинге, и в Фиксберге, и вообще где угодно.

Мысли у меня были невеселые: то, что компьютер спалил кредитку Жанет, расстроило меня даже больше, чем отсутствие Жана и Жанет. Жанет влипла в неприятности? Может, ее... нет в живых?

Тревор тоже, казалось, утратил в значительной степени тот энтузиазм “охотника”, столь необходимый в подобных играх. Вместо того чтобы смотреть на меня с воодушевлением, он сидел с отсутствующим видом и думал, по-моему, о чем-то далеком. Интересно, с чего бы это он так переменялся? Из-за того, что я пожелала увидеть фото его жены? Может, я пробудила в нем угрызения совести? Мне кажется, мужчина не должен выходить на “охоту”, если дома у него не такая жена (или жены), которой можно рассказать все в деталях и похихикать вместе над забавными подробностями. Как, скажем, у Жана. Лично я никогда не рассчитываю на мужскую “порядочность”, на то, что они станут “беречь мою репутацию” — на своем собственном опыте я давно убедилась, что это бесполезно. Если я хочу, чтобы мужчина ни с кем не обсуждал мои

прелести и достоинства в постели, я просто не ложусь с ним туда — это единственный способ... И вообще, Тревор первый упомянул о своей жене, так? Я прокрутила в памяти этот эпизод, и... Ну да, первый.

После обеда он немного оживился. Я сказала ему, чтобы он вернулся сюда, когда закончит свои дела, потому что я сниму номер — мне нужно отдохнуть, сделать несколько звонков через спутник (это правда), и, возможно, я останусь здесь ночевать, так что “возвращаясь, позвони и я встречу тебя в вестибюле” (последнее вряд ли — я сейчас так одинока и расстроена, что, пожалуй, велю ему сразу подняться в номер).

— Конечно, позвоню, — ответил он, — чтобы ты могла спровадить мужика, пока я буду подниматься. Но после звонка я велю мальчишке сразу отнести к тебе мои вещи, чтобы потом не ходить за ними самому.

— Не торопись, — возразила я. — Я обещаю лишь болтовню. В вестибюле, а не в своей спальне.

— Марджори, ты трудная женщина.

— Да нет, это ты трудный мужчина. А я прекрасно знаю, что мне делать, — это неожиданно подсказал дремавший во мне чертик-хранитель. — Слушай, а как ты насчет искусственных людей? Хотел бы, чтобы твоя сестра вышла замуж за ИЧ?

— А ты знаешь такого, который согласился бы? У сестренки, видишь ли, с зубами не все в порядке, так что ей не до выбора.

— Не води меня за нос. Ты *сам* женился бы на ИЧ?

— Но что подумают соседи? Слушай, Марджори, откуда ты знаешь, что я уже этого не сделал? Видела фото моей жены? Кстати, из искусственных существ выходят отличные жены. И когда они стоят, и когда лежат.

— Ты хочешь сказать — “подстилки”. Наложницы... На них вовсе не нужно жениться. Тревор, ты не только не женат на ИЧ, ты вообще ни черта о них не знаешь, кроме обычных сплетен... Иначе ты бы не говорил “существа”, когда речь идет об искусственных *людях*.

— Я грязный, хитрый и достойный всяческого презрения тип. Я нарочно сделал вид, что путаю их, чтобы ты меня не раскусила. Вдруг я сам — ИЧ?

— Перестань молоть чепуху! Если бы ты был ИЧ, я бы давно тебя раскусила. Когда ты переспшишь с ИЧ, тебе вряд ли захочется на ней жениться. Ладно, это все пустой треп, давай закончим. Мне нужно часа два, не удивляйся, если мой терминал будет занят. Поболтай с автоответчиком и закажи хорошую выпивку, а я спущусь, как только освобожусь.

Я зарегистрировалась внизу и поднялась наверх — не в “свадебный” номер, конечно (без Джорджа я в таком номере чувствовала бы себя отвратительно), но в очень миленькую комнату с большой, широченной кроватью. Я заказала именно такую, ибо сильно подозревала, что похотливость Тревоора (равно как и моя собственная) вынудит нас с ним разделить это ложе. А спать вдвоем на узкой койке...

Я усилием воли выбросила из головы все посторонние мысли и принялась за работу. Прежде всего я позвонила в виксбергский “Хилтон” — нет, мистер и миссис Перральт выехали из отеля. Нет, их местонахождение, к сожалению, нам не известно. “Нам-очень-жаль”!

Мне тоже было очень жаль, и утробный голос компьютера не принес мне никакого душевного комфорта. Я позвонила в университет Макгилл в Монрсаль, и у меня ушло двадцать минут на то, чтобы узнать: да, доктор Перральт является старшим сотрудником университета, но сейчас находится в Университете Манитобы. Правда, компьютер в Монреале с одинаковой легкостью синтезировал как английскую, так и французскую речь и отвечал на том языке, на котором к нему обращались. Далеко шагнули ребятки-электронщики... На мой взгляд, даже слишком далеко.

Я попробовала номер Жанет (и Жана) в Виннипеге, и мне было доложено, что их терминал отключен “по желанию хозяев”. Интересно, а как же я слушала сегодня утром новости в норе? Или “отключен” означает лишь, что он не реагирует на звонки?

Справочная служба авиалетных линий в Виннипеге долго морочила мне голову дурацкой информационной рутинной, предназначенной для пассажиров, прежде чем мне удалось добраться до человеческого голоса, неохотно сообщившего мне, что капитан Тормей находится в отпу-

ске в связи с чрезвычайным положением и прекращением полетов в Новую Зеландию.

Номер Жана в Окленде ответил лишь музыкой и предложением записать послание на автоответчик, что, впрочем, было вполне естественно — раз полубаллистики не летали, Жан никак не мог там оказаться, и я надеялась лишь, что, может быть, застану на этой квартире Бетти или Фредди.

В самом деле, как можно попасть в Новую Зеландию, если полубаллистики отменены? На морском катере — невозможно, они слишком маломощные. Интересно, а эти огромные шипстоунские суда, которые строят прямо на воде, могут брать пассажиров? Думаю, что нет, я где-то слышала, что на многих из них люди вообще отсутствуют.

Я всегда полагала, что благодаря своей профессии тренированного курьера я знаю гораздо больше способов путешествовать, чем обычный коммивояжер — ведь мне нередко приходилось пользоваться такими способами передвижения, которые недоступны простым разъездным агентам и о существовании которых туристы вообще не имеют понятия. Но сейчас до меня дошло, что мне в жизни ни разу ни приходилось задуматься над тем, как добраться до места, если не летают полубаллистики. Какой-то выход должен быть, какой-то выход всегда есть, но... Я решу эту проблему. Позже.

Я позвонила в Университет Сиднея, поболтала с компьютером, потом мне удалось добиться человеческого голоса, который признал существование профессора Фарнези, но сообщил, что тот на каникулах. Нет, частных адресов и номеров мы, к сожалению, не даем, извините. Может быть, вам стоит обратиться в справочную.

Компьютеру сиднейского справочного бюро, казалось, весьма наскучило безделье — на мой запрос он радостно ответил длинной, нескончаемой речью, в которой сообщил мне уйму сведений обо всем на свете. Однако я так и не смогла добиться у него подтверждения, что Федерико или Элизабет Фарнези значатся в его сети. Я прослушала рекламу “величайшего в мире моста” (это неправда), потом “величайшего в мире оперного театра” (это правда) и отключалась от связи с некоторым сожалением: общение с дружелюбно настроенным компьютером с привычным ак-

центом гораздо приятнее, чем с большинством людей — и обычных, и моей породы...

После Сиднея я набрала код, который, надеялась, мне набирать не придется — Крайстчерч. Возможно, Служба безопасности Босса послала весточку на адрес моей бывшей семьи, когда наша "фирма" опять переехала... Если это был переезд, а не полное уничтожение. Была также и вероятность, хотя я в это не верила, что Жан мог послать мне весточку на этот адрес, когда столкнулся с полной невозможностью связаться с империей. Я вспомнила, что давала ему свой номер в Крайстчерче, когда он любезно оставил мне номер его квартиры в Окленде. Итак, я набрала номер моего бывшего "семейного очага" и... испытала своего рода шок, какой испытывает человек, шагнувший в "никуда": "Номер, который вы набрали, отключен. Звонки не регистрируются. В случае крайней необходимости наберите номер крайстчерчского..." — далее последовал номер конторы Бриана.

Я прикинула разницу во времени, в глубине души надеясь, что эта разница избавит меня от необходимости звонить сейчас, но... в Новой Зеландии как раз наступило утро — без чего-то десять, следовательно, Бриан наверняка сидит у себя в кабинете. Я набрала его номер и через несколько секунд уставилась на его изумленную физиономию:

— Марджори?!

— Да, — подтвердила я, — Марджори. Как дела?

— Зачем ты мне звонишь?

— Послушай, Бриан, мы были женаты семь лет. Можем мы хотя бы вежливо поговорить друг с другом?

— Прости. Чем могу тебе помочь?

— Извини, что звоню тебе на работу, но я позвонила домой, а там отключен терминал. Бриан, ты ведь знаешь, что из-за чрезвычайного положения с Чикагской империей нет связи... Ну, все эти убийства, как они это называют, — Красный Четверг... Поэтому я сейчас в Калифорнии и не могу попасть домой — в империю. Скажи, на мое имя не поступала какая-нибудь почта? Понимаешь, до меня не...

— Мне нечего тебе сказать. Правда, нечего. Извини.

— Неужели ты не можешь сказать хотя бы, была ли какая-нибудь почта или не было? Если я буду знать, что была, это поможет мне проследить откуда, и...

— Дай подумать, — он помолчал, а потом с усмешкой спросил. — А каким же способом ты выкачала все деньги? Значит, они ушли на твой счет, а с ними и все...

— Какие деньги?

— Деньги, которые ты потребовала назад, пригрозив открытым процессом. Немногим более семидесяти тысяч долларов. Марджори, я поражаюсь, как у тебя хватает духу звонить сюда после... после того, как своей ложью, своим обманом и холодным расчетом ты разрушила всю нашу семью.

— Бриан, ты спятил? Что ты несешь? Я никому не лгала, я никого не обманывала и я не взяла ни цента из семьи. "Разрушила семью"? Но... как? Меня вышвырнули из семьи за несколько секунд, просто отправили собирать вещи... Нет, даже собрали их за меня и прислали в отель. Я просто не могла ничего разрушить. Объясни мне все, пожалуйста...

Он объяснил — холодно и во всех подробностях. Своим обманом — этой нелепейшей выдумкой, будто я искусственно созданное существо, — я принудила семью подать на развод. Я попробовала напомнить ему, как тогда продемонстрировала свои способности, но он просто не желал об этом слышать — все, что я вспомнила, все, что он мог бы припомнить, не имело ни для кого никакого значения. Теперь о деньгах. Это опять ложь — он сам видел чек с моей подписью.

Тут я оборвала его, сказав, что любая подпись, какую он мог видеть на любом чеке — поддельная. Я не получала от них ни цента.

— Значит, ты обвиняешь Аниту в мошенничестве. Это — самая поганая выдумка их всех.

— Я ни в чем не обвиняю Аниту. Но никаких денег от семьи я не получала.

На самом деле я *обвиняла* Аниту, и мы оба это знали. Обвиняла и ее, и, быть может, самого Бриана... Я вспомнила, как Викки однажды заметила, что Анита возбуждается лишь от хруста толстых пачек кредиток... Я шикнула на нее, сказав, чтобы она перестала сплетничать,

но... Я и от других "сестер" по С-браку слышала об анитиной фригидности — вот уж чего ИЧ просто не может понять. Что же, может, ее страсть... ее подлинная страсть касалась лишь финансового положения семьи, ее престижа и места на социальной лестнице. Если так, то она должна была меня ненавидеть: я не разрушала семьи, но, вышвырнув меня, она нарушила равновесие, и С-брак рассыпался, как карточный домик. Сразу после моего отъезда Викки отправилась на острова одна — знакомиться с новым зятем, — и... велела своему адвокату начать бракоразводный процесс. Потом из Крайстчерча уехали Дуглас и Лиз и тоже подали на развод. Да, одно маленькое утешение для меня: от Бриана я узнала, что против меня было не шесть, а *семь* голосов. Каким образом? Очень просто: Анита настояла на том, чтобы голосовали не количеством членов семьи, а денежными паями. У Бриана, Берта и Аниты было семь долей в общем пас — вполне достаточно, чтобы изгнать меня, но... при этом Дуг, Викки и Лиз не голосовали вообще.

Слабенькое утешение. Они не противились Аните, не пытались остановить ее, даже не дали мне знать о том, что происходит. Они просто устранились... Стояли в стороне и смотрели, как приговор приводится в исполнение.

Я спросила Бриана о детях, и мне в вежливой форме было сказано, что это меня не должно интересовать. Потом он заявил, что у него много работы и поэтому он не может со мной разговаривать, но я отвлекла его еще ненадолго, задав последний вопрос: что сделали с кошками?

По его лицу было видно, что он еле сдерживается.

— Марджори, — процедил он сквозь зубы, — у тебя что, совсем нет сердца?! Ты причинила всем столько неприятностей, сделала всем так больно и... теперь тебя интересует лишь, что стало с какими-то кошками?

Он и впрямь здорово разозлился. Я тоже.

— Я хочу это знать, Бриан!

— Наверно, их отослали в Институт ветеринарных исследований или в какое-нибудь другое медицинское учреждение. До свидания. И пожалуйста, не звони мне больше.

"Медицинское учреждение"... Мистер Смотри-под-ноги, привязанный к операционному столу, а над ним студент-

практикант со скальпелем, режущим его маленькое, пушистое тело... Нет, я не вегетарианка и не стану спорить с тем, что невозможно обойтись без опытов над животным в науке. Но, Господи, если Ты все же есть где-нибудь, ну, не давай ты делать это с теми, которых вырастили и воспитали так, что заставили их думать, будто они тоже люди!.. Мистер Смотри-под-ноги, почему же я чувствую, как ты трешься и трешься о мою ногу, ведь ты — в “медицинском учреждении”, а остальные — наверняка мертвы. И все же, если бы летали полубаллистики, я плюнула бы на все, сорвалась с места и первым же рейсом слетала в Новую Зеландию — пусть хоть один шанс из тысячи, но я попробовала бы спасти своего старого друга. Однако без современного транспорта Окленд был дальше, чем Луна-Сити, и ничего тут уже не сделаешь...

Я вспомнила весь курс тренировок по самоконтролю, собрала волю в кулак, выкинула из головы все, с чем ничего не могла поделать. А между тем мистер Смотри-под-ноги по-прежнему терся о мою ногу.

На терминале мигал красный сигнал. Я посмотрела на часы и сообразила, что прошло как раз около двух часов с тех пор, как я уселась за компьютер. Значит, звонит наверняка Тревор.

Ну что ж, приходи в себя. Фрайди! Умой мордашку холодной водой, спустись вниз и дай ему возможность уговорить тебя... Или сразу скажи ему, чтобы поднимался, затащи его прямо в постель и поплачь у него на груди — во всяком случае сначала... Сейчас у тебя, конечно, маловато желания, но... уткни морду в теплое мужское плечо, расслабься, и ты очень быстро заведешься. Ты ведь сама это знаешь. Женские слезы здорово подстегивают мужиков, уж это ты знаешь на собственном опыте (Садизм? Мазохизм? Какая разница — главное, это дает нужный эффект!) Давай же, зови его. Закажи выпивку. Может быть, немного губной помады? Нет, к черту, все равно она надолго там не останется... Позови его, затащи в эту широкую койку и ублажи

себя как следует своими стараниями *как следует* ублажить его. Вложи в это все... все, что можешь!

Я соорудила на лице дежурную улыбку и ответила на звонок. Со мной говорил гостиничный компьютер:

— У нас для вас коробка с цветами. Разрешите поднять ее вам наверх?

— Да, конечно. (Неважно, от кого она, в любом случае коробка с цветами — это гораздо приятнее, чем удар рыбьим хвостом по голому брюху).

Раздался звонок портье-автомата, я открыла дверь, и у меня в руках очутился пакет размером с детский гробик. Чтобы распечатать, мне пришлось положить его на пол...

Дивные алые розы на длинных стеблях! Я решила подарить Тревору больше, чем Клеопатра в ее лучшие денечки. Перестав ахать, я открыла конверт, лежавший рядом с розами, ожидая увидеть визитку или коротенькую записку с просьбой спуститься вниз или что-то в этом роде, но...

Записка была длинной — целое письмо:

Дорогая Марджори, я надеюсь, ты примешь эти розы не менее радушно, чем приняла бы меня самого.

("... Приняла бы"? Какого черта? Ладно, что там дальше?)

Должен признаться: я сбежал. Есть причина, заставившая меня понять, что я не должен больше навязывать тебе свое общество. Я не женат. Я не знаю, кто та очаровательная дама на фотографии, что я тебе показывал, я нашел это фото случайно, уже не помню где. Как ты изволила заметить, моя порода не годится для брака. Моя дорогая леди, я искусственный человек, да-да, "мать моя пробирка, скальпель — мой отец". Поэтому мне непозволительно оказывать знаки внимания живорожденной женщине. Конечно, я живу под видом человека, но мне лучше сказать тебе правду, чем продолжать свои ухаживания — ведь так или иначе ты все равно узнала бы правду, только... поздно, потом, а это не совсем честно. Да-да, ты все

равно узнала бы, потому что я отношусь к дурацкой породе правдолюбцев и наверняка сам бы сказал тебе. Потом. Так что уж лучше я скажу сейчас, чем обижу тебя позже.

Конечно, мое второе имя вовсе не Андреас — у моей породы вообще не бывает вторых имен, как, впрочем, и семьи. Но, знаешь, напоследок я не могу не сказать тебе, что мне очень хотелось бы, чтобы ты тоже была ИЧ. Ты очень симпатичная (к тому же очень сексуальная), а твоя манера болтать о вещах, в которых ты ничего не смыслишь (таких, как, скажем, ИЧ) — не твоя вина. Ты напомнила мне маленькую фокстерьершу, которая была у меня когда-то. Она была очень милая и ласковая, но охотно сразилась бы с целым светом в одиночку, если бы такая мысль пришла ей в голову. Сознаюсь, собак и кошек я люблю больше, гораздо больше, чем многих людей: ведь они ничего не имеют против моей породы, во всяком случае они никогда не презирали меня за то, что я — не человек.

(Надеюсь, розы тебе понравились).

Тревор)

Я протерла глаза, высморкалась, сбегала вниз, промчалась через вестибюль, потом через бар, вниз к выходу на гравивокзал, встала у турникета, мимо которого все шли на посадку, и стояла... И стояла, и ждала-ждала-ждала, пока полицейский не стал коситься на меня и в конце концов не подошел ко мне и не спросил, что мне надо и чем он может мне помочь.

Я сказала ему правду или часть правды, и он отошел. А я ждала и ждала и, наконец, он снова подошел ко мне и сказал:

— Слушай, если ты настаиваешь на своей версии, мне придется попросить тебя предъявить твою лицензию и медицинское свидетельство, и если что-то там окажется не в порядке, задержать до выяснения. Мне не хочется этого делать, у меня дома дочка, ей столько же лет, сколько тебе, и мне не хотелось бы думать, что у нее могут возникнуть такие же неприятности с полицией. Поверь мне, это дело не для тебя. Любой, кто на тебя посмотрит, сразу поймет, что тут нужны девки покруче.

Я хотела было показать ему свою золотую кредитку — вряд ли где-нибудь есть проститутки, таскающие с собой золотые кредитные карточки... Но этот старый ворчун и впрямь хотел мне добра, а я... я за сегодняшний день уже достаточно наоскорбляла людей. Я поблагодарила его и вернулась к себе в номер.

Люди... Как они всегда уверены, что могут отличить ИЧ от... Бестолочи!! Мы даже сами не можем распознать друг друга. Из всех, кого я встречала, Тревор был единственным мужиком, за которого я могла бы выйти замуж с чистой совестью, а я... Я взяла и отшила его.

Но он был уж слишком чувствителен!

Кто слишком чувствителен? Ты, Фрайди, и никто другой.

Но, черт возьми, ведь это правда, что большинство людей презируют нашу породу! А если собаку часто пинать ногами, она научится здорово прыгать. Возьмите хотя бы мою новозеландскую семейку: Анита, наверное, чувствовала себя в своем праве, когда обманывала меня — я ведь не человек!

Итак, счет на сегодня: люди — 10, Фрайди — 0.

Где же Жанет?

ГЛАВА XXI

Пробуждение мое было не самым приятным. Меня продавали с аукциона, покупатели желали проверить, в порядке ли у меня зубы и лезли мне руками в рот. Я рассердилась и укусила одного, тогда владелец аукциона принялся охаживать меня кнутом и тем самым разбудил. После такого сна номер в беллингемском "Хилтоне" казался мне очень уютным, и я сделала звонок, который следовало бы сделать раньше всех остальных. Но без остальных все равно было не обойтись, а этот стоил очень дорого и без него можно было бы обойтись, если бы сработал хоть один из предыдущих. Кроме того, я не люблю звонить на Луну, меня раздражает запаздывание ответов.

Итак, я позвонила в Южноафриканский приемный отдел — это банк Босса или один из его банков. Во всяком случае тот, что выдает мне кредит и платит по моим счетам. После обычной трепотни с синтетическими голосами, особенно неприятной из-за дурацкой задержки ответов, мне наконец удалось вытащить на свет Божий, а вернее на экран, человеческое создание — потрясающей красоты женщину, явно нанятую, чтобы служить декоративной ширмой. Да, одна шестая земного притяжения придает форму груди лучше, чем любой бюстгальтер. Я сказала ей, что мне нужно поговорить с каким-нибудь старшим банковским служащим.

— Сейчас вы говорите с одним из вице-президентов, — ответила она. — Вы умудрились убедить компьютер в том, что вам действительно нужна помощь ответственного представителя банка. Непростой трюк — наш компьютер крепкий орешек. Чем могу быть полезна?

Я рассказала ей часть моей неправдоподобной истории и добавила:

— Ну вот, несколько недель ушло на то, чтобы попасть обратно в империю, а когда мне это удалось, все контакты оказались оборваны. Есть у банка какой-нибудь адрес или телефонный код для меня?

— Посмотрим. Как называется компания, на которую вы работаете?

— У нее несколько названий, в их числе "Систем энтерпрайз".

— Как зовут вашего начальника?

— У него нет имени. Он пожилой, коренастый, одноклазый, у него больные ноги, и он медленно передвигается с помощью двух костылей. Ну как? Я заслужила приз?

— Посмотрим. Вы сказали, что мы снабдили вас Единой картой, выданной Имперским банком в Сант-Луисе. Прочтите медленно номер вашей кредитной карточки.

Я сделала это и спросила:

— Хотите сфотографировать ее?

— Нет. Назовите число.

— Десять, шестьдесят шесть.

— Четырнадцать, девяносто два, — назвала она.

— Четыре тысячи, четыре, Би-си, — ответила я.

— Семнадцать, семьдесят шесть, — пальнула она.

— Две тысячи двенадцать, — парировала я.

— Чувство юмора у вас, как у медведя, мисс Болдуин. Хорошо, все в порядке, вы — действительно вы. Но если это не так, то готова с вами поспорить, что следующего этапа проверки вам не пережить. Мистер Два-Костыля давно слышет своей крайней неприязнью к незванным гостям. Запишите телефонный код. А потом повторите его мне.

Я так и сделала.

Через час я шла мимо Дворца конфедерации в Сан-Жозе, опять направляясь в здание Калифорнийского коммерческого кредита и твердя про себя, что ни при какой погоде не стану ввязываться ни в какие драки, кого бы ни пытались здесь убить. Мне неожиданно пришло в голову, что на этом самом месте я была две недели... да, точно, две недели назад. Если меня сейчас отсюда направят в Висксберг, я просто рехнусь.

В здании Коммерческого кредита мне надлежало обратиться не в Единую карту, а в юридическую контору, расположенную на другом этаже, куда я позвонила из Беллингема, получив нужный код с Луны. Я завернула за угол и хотела было войти, как вдруг у меня над ухом чей-то голосок шепнул:

— Мисс Фрайди.

Я обернулась и увидела женщину в униформе “Желтого такси”. Я всмотрелась в нее и радостно вскрикнула:

— Рыжик!

— Вы заказывали такси, мисс? Вам придется пересечь площадь и спуститься вниз, здесь нам не разрешают парковаться.

Мы пошли через площадь. Не помня себя от радости, я сразу принялась болтать, но Рыжик тихо шикнула на меня и сказала:

— Пожалуйста, мисс Фрайди, ведите себя, как обычный пассажир. Хозяин требует от нас полной конспирации.

— С каких это пор ты называешь меня “мисс”?

— Так будет лучше. С дисциплиной у нас сейчас очень строго. У меня специальное разрешение на то, чтобы встретить тебя, но я никогда бы не получила его, если бы

не сумела доказать, что без всяких паролей смогу тебя опознать.

— Что ж, ладно. Но зови меня так, только когда это нужно для дела... Рыжик, милая... Я так рада тебя видеть, что могу разреветься.

— Я тоже. Особенно если учесть, что в понедельник пришло сообщение о твоей смерти. Кстати, я тогда разревелась. И у многих глаза были на мокром месте.

— Смерти? *Моей* смерти? Но ведь... Я и близко к смерти не была. И не рисковала особо нигде, я просто... Потерялась. А теперь нашлась.

— Я этому жутко рада!

Через десять минут я вошла в кабинет Босса и сказала:

— Фрайди докладывает, сэр.

— Ты опоздала.

— Я оказалась в одной экспедиции, сэр. Плыли вверх по Миссисипи с военным патрулем.

— Да, я слышал. Кажется, ты одна спаслась. Я имел в виду, что ты опоздала сегодня. Границу Калифорнии ты пересекла в 12.05. А сейчас 17.22.

— Черт возьми, Босс, у меня были трудности.

— Курьеры обучены справляться с трудностями. И быстро.

— Босс! Я была не на задании, а значит, не была курьером. В конце концов, это мой отпуск, и вам не стоит так со мной разговаривать. Если бы вы не перебазировались, не предупредив меня, у меня не было бы никаких проблем... Я находилась *здесь* две недели назад. В Сан-Жозе, в двух кварталах отсюда.

— Тринадцать дней назад.

— Вы так пунктуальны лишь затем, чтобы не признавать, что это ваша вина, а не моя.

— Хорошо, я готов признать свою вину, если это избавит нас от ненужной болтовни и пустой траты времени. Я предпринял все, чтобы известить тебя, то есть гораздо больше, чем обычная организация делает для своих старших офицеров, и мне очень жаль, что все мои попытки не увенчались успехом. Фрайди, что я должен сделать, чтобы ты наконец убедилась и поверила, что ты

представляешь собой исключительную и ни с чем не сравнимую ценность для нашей фирмы? Если бы наше предвидение событий, называемых теперь Красным Четвергом...

— Босс, — изумилась я, — в этом замешаны *мы*?!

— Что навело тебя на эту бредовую мысль? Нет, конечно. Просто наша служба безопасности и разведка предвидели это... Кое-что было известно, уже когда ты возвратилась с Эль-5... И мы стали предпринимать определенные меры предосторожности. Как оказалось, вовремя. Но первая атака опередила наши самые мрачные прогнозы, поэтому начало Красного Четверга застало нас на колесах. Было необходимо срочно перебазироваться за границу, не силовыми приемами, конечно, а с помощью подкупа. Извещение о смене адреса и телефонного кода было послано заранее, но, лишь обосновавшись здесь, я узнал, что ты не вышла на обычную связь.

— По той простой причине, что я не получала этого чертова извещения!

— Будь добра, успокойней. Узнав, что ты не связалась с нами, я попытался дозвониться до твоего дома в Новой Зеландии. Наверно, ты в курсе, что спутниковая связь была прервана...

— Слышала.

— Временно. Через тридцать два часа я дозвонился и побеседовал с миссис Дэвидсон. Ей около сорока, твердые черты лица. Старшая жена в вашем С-браке?

— Да, Анита... Она и лорд-протектор, и лорд-все-остальное.

— Именно такое впечатление она произвела на меня. Мне показалось, что ты стала там персоной *non grata*?

— Вам правильно показалось. Давайте, Босс, выкладывайте, что эта старая крыса про меня наболтала?

— Почти ничего. Ты оставила семью неожиданно. Нет, ты не оставляла ни для кого никаких адресов и телефонов. Нет, она сейчас очень занята, Марджори натворила здесь черт-те что. До свидания.

— Босс, у нас есть ваш адрес в империи. И у нас были адреса "Цереры" и "Южной Африки" на Луне, потому что ежемесячные взносы я делала через них.

— Я понял это из разговора с ней. Мой представитель в Новой Зеландии, — (представитель? Впервые слышу о таком!), — раздобыл для меня адрес работы твоего старшего мужа по С-браку, Бриана Дэвидсона. Он вел себя вежливее, и толку от него было больше. От него мы узнали, на каком шаттле ты улетела из Крайстчерча, и это привело нас к списку пассажиров полубаллистика, который доставил тебя из Окленда в Виннипег. Там мы ненадолго потеряли твой след, пока мой агент не выяснил, что ты уехала из аэропорта вместе с пилотом полубаллистика. Когда мы сумели связаться с ним, он готов был помочь — я имею в виду капитана Тормея, — но ты уже уехала. Рад сообщить тебе, что мы получили и использовали возможность оплатить услугой за услугу капитану Тормею. Благодаря усилиям нашей тамошней внутренней службы мы сумели предупредить его о том, что его вместе с женой собирается арестовать местная полиция.

— О Господи! За что?

— Формальное обвинение: укрывательство чужака из враждебной державы и неизвестного субъекта из империи во время чрезвычайного положения. На самом же деле местную полицию Виннипега не интересовала ни ты, ни доктор Перральт, это был лишь предлог, чтобы задержать Тормеев. Неофициальное обвинение гораздо серьезнее — пропал лейтенант Мелвин Дикей. Последнее, что о нем известно, — его устное сообщение о том, что он отправился к капитану Тормею забирать доктора Перральта. Подозрение, естественно, пало на Тормея и его жену.

— Но против Жана и Жанст нет никаких улик... Я хочу сказать, против Тормеев.

— Улик нет. Именно поэтому местная полиция собиралась задержать их по другому, куда более безобидному поводу. Есть и еще кое-что. Гравилет лейтенанта Дикей потерпел аварию возле Фарго, в империи. Он был пуст. Полицейские всегда очень тщательно снимают отпечатки пальцев со всех предметов. Возможно, они именно сейчас этим и занимаются, поскольку, как сообщили час назад "Новости", граница Чикагской империи и Британской Канады вновь открыта.

— О Господи!..

— Возьми себя руки. На приборах гравилета действительно были отпечатки пальцев. И принадлежали они не лейтенанту Дикею. Они совпадали с отпечатками пальцев капитана Тормея, зарегистрированных в его личном деле. Обрати внимание на время, в котором я говорю об этих отпечатках — они *были* там, но сейчас их там уже нет. Фрайди, хотя действовать за границей империи не так уж просто, у меня все же есть там кое-какие связи. И агенты. И кое-кто мне кое-что задолжал. В этом корыте больше нет отпечатков пальцев капитана Тормея, но зато есть много других.

— Босс! Дайте я поцелую ваши ручки!

— Придержи язык. Я сделал это вовсе не для того, чтобы натянуть нос Британоканадской полиции. Мой агент в Виннипеге прошел нашу обычную подготовку, а кроме того, он — дипломированный психолог. Согласно его профессиональному заключению, и капитан Тормей, и его жена способны на убийство в целях самозащиты, но нужны сверхчрезвычайные обстоятельства, чтобы заставить их пойти на убийство полицейского. По его же заключению, доктор Перральт еще менее склонен к поступкам, связанным с насилием.

— Это я убила его.

— Так я и предположил. Другого варианта просто не было. Желаешь обсуждать это? Это как-то касается нашей работы?

— Ну... думаю, нет. Правда, вы сами включили это в *вашу* работу, стерев отпечатки пальцев. Я убила его, потому что он угрожал пистолетом Жанет... Жанет Тормей. Я вполне могла просто обезоружить его, у меня было полно времени, но я убила, потому что хотела убить. Я сделала это совершенно сознательно.

— Я был бы (и буду, если такое случится) крайне разочарован в тебе, если бы ты просто обезоружила или только ранила полицейского. Раненый полицейский опаснее, чем раненый зверь. Я представлял себе все именно так, как ты описала, разве что... Я полагал, что ты защищала доктора Перральта, поскольку он... кажется неплохо подошел тебе в роли фальшивого мужа.

— О да, он очень неплох в этой роли. Но только когда этот паршивый урод вздумал грозить Жанет своей пуш-

кой, я прыгнула! Босс, пока этого не произошло, я и знать не знала, что люблю Жанет. Я... я не знала, что могу так любить женщину. Вы знаете больше моего, как меня сделали. Скажите... У меня что, перемешаны гормоны?

— Я знаю достаточно о том, как ты была сделана, но не собираюсь обсуждать это с тобой. Тебе это знать совершенно не обязательно. Твои гормоны в полном порядке, как у любого здорового человека, разве что у тебя нет лишней Y-хромосомы. Каждый нормальный человеческий организм обладает смешанными гормонами, и человеческая раса делится на тех, кто знает это, и тех, кто не знает. Прекрати эту глупую болтовню — гениям она не к лицу.

— О-о, так я уже стала гением?! Вот это здорово!.. Босс, вы — прелесть!

— Не дерзи. Ты — супергений, но тебе еще очень далеко до того, чтобы как следует осознать свои возможности. Что касается гениев и супергениев, они всегда усатанавливают для себя собственные законы — и в сексе, и во всем остальном. Им не нужно по-обезьяньи следовать обычаям их современников. Ладно, вернемся к нашим баранам. Может так случиться, что они обнаружат тело?

— Это все равно, что найти прошлогодний снег.

— Есть смысл обсуждать это со мной?

— Нет, не думаю.

— Тогда это меня не касается, и, я полагаю, Тормей могут спокойно вернуться домой, как только полицейские придут к выводу, что невозможно установить *corpus delicti*. Хотя *corpus delicti* формально и не требует наличия *corpus*, представить обвинение в убийстве без тела чертовски трудно. Если их все же арестуют, хороший адвокат вытащит их за пять минут, а я смею полагать, у Тормеев будет очень хороший адвокат. Кстати, тебе будет приятно узнать, что выехать из страны им удалось с твоей помощью.

— С моей?

— Твоей и доктора Перралья. Вы помогли им, выхав из Британской Канады под именами мистера и миссис Тормей, используя их кредитные карточки и заполнив Карту туриста от их имени. Таким образом, вы двое оставили след, доказывающий, что Тормей покинули страну сразу вслед за исчезновением лейтенанта Дикей. Это сработало

так достоверно, что несколько дней полицейские пытались выследить их, а вернее, вас в Калифорнийской конфедерации. И даже обвиняли своих коллег из Калифорнии в нерасторопности, думая, что это они вас упустили. Но меня слегка удивил тот факт, что их не смогли арестовать в их доме, поскольку моему агенту весьма легко удалось войти в дом и поговорить с ними.

(Меня это вовсе не удивило. Если появляется полицейский, хлоп-нора закрывается за ним. Если же это не полицейский, и Жан в нем уверен...)

— Скажите, Босс, а ваш агент в Виннипеге называл им меня как Марджори Болдуин?

— Конечно. Пока он не назвал это имя и не показал твою фотографию, миссис Тормей категорически отказывалась впустить его. Без помощи Тормеев я напал бы на твой след гораздо позже. Мы помогли друг другу: они помогли сбегать тебе, а мы помогли сбегать им — я велел своему агенту сообщить им о том, что их ищут, и обеспечить побег. Все кончилось хорошо.

— А как вам удалось обеспечить побег, Босс?

— Ты уверена, что хочешь это знать?

— М-мм, нет.

(Когда я теперь смогу узнать? Если бы Босс хотел рассказать мне, он бы это сделал сразу. "Все тайное становится явным"? Да, но только не у Босса).

Босс вышел из-за стола и... Я неприятно поразились — обычно он мало двигался, и в его старом кабинете мог, не вставая, дотянуться до всех аксессуаров своего чаепития. Сейчас же он не вышел, а выехал из-за стола на инвалидном кресле, подкатил к маленькому столику и стал возиться с заварным чайником.

— Можно я налью вам? — торопливо встав, спросила я.

— Спасибо, Фрайди. Будь добра. — С этими словами он укатил обратно за письменный стол, а я занималась чаем. Для этого мне пришлось повернуться к нему спиной, а мне в тот момент только это и было нужно.

Конечно, нет ничего шокирующего в том, что инвалид в один прекрасный день решил сменить костыли на кресло с колесиками — так гораздо удобней. Инвалид — да, но только не... Босс. Если бы древние египтяне проснулись

как-то утром и обнаружили, что пирамиды сгорели, а у Сфинкса новый, хорошо подогнанный нос, они были бы поражены меньше, чем я теперь. Есть некоторые вещи... и люди тоже... которые должны оставаться неизменными.

Налив себе и ему чаю (ему — с теплым молоком и двумя кусками сахара), я уселась в кресло, и у меня отлегло от сердца. У Босса всегда на вооружении самое последнее слово техники и устаревшие манеры: я никогда не видела, чтобы вокруг него хлопотала какая-нибудь женщина, но если женщина находится в его кабинете по делу и предлагает налить чаю, он, конечно, вправе любезно принять ее предложение и превратить чаепитие в маленькую приятную церемонию.

Он поболтал со мной на отвлеченные темы, пока мы пили чай, потом я налила ему вторую чашку, сама от второй отказалась, и он подытожил наш деловой разговор:

— Ты меняла имена и кредитные карточки так часто, что мы все время отставали от тебя на шаг. Мы бы не напали на твой след в Висксберге, если бы твои действия там не навели нас на мысль о созревшем у тебя плане. Хотя и не в моем стиле влезать в дела агента, как тщательно ни наблюдал бы я за ним, я, возможно, решил бы избавить тебя от путешествия вверх по Миссисипи... Особенно зная, что экспедиция обречена...

— Босс, что это была за экспедиция? Я не поверила ни одному слову своего сержанта и...

— Обычная мародерская вылазка. Довольно неуклюжая. За две недели в империи наступил такой бардак, что появилось множество желающих поживиться. Еще бы, за две недели сменилось три диктатора, и тот, что сейчас у власти, ничуть не лучше своих предшественников и вряд ли протянет дольше них... Фрайди, мне гораздо удобнее работать при твердой тирании, чем при любом из свободных демократических режимов. Но твердая тирания такое же редкое явление, как процветающая демократия. Подводя итог: ты улизнала от нас в Висксберге, потому что действовала без всяких колебаний — ты очутилась на борту опереточного линкора "Мадам Лу" и уплыла на нем до того, как наш агент узнал о твоём вступлении в это "вой-

ско". Я очень рассердился на него. Рассердился настолько, что пока даже не наказал его никак — мне нужно остыть.

— Не нужно его наказывать. Босс, я действовала быстро. Если только он не висел у меня на самом хвосте — а я всегда замечая это и принимаю меры, — у него не было шанса угнаться за мной.

— Да-да, мне знакома твоя, м-мм, техника. Но думаю, ты поймешь, что у меня были причины для раздражения, когда мне доложили, что наш человек *видел* тебя в Виксберге, а через двадцать четыре часа он... докладывает, что ты мертва.

— Может, так, а может, и — нет. Один человек в этом году уже пробовал наступать мне на пятки. В Найроби Он завис у меня на хвосте и так пьяно дышал мне в спину, что это оказался его последний вздох. Если вы и впредь собираетесь следить за мной, вам стоит предупредить своих людей.

— Фрайди, я обычно никогда за тобой не слежу. С тобой лучше обходиться "проверочными пунктами". К счастью для нас всех, ты уцелела. Хотя все терминалы моих агентов в Сант-Луисе были поставлены на прослушивание правительством, какую-то пользу они все же мне принесли. Когда кто-то трижды пытался связаться с нами в Сант-Луисе и ни разу не был засечен, мне тут же доложили об этом, и я подумал, что это, должно быть, ты... Потом узнал точно, что ты — когда ты добралась до Фарго.

— А кто был "ваш" в Фарго? Тот "спец", у кого я купила документы и прочий хлам?

Босс сделал вид, что не слышал вопроса:

— Фрайди, у меня еще много дел. Продолжай доклад и, пожалуйста, покороче.

— Слушаюсь, сэр. Я покинула экспедиционный корабль, когда мы были уже в империи, добралась до Сант-Луиса, обнаружила, что ваши контактные коды подвергаются проверке, уехала в Фарго, как вы справедливо заметили, пересекла границу Британской Канады километрах в двадцати шести от Пембины, отправилась в Ванкувер, сегодня — в Беллингем и сейчас нахожусь перед вами.

— Какие-нибудь трудности?

— Нет, сэр.

— Какие-нибудь детали, представляющие профессиональный интерес?

— Нет, сэр.

— Зафиксируй доклад со всеми подробностями на пленке и отдай персоналу для аналитического исследования. Побольше фактов, поменьше собственных заключений и оценок. Я пошлю за тобой недели через две-три. А с завтрашнего утра ты приступишь к школьным занятиям. С девяти ноль-ноль.

— *Что-что?*

— Не таращь глаза, красивым женщинам это не идет. Фрайди, твою работу я считаю удовлетворительной, но настало время приступить тебе к настоящему делу. Вернее сказать, к твоему настоящему делу на данном этапе. Ты чудовищно невежественна. Мы это поправим. Итак, завтра, в девять ноль-ноль.

— Слушаюсь, сэр.

(Я — невежественна? Вот нахальный старик. Черт, как же я была рада его видеть, только... Это инвалидное кресло меня здорово расстроило).

ГЛАВА XXII

“Пески Паджаро” раньше были модным курортным отелем. Он расположен в тихом местечке на Монтерей-Бей, неподалеку от тихого городка, Уотсонвилла. Уотсонвилл — один из самых крупных портов в мире, откуда экспортируют нефть, и напоминает холодный пончик без сиропа. Ближайшие развлечения — казино и бордели — находятся в пятидесяти километрах отсюда, в Кармеле. Но я лично не люблю рулетку и мало интересуюсь платным сексом, пусть даже его экзотическими формами, распространенными в Калифорнии. Немногие из команды Босса посещали Кармел, поскольку для прогулки верхом на уик-энд это далековато, рейсовых капсул нет, а что касается гравилетов, то, несмотря на либеральное отношение

калифорнийских властей к самоходным и самолетным агрегатам, Босс разрешал использовать их только для деловых турне.

Самым большим развлечением для нас в “Паджаро” была красота природы, из-за которой он и был построен, — море, песок, закаты...

Я очень увлекалась серфингом, но когда научилась как следует управляться с доской, он мне надоел. Я много плавала, загорала на песке, наблюдала за огромными нефтяными танкерами, выходящими в море, и с удовольствием замечала, что дежурившие на мостиках “впередсмотрящие”, очень часто смотрят не вперед, а *назад* (на меня!), причем через сильные бинокли.

Всем нам было отнюдь не скучно — ведь у каждого имелся свой индивидуальный компьютер с полным набором услуг. Люди настолько привыкли сегодня к компьютеру, что нередко забывают, каким “окном” в целый мир может служить обычный терминал. Некоторые (часто и я сама) пользуются компьютером лишь для заполнения счетов, телефонных звонков и прослушивания последних известий, и тем самым здорово сужают рамки его возможностей. Если обладатель компьютера согласен немного заплатить за услуги, терминал может дать ему практически все — любые наслаждения, кроме тех, что получают в постели.

Музыка? Я могу заглянуть на сегодняшний концерт в Беркли, но это еще что — я могу заглянуть на концерт, состоявшийся в Лондоне десять лет назад, и эффект присутствия будет точно такой же, как на любой сегодняшней программе. Электронам нет дела до времени, как только какая-то информация попадает в компьютерную сеть, время для нее застывает, и все, что необходимо помнить, это — необъятное наследие прошлого всегда к вашим услугам, стоит лишь набрать нужный код.

Босс послал меня в школу, состоящую лишь из компьютерного терминала, и в этой школе у меня было гораздо больше возможностей, чем у любого студента Оксфорда, Сорбонны и Эдинбурга в далеком прошлом.

Сначала мне вообще казалось, что школа — это какой-то камуфляж. В мой первый день в “Паджаро” мне было сказано, чтобы я доложила о себе главному библиотекарю,

милому, добрейшему старикану профессору Перри, с которым я познакомилась, еще когда проходила основной курс подготовки. Он здорово суетился сейчас — еще бы, библиотека Босса наверняка оказалась самой громоздкой и сложной для перевозки из империи в “Паджаро”. У профессора Перри, вне всяких сомнений, впереди была огромная работа — на недели, а то и на месяцы — по приведению в полный порядок всего его хозяйства... Тем временем Боссу придется довольствоваться порядком относительным. Да и чудаческая привязанность Босса к бумажным книгам, составлявшим большую часть его библиотеки, а не к кассетам, дискам и микрофильмам — не облегчала задачу старика Перри.

Когда я явилась к нему и доложила о себе, он посмотрел на меня без особой радости, указал на небольшой закуток в углу и сказал:

— Мисс Фрайди, почему бы вам не сесть вон там?

— А что я должна делать?

— А? Ну... Пока трудно сказать. Но, вне всяких сомнений, мы скоро получим указания. М-мда... Я, видите ли, сейчас очень занят, мм-м... И помощников у меня чрезвычайно мало, а без них я, как без рук... Так вот, может быть, вы, чтобы как-то войти в нашу атмосферу, э-ээ, займетесь чем-нибудь, что... вам самой по душе, а? Познакомьтесь с оборудованием... Да-да, с оборудованием. Словом приступайте.

Ничего особенного в здешнем оборудовании не было, разве что добавочные клавиши на приборной доске компьютера, обеспечивающие прямую связь с несколькими крупнейшими библиотеками мира — Гарвардской библиотекой, Вашингтонской библиотекой Атлантического союза, Британским музеем, — минуя обычную бюрократическую процедуру. Да, и еще — уникальная возможность прямого доступа к личной библиотеке Босса. Я легко могла бы читать его бумажные книги на своем терминале, если бы захотела, даже не прикасаясь к фолиантам, а переверачивая страницы простым нажатием клавиши.

Этим утром в торопливых поисках индекса Туланской университетской библиотеки (лучшей в Республике Одинокой Звезды), чтобы раздобыть историю старого Висксберга, я наткнулась на антологию спектральных различий звезд

и... не смогла от нее оторваться. Почему? Сама не знаю, со мной иногда такое бывает.

Я все еще читала трактат об эволюции звезд, когда меня отвлек профессор Перри, предложив сходить пообедать. Мы отправились обедать, но перед этим я быстренько набросала для себя, какого рода математические пособия мне понадобятся — астрофизика захватила меня, но чтобы хоть как-то разобраться в ней, нужно знать ее язык.

В этот день я позанималась еще немного со Старым Виксбергом, отыскала забавную музыкальную пьесу, когда-то поставленную в этом городе, а остаток дня провела за просмотром бродвейских мюзиклов тех счастливых лет, когда Северо-Американская федерация еще не раскололась вдребезги. Почему, интересно, сейчас уже невозможно писать такую музыку? Наши предки умели веселиться! Я лично получила огромное удовольствие от “Принца-студента” и от “Моей прекрасной леди” и отметила для себя еще десяток подобных спектаклей, чтобы просмотреть их потом. (Это и называется “ходить в школу”?)

На следующий день я решила как следует заняться изучением серьезных предметов, в которых мало разбиралась — я резонно решила, что, как только мои преподаватели укажут мне на мою область, у меня не останется времени на что-то для души. Еще бы! Прежние тренировочные курсы в системе Босса отнимали у меня куда больше двадцати четырех часов в сутки. Но за завтраком моя подруга Анна спросила меня:

— Фрайди, что ты можешь сказать мне о влиянии Людовика XI на французскую лирическую поэзию?

Я растерянно замахала ресницами:

— Это — как приз в лотерее? Для меня “Людовик” звучит, как название сыра. Единственный французский стишок, который я знаю, это “Мадемуазель из Армантьєра”, но он, наверно, не в счет...

— А профессор Перри сказал, что об этом надо спросить именно тебя.

— Это просто розыгрыш, — пожала я плечами и пошла в библиотеку. Там я сразу наткнулась на старика Перри.

— Доброе утро, — вежливо поздоровалась я с ним. — Анна сказала, что вы послали ее ко мне, спросить про

влияние Людовика XI на французскую лирическую поэзию.

— Да-да, конечно, но... Вы бы не могли сейчас не мешать мне, а? Тут такая сложная программа попалась... — И он уткнулся в свои программы, забыв о моем существовании.

Растерянная и слегка раздраженная, я принялась за Людовика XI. Через два часа я вышла глотнуть свежего воздуха. Я ничего не выяснила насчет поэзии — насколько я могу судить, Король-Паук в жизни не придумал ни одной рифмы и даже не покровительствовал искусствам. Но я много узнала о политической жизни пятнадцатого века... Жуть! По сравнению с нравами той эпохи мои собственные маленькие переделки показались мне детскими играми.

Остаток дня я посвятила французской лирической поэзии, начиная с 1450 года. Недурные стихи. Во всяком случае некоторые. Французский язык больше подходит для лирических стихов, чем английский, — чтобы извлекать красоту из английского, нужен как минимум Аллан Эдгар По. Немецкий же вовсе не годится для поэзии, причем настолько, что переводы звучат лучше, чем оригиналы. В этом, конечно, не виноваты ни Гете, ни Гейне — сам язык уж больно противный. Испанский — настолько музыкален, что реклама пудры звучит на нем более поэтично, чем самые лирические строки на английском. Испанский язык сам по себе так красив, что стихи на нем звучат даже лучше, если читатель не знает испанского и не понимает смысла.

Мне так и не удалось установить, какое влияние на французскую лирику оказал Людовик XI, если вообще оказал.

Однажды очередным утром я обнаружила, что мой закуток в библиотеке занят. Я вопросительно взглянула на главного, и он с видимой досадой оторвался от своих дел.

— Да-да, у нас сегодня, знаете ли, как-то народу прибавилось... М-да, вы... Вот что, мисс Фрайди, а почему бы вам не пользоваться терминалом в вашей собственной комнате? У него точно такие же возможности, а если вам нужна будет моя консультация, вы можете получить ее даже проще, чем сидя здесь — наберите семерку, а потом

ваш личный код, и я заложу в свой компьютер программу, дающую вам все преимущества — вас сразу соединят со мной. Идет?

— Замечательно, — кивнула я. Мне была по душе товарическая обстановка в библиотеке, но у себя в комнате я могу в любой момент, когда мне захочется, скинуть с себя всю одежду, не боясь смутить папашу Перри. — Что я должна изучать сегодня?

— Господи!.. Неужели нет предмета, который бы вас интересовал и которому вы сами хотели бы посвятить несколько.. м-мм, несколько дней? Мне не хочется тревожить Первого по таким пустякам.

Я пошла к себе и взялась за историю Франции, начиная с Людовика XI, что привело меня к новым колониям в Атлантике, а оттуда к экономике, а потом к Адаму Смиту и политическим наукам. Я пришла к заключению, что Аристотель был не дурак, что позволило сделать вывод, что Платон был попросту напыщенным жуликом, а все это вместе взятое привело к тому, что меня трижды звали к обеду, пока последний звонок не сообщил, что опоздавшим останется лишь холодная закуска. Наконец в четвертый раз позвонила Рыжик и пообещала притащить меня в столовую за волосы, если я сейчас же не спущусь сама.

Босиком, в одном комбинезоне я сбежала вниз. Анна осведомилась, чем это я таким срочным занималась, что совсем забыла о еде — она, Рыжик и я обычно обедали вместе.

— Забывала себе мозги всякой всячиной, — сказала я, — и теперь вы имеет дело с самой большой всезнайкой на всем белом свете.

— В какой области ты всезнайка? — поинтересовалась Рыжик.

— Во всех. Спрашивайте — отвечаю. На легкие вопросы — сразу, на трудные — завтра утром.

— Ну-ка докажи, — хмыкнула Анна. — Сколько ангелов уместится на кончике иголки?

— Это очень легкий вопрос. Измерьте площадь ступней у ангелов, измерьте площадь кончика иголки, разделите первое число на второе — получите точный ответ. Это может сделать любой школьник.

— Экая ты умница. Как изучить хлопок в ладоши?

— Нет ничего проще. Включи любой терминал на запись звука, хлопни в ладоши, а потом проигрывай это место на пленке и изучай сколько хочешь.

— Рыжик, попробуй ты.

— Какова численность жителей в Сан-Жозе?

— Это — трудный вопрос! Завтра утром получишь ответ.

Эта карусель продолжалась около месяца, пока до меня не дошло, что кто-то (конечно же, Босс) пытается заставить меня стать “самой большой всезнайкой в мире”. Кстати, такая личность одно время действительно была. Я натолкнулась на нее, пытаясь разобраться в одном из бессмысленных вопросов, часто неизвестно откуда появлявшихся на моем терминале. Вопрос был таков: установите компьютер на положение поиска, введите параметры в следующей последовательности: Северо-Американская культура, англоязычная культура, середина XX века, комедии, мировой авторитет, ожидаемый ответ — профессор Ирвин Корей. Этот парень действительно разбирался в юморе.

Вот так меня, как рождественского гуся, “откармливали” информацией.

И все же это было чудесное время. Очень часто мои близкие друзья (а их у меня было здесь не меньше дюжины) приглашали меня разделить с ними койку — не помню, чтобы я хоть раз кому-то отказала. Свидания назначались обычно днем, когда мы все плавали и загорали, и это добавляло прелесть солнечным ваннам и купанию. Все делали это здесь так ласково и просто, что не составляло труда ответить, скажем: “Прости, Теренс предложил первый. Может, завтра? Нет? Ну, ладно, тогда на днях”, — и никаких обид. Одним из недостатков С-брака, к которому я когда-то была привязана, было то, что любовные расписания составлялись исключительно мужчинами по неведомому протоколу, который никто мне никогда не удосужился объяснить. И всегда в этом присутствовала какая-то неловкость.

Количество глупейших вопросов на моем терминале возрастало. Лишь только я более или менее ознакомилась с искусством керамики мингов, как терминал сообщил мне, что кто-то из нашей команды хочет разобраться во взаимосвязи мужских бород, женских юбок и цен на золото. Я уже научилась не выказывать удивления, сталкиваясь с любыми нелепостями — в окружении Босса к ним быстро привыкаешь, — но это уже, по-моему, было сверхнелепостью. Почему здесь должна быть хоть какая-то взаимосвязь? Бороды меня никогда не интересовали: они колются и часто бывают грязными. В женских юбках я вообще не разбираюсь — почти никогда их не носила. Они, конечно, иногда неплохо смотрятся, но для путешествия крайне неудобны — носи я юбки, меня уже три-четыре раза могли легко пришить. Ну, а дома... Зачем вообще прикрывать шкуру дома?

Но я давно уже научилась не отбрасывать вопросы лишь потому, что они кажутся очевидной нелепостью. Я ввела в компьютер все данные, пришедшие мне в голову, исходя из самых неожиданных ассоциаций и личных домыслов. Затем я велела машине рассортировать все на несколько категорий. Черт!.. Кажется, и впрямь наметилась какая-то связь!

Когда набралось достаточно категорий, я поняла, что единственный способ охватить глазом все вместе, это — велеть компьютеру составить график в трех измерениях. Получилась такая многообещающая картинка, что я перевела ее в цветное и голографическое изображение. Красота! Не знаю, почему три исходных параметра сочетались друг с другом, но они *сочетались*. Остаток дня я провела, манипулируя на все лады с разными шкалами, меняя местами X , Y и Z , вертя в разные стороны изображение, пока... пока не заметила бледную синусоиду, мелькнувшую при вращении картинки. Тогда вдруг, сама не знаю почему, я решила ввести в машину двойной график возникновения солнечных пятен, и...

Эврика! Просто и ясно, как керамическая ваза мингов! Еще до обеда я получила уравнение — одна строчка, включающая в себя всю идиотскую информацию, которую я умудрилась извлечь из компьютера. Я набрала код начальника "команды" и записала это уравнение, добавив

несколько возможных вариаций без всяких комментариев со своей стороны — мне хотелось заставить безымянного шутника поинтересоваться моим собственным мнением.

В ответ я получила обычную реакцию, то есть нулевую.

Весь следующий день я провела в ожидании и от нечего делать доказывала самой себе, что, вытащив любой групповой снимок любого временного периода, я могу по мужским лицам и женским ногам почти точно определить взлеты и падения золотого курса, соотнеся время снимка с двойным графиком возникновения солнечных пятен, а кроме того — что самое поразительное, — могу сказать, распадается ли в данное время данная политическая структура или, наоборот, консолидируется.

Вечером на терминале раздался сигнал. Экран осветился, но звонивший, как и обычно, не продемонстрировал свою персону, и я прочла лишь появившийся на экране текст: “Просьба произвести быстрый и тщательный анализ возможности того, что эпидемии чумы в шестом, четырнадцатом и семнадцатом веках возникли в результате политического заговора”.

Ну и ну! Что за маньяки меня донимают в этой “школе”? Что ж, ладно, вопрос настолько сложен, что меня долго никто не будет тревожить. Это меня вполне устраивало — я уже так пристрастилась к подобным играм с компьютером, со всеми его громадными возможностями и доступом к Всемирной информационной сети, что это стало для меня своего рода наркотиком. Я принялась вводить в список самые разнообразные предметы без всякого ограничения по самым отдаленным ассоциациям: чума, эпидемиология, блохи, крысы, Даниэль Дефо, Исаак Ньютон, заговоры, масоны, Кеннеди, Освальд, Испанская инфлюэнца, санитарный контроль, и так далее и тому подобное. Через три дня мой список параметров, которые могли иметь хоть какое-то отношение к проблеме, был раз в десять длиннее.

Через неделю я поняла, что на тщательный анализ всех параметров в моем списке одной жизни не хватит. Но мне было сказано, изучить проблему, и сделать тщательный анализ, и я взялась за дело. Правда, в слово “быстрый” я вложила собственное понимание: я решила рабо-

тать не менее пятидесяти часов в неделю, но в том темпе и по тем часам, которые удобны мне.. И так до тех пор, пока кто-нибудь не объяснит мне, почему я должна лезть из кожи вон и менять удобный для меня дневной расписание.

Так продолжалось несколько недель, а потом как-то ночью меня разбудил сигнал чрезвычайной связи на терминале — я отключила компьютер перед тем, как забралась в постель. (Одна. Почему? Не помню).

— Ну, ладно-ладно, — сонно пробормотала я, — говорите, если уж так не терпится.

На экране не возникло никакого изображения, лишь голос Босса спросил:

— Фрайди, когда произойдет следующая вспышка эпидемии Черной Смерти?

— Через три года, — автоматически отреагировала я, — в апреле... Начнется в Бомбее и тут же распространится по всему свету. И в космосе — на первом же пассажирском корабле.

— Спасибо. Спокойной ночи.

Я уронила голову на подушку и моментально заснула. Проснулась я, как обычно, ровно в семь и сразу задумалась, пытаясь понять: действительно ли я разговаривала ночью с Боссом и дала ему этот абсурдный ответ? Ладно, Фрайди, что толку лежать и вспоминать — бери быка за рога.

Я набрала номер "Первого":

— Босс, это Фрайди. Насчет того, что я вам сказала ночью... У меня, кажется, было временное помешательство, Босс...

— Чушь. Жду тебя в десять пятнадцать.

У меня было сильное желание провести следующие три часа в позе лотоса, распевая псалмы и перебирая четки, но... У меня есть глубочайшее убеждение в том, что даже конец света не обязательно встречать, не позавтракав. Я приняла правильное решение, потому что на завтрак сегодня подали свежие финики со сливками, яичницу с ветчиной, английские булочки, апельсиновый мармелад и колумбийский кофе с молоком. Меню так порадовало меня, что целый час после завтрака я пыталась проследить математическую связь между всей предыдущей историей

чумы и датой, которую я выплюнула со сна. Это мне долго не удавалось, а когда в мозгу наконец забрезжило какое-то подобие графика, мой терминал звякнул три раза, напоминая о свидании с Боссом.

Я не стала стричься наголо и брить затылок для удобства палача, но в кабинет Босса вошла на цыпочках.

— Фрайди явилась, сэр.

— Садись. Почему Бомбей? Я полагал, ты назовешь Калькутту.

— Думаю, это связано с предсказаниями погоды и муссонами. Блохи не переносят сухой, жаркий климат. На восемьдесят процентов тело блохи состоит из воды и, когда эта цифра падает ниже шестидесяти, блоха умирает. Таким образом, сухой жаркий климат приостановит распространение эпидемии. Но, Босс, все это — чушь! Вы разбудили меня посреди ночи, задали идиотский вопрос, и я выдала вам спросонок идиотский ответ. Может быть, я отвечала во сне, последнее время у меня часто случаются кошмары, снятся Черная Смерть, а кроме того... Когда-то эпидемия действительно началась с Бомбея. В 1896. И пошла дальше...

— Не так далеко, как из Гонконга — тремя годами раньше. Фрайди, аналитический отдел нашей организации выдал расчет, из которого следует, что эпидемия Черной Смерти разразится не раньше, чем через год после названной тобой даты. И начнется не в Бомбее, а в Джакарте и в Хошимине.

. — Но это же нелепость!.. — вырвалось у меня, однако я тут же прикусила себе язык. — Простите, сэр, кажется, мне опять снится какой-то кошмар. Босс, нельзя ли мне заняться чем-нибудь более приятным, чем блохи, крысы и Черная Смерть? Я от всего этого паршиво сплю.

— Можно. Можешь перейти от чумы к...

— Ура!..

— К любому предмету, будущему в тебе любопытство и желание связать концы с концами в каком-нибудь запутанном клубке. Что же касается чумы, организация займется всеми необходимыми приготовлениями. Действовать мы будем, основываясь на твоём предсказании, а не на математическом расчете аналитического отдела.

— Я могу лишь еще раз повторить: мое предсказание — чушь.

— Фрайди, твоя слабость в неспособности осознать свою истинную силу. Хороши бы мы были, если бы стали действовать, исходя из математического анализа, а взрыв разразился бы на год раньше? Это явилось бы полным крахом. Принять же необходимые профилактические меры на тот же год раньше срока практически ничем не грозит, вреда от этого не будет никакого.

— Мы что, собираемся предотвратить это?

(На всем протяжении своей истории люди сражались и с блохами, и с крысами. Пока что счет ничейный).

— Господи, да нет же, конечно! Прежде всего, дело слишком велико для нашей организации. Впрочем, нет, это — во-вторых. А во-первых, я никогда не берусь за дела, которые не могу выполнить, а данное — как раз из этой серии. В третьих, с чисто человеческой точки зрения, любая попытка приостановить процесс уменьшения населения в перенаселенных городах носит антигуманный характер. Смерть от чумы — противная штука, но быстрая. Смерть от голода не менее противна, но... длится она гораздо дольше, — Босс вздохнул, помолчал немного и добавил: — Наша организация сосредоточится на проблеме: как не допустить распространение Черной Смерти за пределы этой планеты. Как это сделать? Отвечай сразу!

(Чудеса! Задайте подобный вопрос медицинскому департаменту при любом правительстве — он выделит специальную исследовательскую группу, выбьет себе специальные исследовательские фонды и добьется установления “нормального” срока для проведения фундаментальной исследовательской работы — лет пять, не меньше).

Я ответила сразу:

— Взорвать их.

— Взорвать колонии в космосе? Кошмарное решение проблемы.

— Да нет, взорвать блох. Во время мировых войн двадцатого столетия кто-то обнаружил, что от вшей и блох можно избавиться, поднявшись на определенную высоту. Их там разрывает. Высота, м-мм, километров пять... Впрочем, это легко установить экспериментальным путем. Я обратила на это вниманис, потому что станция Антиграва

в Кении находится явно выше критической точки, а почти все космические вылеты с планеты совершаются оттуда. Кроме того, есть обычные методы — прогрев, просушка. Они достаточно эффективны, но не так быстры. Но главное, Босс, это *никаких исключений*. Достаточно одного экипажа, одного груза, по “дипломатическим” причинам избежавшего процедуры, — и все. Достаточно одной комнатной собачки, одной кошки, одной лабораторной морской свинки, и... Если это примет легочную форму, Эль-5 опустеет за неделю. Луна-Сити — тоже.

— Если бы у меня не было другой работы для тебя, я поручил бы тебе возглавлять операцию. Ну, а что с крысами?

— Не надо мне такой работы, меня от нее тошнит. Босс, убить крысу чрезвычайно просто: нужно засунуть ее в мешок... А потом можно бить по мешку топором, можно прошить его пулями, можно утопить, можно сжечь и развеять пепел по ветру. Пока вы будете этим заниматься, самка произведет на свет следующую порцию крысят, и вам придется иметь дело уже не с одним мешком, а по меньшей мере с дюжиной. Босс, все, что мы можем сделать с крысами, это — загонять их в угол. Но победить их мы не можем. Более того, стоит нам на мгновение зазеваться, как крысы тут же возьмут верх. Я... — тут я вздохнула, — я думаю, они следующие на очереди, и ждут лишь своего часа.

Черт возьми, это дурацкое задание, связанное с чумой, здорово расстроило меня.

— Поясни свою мысль.

— Если *Homo sapiens* суждено исчезнуть, а этот вид делает все, чтобы покончить с собой, крысы, стоя на страже, всегда готовы занять его место.

— Чушь. Маразматический бред. Фрайди, ты преувеличиваешь человеческое стремление к вымиранию. В течение многих поколений у нас были возможности загубить всю нашу расу, эти возможности находились в самых разных руках. Но мы этого не сделали. С другой стороны, чтобы заменить нас собой, крысам придется отрастить огромные черепа, а затем и тела, чтобы носить эти черепа. Придется научиться ходить на двух задних лапах, а

передними — совершать сложнейшие манипуляции. Словом, чтобы заменить человека, иная порода должна превратиться в человека. Бред. Забудь об этом. Прежде чем мы оставим тему чумы, скажи, что ты думаешь в этой связи о заговорах?

— Глупое предположение. Речь шла о шестом, четырнадцатом и семнадцатом веках, а это означает... плавучие корабли или караваны кораблей и полное незнание бактериологии. Допустим, кто-то развел миллион крыс и напичкал их блохами — довольно просто. Крысы и блохи заражены кем-то чумными бациллами — тоже несложно, даже не зная теории. Но как оружие поразит мишень? Как доставить оружие в нужное место — город, страну? На корабле? Через несколько дней весь миллион крыс, а заодно и команда будут мертвы. По суше? Еще сложнее. Чтобы реализовать такой заговор в те времена, необходима современная наука и вместительная машина времени. Босс, кто придумал этот идиотский вопрос?

— Я.

— Я почему-то так и подумала. Зачем?

— Это заставило тебя изучить проблему в гораздо более широком плане, чем если бы речь шла просто о вспышках эпидемии. Разве не так?

— Ну... — Я задумалась: я впрямь, я гораздо больше времени уделяла политике и истории, чем непосредственно эпидемии и самой болезни. — Наверно, да.

— Не наверно, а совершенно точно. Ты сама это знаешь.

— Ну, в общем, да. Знаете, Босс, не существует такого зверя, как точно доказанный заговор. Иногда, правда, они бывают чересчур хорошо доказанными, но все доказательства противоречат друг другу. Если заговор произошел давно — два-три поколения назад, — правду о нем узнать невозможно. Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Джон Ф. Кеннеди?

— Да. Глава государства, Федерации в середине двадцатого века, расположенной между Канадой — я имею в виду Британскую Канаду, и Квебеком с одной стороны и Мексиканским королевством с другой. Он был убит.

— Совершенно верно. Он был убит на глазах у сотен свидетелей, и каждая деталь этого убийства, включая его подготовку и все последствия, была установлена. И вся эта лавина фактов и свидетельств вылилась в то, что никому не известно, кто его застрелил, сколько было заговорщиков, сколько раз в него стреляли, почему это было сделано и кто организовал заговор, если таковой имел место. Невозможно даже установить, был ли заговор составлен за границей или же явился изделием домашнего производства. Босс, если ничего нельзя сказать наверняка даже в этом сравнительно недавнем эпизоде, то как можно установить истину, когда речь идет о заговоре, скажем, против Юлия Цезаря. Все, что можно сказать в таких случаях наверняка, это, что официальную версию подобных событий писали люди, оказавшиеся в результате этих “заговоров” наверху, у власти. Эту версию мы и находим в исторических книгах и учебниках, и история эта столь же честна, сколько может быть честна автобиография властителя.

— Фрайди, почти все автобиографии в принципе честны.

— Босс! За кого вы меня принимаете?

— Не шуми. Автобиографии, как правило, честны, но в них очень мало правды.

— Что-то я не улавливаю...

— Подумай об этом. Фрайди, сегодня я не могу тратить на тебя время, ты слишком много болтаешь и часто меняешь темы. Теперь придержи язык, я кое-что скажу тебе. С этого дня ты переходишь на постоянную работу в штаб. Ты становишься старше, и твои рефлексy, естественно, замедляются. Я не стану больше рисковать, используя тебя на открытой местности...

— Я, кажется, не жаловалась!

— Я сказал, придержи язык. Так вот, ты теперь при штабе, но это не значит, что ты прикована к креслу. Изволь проводить меньше времени за терминалом и больше — на тренировках. Настанет день, когда твои ускоренные реакции и усиленные физические способности вновь спасут тебе жизнь. И, возможно, не только тебе. Сейчас же подумай о том времени, когда тебе нечего делать. С Балканизацией Северной Америки исчез последний шанс на

возврат Эпохи Возрождения, поэтому тебе стоит подумать о других вариантах — не только за пределами этой планеты, но и за пределами Солнечной системы. Обдумай все варианты, начиная от планет с примитивным уровнем цивилизации и вплоть до высочайшего. Исследуй возможности миграции туда и подсчитай, во что это примерно обойдется. Тебе понадобятся деньги... Ты хочешь, чтобы мои агенты вернули тебе ту сумму, на которую тебя обсчитали в Новой Зеландии?

— Откуда вы знаете, что меня... обсчитали?

— Ну, ладно-ладно, брось. Мы же с тобой не дети.

— Ну... Можно мне подумать?

— Да. Относительно будущей миграции — я бы не советовал перебираться на Олимпию. Других конкретных рекомендаций у меня нет, кроме самого факта миграции. Когда я был моложе, я думал, что сумею изменить этот мир. Сейчас я больше так не думаю, но по некоторым причинам эмоционального характера я должен продолжать действовать. Ты же молода, и благодаря своему необычному рождению эмоционально не очень привязана к той части человечества, которая проживает здесь, на Земле. Я не мог говорить об этом, пока ты не обрубила свои эмоциональные привязанности в Новой Зеландии...

— Я не “обрубала” их, это *мне* там дали пинка под зад!

— Пусть так. Пока ты будешь думать, взгляни на шкалу свиста Бенджамина Франклина, а потом скажи мне... вернее, скажи самой себе: переплатила ли ты за свой “каприз” или нет. С этим все... Тебе два задания: изучить аккумуляторную корпорацию “Шипстоун”, вернее, весь этот комплекс, включая его внешние связи с другими корпорациями. И второе: когда мы увидимся в следующий раз, я хочу, чтобы ты сказала мне, по каким признакам можно распознать больную культуру — культуру в самом широком смысле этого слова. Это все.

Босс переключил внимание на своей письменный стол, и я поднялась с кресла. Но мне было нелегко принять такую резкую отставку, да еще без права задать мучившие меня вопросы.

— Босс, у меня что, теперь не будет никаких обязанностей? Просто какие-то беспорядочные занятия неизвестно чем, которые ни к чему не ведут?

— Первое: они очень нужны мне. Второе: обязанностей у тебя две. Первая: изучать различные предметы. Вторая: быть готовой к тому, что тебя разбудят среди ночи или остановят в столовой и зададут дурацкий вопрос.

— И все?

— А что ты хотела? Ангелов, играющих тебе марш гладиатора?

— Ну... — Я смешалась. — Например, звания. Раньше я называлась курьером, а кто я теперь? Изобретатель-одиночка?

— Фрайди, в тебе почему-то развивается бюрократическая жилка. Вдруг ей понадобилось “звание”!.. Что ж, очень хорошо. Ты штатный интуитивный аналитик, подчиняющийся непосредственно и только мне. Но звание это дается вместе с предписанием: тебе запрещено обсуждать что-либо более серьезное, чем карточные игры, с любыми членами аналитической группы генерального штаба. Спи с ними, если тебе угодно — я знаю, ты это очень часто делаешь, не отдавая особого предпочтения кому-то одному, — но держи язык за зубами.

— Босс! Мне бы очень хотелось, чтобы вы поменьше времени проводили у меня под кроватью!

— Я трачу на это столько времени, сколько требует гарантия безопасности организации. Фрайди, ты же прекрасно понимаешь, что отсутствие “глаз” и “ушей” сегодня означает лишь то, что они очень хорошо замаскированы. И будь уверена, я совершенно бесстыден, когда речь идет об охране и безопасности *дела*.

— Да, уж бесстыдства вам не занимать. Босс, ответьте мне еще на один вопрос: кто стоит за Красным Четвергом? Третья волна практически провалилась... Будет четвертая? Что вообще все это значит?

— Изучи этот вопрос сама и сама найди ответ. Если ответ тебе дам я, ты не узнаешь его, а просто *получишь*. Изучи все как следует и однажды ночью, когда ты бу-

дешь спать одна, я спрошу тебя об этом, ты ответишь мне и таким образом сама узнаешь истину.

— Мать честная!.. Вы что, *всегда* знаете, когда я сплю одна, а когда — нет?

— Всегда, — кивнул он и добавил: — Все, ты свободна.

ГЛАВА XXIII

Выходя из святая святых, я столкнулась с Рыжиком и едва кивнула ей. Я здорово разозлилась, но Рыжик, конечно, была ни при чем... Босс, черт бы его побрал! Надменный, бесстыжий всезнайка! Я пошла к себе в комнату и взялась за работу, чтобы перестать злиться.

Прежде всего я запросила все названия и адреса всех корпораций "Шипстоун". Пока список печатался, я затребовала у компьютера историю всего комплекса. Компьютер выдал сразу два: официальную историю компании вместе с краткой биографией Дениэла Шипстоуна и неофициальную — под названием "сплетня". Затем машина предложила еще несколько версий. Я велела распечатать обе "истории" и сделать краткие выжимки остальных версий, а потом глянула на список корпораций:

"Дениэл Шипстоун, Инк."	Шипстоун Никогда-никогда
Исследовательская лаборатория Памяти	Шипстоун Эль-4
Мюриэл Шипстоун	
"Шипстоун-Темп"	Шипстоун Эль-5
"Шипстоун-Гоби"	Шипстоун Стационарная орбита
"Шипстоун-Аден"	Шипстоун Тихо
"Шипстоун-Сахара"	Шипстоун Арес
"Шипстоун-Африка"	Шипстоун Глубинные воды
"Шипстоун-Долина Смерти"	Шипстоун Беспредел, Лимитэд
"Шипстоун-Карро"	Монтогмери, Инк.

“Кока-Кола, Инк.”
Международная
транспортная корпорация

Корпорация Колониальных
внеземных систем

Корпорация “Волчий След”

Фонд Прометея
Школа Билли Шипстоуна
для детей-инвалидов
Джек Шипстоун Антиграв
Ассоциация Морган
Фонд помощи беженцам
“Ниво”

Шипстоуновский музей и
школа изобразительных
искусств

Этот перечень не вызвал у меня особого энтузиазма. Я, конечно, и раньше понимала, что комплекс “Шипстоун” огромен — кто сейчас не пользуется повседневно по крайней мере дюжиной шипстоуновских аккумуляторов, не считая основного в доме, или квартире? Ну, глянув на список, я прикинула, что на беглое знакомство с этим монстром у меня может уйти вся оставшаяся жизнь. А честно признаться, мне не очень-то хотелось посвящать этому всю жизнь — не так уже интересен был сам предмет.

Я сидела и бегло просматривала вылетающие из компьютера данные, не решаясь углубиться как следует в какую-нибудь одну корпорацию, и... ко мне заглянула Рыжик и сообщила, что я пропустила тренировку.

— Кстати, — сказала она, — мне даны инструкции насчет тебя. Да-да, я должна следить, чтобы ты не слишком долго торчала у компьютера, не больше восьми часов в день. И в выходные ты должна отдыхать, как все.

— Ну, конечно. Старый пень не спускает с меня глаз. Тоже мне, всезнайка!

Мы пошли с ней в столовую.

— Фрайди... — начала было она, но запнулась.

— Ну? Что ты замолчала, Рыжик?

— Ты, конечно, замечаешь, что Хозяин сейчас стал ворчлив и иногда тебе с ним... трудно.

— Да-да. Ты хорошо его знаешь, но ты не знаешь, что сейчас он все время... Ему все время больно. — Она помолчала и добавила: — Он больше не может принимать наркотики, чтобы уменьшить боль.

Мы шли молча, пока я переваривала эту новость. Переварив, я спросила:

— Рыжик... А что с ним?

— Да в общем-то ничего особенного. Я бы сказала, что он еще неплохо себя чувствует... Для его лет.

— А сколько ему лет?

— Не знаю. Судя по тому, что я слышала, ему за сто. Но точно сказать не могу.

— Да нет! Не может быть! Рыжик, когда я начала работать на него, ему было не больше семидесяти. Ну да, он и тогда уже был на костылях, но прыгал, как кузнечик!

— Ну... в общем, это неважно. Просто ты должна помнить, что ему все время больно. И когда он бывает груб с тобой, это... это в нем говорит его боль, а не он сам. Он здорово ценит тебя.

— С чего ты взяла?

— Я и так слишком много наболтала о моем пациенте. Давай поедим.

Занимаясь комплексом корпораций “Шипстоун”, я и не пыталась изучать сами шипстоуновские аккумуляторы — для этого мне пришлось бы заново кончить школу, потом получить докторскую степень по физике, написать постдокторат по твердому состоянию и плазме, наняться на работу в одну из компаний “Шипстоун” и настолько поразить всех своей гениальностью делу, чтобы меня допустили к последней части внутреннего цикла контроля за выпуском и качеством продукции.

Поскольку все это заняло бы по меньшей мере лет двадцать, мне нужно было начать в тринадцать. Полагаю, Босс ожидал от меня совсем иных действий. Поэтому сейчас я вам процитирую отрывок из официальной версии (можете называть это пропагандой).

Прометей. Краткая биография и сокращенный перечень уникальных открытий Дениэла Шипстоуна и основанной им благотворной системы.

(Далее шел полный перечень его научных званий и наград).

“... и вот однажды Дениэл Шипстоун понял — его озарило! — что проблема состоит отнюдь не в нехватке энергии, а в ее транспортиции. Энергия существует везде и повсюду: в солнечном свете, в ветре, в землетрясениях, во всех полезных ископаемых, какие только можно отыскать, — в угле, в нефти, в радиоактивных металлах, наконец, даже в зелени на ваших огородах. В глубинах же океана и в космическом пространстве вообще таятся неисчерпаемые запасы энергии, намного превышающие нужды всего человечества.

Те, кто болтал об “энергетическом кризисе” и о необходимости “накопления энергии”, ровным счетом ничего не смыслили и совершенно не разбирались в ситуации. Небеса готовы были разверзнуться энергетическим дождем, необходимо было лишь иметь наготове “корзину”, чтобы поймать этот “дождь”.

Вдохновляемый своей благородной женой Мюриэл (урожденной Гринтри), которая пошла работать, чтобы прокормить семью, молодой Шипстоун уволился с “Дженерал атомик” и стал самым знаменитым из всех американских героев — изобретателем-одиночкой. Через семь голодных и нищих лет напряженнейшего труда он вручную собрал свой первый аккумулятор. Он изобрел...”

Короче говоря, он изобрел способ запихнуть такое количество киловатт-часов в столь малую массу и крошечное пространство, какое не снилось и не могло присниться ни одному инженеру. Назвать его изобретение “усовершенствованной аккумуляторной батареей” (а в некоторых ранних исследованиях его так и называли) — это все равно, что назвать ядерную бомбу “усовершенствованным огнеметом”. То, чего он достиг, обернулось полным крахом для громаднейшей индустрии (а заодно и хорошо организованной религии) западного мира.

Что произошло дальше? Тут я, пожалуй, прибегну к истории “сплетен” и к некоторым другим независимым источникам, поскольку не очень-то доверяю слащавенькой, приглаженной версии самой компании. Итак, диалог, а

вернее, монолог, приписываемый “сплетнями” Мюриэл Шипстоун:

“Дэнни, милый, ты не будешь брать патент на свою игрушку. Что это тебе даст? Лет семнадцать, как минимум, со строгой изоляцией... А на трех четвертях планеты тебя и вовсе сживут со свету. Если ты попытаешься запатентовать эту штуку, и “Эдисон”, и “Пи-Джи” и “Стандард ойл” просто свяжут тебя претензиями, судебными преследованиями, исками и еще Бог знает чем. Но ты сам говорил мне, что ты можешь отдать эту штуку лучшей исследовательской группе, какую только можно собрать, и все равно они ни черта в ней не поймут: в лучшем случае она растечется у них между пальцев, а в худшем — разорвет их на куски. Ты сам говорил, да? Это правда?

— Конечно! Ведь они же не знают, как я вставил туда...

— Т-с-с!! Я не хочу этого знать. У стен есть уши. Мы не станем никому ничего объявлять или заявлять — мы просто начнем п р о и з в о д с т в о . Где сейчас самая дешевая энергия, а?”

Автор “сплетни” много упирал на “жестокую, бессердечную монополию”, установленную комплексом “Шипстоун” и ударившую по нуждам “всех простых людей везде и повсюду”. Честно говоря, я лично с этим не согласна. То, что было дорогостоящим и лимитированным, Шипстоун со своими компаниями умудрился сделать дешевым и вполне доступным в любом количестве. По-вашему, это “жестoko”? “Бессердечно”?

У компаний комплекса “Шипстоуна” нет никакой монополии на энергию. Им не принадлежат ни уголь, ни нефть, ни урановые разработки. Они арендуют большие пространства пустынных земель, но... Гораздо больше пустынных земель остаются неиспользованными, чем те, что находятся в распоряжении “Шипстоуна”. Что касается космического пространства, то там вообще невозможно перехватить хотя бы один процент солнечной энергии от той, что неизбежно теряется внутри орбиты Луны — поп-

робуйте сами подсчитать, сколько миллионов уйдет на это, потому что, если подсчитаю я, вы никогда не поверите в результат.

Итак, в чем же они виноваты? Два пункта:

1) в том, что они предоставляют энергию всему человечеству по ценам более низким, чем у их конкурентов;

2) в том, что они отказываются делиться своим промышленным секретом — последней стадией в изготовлении аккумулятора “Шипстоун”.

Последнее в глазах людей и является главным пунктом обвинения. На моем терминале появилось множество печатных материалов под заголовками типа: “Право людей знать...”, “Наглость гигантских монополий...” и тому подобных. Комплекс “Шипстоун”, конечно, громаден, тут возразить нечего — ведь он снабжает миллиарды людей дешевой энергией, в которой эти миллиарды с каждым годом нуждаются все больше и больше. Но это никакая не монополия, поскольку им фактически не принадлежит ни один из видов энергии, они просто *упаковывают* энергию и доставляют ее туда, где в ней нуждаются. Миллиарды их покупателей могут разорить весь комплекс “Шипстоун” буквально за сутки, возвратясь к прежним дням, если снова начнут сжигать уголь, леса, нефть, использовать уран, распределяя энергию по континентам с помощью алюминиевых или медных проводов, ее носителей длиннющими составами и караванами танкеров. Но *никто*, судя по информации на моем терминале, не желает возвращаться в те кошмарные прежние времена, когда весь пейзаж на планете был самыми разными способами изгажен и заплеван, воздух повсеместно заражен канцерогенными отбросами, а невежественные толпы людей пугались ядерной энергии, как чумы... Впрочем, тогда *вся* энергия была и дорога и крайне опасна. Нет, никто не хочет возвращаться в прошлое, даже самые яростные противники “Шипстоуна” нуждаются в дешевой и удобной энергии, но... Они мечтают, чтобы все компании “Шипстоун” как-нибудь незаметно исчезли.

“Люди имеют право знать” — а *что* имеют право люди знать? Дениэл Шипстоун, вооружившись глубокими знаниями высшей математики и физики, закрылся у себя в “подвале” на семь голодных, тяжких лет и своим умом

дошел до такого аспекта одного из законов природы, который позволил ему создать свою корпорацию. Всякий, кто "имеет право знать", волен поступить точно так же — ведь Дениэл даже не запатентовал свое открытие. Законы природы распространяются на всех, в том числе и на неандертальцев. Таким образом, в данном случае беда тех, кто "имеет право знать", схожа с проблемой того, кто "имеет право" стать пианистом и давать сольные концерты, но при этом никак не желает учиться играть на фортепьяно. Впрочем, возможно, я сужу обо всем этом предвзято, поскольку никогда не была человеком и не имела никаких прав.

Независимо от того, предпочитаете ли вы слащавенькую версию компании или "сплетни", основные факты, касающиеся Дениэла Шипстоуна и всей его корпорации общеизвестны и совершенно бесспорны. Что меня по-настоящему удивило (честно говоря, поначалу просто шокировало), это то, что я выяснила, когда стала копаться в вопросах собственности и управления всего комплекса.

Первый шок я испытала, взглянув на распечатку основного списка компаний, входящих в комплекс "Шипстоун", но содержавших слова "Шипстоун" в своих названиях. Что я увидела? Даже если вы хотите выпить стаканчик кока-колы, вам приходится иметь дело... правильно — с "Шипстоуном"!

Жан когда-то сказал мне, что за уничтожением Акапулько стояли международные корпорации — корпоративные *государства*... Это что же значит — часть комплекса, основанного Дениэлом Шипстоуном, то есть его доверенные лица велели уничтожить четверть миллиона ни в чем не повинных людей? И это те самые люди, которые содержат самые лучшие в мире больницы и школы для детей-инвалидов? Черт, да у меня самой есть акции "Монтогмери-Сears" — значит и на мне лежит доля вины за взрыв Акапулько?

Я задала машине программу — составить схему внутреннего взаимодействия комплекса, а затем прикинуть, какое количество отделов и управлений в других компаниях подчинено руководителям компаний "Шипстоун". Резуль-

тат был таков, что я запросила компьютер о процентном соотношении пакетов акций непосредственно самого комплекса “Шипстоун” с пакетом акций как бы самостоятельных компаний. Три дня я сортировала и изучала огромный поток информации.

Сделанные мною выводы были таковы:

а) комплекс “Шипстоун” является единой компанией и лишь *выглядит* как двадцать восемь отдельных организаций;

б) в собственности директоров и держателей акций комплекса “Шипстоун” находится (или держится ими под контролем) практически все, что представляет какое-то значение, во всех главных территориальных государствах Солнечной системы;

в) “Шипстоун”, вероятно, является всепланетным (а может, и всесистемным) правительством, или правителем; не могу утверждать, действует ли “Шипстоун” в качестве такового, поскольку контроль за подобными действиями ему пришлось бы (или приходится) осуществлять через корпорации, официально не входящие в империю “Шипстоун”;

г) это все меня здорово напугало.

Заметив кое-что, связанное с одной из компаний “Шипстоун” (Ассоциация “Морган”), я принялась копаться в кредитных компаниях и банках. И ничуть не удивилась, а лишь еще больше расстроилась, когда выяснила, что компания, предоставившая мне кредит (Единая карта Калифорнии), была на самом деле одновременно и той, что обеспечивала этот кредит (Сириус и Отделение “Южная Африка” на Луне), а заодно и включала в себя и “Визовую карту”, и “Квебекский кредит”, и “Мэйпл Лиф”, и еще Бог весь что. Конечно, это было не очень ново, разного толка теоретики рассуждали об этом с тех пор, как я помню себя, но увидеть все это в цифрах, с неопровержимыми доказательствами...

Неожиданно для себя самой, по какому-то безотчетному импульсу я вдруг задала вопрос компьютеру: *Кто твой владелец?*

В ответ загорелась надпись: *Нулевая программа.*

Я перефразировала вопрос, подогнав его под язык компьютера — дело в том, что компьютер, стоящий за моим

терминалом, был очень умен и, как правило, “прощал” многие чисто человеческие обращения и формулировки. Обычно он вообще не обращал внимания на неформальные запросы и быстро “переваривал” их, но... Есть пределы в языке, за которые машина выйти не может, и подобный вопрос неизбежно потребовал семантического уточнения.

Вновь тот же ответ: *Нулевая программа.*

Тогда сосредоточившись и решив аккуратно вытащить из этой машины ответ, я сформулировала вопрос в самом строгом соответствии с компьютерным языком, компьютерной грамматикой и компьютерным “уставом”: *В чьем владении находится информационно-процессорная сеть, обладающая терминалами на территории Британской Канады?*

Высветился ответ, несколько раз поморгал и исчез... Причем исчез без моей команды. Ответ был прост: *Требуемая информация в банке данных отсутствует.*

Это повергло меня в такое уныние, что я плюнула на все дела, пошла купаться и выбрала себе партнера на предстоящую ночь, не дожидаясь, пока кто-нибудь сам не предложит мне разделить с ним койку. К этому меня побудила не врожденная похотливость, а какое-то странное одиночество — мне жутко захотелось ощутить рядом с собой теплое, живое человеческое тело, которое “защищило” бы меня от вооруженной интеллектотехники, отказывающейся сказать мне, кто (или что) она такая.

На следующий день за завтраком мне передали приказ Босса — явиться к нему в 10.00. Я удивилась, потому что, на мой взгляд, прошло явно недостаточно времени, чтобы я успела выполнить оба последних задания: комплекс “Шипстоун” и признаки больных культур. Однако, когда я вошла к Боссу, он сразу вручил мне письмо в старомодном конверте с выведенным на нем адресом. Я узнала письмо моментально, поскольку сама посылала его Жанет и Жану. Удивило меня то, что письмо оказалось у Босса, ведь обратный адрес на нем я написала ложный. Я всмотрелась в конверт и увидела, что письмо было пересадресо-

вано адвокатской конторе в Сан-Жозе, той самой, через которую я в экстренных случаях могла связаться с Боссом.

— Ты можешь вернуть его мне, — сказал Босс, — и я перешлю его капитану Тормею... Когда выясню, где он находится.

— Когда вы выясните, где находятся Тормеи, я напишу другое... Это я писала наугад. Как говорится, вслепую.

— Это заметно.

— Вы что, прочли его? (Это хамство, Босс!)

— Я читаю все, что адресовано капитану Тормею и его жене... И доктору Перральту. По их собственной просьбе.

— Понятно. — (Первый раз слышу! Что за чертовщина?) — Я так написала... Ну, фальшивое имя и все остальное, потому что его могла вскрыть полиция... Виннипегская полиция...

— Вне всякого сомнения, они так и сделали. Полагаю, ты хорошо прикрыла себя. Сожалею, не сообщил тебе, что вся почта, адресованная им, будет пересылаться мне. Именно так сейчас и происходит, если, конечно, полиция до сих пор просматривает всю почту. Фрайди, я не знаю, где сейчас Тормеи, но могу воспользоваться одним каналом... Могу воспользоваться им один раз, поэтому хочу сделать это, когда полиция снимет с них все обвинения. Я ожидал, что это произойдет уже несколько недель назад, но... этого не произошло. Из чего я заключаю, что полиция в Виннипеге всерьез намерена повесить на Тормеев исчезновение лейтенанта Дикея, то есть предъявить им обвинение в убийстве. Разреши спросить тебя еще раз: может ли быть найдено тело?

Я задумалась, стараясь представить себе наихудший вариант. Если полиция все же проникла в дом... Что они могли там найти?

— Босс, полицейские побывали в доме?

— Конечно. Они обыскали дом через день после того, как его покинули хозяева.

— В таком случае они не нашли тела в утро того дня, когда я появилась здесь. Если бы они нашли тело позже, вы бы знали об этом?

— Думаю, да. Мои связи с этим полицейским участком оставляют желать лучшего, но все же я обычно располагаю свежей информацией, потому что плачу за нее.

— А вы знаете, что произошло со всеми их домашними животными? Четыре лошади, кошка с пятью котятами, свинка, может, еще какие-нибудь...

— А что тебе подсказывает твоя интуиция?

— Босс, я не знаю точно, каким образом спрятано тело, но Жанет... Я хочу сказать, миссис Тормей — архитектор, специализирующийся на двухступенчатой активной защите зданий. То, как она распорядилась со своими животными, подскажет мне, учитывала ли она малейшую возможность того, что тело в конечном счете может быть обнаружено.

— Хорошо, — Босс черкнул что-то у себя в блокноте, — мы обсудим это позже. Каковы признаки больной культуры?

— Ох, Босс, да ну вас, в самом деле! Я все еще копаюсь в этом комплексе “Шипстоун”. Чтобы выяснить его подлинный объем...

— Ты никогда не выяснишь его подлинный объем. Я дал тебе сразу два задания, чтобы ты не зациклилась на одном, а чередовала работу. Это дает мозгам хорошую возможность отдохнуть. И не рассказывай мне сказки, будто ты вообще не думала о втором задании.

— Думала, но... Кое-что читала, конечно, и кое-какие прикидки у меня есть.

— Кстати, прочти обязательно Пенна — “Последние дни Сладкой Земли Свободы”.

— Слушаюсь, сэр. Плохой признак, когда жители страны прекращают отождествлять себя со страной в целом и начинают отождествлять себя с какой-то группой внутри страны. По расовому признаку, допустим. Или по религиозному. Или языковому... Словом, какому угодно, но только не со *всеми* вместе.

— Да, это очень плохой признак. Сепаратизм. Когда-то он считался испанским пороком. Но в принципе любая страна может заболеть этим.

— Я очень мало знаю об Испании. Когда доминируют мужчины над женщинами, тоже один из дурных симптомов, как, наверно, и обратный синдром. Я, правда, об этом не слышала в современной истории, но ведь может случиться и такое. Не так, ли Босс?

— А вот это ты мне должна сказать. Продолжай.

— Насколько я понимаю, перед какой-либо революцией население должно утратить доверие к полицейским и судебным структурам.

— Это элементарно. Продолжай.

— Ну... Важное значение имеет повышение налогов и, само собой, инфляция и понижение уровня жизни у тех, кто целиком или частично находится на дотации у государства. Но это все старые песенки — ведь каждый знает, что если у страны растет дефицит бюджета, то страна катится в пропасть. Однако никто и пальцем не шевелит, за исключением бесплодных попыток уладить дело путем улучшения законодательства. Но я начала с небольших признаков — некоторые называют их приметами. Ну, например, вы знаете, что здесь запрещено законом находиться раздетой за пределами своего дома? Или даже внутри вашего собственного дома, если кто-то может это увидеть?

— Трудно заставить людей соблюдать это. Что тебя в этом заинтересовало?

— А никто и не заставляет. Но в то же время, это и не отменяется. Конфедерация буквально напичкана подобными законами. Мне кажется, что любой закон, который невозможно заставить соблюдать и который поэтому не соблюдается, ослабляет и все остальные законы. Босс, вам известно, что Калифорнийская конфедерация субсидирует проституток?

— Не замечал. Чего они добиваются? Зачем это нужно? Для вооруженных сил? Для пополнения тюрем? Для сохранения “отбросов общества”? Должен признаться, ты меня удивила.

— Да нет, вы меня не поняли. Правительство платит им за то, чтобы они не раздвигали ножки. Цель: чтобы их вообще не было на товарном рынке. Итак, их тренируют, обучают, им выдают лицензии, медицинские свидетельства и... “замораживают” государственной субсидией. Только это не работает. Знаете почему? А потому что эти “дипломированные артистки” спокойно получают по своим кредиткам субсидии и... тут же выходят на улицу и начинают вилять хвостом и раскачивать бедрами. И это в то время, когда по закону они не должны этого делать даже для собственного развлечения, поскольку это сбивает

цены и задевает права несубсидируемых “фей”. Теперь профсоюз этих “артисток”, который яро выступал когда-то за то, чтобы узаконить проституцию, пытается выработать какие-то поправки к существующему закону о субсидиях, которые точно также не будут работать.

— А почему они не будут работать?

— Босс, ведь кто-то из древних еще говорил, что не может работать закон, повелевающий речке течь вспять. Вы разве не в курсе?

— Я хотел убедиться, что в курсе ты.

— Между прочим, я могу и обидеться. То, с чем я столкнулась и о чем говорю сейчас, — обыкновенное ханжество. В Калифорнийской конфедерации противозаконно отказывать в кредите какому-то лицу лишь на том основании, что это лицо потерпело банкротство. Понимаете? Кредит — одно из гражданских прав.

— Полагаю, это тоже не работает, но какую форму принимает неподчинение этому закону?

— Этого я еще не выяснила, но думаю, все успокаиваются, когда истец оказывается в крайне невыгодном положении человека, пытающегося всучить взятку судье... Хочу еще отметить один из самых очевидных симптомов: НАСИЛИЕ! Драки, мордобой, поджоги, бомбежка, терроризм любого сорта. Ну, конечно же, заговоры, но, мне кажется, случаи небольшого насилия, становящиеся повседневными, разрушают культуру гораздо больше, чем какие-то крупные заговоры. Вот, пожалуй, и все на сегодняшний день... Ну, конечно, рабство, коррупция судебных властей, тюремное заключение без санкций и судебной процедуры и... и так далее, это все очевидно, все эти вещи повторялись в истории множество раз.

— Фрайди, я думаю, ты упустила самый страшный симптом из всех перечисленных.

— Правда? Вы назовете мне его? Или мне опять придется блуждать в потемках в поисках неизвестно чего?

— М-мда... Этот я назову тебе. Но ты все же ищи его везде. Изучай его. Больная культура демонстрирует весь комплекс симптомов, которые ты перечислила, но... умирающая культура всегда отмечена личной грубостью каждого ее представителя. Дурные манеры, нежелание хоть в чем-то уступить другому. Утрата элементарной

вежливости и хороших манер гораздо более симптоматична, чем какой-то заговор.

— Правда?

— Можешь не сомневаться. Мне следовало бы заставить тебя самостоятельно докопаться до этого, тогда бы ты не переспрашивала. Особенно серьезен этот симптом потому, что тот, кто выказывает его, никогда не считает его признаком болезни, а наоборот, принимает за доказательство своей силы. Изучи его как следует, Фрайди, эту культуру спасать уже поздно. Я имею в виду весь этот мир, а не только калифорнийскую карикатуру на него. И потому сейчас мы должны приготовить монастыри, способные выдержать наступление Черных Веков. Электронные записи слишком хрупки, у нас опять должны быть книги, чернила, бумага. Но этого может оказаться недостаточно, и надежному резервуару всех наших знаний, возможно, придется спуститься с небес, — он замолчал и тяжело перевел дыхание. — Фрайди...

— Да, сэр?

— Запомни это имя и этот адрес.

Его пальцы пробежали по клавиатуре, и на экране светилась надпись. Я запомнила ее.

— Запомнила?

— Да, сэр.

— Нужно набирать еще раз?

— Нет, сэр.

— Ты уверена?

— Наберите еще раз, если таково ваше желание, сэр.

— М-мда... Вот что, Фрайди, будь добра, окажи мне любезность — налей чашку чая... Руки у меня что-то устали.

— С удовольствием, сэр.

ГЛАВА XXIV

На следующее утро ни Рыжик, ни Анна не появились за завтраком. Мне пришлось есть одной, и я управилась очень быстро — я смакую еду, только когда нахожусь в

хорошей компании. Стоило мне встать из-за стола, как из динамика раздался голос Анны:

— Прошу внимания. На меня возложена печальная обязанность объявить вам, что сегодня ночью скончался наш председатель. Тело его кремировано и, согласно его воле, никакой похоронной церемонии не будет. На девять ноль-ноль в большом конференц-зале назначено общее собрание, на котором будут подведены итоги работы фирмы. Явка всех служащих обязательна. Просим не опаздывать.

До девяти я ревела, не переставая. Почему? Наверно, от жалости к себе. Во всяком случае Босс оценил бы это именно так. Он-то никогда не испытывал жалости к себе, как, впрочем, и ко мне, и не однажды ругал меня за это... Нет ничего хуже, чем жалеть себя, говорил он, а я ... я все равно жалела.

Я всегда злилась на него, ругала его (про себя) самыми последними словами даже после того, как он уничтожил мой прежний “контракт” и сделал меня Свободной Личностью, а я отблагодарила его тем, что убежала и скрывалась, пока он меня не нашел. Теперь я готова была язык себе откусить за каждую дерзость, каждую колкость, каждое обидное слово, пусть даже не произнесенное...

Потом я напомнила себе, что Боссу совсем не понравилось бы, будь я “тепленькая”, “мягонькая”, покладистая — без своих собственных взглядов. Он был тем, кем был, а я — тем, чем была, и так мы прожили вместе много лет, ни разу не коснувшись друг друга даже кончиком пальца. Да, для Фрайди был установлен именно такой протокол взаимоотношений, и я никогда не пыталась нарушить его.

Интересно, знал он все эти годы, с тех самых пор, когда я только начала работать на него, что стоит ему шевельнуть пальцем и я тут же прыгну к нему в объятия? Думая, знал. Ведь, хоть я никогда в жизни и не дотронулась до него, даже не пожалала ему руки, он был мне единственным отцом... Нет, единственным человеком, которого я могла бы так назвать, несмотря на мое происхождение, на мою “породу”.

Большой конференц-зал был переполнен. Никогда в столовой я не видела столько народу, многие лица были мне совершенно незнакомы. Я решила, что это из тех, что работали в других местах; их срочно вызвали, и они сумели приехать вовремя. За большим столом сидела Анна и еще одна женщина, которую я видела впервые в жизни. Перед Анной стоял компьютер, лежали пачки бумаг и другие секретарские принадлежности. Незнакомка была примерно ровесницей Анны, но в отличие от ее дружеского тепла излучала холодную твердость классной дамы. Ровно в девять ноль-ноль и две секунды “классная дама” твердой ладошкой громко хлопнула по столу и отчеканила:

— Прошу тишины! Меня зовут Рода Уэйнрайт, я — первый вице-председатель этой компании и главная советница усопшего мистера Болдуина. Таким образом, сейчас я исполняю обязанности председателя и мне поручено уладить все наши общие дела. Вам всем известно, что каждый из вас работал на компанию согласно контракту, заключенному лично с мистером Болдуином, и...

Разве я подписывала когда-нибудь такой контракт? Как же меня резанули эти слова: “Усопший мистер Болдуин!” Это что, настоящее имя Босса? Как же случилось, что его настоящее имя было и моим псевдонимом, который я использовала чаще других? Значит, он сам выбрал для меня этот псевдоним? Не помню, это было так давно...

— Теперь все вы — свободные агенты. Мы представляем собой профессиональную элиту, и мистер Болдуин предвидел тот факт, что любая свободная компания в Северной Америке будет заинтересована в каждом из наших служащих, как только его смерть автоматически расторгнет контракты и даст нам свободу выбора. В каждом малом конференц-зале этого здания сидят агенты по найму из самых разных фирм. По мере того, как будут названы ваши имена, пожалуйста, подходите сюда, чтобы получить пакет со всеми вашими документами и расписаться. Потом проверьте содержимое ваших пакетов, но не у стола, я повторяю, не у стола. Те, у кого возникнут вопросы, должны подождать, пока все остальные не получают свои пакеты. Пожалуйста, не забывайте, что за всю ночь я ни на минуту не сомкнула глаз, поэтому...

Наняться тут же в какую-нибудь свободную компанию? Я что, разорена и у меня нет другого выхода? Похоже на то! Правда, у меня оставались еще двести тысяч бруинов после выигрыша в ту дурацкую лотерею, но... Наверно, почти столько же я должна Жанет за ее Визовую карту. Надо подсчитать. Итак, я выиграла 230, 4 грамма чистого золота, вложенных на Единую карту как 200 000 бруинов, но обеспеченных золотым кредитом со дня помещения. Тридцать шесть граммов из них я взяла наличными и... Да, я должна прибавить еще один счет — в Имперском банке Сант-Луиса. И еще наличные и Визовая карта Жанет. И Джордж должен взять у меня половину того, что мы...

Кто-то выкрикнул мое имя. Ну, конечно, это Рода Уэйнрайт со своей недовольно брезгливой миной:

— Пожалуйста, побыстрее, мисс Фрайди. Вот ваш пакет, распишитесь в получении, а потом отойдите в сторону и проверьте содержимое.

Я взглянула на бланк для росписи и сказала:

— Я распишусь, когда проверю содержимое.

— Мисс Фрайди! Вы задерживаете всех!

— Ничего, я встану в сторонке. Но я не подпишу этот бланк, пока не удостоверюсь, что содержимое пакета соответствует всему, что указано на бланке.

— Все в порядке, Фрайди, — негромко произнесла Анна и успокоительно кивнула мне, — я проверяла.

— Спасибо, — вежливо ответила я, — но я поступлю так же, как поступала ты с секретной документацией. Сначала взгляну, потом подпишу.

“Классная дама” вся кипела от ярости и готова была сварить меня заживо, а я... Я просто отошла в сторонку и стала просматривать содержимое пакета: три паспорта с тремя разными фамилиями, пачка удостоверений личности, сопутствующие документы к каждому удостоверению, счет на имя “Марджори Фрайди Болдуин”, открытый в “Церере” и Приемном отделении “Южной Африки”, Луна-Сити, в размере 297,3 грамма... Это поразило меня, но следующие бумаги поразили куда больше: свидетельство удочерения Хартли М. Болдуином и Эммой Болдуин ребенка-девочки, Фрайди Джонс, впоследствии названной Марджори Фрайди Болдуин, выписанное в Балтиморе,

штат Мерилэнд, Атлантический Союз. И ни слова о Лэндстейнерских “яслях” и о Джоне Хопкинсе, но дата — та самая, когда я оставила “ясли”. И еще два свидетельства о рождении: одно выписано на Марджори Болдуин, родившуюся в Сиэтле, а второе — на Фрайди Болдуин, рожденную Эммой Болдуин в Бостоне, Атлантический Союз.

Итак, что очевидно? Первое: оба эти документа фальшивые. Второе: на них можно полностью положиться — Босс всегда был очень аккуратен в таких вещах.

— Все в порядке, — кивнула я Анне и расписалась на бланке.

Анна взяла у меня бланк и негромко сказала:

— Встретимся позже.

— Идет. Где?

— Найди Рыжика.

— Мисс Фрайди! — проскрипела Уэйнрайт. — Вашу кредитную карточку, пожалуйста!

— Да? — Ну да, конечно, после смерти Босса и роспуска компании я уже не могу пользоваться Сант-Луисским кредитом. — Вот она.

Рода потянулась за карточкой, но я придержала ее.

— Где ваши щипцы? Или вы пользуетесь кусачками?

— Да прекратите же вы! Я уничтожу ее вместе с остальными, когда сверю все номера.

— Миссис Уэйнрайт, если я сдаю вам мою недействительную кредитку, а, насколько я понимаю, она уже недействительна, вы уничтожите ее на моих глазах.

— Вы причиняете мне много хлопот... Вы что, никому не верите?

— Совершенно верно.

— Тогда вам придется подождать здесь, пока я не закончу со всеми остальными.

— Не думаю! — возразила я.

Карточки Единой карты Калифорнии делаются из очень твердого пластика, я же всегда очень тщательно следила за собой, чтобы ничем не выдать свои способности здесь, в Паджаро, — не потому, что я кого-то опасалась, а потому, что это было бы просто невежливо. Однако сейчас обстоятельства были не совсем обычные, поэтому я

разорвала карточку пополам, а потом еще раз пополам и протянула Роде кусочки со словами:

— Надеюсь, вы сумеете сверить серийный номер.

— Я тоже надеюсь, — раздраженно бросила она, а когда я отвернулась и пошла прочь от стола, рывкнула мне вслед, — Мисс Фрайди! Другую вашу карточку, пожалуйста!

— Какую другую? — резко обернулась я.

Интересно, кому это пришла в голову мысль, лишать людей этой, пожалуй, самой необходимой вещи в современной жизни? Идиотизм. Ни на что не похоже. Уверена, что Босс не мог оставить таких распоряжений.

— Единую карту Калифорнии, выданную... М-мм... в Сан-Жозе. Сдайте ее, пожалуйста.

— Компания не имеет никакого отношения к этой карточке. Я сама обеспечила там себе кредит.

— Что-о? Я не верю своим ушам. Она обеспечивается вашим кредитом в "Церере" и "Южной Африке", то есть — компанией. Компанией, чьи дела ликвидированы. Потрудитесь сдать карточку сейчас же!

— Вы ошибаетесь, советник. Платежи производились "Церерой" и "Южной Африкой", но кредит там — мой собственный. К вам это не имеет никакого отношения.

— Вы очень скоро узнаете, что имеет, а что не имеет к нам отношение! Ваш счет будет арестован.

— На ваш страх и риск, советник. Я предъявлю вам иск, и из суда вам придется уйти босиком. Советую вам лучше ознакомиться с фактами. — С этими словами я отвернулась и быстро отошла от стола, чтобы не сказать ей еще пару ласковых слов. Она так разозлила меня, что я даже забыла на минуту о Боссе.

Оглядевшись по сторонам, я увидела Рыжика. Она уже прошла эту процедуру с "классной дамой" и теперь спокойно сидела в уголке зала. Встретившись взглядом со мной, она кивнула и похлопала по соседнему пустому креслу. Я подошла к ней, присела рядом и сказала:

— Анна просила меня найти тебя.

— Знаю. Я заказала номер в "Кабана Хятт" в Сан-Жозе для себя и Анны на эту ночь и предупредила, что, быть может, с нами будет третий. Ты не хочешь присоединиться к нам?

— Так скоро? Ты уже успела собрать вещи?..

— Мне тоже надо собираться, хотя... собирать особенно нечего — мой новозеландский багаж так и торчит в камере хранения виннипегского аэропорта, потому что я боялась, что виннипегская полиция следит за ним. Стало быть, ему суждено торчать там, пока не объявятся Жан и Жанет.

— Вообще-то я хотела остаться здесь до завтра, но теперь...

— Кто хочет, может оставаться до завтра, но я бы не советовала тебе — управляющие... я имею в виду, новые управляющие... Они хотят закончить все сегодня. Ленч — последнее, что нам подадут, а тем, кто захочет ужинать здесь, придется довольствоваться сэндвичами. Завтрака вообще не будет.

— Ну и ну! Как это не похоже на Босса! Не мог он так распорядиться, чтобы...

— Он и не распоряжался. Эта женщина... Хозяин отдавал все распоряжения старшему партнеру, но тот умер шесть недель назад. Но все это теперь не имеет значения, мы просто уедем — и все. Поедешь с нами?

— Да, наверно... Но сначала, я, пожалуй, повидаю этих агентов по найму, что сидят здесь. Мне ведь скоро понадобится работа.

— Не нужно.

— Почему Рыжик?

— Я тоже ишу работу. Но меня предупредила Анна... Все эти агенты здесь имеют дело с мадам Уэйнрайт. Если среди них есть стоящие, мы можем связаться с ними в Лас-Вегасе, причем, не отчисляя никаких комиссионных этой надувной индюшке Роде. Я буду искать для себя на время место старшей сестры в гражданском госпитале или что-нибудь в этом роде. Словом, потерпи до Вегаса, ты найдешь там что-нибудь для себя.

— Похоже, лучше Вегаса в самом деле ничего не придумаешь, но, Рыжик, я никогда раньше не занималась поисками работы, и... мне как-то не по себе.

— Не переживай. Все у тебя будет нормально.

Спустя три часа, наскоро перекусив, мы отправились в Сан-Жозе. Два гравилета сновали от Песков Паджаро к Национальной площади — Рода Уэйнрайт стремилась

избавиться от нас как можно быстрее... Когда мы уезжали, я заметила два доверху нагруженных грузовых экипажа (каждый запряженный шестеркой лошадей), и на одном из них восседал взъерошенный папаша Перри. Интересно, куда денется теперь библиотека Босса? Мне вдруг стало грустно от того, что никогда больше мне не представится шанс стать Великой Всезнайкой. Конечно, из меня вряд ли получился бы большой мыслитель, но я ужасно любопытна, а терминал, соединенный с величайшими в мире библиотеками, мне явно не по карману. Когда я увидела, чем загружены эти два экипажа, мне неожиданно в голову пришла мысль, от которой я едва не слетела с кресла в гравилете.

— Анна, — неуверенно спросила я, — кто был секретаршей Босса?

— У него вообще не было секретарши. Я иногда помогала ему, когда он просил. Но очень редко.

— У него был один адрес для связи с моими друзьями — Жаном и Жанет Тормей. Что с ним могло стать?

— Если его нет здесь, — она вынула из сумочки конверт и протянула его мне, — то он пропал... потому что у меня был строгий приказ — после его смерти подойти к его личному компьютеру и ввести им самим составленную программу... Я знала, что это — программа стирания. Хотя он сам этого не говорил, но я ... я знала. Все, что касалось его лично, в памяти компьютера должно было быть стерто. Этот адрес, о котором ты говоришь, он... он носил личный характер?

— Очень личный.

— Тогда он пропал. Если только его нет в том конверте, который я тебе сейчас отдала.

Я взглянула на конверт — обычный запечатанный конверт с единственным словом, выведенным снаружи: "Фрайди".

— Это должно было находиться в твоём пакете, — пояснила Анна, — но я вытащила его оттуда. Эта противная вобла лезла всюду, куда только могла запустить свои коготки, а я знала, что мистер Два-Костыля — прости, теперь лучше называть его мистер Болдуин, — я знала, что он хотел передать это тебе лично, и поэтому я не показывала ей... — Анна вздохнула и добавила: — Я

работала с нею всю ночь. И не убила ее. Сама не знаю почему.

— Нам нужно было, чтобы она подписала все счета, — усмехнулась Рыжик.

С нами вместе в гравилете очутился один из штабных офицеров — Бертон Макни, — весьма сдержанный, спокойный человек, редко высказывающий свое собственное мнение, пока его не спросят. Но сейчас он вдруг заговорил, не дожидаясь, пока к нему обратятся:

— Жаль, что вы удержались, — сказал он повернувшись к Анне. — Взять хотя бы меня: у меня нет ни цента наличными. Я всегда пользуюсь кредитной карточкой. Эта грязная вышибала не давала мне расчетный чек, пока я не вернул ей кредитку. А что делают с расчетным счетом в банках, если у вас нет кредитки? Выдают наличными или просто приобщают чеки к своим колл-лекциям? Если последнее, то эту ночь мне, возможно, придется провести на площади.

— Мистер Макни...

— Да, мисс Фрайди?

— Я больше не "мисс", просто — Фрайди.

— В таком случае я — Берт.

— Хорошо, Берт. У меня есть немного наличных в бруинах и кредитка, которую Уэйнрайт не сумела сцапать, хотя и очень старалась. Сколько вам нужно?

Он улыбнулся и похлопал меня по коленке.

— Стало быть, все хорошее, что я о вас слышал, правда... Спасибо, родная, но я как-нибудь справлюсь. Для начала я отнесу это в Банк Америки. Если они не оплатят счет полностью, то, может, выдадут частями. Если же нет, я отправлюсь в офис к этой Уэйнрайт, разлягусь у нее на письменном столе и скажу, чтобы она нашла для меня подходящий ночлег. Черт! Шеф наверняка бы все предусмотрел и выдал нам по паре сотен наличными, а она... Она это сделала нарочно. Может, для того, чтобы мы тут же полезли на крючок к ее агентам. Но это ей так не пройдет. Если она подымет шум и будет упорствовать, мне придется вспомнить несколько боевых приемов, которым меня учили на основном курсе тренировок.

— Слушай, Берт, никогда не сражайся с юристом руками, — посоветовала я. — Законника можно одолеть

лишь с помощью другого юриста — лучшего. Так или иначе, мы остановились в “Кабана”. Если не сможешь получить по чеку, прими мое предложение. Меня это совсем не затрунит.

— Спасибо, Фрайди. Но лучше я возьму ее за глотку и буду трясти до тех пор, пока она не подымет лапки вверх.

Рыжик заказала чудный небольшой номер: спальня с огромной кроватью и водяным матрацем и гостиная с диваном, который по желанию тоже мог превратиться в двухспальную постель. Пока Анна и Рыжик принимали ванну, я уселась на диван и, ожидая своей очереди, задумчиво стала вертеть в руках письмо Босса. Когда они закончили, я пошла в ванную, а выйдя оттуда, увидела, что они мирно посапывают на большой кровати — ничего удивительного, ведь всю ночь им пришлось быть на ногах и они здорово вымотались, тем более что работа была не из приятных. Я тихонько прошла в гостиную, улеглась на диван, распечатала конверт и прочла:

Дорогая Фрайди!

Поскольку эта мой последний разговор с тобой, я должен рассказать тебе то, что не мог сказать, пока был жив и пока оставался твоим работодателем.

Насчет твоего удочерения: ты этого не помнишь, потому что все происходило не совсем так. Тем не менее все документы в полном порядке, ты сама можешь в этом легко убедиться. Ты — действительно моя приемная дочь, а Эмма Болдуин — как и твои “родители”, из Сиэтла, то есть она вполне надежна для “прикрытия”. Тебе нужно быть внимательной лишь в одном: чтобы эти две легенды нигде не пересекались. Думаю, ты с этим справишься, ведь тебе не раз приходилось использовать подобные трюки в твоей работе.

Ты должна непременно присутствовать сама или иметь своего представителя на оглашении моего завещания. Поскольку я — гражданин Луны.

(Вот это новость!)

Это произойдет в Луна-Сити сразу же после моей смерти. В Лунной Республике нет столь обширной сети юридических услуг, как в большинстве государств на Земле, поэтому позвони в “Фонг, Томосава, Ротшильд, Фонг и Финнеган”, Луна-Сити. Не предвкушай многого: мое завещание не избавит тебя от необходимости зарабатывать себе на жизнь.

Насчет твоего происхождения: ты всегда интересовалась этим по вполне понятным причинам. Поскольку твой генетический материал собирался из многих источников, а все документы давно уничтожены, я могу рассказать лишь то, что знаю сам. Позволь мне упомянуть два источника, которыми ты можешь гордиться: это двое людей, известных под именами мистера и миссис Джозеф Грин. Недалеко от Луна-Сити, в кратере, им сооружен памятник, но ехать туда вряд ли стоит, потому что, кроме памятника и кратера, там ничего нет. Если ты обратишься в Коммерческую палату Луна-Сити по поводу этого памятника, ты получишь кассету с подробным перечнем того, что они сделали. Прослушав ее, ты поймешь, почему я просил тебя не делать поспешных суждений о профессии убийц. Убийства, как правило, дело грязное, но... некоторые исполнители становятся героями, причем вполне заслуженно. Впрочем, послушай кассету и суди обо всем сама.

Много лет назад Грины были моими товарищами. Их работа была сопряжена с огромным риском, и поэтому я убедил их сдать на хранение генетический материал. Когда они погибли, материал был подвергнут анализу и выяснилась их несовместимость — простое соединение его спермы с ее яйцеклеткой оказалось невозможным. Вместо этого, когда стало возможным создание искусственных людей, их гены были использованы выборочно. Создание твоей личности оказалось единственным — все остальные варианты пришлось забриковать. Хороший генный инженер работает по принципу хорошего фотографа: идеальный

результат получается лишь при готовности пустить в утиль все варианты с мало-мальским изъяном. Эксперименты с Гринами на этом закончились: яйцеклетки Гейл пропали, а сперму Джо использовать больше нельзя.

Невозможно, конечно, точно определить твою степень родства с ними, но, думаю, не ошибусь, если назову что-то среднее между внучкой и правнучкой. Остальной материал взят из множества источников, но ты можешь гордиться тем, что вся ты состоишь из очень тщательно отобранных генов — твои создатели старались максимально улучшить породу *homo sapiens*. Таковы твои потенциальные возможности, а реализуешь ты их или нет — зависит уже от тебя.

Перед тем, как все документы и записи были уничтожены, я из любопытства пролистал их, мне было интересно, какие расы и нации перемешались в тебе. Вот примерный список национальностей, если память мне сейчас не изменяет: фины, полинезийцы, американские индейцы, датчане, корейцы, немцы, хинди, англосаксы и... еще множество "кусочков" отовсюду, да и все перечисленные выше — не "чистые". Не быть тебе никогда расистом! В противном случае придется кусать самое себя за хвост. Все сказанное выше означает, что для твоего создания был отобран наилучший материал из всех возможных источников, и тебе просто здорово повезло, что ты оказалась при этом еще и с очень красивой внешностью.

("Красивой"! Босс, у меня ведь всегда под рукой зеркало. Неужели, он и вправду так думал? Ну, конечно, сложена я — дай Бог всякой... Что лишний раз подтверждает, что я не родилась, а меня сделали. Ладно, если он и вправду так думал, мне очень приятно, потому что... потому что я — такая, какая есть, и другой меня уже не будет).

Еще кое в чем я должен объясниться, а вернее, попросить у тебя прощения. Все было спланирова-

но так, что ты должна была воспитываться приемными родителями как их родная дочь. Но когда ты еще весила меньше пяти килограммов, я очутился в тюрьме. Хотя мне и удалось бежать, на Землю я не мог вернуться до Второго Атлантического Сопротивления. “Шрамы” от этой осечки ты до сих пор носишь в себе, я это знаю. Я надеюсь, когда-нибудь ты избавишься от своего страха и недоверия к “настоящим” людям — эти чувства лишь мешают тебе. В один прекрасный день ты должна принять и поверить эмоционально в то, что ты давно уже понимаешь умозрительно: ты и есть “настоящая”, причем ничуть не в меньшей степени, чем те, которых ты считаешь другой “породой”.

Ну, что еще могу я сказать с этим последнем письме? Нелепая случайность, моя осечка сделала тебя легкоранимой и слишком сентиментальной. Дорогая моя, ты обязательно должна избавиться от всякого страха, от чувства вины и стыда. Надеюсь, что от жалости к себе ты уже избавилась.

(Черта с два!),

но если нет, запомни: ты должна покончить с этим раз и навсегда. Думаю, ты обладаешь иммунитетом к религии. Если нет, я могу тебе тут помочь не больше, чем, скажем, в пристрастии к наркотику. Религия иногда бывает источником счастья, а я не могу лишать кого-либо счастья. Но это удобство подходит слабым, а не сильным, что же касается тебя, то ты — сильна. Главная беда с религией — л ю б о й религией — состоит в том, что подверженный ей принимает определенные положения на веру, а следовательно, не может судить о них беспристрастно, исходя из реальности. Можно греться возле тепленького огонька веры, а можно сделать другой выбор и жить в зыбкой неуверенности реальности, но невозможно обладать и тем и другим.

И последнее, что я хочу сказать тебе — чем я сам очень горжусь. Я — один из твоих “предков”, не главный, конечно, но часть моих генов живет в тебе. Ты не только моя приемная дочь, но какой-то частью (пусть очень маленькой) и родная тоже. И я, п р а в д а , горжусь этим. Поэтому позволь мне закончить это письмо словом, которое я не мог произнести, пока был жив:

С любовью. Хартли М. Болдуин.

Я сунула письмо обратно в конверт, свернулась в клубок на диване и предалась наихудшему в мире пороку — принялась жалеть себя со вздохами, всхлипываниями и слезами. Не вижу ничего дурного в слезах, это — своего рода смазка для психики.

Выплакавшись, я поднялась, умылась и решила на этом закончить траур по Боссу. Я была очень тронута тем, что он удочерил меня, меня согревала мысль о том, что во мне есть его частичка, но... он по-прежнему оставался для меня Боссом. И я подумала, что он позволил бы мне один очистительный приступ печали, но, вздумай я продолжать, — это вызвало бы у него лишь раздражение.

Мои подружки все также мирно посапывали, так что я прикрыла дверь в их комнату, с удовлетворением обнаружив, что она звуконепроницаемая, уселась за терминал, сунула в прорезь свою кредитку и набрала код “Фонга, Томосавы и прочая”, который я выяснила у справочной, чтобы набрать его напрямую, а не связываться с гостиничной службой — напрямую было бы дешевле.

Я сразу узнала женщину, ответившую на мой звонок. Черт! Слабое притяжение, и впрямь, лучше любого бюстгальтера. Если бы я жила в Луна-Сити, я бы тоже носила одни трусики, а может, вообще лишь одну жемчужинку — в пупке.

— Прошу прощения, — сказала я, — я машинально набрала код “Цереры” и “Южной Африки” вместо “Фонг, Томосава, Ротшильд, Фонг и Финнеган”. Со мной так иногда бывает. Простите, что побеспокоила вас, и еще раз спасибо за то, что вы помогли мне пару месяцев назад.

— Не стоит, — ответила она, — тем более, что вы набрали код правильно. Я — Глория Томосава, старший пар-

тнер в “Фонг, Томосава и т. д.” с тех пор, как папаша Фонг ушел на пенсию. Но это не мешает мне оставаться вице-президентом “Цереры” и “Южной Африки” — мы являемся одним из отделений банка. Кроме того, я еще и старшее доверенное лицо, а это означает, что дело вам придется иметь именно со мной. Мы все скорбим здесь с тех пор, как пришло известие о смерти мистера Болдуина, и я прошу вас принять наши соболезнования, мисс Болдуин.

— Одну минуту, я как-то не совсем поняла... Можно повторить все сначала?

— Простите. Обычно все, кто звонит на Луну, хотят получить максимум информации в минимальное время — звонок стоит недешево. Вы хотите, чтобы я повторила каждое предложение?

— Нет... Пожалуй, не стоит. Доктор Болдуин оставил мне письмо, где просил присутствовать при чтении его завещания на Луне. Я не сумею там быть. Не могли бы вы мне посоветовать, кого я могу найти на Луне в качестве своего представителя? И... когда это произойдет?

— Это произойдет, как только мы получим официальное подтверждение смерти из Калифорнийской Конфедерации. Думаю, очень скоро, поскольку мы уже получили известие от нашего представителя в Сан-Жозе. Вам нужен кто-то, кто мог бы вас представлять... Скажите, а я — подойду? Наверно, мне следует добавить, что папаша Фонг был адвокатом вашего отца в Луна-Сити многие годы, так что, поскольку я теперь вместо него, а доктор Болдуин скончался, я могу представлять ваши интересы. Если, конечно, вы не возражаете.

— Конечно, не возражаю, мисс... миссис Томасава. Кстати, как правильно — мисс или миссис?

— Тогда я с удовольствием приму на себя эту обязанность. Правильно — миссис. У меня сын примерно ваших лет.

— Это невозможно! — (Неужели эта победительница на конкурсе красоток вдвое старше меня?!)

— Это в порядке вещей. Здесь, в Луна-Сити мы все очень старомодны. Здесь не так, как в Калифорнии. Мы прежде выходим замуж, а потом рождаем детей — только в такой последовательности. Я бы не осмелилась быть

“мисс” и при этом иметь взрослого сына — здешнее общество немедленно осудило бы меня.

— Да нет, я хотела сказать, невозможно, чтобы у вас был сын — мой ровесник. Вы же не могли родить его в четыре года или максимум в пять.

— Мне очень приятно это слышать, — улынулась она. — Почему бы вам не приехать и не выйти замуж за моего оболтуса? Он всегда мечтал о богатой наследнице.

— А я — богатая наследница?

— Видите ли, — она помялась, — я не могу сломать печать на завещании вашего отца, пока он юридически еще жив, то есть до официального известия о его смерти. Но поскольку подтверждение очень скоро придет, нет смысла заставлять вас звонить сюда еще раз. Я сама составляла завещание и сама положила его в свой сейф, предварительно запечатав, разумеется, поэтому ничего не случится, если я вам скажу, каково его содержание, только... юридически вы этого не знаете до официального прочтения. Итак: да, вы богатая наследница, но охотники за приданным не станут виться роем возле вас. Наличными вы не получите ни грамма. Вместо этого банку (то есть мне) поручено субсидировать вас в случае миграции с Земли. Если вы выберете Луну, мы оплатим вам стоимость проезда. Если выберете необжитую планету, мы купим вам скатский нож и станем молиться за вас. Если вы решите переселиться в такие дорогостоящие места, как, скажем, Каунай или Хальцион, мы оплачиваем ваш проезд, все ваши расходы и обеспечиваем вас первоначальным капиталом. Если вы вообще не покинете Землю, нам предписано помогать вам, исходя из суммы, оставшейся после всех остальных назначений и поручений. Таким образом, вы имеете приоритет в получении субсидий лишь в случае вашего переселения с Земли. Одно исключение: если вы отправляетесь на Олимпию, вы платите за себя сами — от нас вы не получите ничего.

— Доктор Болдуин говорил мне что-то об этом. А что такого страшного на этой Олимпии? Я вообще не помню колонии с таким названием.

— Не помните? А-а, ну да, вы же были слишком молоды тогда. Это то место, куда отправились когда-то себялюбивые супермены... Вообще-то не было нужды ого-

варивать этот пункт, поскольку корпорация даже не посылает туда свои корабли... Дорогая, вы наговорили со мной уже на очень приличную сумму.

— Да, наверно. Но звонить еще раз — обойдется дороже. Что меня раздражает, так это необходимость платить за “мертвое время” — пока идет сигнал. Скажите, а вы не можете сменить ненадолго шляпу и выступить как представитель “Цереры” и “Южной Африки”? Или... Впрочем, нет, мне, возможно, понадобится совет юриста.

— Я ношу все шляпы сразу, поэтому смело спрашивайте обо всем. Сегодня я отвечаю бесплатно.

— Нет-нет, я заплачу, сколько полагается.

— Вы говорите точь-в-точь, как ваш отец! Он случайно не изобрел переселение душ?

— На самом деле он мне не отец. Я хочу сказать, не родной отец, и я никогда его не считала своим отцом.

— Я знаю все, дорогая, мне приходилось иметь дело с вашими бумагами. Но он считал вас своей дочерью. И гордился вами. Мне было немыслимо интересно на вас смотреть, когда вы позвонили сюда первый раз... Я, конечно, держала язык за зубами и просто разглядывала вас. Ну, так о чем вы хотели спросить?

Я рассказала ей о своей ссаре с Родой Уэйнрайт по поводу кредитной карточки:

— Конечно, Единая карта Калифорнии предоставила мне кредит, намного превосходящий мои потребности и возможности. Но ей-то какое дело? Я не превышала свой вклад, а кроме того, собираюсь еще вложить туда все деньги, полученные мною при окончательном расчете: двести девяносто семь и три десятых грамма — чистогоном.

— Рода Уэйнрайт всегда была паршивым юристом. После смерти мистера Эспозито вашему отцу следовало заменить своего представителя. Разумеется, это не ее собачье дело, какой кредит решила предоставить вам Единая карта. И здесь, в банке, ее слово ничего не весит. Мисс Фрайди...

— Пожалуйста, без “мисс”. Для вас я просто Фрайди.

— Дорогая Фрайди, ваш усопший отец был директором этого банка, а также владельцем основного пая. Хоты вы прямо и не наследуете его состояния, вам нужно наделать

огромные долги, отказаться выплачивать их и отказаться даже отвечать на запросы по этому поводу, чтобы ваш счет был арестован. Словом, забудьте об этом досадном недоразумении. Теперь... Ваш адрес в "Песках Паджаро" уже недействителен, так что мне понадобится новый.

— Да? Что ж... Пожалуй, единственный мой адрес сейчас — это ваш адрес.

— Понятно. Как только определишься, поставь меня в известность. У многих из вашей команды сейчас такие же проблемы, и все из-за стараний Роды Уэйнрайт. Кстати, некоторые из них тоже должны присутствовать на чтении завещания, но Рода не поставила в известность, и теперь не знаю, где их искать. Скажи, ты не знаешь, как мне связаться с Анной Джонсон и с Сильвией Хэвенсайл?

— Женщина по имени Анна была в "Песках Паджаро". Она работала с секретной документацией. Второе имя, которое ты назвала, мне неизвестно.

— Вероятно, это та самая Анна. У меня в списке она значится как "сотрудник безопасности". Хэвенсайл — дипломированная медсестра.

— Аа-а, тогда тебе повезло! Они обе спят в соседней комнате. Работали всю ночь — разбирали архив доктора Болдуина.

— Сегодня мне везет. Пожалуйста, скажи им, когда проснутся, что они должны присутствовать при чтении завещания. Но будить их не стоит, я свяжусь с ними позже.

— А ты можешь представлять их на этом чтении?

— Если ты просишь, конечно. Но все-таки пусть свяжутся со мной, мне понадобится и их новый адрес. Где вы сейчас остановились?

Я объяснила ей, мы попрощались, и я отключила связь. Глория Томосава здорово помогла мне. Я думаю, есть два сорта юристов: те, кто стараются облегчить по мере возможности жизнь клиентов, и... их противоположности — проще сказать, паразиты.

Терминал звякнул, и на нем зажегся красный огонек — это был Бертон Макни. Я велела ему подняться, но попросила не шуметь. Когда он вошел, я бросилась к нему на шею и расцеловала его, даже не потрудившись сооб-

разить, относится ли он к разряду тех моих друзей, которым я задолжала поцелуй. Помогал он вытаскивать меня из лап Майора? Не помню, надо спросить.

— Все в порядке, — сказал он. — Банк Америки принял чек и даже снабдил меня без всякой проверки парой сотен бруинов на мелкие расходы. Они сказали, что золотой чек можно реализовать через банк в Луна-Сити в двадцать четыре часа. Так что благодаря финансовой репутации нашего усопшего шефа я могу спать спокойно, а главное, ты избавлена от моего присутствия здесь этой ночью.

— По-твоему, меня это должно обрадовать? Ладно, Берт, раз ты опять кредитоспособен, можешь угостить меня ужином. Давай куда-нибудь сходим и дадим моим подружкам выпасться — им, бедняжкам, пришлось вкалывать всю ночь.

— Ужинать еще рано.

Не знаю, как для ужина, но для того, чем мы занялись на диване, было совсем не рано. С моей стороны, это было вовсе непреднамеренно, а Берт клялся, что он думал об этом еще в гравилете, но я ему не поверила. Я спросила его о той ночи на Ферме и, конечно же, выяснилось, что он там был. Правда, он утверждал, что его держали в резерве и реально он ничего не сделал, но мне никто еще до сих пор не признавался в том, что подвергался той ночью хоть какой-то опасности. Однако я прекрасно помню слова Босса, когда он говорил, что задействованы были все, включая даже Теренса (мальчика с ангельской мордашкой, не знакомой еще с лезвием бритвы), ибо людей в ту ночь не хватало и все были наперечет.

Берт не сопротивлялся, когда я принялась стаскивать с него одежду.

Это-то мне и было нужно. Слишком много всего произошло за день, я была на взводе, а секс — лучший из транквилизаторов и в отличие от медицинских препаратов очень полезен для здоровья. Не понимаю, почему люди, отягощают его какими-то сложностями: в нем нет ничтошеньки сложного, это просто самое лучшее, самое приятное, что есть на свете, — даже приятнее, чем вкусно поспать.

Попасть в ванную в этом номере можно было, не проходя через спальню — наверно, потому что гостиная могла вполне служить второй спальней. Мы чуть-чуть привели себя в порядок, я влезла в костюм из суперкожи, в котором когда-то — прошлой весной — заарканила Жана, сделала похотливые глазки и... поймала себя на сентиментальной грусти по Жану. Впрочем, я перестала волноваться за Жана и Жанет. И за Джорджа тоже. Теперь я была абсолютно уверена, что найду их. Даже если они больше не объявятся в своем доме, разыщу их через Бетти и Фредди.

Берт принялся издавать вопли восторга по поводу моего вида в суперкоже, а я... я прохаживалась по комнате, виляя задницей, и говорила, что за этим я и купила такой костюмчик, потому что такая уж я развратная тварь, что ничуть не стыжусь своего женского естества. Мне жутко хотелось отблагодарить его за то, что он так здорово меня успокоил. Нервы мои были натянуты, а теперь я так чудесно расслабилась, что сама решила угостить его ужином.

Он пообещал задать мне хорошую трепку, если я еще раз повторю это предложение. Я не стала объяснять ему, что в минуты страсти мне приходится очень следить за собой, чтобы не сломать мужику ребра, — я просто захихикала. Наверно, это выглядит ужасно глупо, когда женщина моего возраста хихикает, но я ничего не могу с собой поделать — от радости я всегда хихикаю.

Я оставила записку своим подружкам, и мы пошли ужинать.

Когда мы вернулись, их в номере не было, и мы с Бертом сразу легли спать, успев на сей раз разложить во всю ширь диван. Я проснулась, когда Анна и Рыжик на цыпочках проходили через гостиную, возвращаясь к себе в спальню после ужина. Но я притворилась, что сплю, поскольку скоро, по моим расчетам, уже должно было светать.

Утром я открыла глаза и увидела, что Анна стоит рядом с нашей кроватью и вид у нее какой-то нерадостный. Тут мне впервые пришло в голову, что Анне, может быть, не очень-то приятно видеть меня в постели с мужчиной. Ее вкусы были мне известны уже давно — я

прекрасно помнила, как она сделала на меня стойку. Но потом она сама же и спустила это на тормозах, и я перестала думать о ней, как о каком-то невыплаченном долге, который когда-нибудь все-таки придется заплатить. И она и Рыжик стали просто моими друзьями, которым я доверяла и которые в свою очередь могли положиться на меня.

Берт проснулся, увидел Анну и пробормотал:

— Не браните меня, леди. Я зашел сюда совершенно случайно, чтобы укрыться от дождя.

— Я вас и не браню, — возразила она грустновато, — я просто прикидывала, как подойти к терминалу, не разбудив вас обоих. Я хочу заказать завтрак.

— Для всех? — спросила я.

— Конечно. Ты чего хочешь?

— Всего понемножку и жареной картошки в придачу. Анна, родная, ты же меня знаешь, когда я голодна. я готова сожрать все что угодно — живьем и прямо с костями.

— Я тоже, — радостно закивал Берт.

— Что за шумные соседи, — зевая пробормотала Рыжик, появившись в дверях. — Болтушки, давайте еще поспим.

Я взглянула на нее и поняла сразу две вещи: во-первых, я никогда как следует не смотрела на нее даже на пляже и, во-вторых, у Анны не было никаких оснований сердиться на меня за то, что я спала с Бертом. У Рыжика на лице блуждала сонная, но очень сытная улыбка.

— Это в переводе означает “гавань на острове”, — болтала Рыжик за завтраком, — и вообще-то писать мое имя надо через дефис, потому что иначе его никто не выговорит. Оттого-то я всегда зовусь просто Рыжи́ком — у нашего бывшего Босса это было просто — там вообще вторые имена не признавались. Но все-таки у меня имя не такое трудное, как у миссис Томо... Томосо... Томасовы! Когда я в четвертый раз произнесла его неправильно, она попросила называть ее просто Глорисей.

Перед завтраком обе подружки дозвонились до Глории, выяснили, что завешание уже оглашено и что они обе (равно как и Берт, к моему удивлению) стали немного бо-

гаче. Теперь мы все собрались в Лас-Вегас. Троиим из нас предстояло искать работу, а Анна просто решила составить нам компанию, пока мы будем там болтаться. А потом она собиралась в Алабаму.

— Может, я и взвою там от безделья, — сказала она, — но я давно обещала дочке, что уволюсь, и, наверно, сейчас самое время. Может, мне удастся заново познакомиться и подружиться с моими внуками, прежде чем они окончательно повзрослеют и им будет до меня совсем как до лампочки...

— Анна — бабушка?! Так-то мы знаем друг друга!

ГЛАВА XXV

Лас-Вегас — это большой цирк; три дня в нем весело, на четвертый — наступает похмелье.

Сначала я там наслаждалась, но, пересмотрев все шоу, слегка одурела от света, музыки, шума и грохота. Четыре дня в Вегасе — уже многовато.

Приехали мы туда в десять — выехали поздно, потому что у всех нашлись дела. Троиим моим спутникам нужно было распорядиться деньгами, оставленными Боссом по его завещанию, а мне — внести сумму, полученную при окончательном расчете, на свою Единую карту Калифорнии. С этого я и начала. Я послушно заполняла бланк, когда вдруг мистер Чамберс спросил:

— Желаете ли вы, чтобы мы сами внесли за вас подоходный налог?

... Подоходный налог? Что за чушь! Я, наверно, ослышалась...

— Что это значит, мистер Чамберс?

— Ваш подоходный налог в пользу Конфедерации. Если вы поручите это нам... Вот, кстати, бланк, который нужно заполнить. Да, если поручите нам, наши эксперты все рассчитают, мы вычтем его с вашего счета, и вам больше не нужно будет беспокоиться об этом. Плата нам — минимальная. В противном случае вам придется рассчиты-

вать все самой, заполнять все формы, а потом мыкаться в очередях, чтобы заплатить.

— Когда я открывала здесь счет, вы, по-моему, и словом не обмолвились о подоходном налоге.

— Так ведь это же был приз в национальной лотерее! Приз ваш, без всяких налогов! В этом суть истинной демократии! Кроме того, правительство получает от лотереи свою прибыль.

— Понятно. И сколько же берет себе правительство?

— Ей Богу, мисс Болдуин. Этот вопрос нужно задавать правительству, а не мне. Если вы поставите свою подпись здесь, внизу, я заполню для вас все остальное.

— Одну минуту. А сколько составляет ваша “минимальная” плата? И каков сам подоходный налог?

Я ушла, так и не положив на счет свой расчетный чек, и таким образом опять огорчила беднягу Чамберса. Хотя инфляция и сильно сказалась на здешней валюте — даже за завтрак в Макдоналде нужно заплатить порядочно бруинов, — я не могу назвать тысячу “минимальной” платой, поскольку это больше целого грамма золота, а в британоканадских долларах составляет около тридцати семи. С их восьмипроцентным налогообложением Единая карта получает неплохой навар, выступая еще и помощником Налогового управления Конфедерации.

Я вообще не была уверена, что должна платить какой-то подоходный налог, даже при диких калифорнийских законах; большая часть этих денег была заработана не в Конфедерации Калифорнии, и я совершенно не понимала, почему Калифорния имеет какое-то право на часть моего заработка. Для начала следовало переговорить с хорошим юристом.

Я вернулась в отель. Рыжика и Анны еще не было, но Берт сидел в номере. Я рассказала ему все, зная, что он занимался финансовой отчетностью.

— Это спорный вопрос, — сказал он, — все личные контракты с нашим бывшим председателем были освобождены от налога, и в империи властям ежегодно платилась взятка. Здесь взятку должны были платить через мистера Эспозито, а проще говоря, через миссис Уэйнрайт. Можешь спросить ее.

— Эту клячу? Черта с два!

— Естественно. По идее она должна была заверить все контракты в налоговом управлении и заплатить весь налог сразу. Вернсе, не налог, а взятку за всех. Но на деле она могла этого и не сделать — как ты сама понимаешь, мне об этом ничего не известно. А впрочем... У тебя ведь есть еще один паспорт?

— Конечно!

— Ну, так воспользуйся им, и — все дела. Я во всяком случае так и сделаю. А потом переведу себе все деньги, когда буду знать, где остановлюсь. Пока же пусть полежат себе на Луне — так надежнее.

— Да, но, Берт... Я не сомневаюсь, что у Уэйнрайта есть список всех “лишних” паспортов. А ты, кажется, говорил, что они будут проверять нас при выезде.

— Ну, и что с того, что у нее есть список? Она ни в коем случае не станет передавать этот список властям Конфедерации, не обезопасив при этом свою персону, а я сомневаюсь, что она успела это сделать. Так что заплати обычную пошлину, задержи кверху нос и смело шагай через таможеню.

Он был прав. Я так разозлилась из-за этих дурацких налоговых игр, что забыла элементарные курьерские трюки.

Мы пересекли границу со Свободным Штатом Вегасом возле Сухого озера. Капсула задержалась у границы ровно на столько времени, сколько потребуется, чтобы проставить выездной штамп в паспорте. Вся наша компания воспользовалась “лишними” паспортами с вложенной в них обычной пошлиной, и — обошлось. Въездных штампов в Свободном Штате не ставят — там рады любому платежеспособному гостю.

Десять минут спустя мы зарегистрировались в отеле “Дюны” и сняли номер, аналогичный тому, что был у нас в Сан-Жозе. Правда, здесь он проходил как “номер для оргий”. Почему? Понятия не имею. Таблеток аспирина и Алка-зельтцер в ванной комнате и зеркала на потолке в спальне, по-моему, недостаточно для такого многообещающего названия — мой инструктор на курсах “подружек” просто расхохотался бы, доведись ему увидеть это. Впрочем, я думаю, никакие приметы не воспринимаются людьми как предварительные инструкции — мне говорили,

что у людей вообще не принято проходить какое-либо обучение и тренировки в этом плане. Интересно, кто же их учит всему? Их родители? Тогда что же, выходит, их главное табу на кровосмешение распространяется лишь на разговоры об этом, а не на само действие?

Когда-нибудь постараюсь разузнать об этом побольше, но до сих пор я просто не знала, кого можно как следует расспросить. Может быть, Жанет расскажет мне? Когда-нибудь...

Мы договорились поужинать вместе и разделились: Берт с Анной отправились бродить по городу и по казино, а мы с Рыжиком пошли в Индустриальный парк. Берт тоже собирался приступить к поискам работы, но пока решил слегка развлечься. Анна ничего не говорила о своих намерениях, но, думаю, ей тоже хотелось чуть-чуть вкусить от веселой жизни, прежде чем окончательно удовлетвориться ролью бабушки на пенсии. И лишь Рыжик со всей серьезностью собиралась в первый же день приступить к охоте за работой. Я тоже решила не тянуть, но... прежде нужно было кое-что обдумать.

Скорее всего, я покину эту планету... Да, почти наверняка. Босс считал, что мне следует так поступить, и одного этого было уже вполне достаточно, чтобы поступить так. Но, кроме того, заставив меня изучать симптомы болезни культур и цивилизаций, он сумел сконцентрировать мое внимание на вещах, которые давным-давно были мне известны, но о которых я никогда не давала себе труда задуматься всерьез. Я никогда не относилась критически к тем культурам, в которых жила и в которых бывала — вы поймите, искусственный человек всегда чужак, где бы он (или она) ни находился, независимо от того, сколько он прожил на одном месте. Никогда никакая страна или штат не станут моими, так какого черта о них думать?

Но приступив к изучению проблемы, я поняла, что вся эта старенькая планета пребывает в плачевном состоянии. Новая Зеландия — неплохое местечко. Британская Канада — тоже, но даже в этих двух странах уже есть признаки вырождения. Хотя эти две — пожалуй, лучшие из всех. Но... не стоит спешить. Смена планеты — не то, что можно позволить себе сделать дважды, разве только если ты уже богата, чего никак не скажешь обо мне. Мне обещали

оплатить одну эмиграцию, поэтому я должна была выбрать правильно с первого раза, ибо никто не станет платить за исправление моих ошибок: стоит мне выбрать и рвануть отсюда — и все. Кроме того...

Где Жанет?

Не у меня, а у Босса был контактный адрес или телефонный код!

— Не у меня, а у Босса была “рука” в виннипегской полиции!

Не я, а Босс обладал целой сетью “Пинкертонов” по всей планете!

Я могу, конечно, пытаться время от времени дозвониться им домой. И буду. Я могу время от времени звонить в летную компанию Жана и в Университет Манитобы. И буду. Я могу звонить по оклендскому номеру и на биологический факультет Университета в Сиднее. То же буду. Но что еще я смогу сделать, если из всего этого ничего не выйдет? Могу поехать в Сидней и выжать из кого-нибудь домашний или загородный адрес профессора Фарнези. Но это обойдется недешево. Тут неожиданно до меня дошло, что все путешествия, так легко и просто дававшиеся мне в прошлом, теперь станут весьма затруднительны, а быть может, и вовсе невозможны. Посадка в Новый Южный Уэльс до возобновления полетов полубаллистиков обойдется очень дорого. В принципе добраться туда можно — монорельсом и на корабле, проделав три четверти кругосветного путешествия, — но это будет не просто, и, повторяю, недешево.

Может, мне поступить корабельной “подружкой” на какое-нибудь судно в порту Сан-Франциско? Тогда это будет легко, и дешево, но... Придется потратить уйму времени, даже если я поплыву на шипстоунском танкере из Уотсонвила... На грузовом танкере? Ну, нет.

Может, лучше нанять “Пинкертона” в Сиднее? Сколько они берут? Смогу я себе это позволить?

Итак, меньше, чем через тридцать шесть часов после смерти Босса, я наткнулась лбом на простую истину: я никогда толком не знала, что почем на свете и вообще, сколько стоит цент или грамм. Еще учтите, что до сих пор я всю жизнь жила по трем принципам:

1) находясь в здании, я тратила столько, сколько мне было нужно;

2) в Крайстчерче я тратила свои деньги, но немного — в основном на подарки семье;

3) на Ферме, на “базах”, а потом в “Песках Паджаро” я вообще не тратила никаких денег. Комната и еда входили в контракт. Я не пила и не играла в азартные игры. Вообще, если бы Анита не выпотрошила меня как следует, я могла бы накопить очень приличную сумму.

Итак, я вела вполне тепличный образ жизни и ни черта не знала о деньгах. Тем не менее я все-таки умею считать, не пользуясь терминалом. За номер, вернее, треть номера в “Кабана-Хъят” я платила наличными. За полет в Свободный Штат Вегас — кредитной карточкой (и не платя подоходный налог). Я выяснила суточную стоимость номера в “Дюнах” и стала тщательно следить за всеми тратами в отеле — будь то наличные или кредитка.

Очень скоро я поняла, что номер и еда в первоклассных отелях в момент сожрут все мои сбережения, даже если я сведу все остальные траты — дорога, одежда, удобства, сувениры, пошлины и т. д. — к минимуму, к ниществу, вообще к нулю. Вывод: мне нужно либо найти работу, либо срочно присоединиться к колонизаторской экспедиции на любую планету без обратного билета.

Мне пришло в голову страшное подозрение: что, если Босс платил мне гораздо больше, чем я стою? Нет, я, конечно, очень хороший курьер, лучше просто не бывает, но... сколько получают курьеры?

Конечно, я могу поступить на службу в качестве рядовой, а потом очень скоро (в этом я не сомневалась) дослужиться до сержанта. Мне это не очень-то по душе, но, вполне возможно, я так и сделаю. Гордость и тщеславие — не мои пороки, я прекрасно понимаю, что для большинства нормальных гражданских профессий я — не более чем чернорабочий.

Не давало мне покоя и еще кое-что: я не хотела лететь на незнакомую планету одна. Это пугало меня. Я лишилась своей новозеландской семьи (если она вообще у меня была), Босс умер, и я чувствовала себя цыпленком,

над которым разверзлись небеса. Мои друзья-коллеги разбежались на все четыре стороны, кроме троих, которые тоже скоро разбредутся... И еще я ухитрилась потерять Джорджа, Жанет и Жана.

Даже в жуткой толчее Лас-Вегаса я чувствовала себя одинокой, как Робинзон Крузо...

Мне бы очень хотелось, чтобы Жанет, Жан и Джордж эмигрировали вместе со мной. Тогда бы мне не было так неуютно. Тогда бы я всю дорогу преспокойненько улыбалась. Тогда...

Да, и еще одно — Черная Смерть. Надвигалась чума.

Ну, разумеется, я говорила Боссу, что мое полуночное предсказание — просто бред. Но он, в свою очередь, сказал, что его аналитический отдел предсказал то же самое, только не через три, а через четыре года (маленькое утешение!). Таким образом, я была просто вынуждена принять свое собственное предсказание всерьез. И я должна предупредить Жана, Жанет и Джорджа!

Я не собиралась их пугать — не думаю, что этих троих вообще можно чем-нибудь напугать. Но я хотела сказать им: “Если не желаете эмигрировать, то по крайней мере отнеситесь серьезно к моему предупреждению и держитесь подальше от больших городов. Если сможете, сделайте себе прививки, и, пожалуйста, не отмахивайтесь от моих слов, даже если не верите мне”.

Индустриальный парк расположен на дороге к Ховер-Дэм; там же находится и Рынок Труда. В Вегасе запрещено пользоваться гравилетами в черте города, но там везде полно автомобильных трасс, и одна из них ведет прямо к Индустриальному парку. Выбраться оттуда к Дамбе или к Боулдер-Сити можно на рейсовом автобусе — я рассчитывала воспользоваться им, поскольку компания “Шипстоун, Долина Смерти” арендует кусок пустыни между Восточным Лас-Вегасом и Боулдер-Сити для заправочной станции, и я хотела взглянуть на эту станцию живыми глазами.

Мог ли комплекс “Шипстоун” быть той самой корпорацией, что стоит за Красным Четвергом? Никакого смысла в этом я не видела. Но организация, богатая настолько,

чтобы за одну ночь опутать весь земной шар и космическое пространство вплоть до Луны? Таких компаний очень немного. А что если это какой-то супермиллиардер или, скажем, несколько таких богачей? Нет, вряд ли... Вряд ли я вообще сумсю это выяснить теперь, когда Босс умер. Хотя я и обзывала его (про себя) по-всякому, но он был единственным, к кому я приходила, когда сама не могла до чего-то додуматься. Я даже не представляла себе, насколько я полагалась на него, пока он не умер и я не лишилась его помощи и поддержки.

Рынок Труда — это огромный Молл, где есть все: от роскошных офисов с картинок на страницах "Уолл-Стрит джорнел" до скаутов, чьи конторы находятся у них под кепкой, а сами они спуют повсюду, не задерживаясь даже для того, чтобы поболтать друг с другом. Людская толчея, светящиеся вывески, огни рекламы: все это напомнило мне Нижний Вискберг, только запах посвежее.

Военные и военизированные свободные компании сгруппировались в восточной части рынка — Рыжик переходила от одной к другой, а я послушно следовала за ней. Она везде оставляла свои данные и весь послужной список — по пути на рынок мы сделали в городе распечатку ее данных, она оформила себе почтовый адрес, а заодно и меня убедила заплатить за почтовый, и телефонный индекс:

— Фрайди, — сказала она, — если мы задержимся здесь больше чем на пару дней, я съеду из "Дюн". Ты ведь обратила внимание на их цены? Это чудное местечко, но каждые сутки они заново продают тебе койку, а я не могу себе этого позволить. Может, ты и можешь, но...

— Нет, я тоже не могу.

Таким образом, я тоже оформила себе абонентский ящик и телефонную связь и теперь могла сообщить об этом (кстати, не забыть бы!) Глории Томосава. Заплатила я за год вперед и, как ни странно, это дало мне ощущение какой-то гарантии и безопасности. Пока что у меня не было даже своего сарая, но... уже был адрес, своего рода база, и я знала, что это так просто не исчезнет.

Рыжик в первый день так и не законтрактовалась, но это ее нисколько не огорчило.

— Просто сейчас нет войны, — сказала она, — вот и все. Но мир никогда не длится больше одного-двух месяцев. А потом они снова откроют набор, и мое имя будет в списках. Я пока регистрируюсь на бирже в городе и найду временную работу. Знаешь, Фрайди, у медсестер есть одно преимущество — они никогда не голодают. Нехватка медсестер длится уже больше ста лет и, наверно, не скоро кончится.

Уже во второй рекрутской конторе, куда мы зашли и где Рыжик оставила свой послужной список, — “Колонна Цезаря”, фирма, известная по всей планете, — обратилась ко мне:

— А как насчет вас? Вы тоже тренированная сестра?

— Нет, я курьер.

— На это сейчас спрос невелик. Сегодня большинство организаций пользуется экспресс-почтой, если им не подходит компьютерная служба.

Хотя Босс и учил меня никогда не петушиться в таких случаях, я почувствовала себя задетой и надменноотреагировала:

— Я — высший эшелон. Я отправлюсь куда угодно, и то, что я везу, попадает куда надо, когда все каналы перекрыты. Как, например, при последнем чрезвычайном положении.

— Это правда, — подтвердила Рыжик. — Она не преувеличивает.

— Тем не менее, на ваш талант спрос невелик. Что вы еще умеете делать?

(Только не хвастаться!)

— Каким оружием вы владеете лучше всего? Можем устроить дуэль — хоть до первой крови, хоть до упора. Только сначала позвоните вашей жене и сообщите ей, что она — вдова.

— Ого! А ты, оказывается, задира! Когда-то у меня был фокстерьер — ты на него здорово похожа. Слушай, родная, я не могу отвлекаться на пустяки, у меня куча дел в этой конторе. Так что разговаривай нормально, и я занесу тебя в список.

— Извините, шеф, мне не стоило заводитьсь. Все правильно, я — курьер высшего разряда. Если я что-то везу, это попадает точно в цель, и поэтому мой гонорар очень высок. Или зарплата — в случае, если меня нанимают как постоянного специалиста при штабе. Что касается всего остального, то, конечно, я должна быть на высоте — с голыми руками или с любым оружием, — потому что груз, который я везу, должен попасть куда надо. Но участвовать в схватках я не люблю, разве что плата будет уж очень высока. Предпочитаю работу курьера.

Он черкнул что-то у себя в блокноте и кивнул:

— Ладно. Но на многое не рассчитывай. Те, на кого я работаю, используют курьеров преимущественно на полях сражений...

— Это я тоже могу. Все, что я везу, достигает цели.

— Или тебя убивают, — усмехнулся он. — Все охотнее используют на этом поприще суперсобак. Слушай, радость моя, у корпораций будет к тебе гораздо больший интерес, чем у военных. Почему бы тебе не оставить свои данные для каждой из “Международок”, а? Все самые крупные — связаны с моей конторой. И платят они больше. Намного. Ну, как?

Я поблагодарила его, и мы ушли. По настоянию Рыжика я зашла в местное отделение почты, и мне там сделали распечатку моего собственного послужного списка. Я вообще-то хотела слегка снизить себе цену — мне все больше казалось, что Босс завышал мою зарплату, но Рыжик мне не позволила:

— Да ты что?! Наоборот, завысь цену! Это как раз тот случай. Те, кто заинтересуется тобой, или заплатят, не моргнув глазом, или... По крайней мере свяжутся с тобой и попробуют поторговаться. Снижать же... Слушай, родная, никто не бросается на дешевые распродажи, если может позволить себе отовариваться в местах получше.

Я раздала свои данные — по экземпляру в каждую международную корпорацию. Честно говоря, я не очень рассчитывала на эту “лошадку”, но по крайней мере тот, кто интересуется лучшими в мире курьерами, получит удовольствие, изучая мои регалии.

Когда офисы и конторы стали закрываться, мы поспешили в отель, чтобы успеть к ужину. Анну и Берта мы

нашли слегка в подпитии — не пьяными, нет, просто они были навеселе.

Берт при виде нас стал в позу и торжественно произнес:

— Дамы! Смотрите на меня и восхищайтесь! Я — великий человек. Я...

— Ты надрался.

— Разумеется, Фрайди, любовь моя. Но перед тобой стоит человек, сорвавший банк в Монте-Карло! Я — гений! Да-да, такой маленький. голубенький, невин... Невинненький, финан... Нан... Финансистик! Можешь меня даже потрогать.

Вообще-то я серьезно намеревалась потрогать его сегодня ночью.

— Анна, он правда сорвал банк?

— Ну... Не совсем сорвал, но потрепал изрядно, — сказала она и кивнула. — Из-вините. Мы поиграли чуть-чуть здесь, а потом поехали в "Фламинго", чтобы перебить фишку. Приехали как раз перед третьим заездом в "Святой Аните", и Берт поставил там на малышку, которую звали так же, как его мамочку. Длинный забег и — она первая на финише. Рулетка там прямо рядом, и Берт ставит весь свой выигрыш на двойной ноль...

— Значит, он уже тогда был здорово пьян, — прокомментировала Рыжик.

— Я — гений! — подал голос Берт.

— И то и другое. Выпал двойной ноль, и Берт берет свой громадный куш и ставит все на "черное" — и выпадает "черное", и он оставляет все на "черном" — и выпадает опять "черное", и он передвигает все на "красное" — и выпадает "красное", и... Крупье зовет своего шефа, Берт желает играть на все, но шеф ставит лимит...

— Козлы! Гестаповцы! Подлые наймиты! Ни одного настоящего спортсмена во всем этом дерьмовом казино... Забираю свои бабки и иду в другое!

— И теряешь все, — сказала Рыжик.

— Р-рыжик, д-дружиссе... Ты оч-ч-чень неу... неважительно со мной раз-з-гриешь. М-мм?

— Да, он мог все потерять. — согласилась Анна, — но я проследила за тем, чтобы он последовал совету шефа. В

сопровождении шестерых охранников казино мы отправились в банк — отделение “Лаки Страйк” Госбанка, — и положили их там на счет. Иначе я не позволяла ему выйти оттуда. Представьте, как бы он тащил полмиллиона от “Фламинго” до “Дюн” наличными. Да он бы до соседней улицы живьем не дошел.

— Чу-у-ушь! В Вегасе преступность меньше, чем в любом др-ругом гор-р-роде Северной Америки... Анна, любовь моя, ты влас-стная, хищ-щная особа. Зак-клевала меня ок-к-кончательно. Я на тебе не женюсь, даже... даже ес-сли будешь ум-молять на коленях. Я отберу у тебя башмачки и буду стегать плет-т-кой и держать на сухарях.

— Конечно, дорогой. Но сейчас лучше надень свои башмачки, потому что тебе придется повести нас ужинать. Сухарями. С трюфелями и икрой.

— И с шампанским! Но не ради твоей хищ-щной натуры... Дамы! Фрайди, Рыжик, р-родные мои... Вы мне поможете отметить мою фин... финансовую смекалку? С фазанами и пляшущими девками в таких шляпках... А?

— Да, — сказала я, — поможем.

— Поможем, — подтвердила Рыжик, — пока ты не передумал. Анна, ты сказала полмиллиона?

— Берт, покажи им.

Берт достал новенькую банковскую книжку и дал нам ее в руки, любовно поглаживая себя при этом по животу. Пятьсот четыре тысячи — больше полумиллиона в самой твердой валюте во всей Северной Америке. М-мда, многим более тридцати одного килограмма чистого золота. Нет, не хотела бы я тащить это по улице. Особенно без тележки. Это весит почти как половина меня самой — банковская книжка гораздо удобней. Что ж, я с удовольствием позволю Берту угостить меня шампанским. И выпью много.

Именно это мы все и сделали — в кабаре “Стэрдаст”. Берт знал, сколько нужно дать на лапу старшему официанту (а может, он дал ему не глядя слишком много), чтобы тот усадил нас за лучший столик, и мы навалились на шампанское, а потом славно поужинали — запеченная курица (значившаяся в меню, правда, как молодой цыпленок) и молоденькие, веселые танцовщицы, от которых пахло свежестью только что принятой хвойной ванны.

Были у них и танцовщики — для нас, женщин, но я мало обращала на них внимания, во-первых, потому что от них не так приятно пахло, а во-вторых — у меня создалось впечатление, что они больше интересуются друг другом, чем женщинами. Это, конечно, их дело, но лично я предпочитала смотреть на девочек.

Еще у них был замечательный маг-чародей, который извлекал прямо из воздуха голубей, как обычно фокусники достают монетки. Мне очень нравятся фокусники — я никогда не могу понять, как они все делают, — а на этого я вообще смотрела с открытым ртом: по-моему, он подписал контракт с самим дьяволом, иначе, как, скажите на милость, в какой-то момент его ассистентку заменила одна из танцовщиц. На ассистентке было не так уж много надето, но танцовщица носила лишь туфельки — снизу, шляпку — сверху, и улыбку — посередке. Фокусник принялся доставать голубей из... из нее.

Я не верила своим глазам. Там не могло быть столько места, а кроме того, ей было бы больно. Значит, этого не может быть, но... Когда-нибудь я приду сюда снова и посмотрю на это со всех сторон — сделать это по-настоящему просто невозможно.

Вернувшись в “Дюны”, Рыжик захотела посмотреть вниз в холле ночную развлекательную программу, а Анна сразу отправилась спать. Я решила посидеть с Рыжиком, а Берт попросил занять ему место, сказав, что он только проводит Анну наверх и сразу вернется.

Однако он не вернулся. Поднявшись наверх, я ничуть не удивилась увидев, что дверь в спальню закрыта: еще до ужина я почуяла, что Берт вряд ли станет успокаивать мои нервы две ночи подряд. Что ж, это их дело, и я ничего не имела против. Когда мне действительно это было нужно, Берт обошелся со мной очень благородно и потрудился на славу. Я лишь подумала, что Рыжик может грустить по этому поводу, но, кажется, обошлось. Мы с ней забрались в постель, похихикали немножко, обсуждая, как фокусник ухитрялся доставать голубей, и — заснули.

Разбудила меня, как и в предыдущее утро, Анна — только на этот раз не с грустным видом, а сияя от счастья.

— Доброе утро, родная, — сказала она. — Умывайся и чисть зубы, завтрак прибудет через две-три секунды. Берт как раз вылезает из ванны, так что пото-рапливайся.

За второй чашкой кофе Берт повернулся к Анне и сказал:

— Ну так как, дорогая?

— Мне сказать?

— Давай, милая.

— Ладно. Рыжик, Фрайди... Мы думаем, вы сможете уделить нам немного времени сегодня утром, потому что... мы любим вас обеих и хотим, чтобы вы были сегодня с нами. Мы... сегодня утром мы собираемся пожениться.

Мы с Рыжиком дружно выразили на наших лицах сначала изумление, потом — радость, а после этого вскочили и расцеловали их обоих. Что касается меня, то радость моя была искренней, а удивление — наигранным. У Рыжика, возможно, все наоборот, но я оставила свои домыслы при себе.

Мы с Рыжиком отправились покупать цветы, договорившись встретиться с молодоженами позже — прямо в Свадебной часовне “Гретна Грин”. С облегчением я заметила, что Рыжик не погрузнела наедине со мной, а оставалась такой же радостной и веселой, когда мы вышли из отеля.

— Они здорово подходят друг другу, — сказала она мне. — Я никогда не одобряла этих планов Анны — стать профессиональной бабушкой. По-моему, это для нее равносильно самоубийству. — Она помолчала и добавила: — Надеюсь, ты не станешь вешать нос?

— Вешать нос? — изумилась я. — Чего ради?

— Позапрошлой ночью он спал с тобой, а прошлой — с ней. Сегодня он женится на ней. Многим женщинам это доставило бы пару неприятных минут. Или часов.

— Господи, но почему? Я вовсе не влюблена в Берта! Нет, конечно, я люблю его, он ведь — один из тех, кто спас меня в ту хлопотливую ночь. Позапрошлой ночью я постаралась отблагодарить его... И он тоже был со мной очень ласков, когда... когда мне это позарез было нужно.

Но это вовсе не повод для ожиданий, что он станет посвящать мне каждую ночь или хотя бы еще одну:

— Конечно. Ты права, Фрайди, но, знаешь, многие женщины твоих лет сумели бы так посмотреть на это.

— Ну... не знаю. По-моему, это очевидно. Ты же не чувствуешь себя задетой. Значит, ты смотришь так же.

— Я? Что ты хочешь этим сказать?

— Все то же. Позапрошлой ночью она спала с тобой, прошлой — с ним. Но тебя, кажется, это не трогает.

— А почему это должно меня трогать?

— Не должно. Но ситуации ведь схожи. — (Не держи меня за дурачку, Рыжик, я ведь не только видела тебя тем утром, но и кое-что учуяла — нюх у меня посильнее, чем у вас). — Кстати, меня это немножко удивило. Я не подозревала, что тебя тянет в эту сторону. Про Анну, конечно, знала... И удивилась, что она стала спать с Бертом... Ну, вообще с мужчиной. Я и не подозревала, что она когда-то была замужем.

— А-а, ну да. Возможно, это выглядит так со стороны. Но тут примерно то же, что у тебя с Бертом: мы с Анной любим друг друга вот уже много много лет, но... мы вовсе не "влюблены" друг в друга и обе питаем самые нежные чувства к мужикам, как бы ты ни расценивала то, что видела прошлым утром. Когда Анна по сути дела увела Берта у тебя из-под носа, я обрадовалась, хотя и переживала немного за тебя. Но не очень — у тебя на хвосте всегда гроздь мужиков, а для Анны это редкость. Поэтому я и обрадовалась. Не ожидала, конечно, что они поженятся, но это ведь здорово! Смотри, золотая орхидея. Купим?

— Постой минутку. — Я остановила ее у витрины цветочного магазина. — Рыжик... Я слышала, что кое-кто, рискуя жизнью, полез в спальню на Ферме, волоча раскладные носилки. Для меня.

— Кое-кто слишком много болтал, — нахмурилась Рыжик.

— Мне надо было сказать это раньше. Я люблю тебя. Люблю больше, чем Берта, потому что полюбила рань-

ше. Мне вовсе не хотелось выходить замуж за него, и я не могу выйти за тебя, но... могу просто любить тебя. Идет?

ГЛАВА XXVI

Наверно, я вышла замуж за Рыжика. Или... что-то в этом роде. Как только Анна и Берт поженились, мы вернулись в отель. Новобрачные пересели в номер "для молодоженов" (никаких зеркал на потолке, бело-розовые обои вместо черно-красных, в остальном — то же самое, только намного дороже), а мы с Рыжиком заплатили по счету и сняли маленький домик — "конфетную коробку", — там, где Чарлстон переходит в Фермонт. Оттуда можно было пешком дойти до автобусного маршрута, соединявшего Рынок Труда с городом: Рыжику удобно добираться до любого госпиталя, а мне — ездить за покупками. Сними мы домик в другом месте, и нам бы пришлось брать напрокат лошадь с тележкой или покупать велосипеды.

Может, домик и оставлял желать лучшего, но для меня это был дивный замок из сказки, созданный для медового месяца, с дверью, как мне казалось, увитой розами. Никаких роз, конечно, не было и в помине, и дом был гадкий, и единственная современная вещь в нем — компьютерный терминал с очень ограниченными возможностями, но... первый раз за всю мою жизнь у меня был свой собственный дом, а я стала "домашней хозяйкой". Дом в Крайтстчерче никогда по сути дела не был моим, я никогда не была в нем хозяйкой, и мне постоянно теми или иными способами ненавязчиво давали понять, что я — гостья, а не полноправный член семьи.

Знаете, как здорово покупать соусницу для *своей* кухни?

Я стала домохозяйкой в первый же день — Рыжику позвонили, предложили место в госпитале, и она стала заступать на дневное дежурство с семи ноль-ноль или на ночное — с двадцати трех ноль-ноль. На следующий день,

пока она отсыпалась от ночного дежурства, я приготовила свой первый обед, и... у меня сгорела картошка, и я разревелась. Интересно, рыдания по такому поводу — привилегия невесты? Если так, то я использовала свою привилегию, даже не успев стать настоящей невестой (Если мне вообще суждено когда-нибудь стать настоящей, а не такой, как в Крайстчерче).

Я стала хорошей домашней хозяйкой; я даже купила семена душистого горошка и посадила их у крыльца вместо несуществующих роз, и... обнаружила, что садоводство включает в себя нечто большее, чем просто закапывание семян в землю — эти семена так и не проклюнулись. Тогда я пошла в библиотеку Лас-Вегаса и купила книгу по садоводству — да-да, настоящую книгу с бумажными страницами и замечательными иллюстрациями, наглядно показывающими, что и как должен делать хороший садовник. Я выучила эту книгу наизусть.

Только одной вещи я так и не сделала, хотя мне ужасно хотелось — я не завела котенка. Рыжик могла “слинять” в любой день, она сама предупредила, что, если меня вдруг в это время не окажется дома, она может даже не попрощаться (как я сама когда-то предупреждала Джорджа и как оно и вышло). Если я беру котенка, я даю пожизненное обязательство, а курьер не может таскать за собой повсюду в дорожной сумке кошку — тут как с рождением детей. Однажды и мне придется “слинять”... Поэтому я и не взяла котенка. Не считая этого, я наслаждалась всеми сладкими прелестями жизни домашней хозяйки... Включая пчел в сахарнице и загоревшийся как-то раз посреди ночи камин — без этих двух “прелестей”, я постараюсь обойтись в следующий раз.

Чудное было время. Рыжик постепенно научила меня сносно готовить — раньше я полагала, что умею, а теперь я действительно умею. И я научилась смешивать мартини именно так, как она любила — раньше я никогда не утруждала себя такими сложностями, но теперь поняла, как необходим стаканчик мартини медсестре, валящейся с ног после ночного дежурства, как только она переступает порог своего дома.

Ей-Богу, если бы Рыжик была мужчиной, я покончила бы со своей временной стерильностью, с радостью нарожа-

ла бы ей кучу детей, завела кошек и увила бы дверь плющом.

Берт и Анна скоро уехали в Алабаму, но мы договорились не терять друг друга из виду. Они не собирались там жить постоянно, но Анна считала, что должна повидать дочь и внуков (а заодно, думаю, и показать своего нового мужа). Потом они собирались заключить контракт с какой-нибудь военной или полувоенной организацией, чтобы вместе участвовать в боевых операциях. Да-да, они оба устали от сидячей жизни, оба желали промотать все деньги и завербоваться в какой-нибудь боевой отряд. “Лучше один час полной жизни, чем сто лет унылых будней?” Что ж, может, так оно и есть. Во всяком случае, это их дело.

Я продолжал бывать на Рынке Труда, потому что близился день, когда мне не то, что захочется “слинять”, а придется это сделать. Рыжик неплохо зарабатывала и поначалу пыталась настоять на том, чтобы одной оплачивать все наши расходы по дому, но я зарычала и рычала до тех пор, пока она не согласилась на половину. Теперь ведь я сама вела хозяйство, заполняла счета и прекрасно знала, во сколько обходится жизнь в Лас-Вегасе. Когда Рыжик оторвется отсюда, я одна смогу прожить здесь пару месяцев, не больше.

Только вряд ли я стану здесь жить. В “медовом” коттедже на двоих не очень-то весело жить одной.

Я продолжала свои попытки связаться с Жаном и Жанет, а также с Бетти и Фредди, но ограничила их двумя звонками — в месяц — они тоже недешево стоили.

Два раза в неделю я проводила полдня на Рынке Труда, внимательно изучая все варианты. Я больше не рассчитывала найти работу курьера, хотя бы с половинной оплатой по сравнению с той, что давал мне Босс, но все же продолжала навещать в международные корпорации: если кому-то и нужны были тренированные курьеры, то это им. Я перебирала и все остальные варианты любой работы, которая подходила бы моим необычным талантам. Босс утверждал, что я — своего рода суперчеловек. Что ж, если так, то могу подтвердить, что спрос на суперлюдей, мягко говоря, невелик.

Я стала подумывать о том, чтобы закончить курсы и стать крупье или просто служащим казино, но потом решила оставить это на самый крайний случай. Конечно, можно многие годы спокойно работать в игорном доме — крупье или кем-нибудь еще — за приличную зарплату, но для меня это обернется просто каторгой. Это способ выжить, но не жить. Лучше уж наняться рядовым и постараться побыстрее получить следующее звание.

Были и другие возможности, о которых я раньше никогда не помышляла. Хотя бы такие:

Наемные матери — по нелимитированной лицензии, заверенной “Транс Америкэн” или “Ллойдом”. Без доплаты за рождение близнецов, вплоть до четырех. Плата по согласованию. Оплачивается стандартное интервью для проверки физического состояния со специалистом по зашему выбору

“Бэби’с анлимитэд, Инк.” ЛВ 7962М 4/3”

Что ж, могу подписать контракт с “Бэби’с анлимитэд”, а могу и поработать частным образом в качестве “свободной художницы”. Мое естественное предохранение от беременности сыграет здесь только на руку — ведь больше всего покупатели наемных матерей не любят тех “мамочек”, которые вдруг беременеют где-нибудь на стороне перед самым “заказом”. Рожать для других — в качестве временного занятия, дело неплохое. Платят за это прилично.

Т р е б у е т с я : 90-дневная жена для веземного отпуска. Оплачиваются все расходы, удобства — 9+. Физические данные: С/У, сангвинический темперамент — 8, сексуальность — 7 или выше.

Клиент имеет лицензию на продолжение рода от Чикагской империи, коковую вручит жене-на-отпуск в случае ее беременности или оплатит 120-дневную стерилизацию — по ее выбору. Связаться с Амелией Трент, лицензированным секс-брокером. №18/20, Новый Кортекс, Меззанин.

. Неплохое предложение для тех, кто нуждается в трехмесячном отпуске и любит русскую рулетку. Мне лично беременность не грозит, а индекс похотливости у меня выше, чем семь — намного! Но шкала оплаты “подружек” в Свободном Штате не так высока, чтобы терять из-за этого шанс устроиться на более постоянную работу... И клиент наверняка какой-нибудь зануда, иначе он не стал бы нанимать незнакомку для своей постели на время отпуска.

С р о ч н о т р е б у ю т с я — два инженера по Пространству — Времени любого пола, имеющие опыт в n-пространственных работах. Должны быть согласны на риск невозвратимого темпорального перемещения. Условия оплаты — по договоренности.

“Бэбкок и Уилкокс Лтд.”

Следите за “Уолл-Стрит Джорнал”, ЛВ Рын. Тр.

Вот это как раз то, что мне нужно. Жаль только, у меня нет ни малейших навыков в этой специальности.

Перед первой Плазматической церковью (“Вначале была Плазма, в пустоте и без всякой формы...”) висела доска с расписанием служб. Меня заинтересовало там маленькое объявление, выведенное корявыми буквами: *Следующая Девственница будет принесена в Жертву в 02.51, 22 октября.*

За словом “следующая” ощущалось некоторое постоянство и даже надежность, но как и в случае с временно-пространственными инженерами, мне явно не хватало навыков в этой области. Вообще-то, честно говоря, я слегка растерялась. Пока я глазела на объявление, из церкви вышел человек, сменил расписание, и я обнаружила, что пропустила вчерашнее причастие, а следующее будет лишь через две недели. Это меня мало задело, но, как всегда, подвело любопытство и я спросила:

— Вы правда приносите девственниц в жертву?

— Я — нет, — ответил он. — Я тут только помощник, но... Да нет, конечно, им вовсе не обязательно быть девственницами. Им нужно выглядеть девственницами. — Он осмотрел меня с ног до головы. — Я думаю, у тебя получится. Хочешь зайти и поговорить со священником?

— Я? Нет-нет... Но скажите, их действительно приносят в жертву?

Он опять внимательно оглядел меня.

— Ты ведь здешняя? Да? — Я кивнула. — Значит, так... Объявив, что снимаешь фильм ужасов про мертвецов, ты ведь вполне можешь снимать его при дневном свете в павильоне, верно? И никто из статистов не станет спрашивать, будут ли из них и впрямь делать мертвецов, согласна? Такой вот у нас город. Что тут странного?

Наверно, и на самом деле ничего, только... А может, я просто деревенская дурочка.

Объявлений о различных внепланетных работах было множество, но я не собиралась наниматься на внепланетную работу, поскольку я рассчитывала соскочить с этой планеты в качестве колониста — это путешествие мне оплачивалось, так что я могла выбирать любую колонию: от Проксимы, что совсем неподалеку от нас, до Релма, расположенного так далеко, что и груз и пассажиров отправляли туда на Н-звездолетах... Правда, по последним сведениям, Первый Гражданин запретил миграцию на Релм за любую плату для всех, за исключением некоторых артистов и ученых, причем каждая кандидатура разбиралась в индивидуальном порядке. Но я не очень-то рвалась на Релм, какие бы сказки там про него ни рассказывали — слишком далеко! Вот жители Проксимы — можно сказать, наши соседи; с Южного острова их солнце прекрасно видно: такая яркая, большая звезда... Смотрится очень симпатично! И все же я внимательно изучала каждое объявление.

Золотая дивизия “Трансураник” возле Проциона-В нуждалась в опытных горных инженерах — контракты на пять лет, плюс премиальные. В объявлении не упоминалось о том, что средний человек редко протянет больше пяти лет на Проционе-В.

Гиперпространственные линии нанимали людей для путешествия на Релм через Проксиму, Аванпост, Фидлерс Грин, Форест, Ботани-Бей, Альцион и Мидуэй. Четырехмесячное турне со стационарного спутника, выплата жалованья — через месяц после отбытия из земного порта или с Луны. Я пропустила условия оплаты для астронавигаторов, инженеров, связистов и медиков и принялась изучать

список остальных: официант, стюард в номерах, плотник-ремонтник, электрик, паяльщик, электронщик, электронщик по компьютерам, повар, повар по выпечке, повар по специям, заведующий буфетом, специалист по соусам, шеф-повар, бармен, крупье, администратор, фотограф-гологграф, помощник зубного врача, певец, инструктор по танцам, организатор игр, секретарь-компаньон, секретарша-компаньонка, помощник администратора, инструктор по изобразительным искусствам, карточный инструктор, устроительница вечеринок (интим.), инструктор плавания, медсестра, няня, охранник порядка (вооруж.), охранник порядка (невооруж.), руководитель оркестра, театральный директор, музыкант (перечислено двадцать три наименования инструментов, но желательно — играющих на нескольких сразу), косметичка, парикмахер, массажист... Словом, вполне стандартный набор. И в этом нет ничего удивительного — все, что делают на Земле, делают и на небесах. Правда, некоторые из специальностей были связаны исключительно с космосом — я просто не знала, что они означают (допустим, что, скажите на милость, значит — “сверхгиппереходник 2/с”?).

Лишь одна профессия не значилась в списке — “подружки”. И это несмотря на гарантию предоставления равных возможностей на Гиперпространственных линиях. Ну, я-то хорошо знаю эти “равные возможности” — если вы хотите получить какую-нибудь не шибко специализированную работу, вам очень помогут: смазливость, молодость, крепкое здоровье, сексуальность, а еще лучше бисексуальность, жажда заработать и готовность к любому более или менее разумному предложению. Сам капитан порта начинал карьеру со стюарда на старом “Ньютоне”. В бытность свою стюардом, он внимательнейшим образом следил за тем, чтобы в полетах его пассажиры получали все, что им было угодно, и, разумеется, за тем, чтобы они хорошо платили за это. Став капитаном порта, он продолжал исследовать ту же доктрину. Поговаривали, что он отдает предпочтение супружеским парам и вообще парам, если они умеют работать сообща как в постели, так и за ее пределами. Мне рассказывали об одной паре — сутенере и его подружке, — которая сколотила состояние всего за четыре полета. С утра —

инструкторы танцев, днем — инструкторы плавания, наемные танцоры — перед обедом и после, певичка и администратор — вечером, а ночью — интимное обслуживание поодиночке или вместе. Итого: четыре полета и — можно спокойно уходить на пенсию... Впрочем, не только можно, но и должно. Их вынуждены были уволить, поскольку такой чудовищный темп очень скоро попросту высосал из них все жизненные соки.

Не думаю, что деньги могут заставить меня пойти на такое. Я, конечно, прокувыркаюсь всю ночь, когда бы меня об этом ни попросили, но на следующий день я все-таки хочу урвать возможность как следует отоспаться.

Меня немного удивило, что Гиперпространственные линии, имея всего четыре пассажирских лайнера, по-видимому, на каждый рейс нанимают заново всю службу. Помощница агента по найму удивленно приподняла брови и спросила:

— Вы действительно не знаете? — Я кивнула. — В трех местах посадки нужно очень много золотых кружочков, чтобы выкупить право на въезд. Три других — тоже недешевы, хотя в некоторых специальностях там нуждаются. И лишь одна планета принимает без ограничений кого угодно. Поэтому главная наша проблема — дезертирство. Фидлерс Грин такой лакомый кусочек, что несколько лет назад туда сбежал первый пилот “Дирака”. Компания может быть относительно спокойна по поводу тех, кого нанимают здесь, в Вегассе, но... представьте, что вы живете в Рангуне или Бангкоке, устроились рабочей в рейс на Хальцион, и ваш начальник засмотрелся в сторону... Ну, что вы сделаете? — Она передернула плечами и грустновато усмехнулась. — Я не выдаю вам никаких тайн. Каждый, кто хоть раз задумывался об этом, знает, что единственный способ для большинства людей убраться с Земли, хотя бы на Луну, — это завербоваться на космический рейс, а потом соскочить. Я бы и сама так сделала, если бы могла.

— А почему же не делаете? — спросила я.

— А потому что у меня шестилетний сын.

(Мне пора научиться не лезть в чужие дела)

Кос-какие объявления пробудили во мне любопытство. Скажем, такое:

*Только что открыта планета типа Т-8.
Максимальная опасность гарантируется.
Только пары или группы.
В рамках плана развития и выживания.
“Черчилль и сыновья”.
Лас-Вегас, Рын. Тр. 96/98.*

Я вспомнила, как Джордж говорил, что любая планета выше по Т-шкале, чем 8, требует огромных затрат. Теперь я знала эту шкалу — восьмерка соответствовала первоначальному состоянию Земли, а большую часть нашей старушки было не так-то легко приручить. Очень многое пришлось переделывать, скажем, вот эта самая земля, на которой я сейчас стою, была населена жуткими монстрами и ящерами, пока в нее не вбухали Бог знает сколько денег и... воды. Интересно, что означает “максимальная опасность?” Пригодятся ли для этого мои таланты? Вообще-то я бы не хотела становиться вождем отряда амазонок, потому что несколько моих девчонок наверняка погибли бы, а мне это не по вкусу. Другое дело — поймать саблезубого тигра или кого-нибудь в этом роде. Уверена, смогла бы подойти к нему, стреножить и оттащить в кусты до того, как он сообразит, что с ним произошло. Так, может, Т-8 для Фрайди больше подходит, чем наманикюренное местечко, вроде Фидлерс Грин?

С другой стороны, “максимальная опасность” может означать и множество действующих вулканов, и повышенную радиацию. Зачем палить втемную? Нет, Фрайди, сначала разузнай все как следует — у тебя есть всего одна попытка.

В этот день я задержалась на рынке. потому что Рыжик пришла после ночного дежурства. Я приготовила ей поесть и уложила спать около десяти. Я надеялась, что она проспит часов до восьми вечера, и поэтому бродила по рынку, пока конторы не стали закрываться.

Когда я вернулась, наш дом был погружен во тьму. Меня это обрадовало — значит, Рыжик до сих пор спит, а стало быть, если повезет, я успею приготовить ей завтрак до того, как она проснется (с этими ее ночными дежурствами обеды, завтраки и ужины у нас поменялись местами). Стараясь не шуметь, я открыла дверь, вошла

внутри и... обнаружила, что дом пуст. Мне даже не нужно было обходить его весь, ведь пустота чувствуется сразу. Я пошла прямо в спальню. Пустая кровать. Пустая ванная. Я включила свет, и сразу увидела большой лист бумаги возле терминала. Записка? Нет, пожалуй, целое письмо. Адресовано мне:

Фрайди, родная!

Похоже, ты не придешь домой до того, как я уеду, и, может, это и к лучшему, потому что мы обе стали бы плакать, а толку от этого — никакого.

Моя работа здесь пошла к финишу, но не совсем так, как я предполагала. Доктор Крэсни поддерживал контакт с моим здешним начальством, чтобы в нужный момент меня сразу отпустили, заплатив все, что причитается. Он позвонил мне сегодня, когда я еще не успела заснуть. Он теперь полковник медслужбы в новообразованном медицинском отделе, обслуживающим скаутов Сэм-Хьюстона. Скауты, естественно, лишь вспомогательная часть основного состава — каждый батальон распределяется между тремя основными войсковыми соединениями. Мне не положено сообщать, где мы дислоцируемся, а тем более, куда направимся, но (сожги это письмо, как только прочтешь!), если ты поедешь к западу от Плэйнвью, ты можешь наткнуться на нас в Лос-Лэнос-Эстакадос еще до того, как доберешься до Портэйлса.

Куда мы направимся? Это — действительно засекречено! Но если мы не врежем по Эскенсиону в ближайшее время, многие солдатские жены не получат пенсии. Я позвонила Анне и Берт, они встретят меня в 18.10 в Эль-Пасо (В 18.10? Но тогда Рыжик уже в Техасе. О, Господи!..), потому что доктор Крэсни обещал им работу — или военнослужащими, или помощниками в медицинских частях, если возникнет какая-то задержка военных операций. Для тебя, моя дорогая, тоже есть работенка, если тебя интересует поле боя. А можешь быть и медтехничкой 3-го класса — тогда я возьму тебя к себе и быстренько натренирую на старшего сер-

жанта медслужбы. Думаю, проблем не будет, я ведь знаю, чего ты стоишь. Знает это и полковник Крэсни. Было бы здорово, если бы мы вчетвером... то есть, я хочу сказать, впятером, опять собрались вместе. Но я ни в коем случае не хочу давить на тебя. Я знаю, ты очень огорчена, что потеряла след своих канадских друзей, которые куда-то исчезли. Если считаешь, что должна оставаться свободной и продолжать их поиски — сохрани тебя Господь и пошли тебе удачу. Но если хочешь принять участие в небольшой заварушке за очень приличную плату, не теряй времени, поезжай напрямик в Эль-Пасо. Адрес: "Ручные разработки, Дивизия Эль-Пасо, Отдел полевых действий — изучение фактора окружающей среды", обращаться к Джону Крэсни — главному инженеру. Пожалуйста, не смейся и, прочитав и запомнив письмо, сразу же уничтожь его. Как только вести об этой операции просочатся в "Новости", ты можешь связаться с нами открыто через Хьюстонское бюро скаутов. Но пока я — "старший технический сотрудник" в группе по изучению фактора окружающей среды.

Дай тебе Бог всего самого хорошего и сохрани от всех бед и напастей.

С любовью. Рыжик.

ГЛАВА XXVII

Прочитав письмо, я сожгла его и сразу легла в постель — ужинать мне в этот вечер что-то расхотелось.

На следующее утро я отправилась на Рынок Труда, нашла мистера Фаусетта, агента Гиперпространственных линий, и сказала ему, что хочу подписать контракт в качестве охранника порядка (безоружного). Этот высокомерный индюк расхохотался мне в лицо. Я взглянула на его помощницу в поисках моральной поддержки, но та отвела глаза. Тогда я подавила вспышку раздражения и очень вежливо спросила Фаусетта:

— Скажите, пожалуйста, что здесь смешного?

Он прекратил свое дурацкое хрюканье и сказал:

— Слушай, цыпочка, охранник, а тем более охранник порядка должен быть как минимум мужчиной. А тебя как дамочку мы можем нанять совсем по другой специальности.

— Ваше объявление гарантирует равные права для всех. В списке, где значится “официант”, рядом написано: “официантка”. Точно так же “стюард” не исключает “стюардессу”. И так далее. Это что, неправда?

Фаусетт перестал ухмыляться, напустил на себя строго-торжественный вид и заявил:

— Совершеннейшая правда. Но там так же сказано: “Физически способные выполнять работы соответственно занимаемым должностям”. Охранник порядка — это полицейский офицер на борту корабля. Безоружный охранник порядка — это легавый, который способен обеспечить порядок, не прибегая к оружию. Он может влезть в гущу драки и арестовать зачинщиков голыми руками. Вы этого делать не в состоянии, так что не морочьте мне голову и не вздумайте брать меня на испуг: грозить жалобой в профсоюз и все прочее.

— Не собираюсь. Но вы не прочли мой послужной список.

— Какое значение может иметь ваше досье? Впрочем... — Он небрежно взглянул на лежащий перед ним лист бумаги. — Здесь сказано, что вы — “боевой курьер”. Не знаю, что это означает, но...

— Это означает, что, когда у меня есть задание, меня никто не остановит. Если же все же кто-то попытается, его с таким же успехом можно бросить на съедение голодным собакам. Курьер действует без оружия. Иногда у меня бывает при себе лазерный нож или балончик с газом, но в основном, я полагаюсь на голые руки. Обратите внимание на мою подготовку.

Он опять взглянул в свое досье и пожал плечами:

— Ну, хорошо, вы прошли курс рукопашного боя. Но это вовсе не означает, что вы справитесь с каким-нибудь здоровенным всрзилой — выше вас на две головы и килограммов на сто тяжелей. Не отнимай у меня времени, детка, тебе не справиться даже со мной.

Я обошла стол, за которым он сидел, сдернула его со стула, дошла с ним до двери и там отпустила — достаточно быстро, чтобы никто снаружи этого не увидел. Его помощница тоже этого не видела — очень старательно не видела.

— Вот так, — сказала я, — я могу это делать, не причиняя боли. Но мне бы хотелось пройти испытания с самым крупным вашим охранником. С удовольствием сломаю ему руку. Если вы, конечно, не прикажете мне сломать ему шею.

— Ты схватила меня слишком неожиданно!

— Конечно. Именно так следует управляться с пьяницей-дебоширом. Но сейчас вы ведь ожидаете? Вы готовы, не так ли? Давайте повторим все снова. Только на этот раз мне придется причинить вам боль. Немножко. Кости останутся целы.

— Стой, где стоишь! Чушь это все... Мы не берем охранниками тех, кто научился каким-то восточным штучкам — мы нанимаем здоровых мужиков. Таких здоровых, что они вызывают уважение одним своим видом. Им вовсе не нужно драться.

— Ладно, — согласилась я, — возьмите меня “легавым в штатском”. Наденьте на меня вечернее платье и назовите наемной танцоршей. Когда кто-то моих габаритов сделает вид, что поскользнулся на льду, врежет вашему “здоровому мужику” по мошонке и тот выпадет в осадок, я перестану играть “леди-танцует” и мигом наведу порядок.

— наших охранников ни от кого не надо защищать.

— Возможно. По-настоящему здоровый мужик обычно ленив и неповоротлив. К тому же он, как правило, мало смыслит в драках, потому что ему и драться-то никогда не приходилось. Он хорош, когда надо следить за порядком при игре в карты или справиться с одним несчастным пьяницей. Но что, если капитану действительно понадобится помощь? Заговор, мятеж... Тогда будет нужен тот, кто умеет драться. Это — я.

— Оставьте заявление у моей помощницы. И не звоните нам, мы сами свяжемся с вами.

Я вернулась домой и стала прикидывать, куда бы мне еще обратиться. Или... Может, мне стоит уехать в Техас?

Я допустила с мистером Фаусеттом ту же самую непростительную глупейшую оплошность, что и с Брианом — Боссу было бы стыдно за меня. Мне нужно было не бросаться на его вызов, а вежливо настоять на честном испытании... Ни в коем случае нельзя было даже пальцем касаться того, к кому я обращалась, у кого просила работу. Ты дура, Фрайди, круглая дура!

Меня расстроила не потеря именно этой работы, а потеря возможности устроиться на любую работу в космосе на Гиперпространственных линиях. А ведь так или иначе мне очень скоро придется найти работу, чтобы оправдать тот простой факт, что Фрайди хочет есть (и есть, надо сказать прямо, как свинья). Черт с ней, с этой работой — не обязательно быть “охранником порядка”, — но мне нужна работа на Гиперпространственных линиях, потому что за один рейс я смогу поглядеть своими глазами на половину колонизированных планет в освоенном космосе.

Хоть я и решила последовать совету Босса и эмигрировать с Земли, перспектива выбирать точку приземления, черпая информацию из брошюр, написанных рекламными агентами, да еще выбирать без права на повторную попытку — такая перспектива меня не устраивала. Я хотела сначала осмотреться. Возьмите, скажем Эден — о нем написано больше хвалебных песен, чем о любой другой колонии в космосе. Достоинства: климат, схожий с климатом Южной Калифорнии почти на всей суше, нет никаких опасных хищников, нет насекомых, притяжение — на девять процентов меньше земного, а содержание кислорода на одиннадцать выше, условия жизни очень похожи на земные, а почва так плодородна, что снять за год два-три урожая — сущий пустяк. Куда ни глянь, приятный пейзаж, а население на сегодняшний день не превышает десяти миллионов. Спросите, где же ловушка?

Я выяснила это случайно, когда однажды любезно согласилась поужинать в Луна-Сити с одним пилотом. Компания вложила огромные деньги в Эден — вкладывала с того момента, как он был открыт, — и сделал из планеты великолепный “Дом престарелых”. Таким “Домом” он и является теперь — после того, как партия пионеров подготовила его для обитания и убралась, девять десятых переселенцев составили люди пожилые и богатые. По сво-

ему государственному устройству Эден — демократическая республика, но совсем не такая, как Калифорнийская Конфедерация. Чтобы получить право голоса на выборах, житель Эдена должен достичь возраста семидесяти земных лет и быть налогоплательщиком (то есть землевладельцем). Лица от двадцати до тридцати лет заняты на общественных работах, и, если вы понимаете это, как исполнение всех желаний и прихотей старшего поколения, то вы безусловно правы. И естественно, все самые грязные и “черные” работы попадают под эту категорию и никто не платит за них обычных надбавок — это просто не нужно, поскольку занятость на этих работах молодежи практически принудительная. Написано об этом в рекламных брошюрах? Не смешите меня!

Мне нужно выяснить очень многое, что не входит в рекламу, о каждой колонии в космосе, прежде чем я куплю билет в одну сторону на какую-то из планет. Но я лишилась лучшей возможности удовлетворить свое любопытство, решив доказать мистеру Фаусетту, что безоружная женщина может исполнять “а-ну-пройдем-ка” со здоровым мужиком, — я наверняка очутилась у него в черном списке. Интересно, повзрослею ли я до того, как меня посетит дыхание Чейн-Стокса?

Что толку плакать над опрокинутой кастрюлей с молоком? Босс презирал это не меньше, чем жалость к себе. Лишив себя шансов законтраговаться на Гиперпространственные линии, мне все равно нужно было убираться из Лас-Вегаса, пока у меня еще не кончились деньги. Раз уж я не могла слетать сама в “большое путешествие”, нужно было разузнать о колониях другим способом — например тем, с помощью которого я ознакомилась с прелестями Эдена: можно было познакомиться поближе с членами экипажа звездолетов.

Заняться этим можно лишь в одном месте: на Стационарном спутнике. Дальние грузовые звездолеты редко приближались к уровню земного притяжения ближе, чем Эль-4 или Эль-5, то есть ближе лунной орбиты. Избегали они и самой Луны. Но пассажирские корабли обычно садились на Стационарный спутник. И все четыре гигантских лайнера Гиперпространственных линий —

“Дирак”, “Ньютон”, “Максвелл” и “Форвард” — стартовали оттуда, возвращались туда, и там же проходили техническую подготовку и брали топливо. Там находилось отделение комплекса “Шипстоун” (“Шипстоун-стационар”) — в основном для продажи энергии звездолетам, чаще всего — громадным лайнерам. Офицеры и обслуга, отпущенные в “увольнительную”, обычно проводят свободное время на Земле, а вот те, кто должен нести вахту на корабле, часто выпивают и развлекаются на Стационарном спутнике. Я не большая любительница спутника — кроме захватывающей и постоянно меняющейся панорамы Земли, там нет ничего примечательного, разве что дикие цены. Его искусственная гравитация действует на нервы — все время кажется, что она отключится в тот самый момент, когда вы поднесете ко рту ложку с супом. Но если вы непривередливы, там нетрудно найти временную работу, а мне придется так или иначе зарабатывать на хлеб насущный, чтобы прожить там, пока я не раз узнаю все как следует о внеземных колониях, заарканивая и очаровывая суровых покорителей космоса.

Быть может, мне даже удастся обойти Фаусетта и дуриком просочиться оттуда на Гиперпространственные линии — случается, недостающих членов команды набирают там за пять минут до вылета. Если мне повезет, я не повторю своей ошибки — не стану требовать должности охранника порядка: официантка, стюардесса, горничная... Словом, ухвачусь за любую работу на корабле, лишь бы попасть в дальний рейс. А потом, когда я выберу для себя новое пристанище, я обязательно постараюсь попасть на тот же самый лайнер, но... уже в качестве пассажирки первого класса, раз уж по странной воле моего приемного отца мне предоставляется такая возможность...

Я оставила записку хозяину той мышеловки, что мы снимали, и стала соображать, что я еще должна сделать перед отлетом в Африку. Африку... Придется добираться через остров Вознесения или... Интересно, полубалистики уже летают? Африка заставила меня вспомнить о Рыжике, Анне, Берте и добряке Крэсни. Может быть, я попаду в Африку раньше, чем они, но... Какая разница? Там, насколько мне известно, лишь в одном месте идет что-то вроде войны, и я постараюсь бежать от этого района, как

от чумы... Чума! Я должна сейчас же дать знать о чуме Глории Томосаве и моим друзьям на Эль-5 — мистеру и миссис Мортенсон. Навряд ли, конечно, мои слова убедят их (как и вообще кого бы то ни было) в том, что эпидемия чумы разразиться через два с половиной года — я сама в это не верила. Но если мне все же удастся заставить задуматься некоторых ответственных чиновников хотя бы настолько, чтобы санитарные меры против крыс стали жестче, а медицинские проверки в космопортах перестали быть бессмысленным ритуалом, то это может... может спасти колонии в космосе и Луну. Вряд ли, конечно, но... Я должна попробовать.

Да, надо попробовать еще разок связаться с Тормеями и, если там пусто, отложить это до возвращения со Стационарного спутника (хочу надеяться!) из дальнего рейса. Конечно, можно позвонить в Сидней или в Виннипег со Стационарного спутника, но стоит это гораздо дороже, а я не так давно очень хорошо усвоила, что желать чего-то и быть способной это осуществить — не одно и то же.

Я набрала код Тормеев в Виннипеге, ожидая услышать в ответ обычное: "Набранный вами код временно отключен по желанию абонента". Но услышала я совсем другое:

— Дворец "Пиратская пицца"!

— Прошу прощения, — пробормотала я, — я неверно набрала номер.

После этого я набрала вторично — очень аккуратно.

— Дворец "Пиратская пицца"!

— Простите, что беспокою вас, — сказала я. — Я нахожусь в Лас-Вегасе и набираю код моих друзей в Виннипеге, но все время попадаю к вам. Видимо, что-то не так в компьютере, и...

— Какой код вы набираете? — осведомился дружелюбный женский голос.

Я назвала код Жана и Жанет.

— Все правильно, — подтвердила она, — это наш номер. Лучшая пиццерия во всей Британской Канаде. Но мы открылись всего десять дней назад. Вполне возможно, что раньше этот код принадлежал вашим друзьям.

Я поблагодарила ее, отключила связь и задумалась. Потом я набрала код виннипегского аэропорта, сильно на-

деясь, что мой дешевенький терминал с ограниченными возможностями может принимать видеоизображение не только из Лас-Вегаса, но и из более отдаленных мест, — в работе “Пинкертон” очень важно видеть лица расспрашиваемых. Как только мне ответил компьютер аэропорта, я сразу же потребовала дежурного офицера — в общении с этим аэрофлотским монстром у меня был опыт. Появившейся на экране женщине я объяснила:

— Я — Фрайди Джонс, близкая знакомая капитана Тормея и его жены. Из Новой Зеландии. Стараюсь дозвониться им домой, но ничего не выходит. Вы не могли бы не помочь?

— Боюсь, что нет.

— Вот как? И ничего не можете посоветовать?

— Простите, нет. Капитан Тормей подал в отставку. И даже забрал все, что ему полагалось по пенсионному обеспечению. Как я слышала, он продал свой дом, а стало быть, отправился в лучшие края. Единственный адрес, по которому с ним, быть может, удалось бы связаться, это адрес его зятя в Сиднейском университете. Но мы не имеем права сообщать этот адрес кому бы то ни было.

— Вы вероятно, имеете в виду профессора Федерико Фарнези из биологического факультета университета в Сиднее?

— Совершенно верно. Я вижу, вы в курсе.

— Да, Бетти и Фредди — мои друзья. Я познакомилась с ними, когда они жили в Окленде. Ну, что ж, я доберусь до дому, свяжусь с Фредди и через него найду Жана. Спасибо за помощь.

— Не стоит. Когда увидите капитана Тормея, пожалуйста, передайте ему привет от младшего пилота Памелы Херсфорд.

— Непременно передам.

— Если вы собираетесь домой, у меня есть для вас хорошие новости. Все рейсы полубаллистов на Окленд полностью восстановлены. В течение десяти дней мы занимались лишь транспортировкой грузов, и теперь полностью уверены в безопасности всех наших рейсов. Сейчас всем пассажирам предоставляется сорокапроцентная скидка — мы хотим, чтобы все наши друзья вернулись к нам.

Я поблагодарила ее, сказала что, поскольку я сейчас в Вегасе, то вылечу из Вандерберга, и быстро отключилась, пока не пришлось придумывать новые отговорки.

Я снова задумалась: лететь ли мне сначала в Сидней, раз полубаллистики опять на ходу? Там был — раньше во всяком случае — еженедельный рейс из Каира в Мельбурн и обратно. Если теперь его нет, можно воспользоваться морем, или монорельсом — через Сингапур, Рангун, Дели, Каир, а потом Найроби, но... Это будет долго, дорого и ненадежно — возможны задержки на каждой пересадке и любые местные неурядицы. Может случиться, что я окажусь в Кении без гроша в кармане и мне не хватит денег, чтобы попасть на Стационарный спутник. Ладно, еще одна попытка — еще один звонок. Вряд ли, конечно, но — для очистки совести...

Я позвонила в Окленд и ничуть не удивилась, когда компьютер сообщил мне, что код отключен. Я прикинула, сколько сейчас времени в Сиднее, и позвонила в университет, но не через обычный справочный код, а прямо на биологический факультет — по коду, который мне удалось получить месяц назад.

Мне ответил знакомый голос.

— Привет, Айрин, — сказала я, — это Марджори Болдуин. По-прежнему пытаюсь отыскать мою заблудшую овечку.

— Господи! Милая, я честно пыталась передать от тебя словечко Фредди! Но профессор так и не появился у себя в кабинете. И вообще в университете. Он уехал!

— Уехал? Куда?

— Ты не поверишь, если я скажу тебе, сколько людей хотело бы это знать. Мне вообще-то не положено говорить тебе об этом, но... Кто-то основательно очистил его кабинет от всех следов, и в квартире — ни единого волоска... Он просто исчез — и все! И никто не знает куда.

Я поблагодарила ее, отсоединилась и, поразмыслив, набрала код виннипегского бюро охраны "Волчья стая". С превеликими трудностями мне удалось добраться до человека, назвавшего себя помощником коменданта. Я честно сказала ему, кто я такая (Марджори Болдуин), где нахожусь (в Лас-Вегасе) и что мне нужно (найти своих друзей).

— Ваша компания, — сказала я, — охраняла их дом, пока он не был продан. Вы не можете сказать мне, кто купил дом или хотя бы через какого агента он был продан?

Вот тут мне очень хотелось не только слышать звук его голоса, но и увидеть физиономию!

— Слушай, сестренка, — буркнул он, — я чую легавого даже через компьютер. Пойди доложи своему начальству, что как они ничего не добились от нас в прошлый раз, так не получают ни черта и в этот.

Я удержалась от резкости и вежливо объяснила:

— Я не легавый, но я понимаю, что у вас есть причины мне не верить. Я действительно сейчас в Вегасе, и вы легко можете это проверить, позвонив мне сюда. За мой счет, конечно. Продиктовать вам код?

— Незачем.

— Хорошо. Капитан Тормей владел парой черных лошадей морганской породы. Вы можете мне сказать, кто купил их?

— Детка, сделай так, чтоб я тебя искал.

Что ж, Жан сделал правильный выбор: “Стая волков” по-волчьи охраняла интересы своих клиентов.

Будь в моем распоряжении время и деньги, я могла бы раскопать что-нибудь, лично съездив в Виннипег и в Сидней. Знать бы только... Ладно, забудь об этом, Фрайди, теперь уже ясно: ты потеряла их и осталась совсем одна. Хочешь увидеться с Рыжиком? Вяжешься ради этого в войну в Восточной Африке? Но ведь Рыжик ради того, чтобы остаться с тобой, не пожелала не ввязываться в эту заваруху... Это тебе ни о чем не говорит? Да, это говорит мне о том, что я сама всегда знала, но не желала признавать: люди, другие люди всегда нужны мне больше, чем я нужна им. Это — твой самый большой недостаток, Фрайди, и ты прекрасно знаешь, откуда он возник и как к этому относился Босс.

Ладно, завтра летим в Найроби. Сегодня дадим знать о чуме Глории Томосаве и Мортенсонам, ночью как следует выспимся, а утром... Разница во времени — одиннадцать часов, так что надо рано вставать. И нечего волноваться и дергаться по поводу Жанет и всех остальных, пока не вернешься со Стационарного с твердым решением — на какую колонию отправляться. Когда вернешься, можешь

потратить все, до последнего грамма на их поиски, поскольку, как только ты определишься с колонией, Глория Томосава возьмет все твои дела в свои прелестные твердые ручки.

Ночью я хорошо выспалась, утром собрала вещички — старая спортивная сумка, наполовину пустая, — и бродила по кухне, собирая мелкие безделушки, когда на терминале раздался звонок.

Это была та самая симпатичная секретарша с шестилетним сыном из Гиперпространственных линий.

— Хорошо, что застала тебя, — сказала она. — У босса есть для тебя работенка.

Я молча ждала продолжения. На экране показалась глупая физиономия Фаусетта.

— Ты утверждала, что ты — курьер. — многозначительно произнес он.

— Мне нет равных.

— Хорошо, если так. Работа не на Земле. Идет?

— Конечно.

— Записывай: Франклин Мосби, “Поиск, Инкорпорэйтэд”, номер шестьсот, здание комплекса “Шипстоун”, Беверли-Хилс. Поторапливайся, он ждет тебя на интервью до полудня.

Я не стала записывать адрес, а вместо этого сказала:

— Мистер Фаусетт, это будет стоить вам шесть граммов, плюс оплата дороги на монорельсе. Деньги вперед.

— Что-о-о? Чушь!

— Мистер Фаусетт, похоже, вы решили подшутить надо мной. Вам, наверно, кажется чертовски остроумным — заставить меня прокатиться до Лос-Анджелеса и потерять целый день, да еще заплатить за это турне.

— Смешная ты девчонка! Послушай, можешь взять деньги за билет здесь, в конторе... После интервью. А насчет шести граммов — сказать тебе, куда их засунуть?

— Не утруждайте себя. В качестве охранника порядка я не претендовала ни на какие особые условия, но в качестве курьера... Тут мне нет равных, и если этот человек действительно ищет курьера такого класса, он заплатит мне за интервью, не раздумывая. Вы шутник, мистер Фаусетт, — добавила я и отсоединилась.

Он позвонил опять через семь минут и говорил так, словно каждое слово причиняло ему неимоверные страдания:

— Плата за проезд и шесть граммов будут ждать тебя на станции. Но учти, шесть граммов не входят в твою зарплату, и ты вернешь их, если не устроишься на эту работу. А если устроишься, заплатишь мне мои комиссионные.

— Я не верну их ни при каких обстоятельствах, и от меня вы не получите никаких комиссионных, потому что я не нанимала вас в свои агенты. Может быть, вам удастся получить что-то от Мосби, но если даже и так, то это не вычтется ни из моей зарплаты, ни из платы за интервью. И я не буду бегать в поисках вашего курьера с деньгами по станции, как потерявшаяся собачонка. Если хотите сделать дело, присылайте деньги сюда.

— Ты невыносима! — Его физиономия сморщилась, как от зубной боли и исчезла с экрана. Но он не отключил линию, и на экране тут же появилась его секретарша.

— Слушай, — миролюбиво сказала она, — работенка на самом деле стоящая. Давай сделаем так: ты встретишь меня на станции возле Нью-Кортеса. Я доберусь туда быстро, захвачу с собой твои бабки и куплю тебе билет. Идет?

— Конечно, дорогая. До встречи.

Я позвонила хозяину дома, сказала, что оставлю ключ в холодильнике, рядом с остатками еды, которые он может, если голоден, съесть за мое здоровье.

Фаусетт не знал одного — что никакая сила на свете не заставила бы меня отказаться от этого интервью. Он продиктовал мне то самое имя и тот самый адрес, которые Босс велел мне запомнить прямо перед своей смертью. Я ничего не предпринимала по этому поводу, я ведь не знала, почему он хотел, чтобы я запомнила эти данные. Теперь я это выясню.

ГЛАВА XXVIII

На двери лишь табличка “Поиск, Инкорпорэйтед”, а ниже — “Специалисты по межпланетным транспортировкам”. Я вошла внутрь и тут же наткнулась на секретаршу.

— Мест нет, дорогуша, — небрежно бросила она, — последнее заняла я.

— Посмотрим, сколько ты на нем продержишься. У меня назначена встреча. С мистером Мосби.

Она неторопливо оглядела меня с ног до головы и осведомилась:

— Девочка по вызову?

— Благодарю за комплимент. Кстати, чем это ты так скверно вытравила волосы? Меня направили сюда из Гиперпространственных линий. Контора в Лас-Вегасе. Каждая секунда нашей милой беседы стоит твоему боссу несколько бруинов. Меня зовут Фрайди Джонс. Пойди доложи о моем прибытии.

— Ты шутишь? — Она нажала клавишу на своей приборной доске и включила индивидуальную защиту. Я наострила уши. — Фрэнки, тут какая-то шлюшка утверждает, будто у нее с тобой назначена встреча. Говорит, будто ее послали Гиперлинии из Лас-Вегаса.

— Черт, я же просил не называть меня так на работе! Проводите ее сюда.

— По-моему, она не от Фаусетта. Ты что, дурачишь меня?

— Заткнись и проводи ее сюда.

Она отключила селектор и защиту и сказала мне:

— Посиди здесь. Мистер Мосби сейчас на совещании. Как только он освободится, я дам тебе знать.

— Вот как? Но это вовсе не то, что он велел тебе сделать.

— Что-о-о? А не много ли ты себе позволяешь?

— Он сказал, чтобы ты не смела называть его “Фрэнки” на работе, и велел проводить меня к нему. А заодно велел тебе заткнуться. Так что я пошла. Лучше проводи меня.

Мосби было под пятьдесят, но старался он выглядеть на тридцать пять. Ровный загар, дорогой костюм, широкая улыбка, демонстрирующая полный набор зубов, и холодные глаза. Он усадил меня на стул для посетителей и спросил:

— Почему вы так долго? Я же сказал Фаусетту, что хочу поговорить с вами до полудня.

Я взглянул на свои часы, а потом на часы, стоявшие у него на столе. Было ровно четыре минуты первого.

— С одиннадцати часов я одолела четыреста пятьдесят километров, да еще чуть-чуть на городском шаттле. Мне что, вернуться в Вегас и попробовать добраться сюда быстрее или мы персейдем к делу?

— Я велел Фаусетту позаботиться, чтобы вы успели на десятичасовой... Ну да ладно. Насколько я понимаю, вам нужна работа.

— Я не голодаю. Мне сказали, что вам нужен курьер для работы вне Земли. — Я вытащила копию своего послужного списка и протянула ему. — Здесь сказано почти все о моей квалификации. Просмотрите список и, если я вам подхожу, расскажите поподробнее о работе, а я тогда скажу, подходит она мне или нет.

— А вот у меня есть сведения, что вы голодаете, — сказал он, кивнув беглый взгляд на протянутый мной листок.

— Если вы имеете в виду время ленча, то в этом смысле вы правы. Мой обычный гонорар указан в этом списке. Обо всех добавках нам следует договориться по ходу дела.

— А вы не из тех, что теряются, — заметил он, вновь поглядев на мой послужной список и неожиданно спросил: — Как поживает Хромое Брюшко?

— Кто?

— Тут сказано, что вы работали на “Систем Энтерпрайз”. Я спросил вас, как поживает Хромое Брюшко. Хромое Брюшко Болдуин.

(Это что, проверка? Своеобразный тест? Прямо с утра все тщательно рассчитано, чтобы вывести меня из себя? Если так, то самое правильное — не выходить из себя ни при каких обстоятельствах).

— Никогда не слышала, чтобы его так называли. Председателя “Систем Энтерпрайз” звали доктор Нартли Болдуин.

— Полагаю, у него была докторская степень, но все, кто имел с ним дело, звали его Хромое Брюшко Болдуин. Я спросил вас, как он поживает.

(Спокойно, Фрайди!)

— Он умер.

— Знаю. Хотел выяснить, знаете ли вы. В этом деле может быть много... случайностей. Ну хорошо, давайте поглядим на ваш сумчатый кармашек.

— Простите?

— Слушайте, я очень спешу. Покажите мне ваш пупок.

(Где же произошла осечка? Там... Нет, всех *тех* убили. Всех... Во всяком случае так полагал Босс. Значит, кто-то из них успел проболтаться до того, как был убит? Какая разница, главное — это все-таки раскрылось... Как Босс и предвидел).

— Фрэнки, милый, если ты хочешь сыграть со мной в “покажи-пупок”, должна предупредить тебя, что крашеная блондинка в твоей приемной наверняка подслушивает и почти наверняка записывает нашу беседу.

— О нет, она не подслушивает, у нее на этот счет имеются предписания, и...

— И она выполняет их так же, как предписание не называть тебя “Фрэнки” в рабочее время. Послушайте, мистер Мосби, вы начали обсуждать секретную информацию в незасекреченных условиях. Если вы хотите, чтобы она принимала участие в нашем разговоре, позовите ее сюда. Если же нет, уберите ее с поля боя. И давайте больше не возвращаться к этой теме.

Он побарабанил пальцами по столу, потом резко встал и вышел в приемную. Дверь в приемную не была звуко- непроницаемой, и до меня донеслись раздраженные голоса. Легкая перебранка. Когда он вернулся, физиономия у него была раздосадованная.

— Она пошла обедать. Хватит играть в кошки-мышки. Если вы та, за кого себя выдаете — Фрайди Джонс, известная так же как Марджори Болдуин, работавшая ранее курьером на Хро... на доктора Болдуина, главного директора “Систем Энтерпрайз”, — у вас на животе имеется искусственный карман, сделанный путем хирургической операции. Покажите мне его и удостоверьте таким образом вашу личность.

Я обдумала это. Требование удостоверить таким способом мою личность было небеспочвенным: отпечатки пальцев — ерунда, во всяком случае для тех, кто знаком с нашей работой. Ясно, что мой курьерский “кармашек” теперь ни какая не тайна, никогда уже мне им не пользоваться и пригодиться он может мне лишь сейчас как доказательство, что я — это я. Что я — это я? Как по-дурачки звучит...

— Мистер Мосби, вы заплатили шесть граммов чистого золота за интервью со мной, верно?

— Совершенно верно! И кроме голословных утверждений пока от вас ничего не получил.

— Прошу прощения. Меня никогда раньше не просили демонстрировать свой секрет на пупке, потому что до сих пор это держалось в строжайшей тайне. Во всяком случае я так полагала. Но поскольку вы об этом знаете, никакого секрета тут больше нет, следовательно, я не смогу использовать свой “кармашек” для секретной работы. Так что, если та работа, которую вы мне предлагаете, требует наличия у меня этого “секрета”, то, быть может, вам лучше изменить свои планы? Ведь “немного рассекреченный” секрет — это все равно, что “немножко беременная” девушка, не так ли?

— Ну... И да, и нет. Покажите мне его.

Я показала. Обычно я держу там пластиковый шарик диаметром в один сантиметр, чтобы “кармашек” не зарастал, пока я им не пользуюсь. Я вытащила шарик и показала ему “тайник”, а потом положила шарик на место, продемонстрировав, что отличить мой живот от нормального невозможно. Он внимательно изучил “кармашек” и хмыкнув произнес:

— Туда немного влезет.

— Может, вам лучше поискать кенгуру?

— Для нашего дела он подходит... Вполне. Вы повезете самый ценный груз в галактике, но он не займет много места. Застегнитесь и приведите в порядок одежду, мы идем обедать и нам *нельзя*... нельзя опаздывать!

— Но что все это значит?

— Расскажу по дороге. Поторапливайтесь.

Экипаж уже ждал нас. В пригороде Беверли-Хилс, среди холмов, которые дали название этому городу, есть один очень старый и весьма шикарный отель — там просто *пахнет* деньгами, а надо сказать, я отнюдь не презираю этот запах. После каждого пожара и большого землетрясения отель отстраивали заново в том же виде, в каком он был прежде, разве что в последний раз (как я слышала) его сделали огнеупорным и неподвластным никаким подземным толчкам.

От здания “Шипстоун” до отеля было двадцать минут езды хорошим аллюром, и за это время Мосби ввел меня в курс дела.

— Поскольку этот экипаж, — начал он, — единственное место, где мы можем поговорить безо всякого “уха”...

(Он что, действительно в это верит? Я могу сразу назвать по крайней мере три прекрасных места для “уха”: моя спортивная сумка, его карманы и сиденье экипажа. Могут быть и другие места; разумеется, не столь очевидные, но... Это его трудности — у меня секретов нет. Особенно теперь, когда мой пупок стал достоянием гласности).

— ... выслушайте меня, не перебивая. Я согласен на твою цену, Более того, по окончании задания ты получишь премиальные. Путешествие с Земли на Релм. За него тебе и платят. Путешествовать в обратную сторону ты будешь налегке, но весь путь туда и обратно занимает четыре месяца, а потому тебе и заплатят за четыре месяца. Премииальные получишь по прибытии туда — в имперской столице. Зарплата — за месяц вперед, а остальные по ходу дела. Идет?

— Идет. — Мне пришлось скрыть свое ликование. На Релм и обратно? Дорогой ты мой, еще вчера я собиралась совершить это турне в качестве и за жалование прислуги-за-все. — А как насчет оплаты всех издержек?

— У тебя не будет почти никаких издержек. На этих фешенебельных лайнерах все услуги входят в стоимость билета.

— Мелкие подарки, сувениры, планетные экскурсии, карманные расходы, игра в бинго, казино на борту корабля — такие расходы обычно составляют, как минимум, четверть стоимости билета. Если мне нужно притворяться богатой туристкой, я должна и вести себя соответственно. Разве не такая у меня “легенда”?

— Э-э... Ну, да. Ладно... Никто не будет в претензии, если ты потратишь пару тысяч, играя мисс Богатую Сучку. Предоставишь нам потом все счета, и мы оплатим.

— Нет. Четверть стоимости билета — на руки, наличными. Я не стану брать никаких счетов, это не подходит для “легенды”. Мисс Богатая Сучка никогда не опускается до таких банальностей.

— Ну хорошо, хорошо! Заткнись и дай мне сказать — скоро мы будем на месте. Ты — искусственное существо.

Давно на меня не накатывала такая ярость. Но я взяла себя в руки, решив, что позже он заплатит... Дорого заплатит за подобную реплику.

— Вы намеренно хотели меня оскорбить?

— Да нет же, конечно. Не заводись. И ты и я знаем, что искусственного человека невозможно отличить от живорожденного. На своем теле ты повезешь человеческий зародыш, находящийся в состоянии стасиса. Повезешь его в своем “кармане”, где естественная температура воздуха и мягкая среда оградят его от повреждений. Когда попадешь на Релм, подхватишь лихорадку, или простуду, или что-нибудь в этом роде и... окажешься в больнице. Там твой груз извлекут и отправят по назначению. Ты получишь премиальные и выйдешь из больницы, преисполненная гордости от того, что помогла молодой паре иметь здоровое дитя... Да-да, в противном случае он был бы мертвоорожденным или по меньшей мере инвалидом. Рождественская лихорадка.

Секунду я размышляла и пришла к выводу, что история эта похожа на правду.

— Принцесса? — спросила я.

— Что-о? Не будь душой!

— И конечно, это не просто рождественская лихорадка — с этим в королевской семье как-нибудь бы справились. Сам Первый Гражданин замешан в этом деле, тем более что наследование престола на этот раз идет не по мужской, а по женской линии, через его дочь. Эта миссия гораздо важнее и гораздо рискованнее, чем ты говорил... Следовательно, и стоять это будет дороже.

Молча мы миновали два красивых утеса. Наконец Мосби произнес:

— Ладно. Но сам Господь тебе не поможет, если ты заговоришь. Запомни, если вздумаешь болтать, жить будешь очень недолго. Конечно, мы увеличим премиальные, и...

— Вы как миленькие удвойте премиальные и положите их на мой счет перед вылетом. Это работа того сорта, где люди бывают крайне забывчивы, когда все позади.

— Ну... Я сделаю все, что смогу. Сейчас пообедаем с мистером Сикмаа и... Тебе вовсе не положено знать, что

он не кто иной, как личный представитель Первого Гражданина в секретном ранге посла по особым поручениям, а также полномочный министр. Так что соберись и веди себя за столом прилично.

Через четыре дня я старалась вести себя прилично за столом, сидя по правую руку от капитана "Форварда". Теперь меня звали мисс Марджори Фрайди и я была так оскорбительно богата, что прибыла на Стационарный спутник на личной антигравитационной яхте мистера Скимма и при прохождении на борт "Форварда" не утруждала себя такими плебейскими процедурами, как паспортный контроль или служба здоровья. Мой багаж прибыл на борт одновременно со мной — множество чемоданов, набитых дорогими шмотками, ювелирными украшениями и прочей ерундой, — но и этим занимались другие. Мне не нужно было утруждать себя решительно ничем.

Из четырех дней перед отлетом три я провела во Флориде, в учреждении, выглядевшем обычной больницей, но в действительности бывшем (я-то знала!) великолепно оснащенной лабораторией. Я могла даже точно вычислить, какой именно лабораторией, но держала свои догадки при себе, поскольку никакие домыслы и разговорчики здесь, мягко говоря, не поощрялись. Я была подвергнута самому тщательному медицинскому обследованию, какое только могла себе представить. Не знаю, зачем они проверяли состояние моего здоровья так, как обычно принято у глав государств и президентов международных корпораций, но, полагаю, им не очень хотелось доверять кому-либо, кто не в добром здравии, человеческий зародыш, который по происшествии нескольких лет превратится в Первого Гражданина чудовищно богатого Релма. Впрочем, что бы я там не полагала, рот мне следовало держать на замке.

В отличие от Фаусетта и Мосби мистер Скимма со мной не торговался. Как только он решил, что я ему подхожу, он отослал Мосби и принялся опекать меня с такой щедростью, что я ни к чему не могла придаться. Четверть от стоимости билета на карманные расходы? — Нет, этого мало, возьмите половину, вот, пожалуйста, в золотых сертификатах Луна-Сити, а если этого недостаточно,

возьмите у чиновника под расписку еще, а чек пошлите мне. Нет, никакого контракта подписывать мы не станем, не такого сорта наше дело — просто скажите, что вам надо, и вы получите все и даже чуть больше. А вот маленький блокнотик, где сказано, кто вы такая и в какую школу ходили в детстве, а также все остальное. В три последующих дня у вас будет достаточно времени, чтобы как следует все запомнить, а если через три дня вы забудете сжечь блокнотик, не беспокойтесь: бумага сделана так, что на четвертые сутки она уничтожится сама собой, так что не удивляйтесь, если странички начнут желтеть и рассыпаться.

Мистер Скимма продумал все. Перед отъездом из Беверли-Хилс он привел фотографа — миленькую брюнетку, — и та сняла меня в разных позах: в платье, в комбинезоне, в белье, без белья, на высоких каблуках, на низких и босиком. Когда мой багаж прибыл на борт “Форварда”, каждая шмотка подходила мне идеально по размеру, фактуре и цвету, и на всех изделиях красовались этикетки самых знаменитых модных домов Италии, Парижа и Би-Джинга.

Я не привыкла к частым переодеваниям и плохо разбираюсь в этикете, но мистер Скимма предусмотрел и это. На борту меня сразу же встретило чудесное создание Востока по имени Шизуко, которое объявило мне, что она — моя личная горничная. Я не испытывала большой нужды в личных горничных, поскольку умывалась и одевалась самостоятельно лет с пяти, если не раньше, но... не время и не место было спорить.

Шизуко отвела меня в мою каюту “ББ”, которая оказалась чуть меньше волейбольной площадки. Как только мы вошли туда, Шизуко объявила, что у нас в обрез времени для переодевания к обеду. До обеда было часа три, и меня это порядком удивило, но... Она твердо стояла на своем, а мне, видимо, полагалось просто плыть по течению — не надо было семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что ко мне ее приставил мистер Скимма.

Она стала меня купать, и как раз, когда я стояла под душем, лайнер “прыгнул” в гиперпространство. На несколько минут на корабле нарушился гравитационный баланс, но Шизуко удержала меня на месте, не дав при этом почти ни капли воды пролиться на пол. Она выполнила это так мастерски непринужденно, что не оставила у меня

ни малейших сомнений — она уже имела дело с “прыжками” звездолетов. Странно, на вид она была совсем молодая для этого.

Целый час она колдовала над моей прической и лицом. В прошлом я мыла лицо, когда мне казалось, что его пора умыть, а все мое причесывание состояло из отбрасывания ладонями волос с лица, если они мне лезли в глаза. Теперь я поняла, до чего ж была неотесанной. Пока Шизуко наводила на меня, будто на богиню любви и красоты, последний марафет, осветился маленький каютный терминал, и на экране появилась надпись. Одновременно включился принтер и стал печатать, по-видимому, то же самое послание — очень дерзкое по стилю:

*Владелец гиперпространственного звездолета
“Форвард”
предвкушает удовольствие от присутствия
мисс Марджори Фрайди
на предобеденном непринужденном приеме
в Капитанской гостиной
в 19.00
и шлет наилучшие пожелания.*

Я была удивлена, Шизуко — ничуть. Она мигом достала и расправила платье для коктейля, которое закрыло меня всю, целиком и... Никогда я еще не одевалась в такое бесстыдство.

Шизуко запретила мне прийти вовремя. Она так рассчитала мой выход, что я очутилась в Капитанской гостиной ровно в семь минут восьмого. Хозяйке приема уже известно было мое имя (нынешнее), и капитан почтительно склонился над моей рукой. Если спросите меня, скажу честно: по моему глубочайшему убеждению, быть на космическом корабле Богатой Сучкой гораздо лучше, чем охранником порядка.

“Предобеденный прием” включал в себя виски с содовой, коктейли, исландскую “Черную смерть”, “Весенний дождь” с Релма (убойной силы — не прикасайтесь!), датское пиво, какую-то розовую водицу с Фидлерс-Грин и... все остальное, если пожелаете. А также вкуснейшие канapé тридцати одного вида (я считала), которые надо было

брать прямо руками. Мистер Скимма мог мной гордиться: я выпила зереса (одну порцию и изо всех сил сдерживала себя, когда мне предлагали один за другим все тридцать с лишним видов бутербродиков. Как оказалось, я правильно делала, что отказывалась от этой вкуснятины: кормежка на лайнере полагалась восемь раз в день (тоже считала): утренний кофе (с тортом), завтрак, предполуденный перекусон, ленч, послеполуденный чай с сэндвичами и сладостями, ранний коктейль (с канапе тридцати одного вида), обед (семь блюд, если одолеете весь "маршрут") и, наконец, полуночный ужин в баре. Кроме того, если захотите есть в неурочное время, всегда можете заказать сэндвичи и напитки из буфета.

На корабле было два бассейна, гимнастический зал, турецкая баня, шведская сауна и Контрольная служба здоровья. Два с половиной больших круга в гимнастическом зале составляли километр, но я не думаю, что это компенсировало: большинство пассажиров жрали так, словно прибыли из Голодной Галактики. Моей главной целью стало к прилету в имперскую столицу быть в состоянии отыскать в складах жира собственный пупок.

Доктор Джерри Мэдсен, младший офицер медицинской службы, очень молодой на вид, заметил меня в толпе на капитанском приеме и дождался, пока я выйду из столовой после ужина (сам он ел не за капитанским столом и даже не в ресторане первого класса, а в служебном помещении для обслуживающего персонала). Он повел меня в Галактическую гостиную, где мы сначала потанцевали, а потом посмотрели шоу — песенки, танцы и фокусник-чародей (последний напомнил мне о том кудеснике с голубями, о Рыжике, и мне неожиданно взгрустнулось, но я постаралась запрятать тоску поглубже. Затем мы снова танцевали, появились еще двое младших офицеров — Том Адселл и Джим Лопеи, — и в конце концов гостиная закрылась, а трое кавалеров повели меня в маленькое кабаре под названием "Черная дыра", где я объявила, что напилась, но послушно шла танцевать с каждым, когда они приглашали. Доктору Джерри удалось избавиться от соперников и отвести меня в мою каюту "ББ" уже в весьма поздний по корабельному времени час, но не столь поздний по флоридскому, по которому я проснулась утром.

Шизуко дожидалась меня в красивом кимоно, шелковых тапочках и с новой прической. Она отвесила нам поклон и жестом попросила присесть — в той части каюты, которая изображала собой гостиную. Та часть, где помещалась кровать, была отгорожена ширмой и затемнена. Шизуко подала нам чай с маленькими пирожными. Очень скоро Джерри поднялся, пожелал мне спокойной ночи и ушел, после чего Шизуко раздела меня и уложила в постель.

У меня не было определенных планов относительно Джерри, хотя, без сомнения, он легко мог бы меня уговорить, если бы стал настаивать — я гораздо лучше умею уступать, чем спорить. Но на нас обоих здорово действовало присутствие этой японской куколки со сложенными ручками, которая сидит и смотрит-смотрит, и... ждет. Джерри даже не чмокнул меня на прощание.

Уложив меня в постель, Шизуко легла сама — по другую сторону ширмы. Никогда раньше меня так тщательно не опекали, даже в Крайстчерче. Может быть, это входит в условия неподписанного мною контракта?

ГЛАВА XXIX

Звездолет — я имею в виду гиперпространственный звездолет, — на редкость интересная штука. Конечно, чтобы понять, почему и как он передвигается, нужно очень здорово знать волновую механику и многопространственную геометрию — такими знаниями я, конечно, не обладаю и вряд ли когда-нибудь уже буду обладать (хотя даже сейчас я бы с удовольствием вернула время вспять и принялась изучать все это). С ракетами — нет проблем: Ньютон нам все объяснил. Антиграв оставался загадкой, пока не появился доктор Форвард и не разгадал ее. Теперь антиграв можно встретить повсюду. Но каким образом звездолет, всящий около ста тысяч тонн (так мне сказал капитан), может разгоняться до скорости, почти в восем-

надцать тысяч раз превышающей скорость света? И при этом никто на борту не разливает суп и никого не встряхивает по ночам! Не знаю. У нашего звездолета были самые большие шипстоуновские аккумуляторы, которые я когда-либо видела, но Тим Флэхерти (второй помощник главного инженера) сказал мне, что энергию для двигателей берут из них только до середины первого “прыжка”, а все остальное путешествие они питают лишь вспомогательные службы (отопление корабля, приготовление пищи, освещение и прочее).

Для меня это звучит как профанация закона сохранения энергии — столь же неизбежного, как два основных правила, которым меня учили с детства: “Мыться надо регулярно” и “Бесплатных завтраков не бывает”. Так я ему и сказала, но он лишь досадливо тряхнул головой и уверил меня, что как раз закон сохранения энергии и позволяет добиться этого. И пояснил, что это работает как фуникулер — все, что вы кладете туда, возвращается вам обратно.

Не знаю... Там нет никаких канатов, и это не может работать по принципу фуникулера, но... это работает.

Навигация корабля — еще более сложное дело. Правда, они сами называют это не “навигацией” и даже не “астронавтикой”, а “космонавтикой”. А может, это кто-то из команды подшутил надо мной, потому что офицеры инженерной службы говорили мне, что вся служба космонавтики — ну те, что стоят на “мостике” (хотя на самом деле там, конечно, нет никаких “мостиков”), — нужна, как говорится, для безира (они называли эту службу “косметической”), поскольку всю работу делает компьютер... Второй помощник инженерной службы, мистер Лопеи, также сказал, что и инженерная служба присутствует на корабле только потому, что этого требуют профсоюзы. Он принялся было объяснять мне, как в данном случае работает компьютер, но разобраться в этом без глубоких познаний в высшей математике было все равно, что слушать лекцию на неизвестном языке.

Однако я ускла: там, в Вегесе, я была уверена, что любой полет на Релм проходит по твердому маршруту — Земля, Проксима, Аванпост, Фидлерс-Гри, Форест, Бо-

тани-Бей, Альцион, Мидуэй, Рэлм.¹ А потом — обратно, в той же последовательности... вернее, в обратной последовательности. Так вот, ничего подобного. Каждый полет кроится по-своему, а неизменными остаются лишь два пункта: на одном конце Земля, а на другом (на расстоянии почти сто световых лет — 98,7) — Релм. Семь промежуточных остановок в каждом полете имеют разные последовательности, а некоторые могут даже вообще отсутствовать. Последовательность подбирается по одному принципу: при полете “туда” расстояние от Земли должно все время увеличиваться, но так, чтобы при полете “обратно” оно оказалось минимальным. Кстати, на самом деле это не так сложно, как сейчас прозвучало: представьте себе, что вы должны обойти несколько магазинов — естественно, вы спланируете поход так, чтобы от последнего в вашем списке было удобнее и ближе всего добираться до дому.

Но такое положение вещей оставляет, тем не менее, массу вариантов. Девять звезд — солнца этих планет — расположены практически на одной линии. Для начала взгляните на рисунок с созвездиями Центавра и Волка. Глядя с Земли на все эти звезды, вы же видите, они расположены либо в передней части созвездия Центавра, либо внутри созвездия Волка. (Знаю, что Волк на рисунке выглядит не очень хорошо, но Кентавр протыкает его копьём вот уже тысячи и тысячи лет. Я никогда не видела волка — настоящего, четырехлапого, ну вы понимаете — как смогла, так и нарисовала. Хотя, если задуматься, Кентавра я тоже никогда не видела).

Так выглядит это звездное скопление на земном небе. Чтобы его увидеть, вам пришлось бы уехать гораздо южнее Флориды или Гонконга, да и то невооруженным глазом вы увидели бы лишь Альфу Центавра.

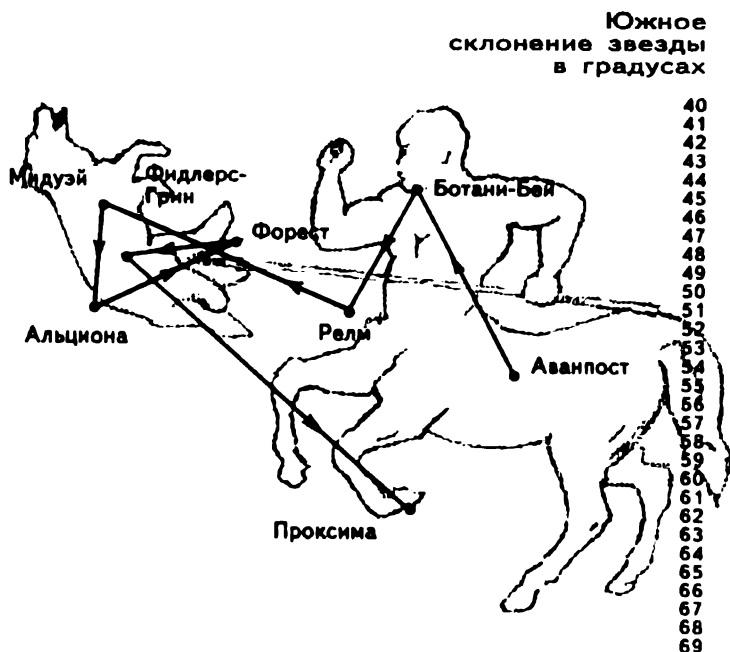
Альфа Центавра (*Rigel Kentaurus*) — вот звезда, которая действительно светит, третья по яркости в небе Земли.

¹ Названия планет переводятся следующим образом: Фидлерс-Грин — Зеленая Мошенница; Форест — Лесная; Ботани-Бей — Каторга; Альцион — Приветливая; Мидуэй — Срединная; Рэлм — Королевство.

Небо Земли в окрестностях созвездий Центавра и Волка

Возвышение звезды над горизонтом небесной сферы (ВЗ)
в часах и минутах (1ч=15 дуговым градусам)

15/40 15/20 15/00 14/40 14/20 14/00 13/40

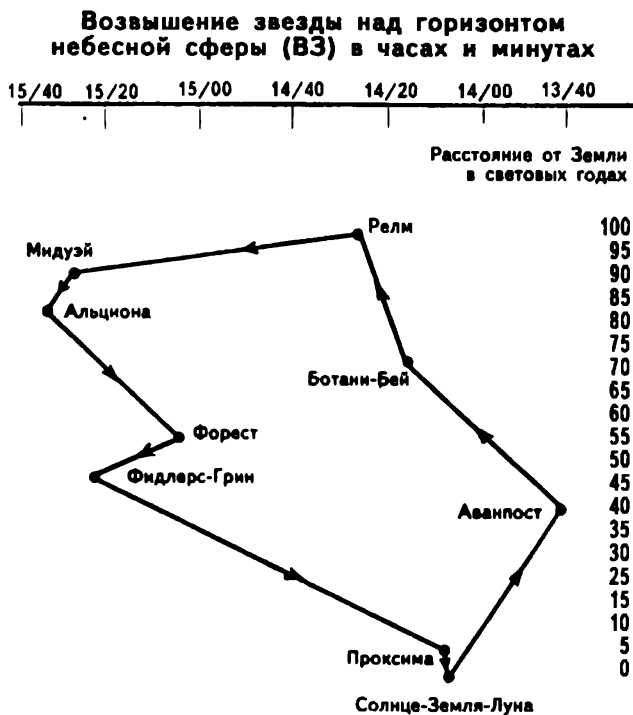

На самом деле, это три звезды: самая яркая — близнец нашего Солнца, менее яркая, составляющая ей пару, и маленькая, тусклая подруга, обращающаяся вокруг них на расстоянии около одной пятнадцатой светового года. В течение многих лет Альфа Центавра была известна как Проксима. Затем кто-то не поленился измерить расстояние до трехъюродной сестры-дурнушки поточнее и обнаружил, что та находится к нам на волосок поближе, и, таким образом, этот бесполезный кусок “недвижимой собствен-

ности” обрел название Проксима, то есть, “ближайшая”. Ну, а позднее, когда была основана колония на третьей планете Альфы Центавра А (близнеце Солнца), колонисты назвали свою планету Проксима.

В конечном итоге, астрономы, которые старались переименовать звезды, давно почили в бозе, а колонисты стоят на своем. Впрочем, не без оснований, ибо эта тусклая звезда хоть и находится на волосок поближе к Солнечной системе сегодня, через некоторое время — задержите дыхание, через два миллиона лет — окажется от нее дальше, так как, будучи тройной звездой, вся система в среднем находится на одном и том же расстоянии от Земли.

Взгляните на второй рисунок, на тот, где по горизонтали отложено возвышение звезд над горизонтом небесной сферы Земли, а по вертикали — их расстояние от Земли в световых годах.

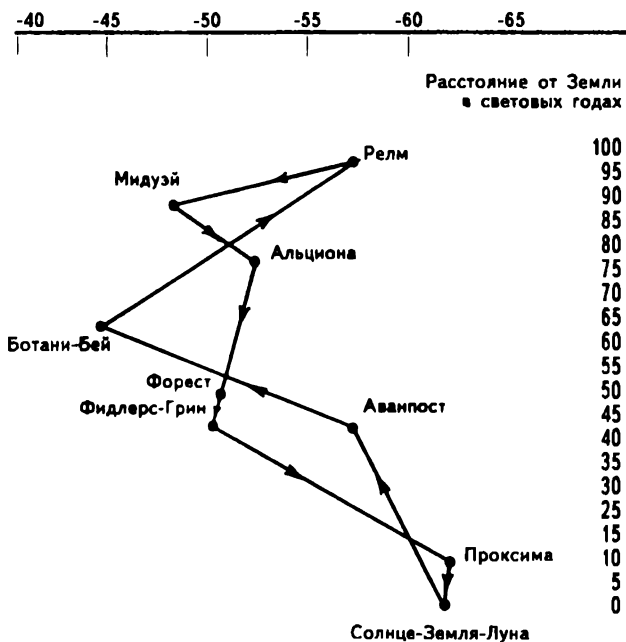

Расст. от Земли, свето- вые годы	Назва- ние	Но- мер по ката- логу	Спект- раль- ный тип	Темпе- рату- ра поверх- ности, в гра- дусах Кель- вина	Абсо- лют- ная вели- чина	ВЗ Скл.	Приме- чание
40,7	Аван- пост	DM-54 5466	G8	5300	5,5	13ч 53м -54/27	Холод- ная, ту- склая
67,9	Ботани- Бей	DM-44 9181	G4	5900	4,7	14ч 12м -44/46	Земного типа
98,7	Релм	DM-51 8206	G5	5700	5,4	14ч 24м -53/43	Богатая империя
4,38	Про- ксима	Альфа Цен- тавра А	G2	5600	4,35	14ч 36м -60/38	Старей- шая ко- лония
57,15	Форест	DM-48 9494	G5	5500	5,1	14ч 55м -48/39	Моло- дая, прими- тивная
50,1	Фид- лерс- Грин	Υ (2) Волка	G2	5800	4,7	15ч 18м -48/08	Ограни- ченные возмож- ности
90,5	Мидуэй	DM-47 9926	G5	5600	6,1	15ч 20м -47/44	Тео- кратия
81,45	Альцио- на	DM-49 9653	G5	5300	5,7	15ч 26м -49/47	Ограни- ченные возмож- ности
—	Солнце	—	G2	5800	4,85	—	Для сравне- ния

Я, наверно, была единственным пассажиром на корабле, который не знал, что наша первая остановка — не Проксима. Мистер Лопец, объяснявший мне принципы навигации, взглянул на меня, как на младенца-несмышленыша, который в очередной раз упал в лужу (правда, это не имело никакого значения, поскольку если его и интересовало во мне хоть что-то, то уж никак не мозги). Я не рискнула объяснять ему, что очутилась в списке пассажиров в самый последний момент — это не вязалось бы с моей легендой. Ладно, в любом случае, мисс Богатая Сучка не обязана быть семи пядей во лбу.

Обычно звездолет делал остановку на Проксиме и по дороге “туда” и по дороге “обратно”. Но мистер Лопец объяснил, что на этот раз у них на борту был очень небольшой груз, предназначенный для Проксимы, и всего лишь несколько пассажиров — недостаточно, чтобы

**Южное склонение звезды(минус)
в дуговых градусах**

оплатить посадку. Поэтому и груз и эти пассажиры были сняты с рейса и остались дожидаться “Максвелла”, стартовавшего через месяц, а “Форвард” на этот раз заглянет на Проксиму по дороге “обратно” — с грузом и, возможно, пассажирами, взятыми на борт в остальных семи портах. Мистер Лопец сказал (я этого, кстати, так и не поняла), что полет на десятки световых лет не стоит почти ничего — в основном, это жизнеобеспечение пассажиров, — а вот посадки на планетах обходятся баснословно дорого, и потому каждая остановка должна окупаться.

Когда мистер Лопец показывал мне разные диаграммы и таблицы, пытаясь растолковать основные навигационные принципы, он предупредил, что все координаты здесь даны с точностью... ну, примерно как в учебнике для старшей школы. Если по этим координатам вы наставите на звезду телескоп, то наверняка отыщете ее, но для большой науки, а также для космонавтики этого мало — тут нужна большая точность, плюс поправка на “эпоху”, то есть проще говоря, все цифры должны быть секундинутной свежести, потому что звезды движутся. Солнце Аванпоста движется медленнее всех, и его направление совпадает с направлением движения светил в нашей Галактике. А вот звезда, вокруг которой обращается Фидлерс-Грин, имеет другой вектор и скорость в 138 000 км/сек, а это значит, что за пять месяцев — с прошлого визита “Форварда” и до нынешнего, — сам Фидлерс-Грин переместится на полтора миллиарда километров. Это крайне неудобно и может стоить... Судя по словам мистера Лопца, это может стоить штурману его места и должности, потому что прибыльность путешествия напрямую зависит от того, насколько близко от планеты назначения сумеет штурман выдернуть корабль из гиперпространства, ни во что при этом не врезавшись (скажем, в звезду!). М-да, все равно, что управлять правилетом вслепую!

Однако вряд ли мне когда-нибудь придется пилотировать гиперзвездолет, а у капитана ван Коутена такой спокойный и надежный вид... И все же в этот вечер за ужином я спросила у него, как у них обстоит дело с точностью попадания в “цель”.

— Та-та, мы найдем ее, — важно кивнул он. — Только отин рас пришлось послать пару репят внис на причальной

лотке, штопы они купили пирожных и поискали укасатель или фыфеска.

Не зная, ожидает ли он от меня смеха или доверчивого кивка, я спросила, какие пирожные купили “репята”. Но он повернулся к даме, сидящей по левую руку от него, и притворился, что не услышал вопроса. (Корабельная кондитерская делает лучшие пирожные, какие мне доводилось пробовать в жизни, поэтому... ее нужно запереть до конца полета).

Капитан ван Коутен — мужчина с очень мягкими, отеческими манерами. Тем не менее мне ничего не стоит представить себе его с пистолетом в одной руке и кинжалом в другой — сдерживающим целую толпу взбунтовавшихся головорезов.

За звездолет с капитаном ван Коутеном не страшно ничуть.

Шизуко — не единственная, кто приставлен следить за мной. Я засекала еще четверых, и я не уверена, что это все. Почти наверняка нет, потому что иногда я оглядываюсь по сторонам и не замечаю поблизости никого из этой четверки, а кажется, по условиям “сценария” меня не положено упускать из виду ни на минутку. Кому-то может показаться, что у меня мания преследования. Но это не так.

Я — профессионалка, и я много раз оставалась в живых лишь благодаря своему умению вовремя засекаать, что меня “пасут”. На этом корабле шестьсот тридцать два пассажира первого класса, около шестидесяти офицеров в униформе и еще обслуга, вроде наемных танцоров и танцорш, хостес и т. п. Последние одеваются точь в точь как пассажиры, но их можно безошибочно отличить по их молодости, дежурным улыбкам и заботе о том, чтобы пассажирам было весело. Пассажиры первого класса моложе семидесяти — здесь редкость (например я!). Кроме меня, есть две девчушки лет восемнадцати, один парнишка, которому еще нет двадцати, две молодые женщины и богатая пара, проводящая здесь медовый месяц. Все остальные — кандидаты в дом престарелых: пожилые, богатые, интересующиеся только своими собственными болячками. Тех, что дожили до почтенного возраста и не превратились в зануд, можно пересчитать по пальцам.

Конечно, никто из этого старья за мной не следит, как, впрочем, и никто из молодых. Обслугу я тоже отбросила в первые же сорок восемь часов — всех, включая музыкантов, танцоров и прочих. Можно было бы заподозрить кое-кого из молодых офицеров, если бы каждому из них не надо было дежурить на вахте по крайней мере восемь часов из двадцати четырех: у них просто не доставало времени на такое совмещение. Да, многие из них постоянно висели у меня на хвосте, но здесь была совсем другая причина (мое чутье меня никогда не обманывало): на тридцать молоденьких офицеров приходилось всего четверо, не считая меня, молодых женщин, а при таком раскладе у женщины должно уж очень неприятно пахнуть из рта, чтобы за ней, как хвост за кометой, не тянулся шлейф мужиков. Все это так, но кое-кого я все же засекала. Несколько мужчин... Из первого класса? Да, они ели в нашей гостиной. Бизнесмены в деловой поездке? Однако, судя по рассказам старшего помощника, все бизнесмены путешествуют вторым классом: почти так же комфортабельно, но вдвое дешевле.

Итак, когда Джерри Мэдсен со своими друзьями повел меня в “Черную нору”, в самом углу за столиком, потягивая вино, сидел одинокий парень. На следующее утро Джимми Лопец пригласил меня в бассейн, и когда мы пришли, этот парень уже был там. После ленча мы с Томом решили сыграть в карты на пару — парень оказался за нашим столиком.

Один-два раза могли быть случайными совпадениями, но... Через три дня я уже точно знала, что стоит мне оказаться вне каюты “ББ”, кто-то из четверых мужчин немедленно появлялся где-то поблизости. Обычно он старается держаться от меня подальше, насколько это позволяют размеры помещения, но ни на секунду не выпускает меня из поля зрения.

Мистер Скимма очень доходчиво объяснил мне, что груз, который я везу на себе, — “самый ценный в Галактике и ни один курьер подобного еще никогда не возил”. Но я не ожидала, что он сочтет нужным “пасти” меня в звездолете. Неужели он опасается, что кто-то может попытаться выкрасть его из моего пупка? А может, меня “пасет” вовсе не мистер Скимма, а? Может, до моего

отлета с Земли произошла утечка информации? Мистер Скиммаа, конечно, профессионал, но... Как насчет мистера Мосби и его ревнивой секретарши? Трудно сказать. Я слишком мало знаю о политической ситуации на Релме, чтобы строить какие-то предположения.

Позже я заметила кое-что еще: обе молодые женщины из первого класса тоже наблюдают за мной, но лишь в тех случаях, когда у мужчин просто нет такой возможности — в салоне красоты, кабинках для переодевания, женском отделении сауны. Они стараются делать это ненавязчиво, но все равно меня это раздражает и я с нетерпением жду того момента, когда, наконец, избавлюсь от своего “груза” и смогу со спокойной душой вкушать все прелести чудесного путешествия. Так что лучшая его часть предстоит после Релма. Аванпост настолько сер и уныл, что никаких экскурсионных высадок на нем не планируется. Говорят, на Ботани-Бей очень интересно, поэтому я обязательно должна побывать там — вполне возможно, позже я отправлюсь именно туда. О Релме ходят легенды, как о самом красивом и богатом месте в Галактике, и я бы хотела побывать там в качестве туриста. Жить на Релме постоянно я не собиралась — по своему государственному устройству это диктатура в чистом виде, точь-в-точь как в Чикагской империи, я этим сыта по горло. Есть и более веская причина, по которой я не стану обращаться за иммиграционной визой — я слишком много знаю. Официально я, разумеется, не знаю ровным счетом ничего, поскольку мистер Скиммаа не распространялся на этот счет, а я его не расспрашивала. Но рисковать все же не стоит.

Мидуэй — место, где я очень хочу побывать, но, как и в случае с Релмом, жить там не намерена. Интересно ведь посмотреть на два солнца в небе, но самое интересное там (не для жителей, а для туристов) — папа в ссылке. Там действительно служат мессу на публике! Сам капитан ван Коутен рассказывал мне об этом, а Джерри подтвердил, что видел это собственными глазами. Я тоже смогу посмотреть — это не входит в обязательную программу, но вполне адекватно моей “легенде”. Да, обязательно постараюсь попасть на это шоу, тем более, что опасности в этом никакой, а другого случая у меня может и не быть.

Конечно, я тщательно осмотрю Альцион и Фидлерс-Грин. Каждая из них представляет собой нечто особенное, иначе иммиграционные визы не были бы так чудовищно дороги, но я постараюсь отыскать “скелет в шкафу” — наверняка есть там свои “поправки”, как на Эдене. Мне было бы крайне досадно, если бы я сделала свой выбор. Глория Томосава организовала бы субсидию, а потом я неожиданно выяснила бы, что терпеть не могу это место.

На Форесте, кажется, нет ничего интересного для туристов (никаких развлечений), но я хочу хорошенько осмотреть и его. Это новейшая из внеземных колоний, и она все еще целиком зависит от поставок с Земли и с Релма, однако было бы ошибкой в нынешнее время выбирать себе место жительства лишь по принципу — где веселее. Джерри очень холодно отзываясь о Форесте и на все мои вопросы лишь пожимает плечами и предлагает мне самой убедиться, что жизнь там — не сахар. Не знаю... Может, мне удастся договориться, чтобы наш звездолет (или какой-нибудь другой) забрал меня оттуда через несколько месяцев следующим рейсом? Нужно выяснить у капитана.

Вчера в голографическом театре “Звездная пыль” шла чудная музыкальная комедия: “Янки из Коннектикута и королева Жиневра” — забавная, старинная, романтическая музыка, красивые лошади, шикарная жизнь. Я избавилась от своих ухажеров и отправилась туда одна. Точнее, почти одна — от моих ненавязчивых соглядатаев я избавиться не сумела. Этот парень — я про себя называла его “номер три”, хотя в списке пассажиров он значился как “Говард Дж. Булфинч, Сан-Диего”, — увязался за мной и уселся прямо позади меня, что было не совсем обычно: как правило, они стараются держаться от меня подальше, насколько это позволяло помещение. Может, он боялся потерять меня из виду, когда погасят свет? Не знаю. Его присутствие у меня за спиной отвлекало меня, а когда королева запустила свои коготки в янки и потащила его к себе в спальню, я, вместо того, чтобы наслаждаться происходящим на голоцене, стала тщательно принюхиваться ко всем доносящимся до меня запахам. Не так-то просто — в переполненном зале.

Когда спектакль закончился и зажегся свет, я подошла к боковой лесенке одновременно с моим "шпиком", и он уступил мне дорогу. Я улыбнулась, поблагодарила его и вышла через переднюю дверь; он последовал за мной. За дверью была еще одна маленькая лесенка, всего четыре ступеньки, — я поскользнулась на ней, откинулась назад, и он подхватил меня.

— О, благодарю вас! — воскликнула я, не торопясь высвобождаться из его объятий. — За это я обязана пригласить вас выпить со мной в бар "Кентавр"!

— Совсе нет, что вы...

— Это не обсуждается. Вам придется объяснить мне, почему вы следите за мной, кто вас нанял и еще кое-что. Поколебавшись, он пробормотал:

— Вы явно ошиблись...

— Я? Ничуть, Мак. Вы пойдете добровольно или... предпочитаете объясняться с капитаном?

— Ваши доводы весьма убедительны, — пожал он плечами и смущенно (а может, цинично?) ухмыльнулся, — хотя вы и путаете меня с кем-то. Так или иначе, я настаиваю на одном: я плачу за выпивку.

— Отлично. Это только справедливо.

Я выбрала столик в углу, где нас не мог подслушать какой-нибудь случайный посетитель, но, конечно, нас могло подслушать "ухо". А как, скажите на милость, на корабле можно от него застраховаться?

Нам принесли бокалы, и я почти беззвучно спросила его:

— Можете читать по губам?

— Не очень хорошо, — признался он тоже очень тихо.

— Ладно, давайте говорить как можно тише, и будем надеяться, что общий фон собьет "ухо" с толку. Скажи, Мак, ты недавно насиловал еще каких-нибудь беспомощных дамочек?

Он вздрогнул. Кто угодно вздрогнет, если ему врезать как следует. Но своим ответом он, во-первых, признал, что не считает меня душой, а во-вторых, продемонстрировал, что и сам не дурак:

— Мисс Фрайди, — сказал он, — как вы узнали меня?

— Запах, — пояснила я. — Сначала, по запаху, ты ведь сидел рядом. Потом, когда мы выходили из зала, я заставила тебя подать голос. А потом поскользнулась на

лестнице и вынудила тебя подхватить меня на руки. Этого было достаточно. Как ты думаешь, “ухо” пасет нас здесь?

— Возможно. Но вряд ли идет запись, и вряд ли кто-то сидит сейчас за наушниками. Хотя...

— Слишком рискованно. — Я задумалась. Может, лучше прогуляться бок о бок по залам? Если “ухо” не настроено на постоянную слежку, это может сбить его с толку, но оно может следить автоматически, если на Маке имеется датчик или если датчик незаметно навесили на меня. Бассейн? Акустика в бассейнах плохая, и в данном случае это мне на руку, но... Нет, черт возьми, нужно более укромное место! — Допивай и иди следом за мной.

Я привела его в свою каюту, “ББ”. Впустила нас Шизуко. Она, по-моему, несла при мне двадцатичетырех-часовую вахту, исключая те часы, когда я спала. — ей ведь тоже нужно было выспаться. А может, и не нужно.

— Что у нас на сегодня, Шизуко? — спросила я.

— Вечеринка у штурмана, мэм. В девятнадцать ноль-ноль.

— Понятно. Сходи погуляй или займись чем-нибудь. Возвращайся через час.

— Слишком поздно, мэм. Через тридцать минут.

— Через час, я сказала!

— Да, мэм, — покорно ответила она, но только после того, как я поймала ее быстрый взгляд на Мака и его почти незаметный — миллиметров в пять — кивок.

Выпроводив Шизуко и заперев дверь, я небрежно спросила:

— Ты ее шеф, или она — твой?

— И то, и другое не совсем точно. Скорее, “помогающие друг другу независимые агенты”.

— Понимаю. Она — неплохая профессионалка. Мак, ты знаешь, где есть “уши”, или нам придется их искать? Или ты хочешь, чтобы разговор о твоём гнусном прошлом где-то записывался? Меня-то вряд ли что-нибудь может смутить, в конце концов, я — всего лишь невинная жертва. Но мне нужно, чтобы ты разговаривал свободно.

Вместо ответа он указал пальцем несколько точек: над диваном в гостиной, над изголовьем моей кровати, в ванной... Потом он дотронулся пальцем до своего глаза и показал на притолоку возле двери.

Я кивнула и оттащила два стула в дальний угол, подальше от “ушей” и от пространства, просматриваемого “глазом” с притолки над дверью. Потом я включила терминал, настроила его на воспроизведение музыки и выбрала пленку, на которой был записан “Хор Соленого озера”. Может, “ухо” и могло уловить наши голоса за таким шумом, но я лично в этом сомневаюсь. Мы уселись на стулья и я спросила:

— Мак, как ты думаешь, есть причина, по которой мне не стоит убить тебя на месте? Прямо сейчас?

— Прямо сейчас? — переспросил он. — Даже не выслушав?

— А зачем мне тебя слушать? Ты меня изнасиловал — я это знаю и ты это знаешь. Я хочу выслушать лишь ответ на это вопрос: есть ли причина, по которой тебя не стоит наказывать немедленно?

— Ну, если ты так ставишь вопрос... Наверно, нет.

Мужики загонят меня в могилу.

— Мак, ты сильно утомляешь меня. Разве ты не видишь, что я не хочу тебя убивать и ищу предлог, чтобы этого не делать? Но без твоей помощи у меня ничего не выйдет. Как случилось, что ты оказался замешан в таком гнусном предпрятии — участвовал в групповом изнасиловании беспомощной, слабой женщины?

Он долго молчал, а потом сказал:

— Я мог бы поклясться, что завяз так глубоко, что, если бы не стал участвовать в изнасиловании, был бы убит там прямо на месте.

— Это правда? — спросила я, стараясь подавить растущее презрение к нему.

— Правда, но не вся... Мисс Фрайди, я сделал это, потому что хотел. Вы совратили бы святого Иосифа и заставили бы саму Венеру стать лесбиянкой. Я пытался убедить себя в том, что мне не избежать этого, но на самом деле я-то знал правду. Ладно, тебе нужна моя помощь? Хочешь, чтобы это выглядело как самоубийство?

— Не обязательно.

(Совратила бы святого Иосифа? А кто это такой? Надо выяснить при случае. Похоже, он говорил это как комплимент).

— Но на корабле тебе некуда бежать. А труп рано или поздно найдут.

— Не думаю. Тебя наняли, чтобы ты следил за мной... Ты думаешь, со мной может что-нибудь случиться? Во всяком случае у твоего босса были такие мысли, следовательно, от трупa на корабле *можно* как-то избавиться. Ладно, ты уже понял, что я отпущу тебя. Тем не менее, я требую кое-каких объяснений. Каким образом ты уцелел там, на ферме? Я была поражена, когда учуяла тебя, мне сказали, что вы все погибли. Сгорели.

— Я унес ноги до пожара.

— Вот как? Почему?

— По двум причинам. Я собирался исчезнуть, как только узнаю то, за чем пришел. Но в основном — из-за тебя.

— Мак, не держи меня за дурочку и не заставляй верить небылицам. Что ты хотел узнать? Зачем ты вообще туда полез?

— Но я так и не узнал это. Мне нужно было то же самое, что и им: зачем ты летала на Эль-5? Я слышал, как они допрашивали тебя, и понял, что ты ничего не знаешь. Поэтому я и слинял. Очень быстро.

— Это правда. Я была простым почтовым голубком... А что может знать почтовый голубок о военных тайнах? Избивая меня, они только напрасно тратили время.

Ей-Богу, у него глаза полезли на лоб.

— Они *избивали* тебя?

— Хочешь казаться невинненьким? — резко спросила я.

— Я?.. Нет-нет, я виноват, конечно... Еще как виноват! Я участвовал в изнасиловании, но я понятия не имел, что они били тебя. Это же тупость... Так только в средние века допрашивали. Я присутствовал при нормальном допросе! Ну, довольно крутом, конечно... А потом они накачали тебя "болтливым соком", и ты выдала ту же версию. Поэтому я понял, что ты говоришь правду и поспешил убраться оттуда.

— Чем больше ты рассказываешь, тем больше у меня возникает вопросов. На кого ты работал? Почему ты занимался этим? Почему ты поспешил убраться? Чей это был голос, который отдавал вам приказы... Ну тот, кого вы называли майором? Почему всем так важно было узнать, что я везла? Причем, так важно, что они пошли на военную акцию, потеряли много людей убитыми, зверски пытали меня, да еще оторвали правый сосок?

— *Чмо?*

(Ей-Богу, физиономия Мака оставалась безучастной до тех пор, пока я не упомянула свою молочную железу! Может, кто-нибудь объяснит мне, что за существа эти мужики? С диаграммой и краткими пояснениями...)

— Да ладно, мне сделали полную регенерацию — и косметическую, и функциональную. Я покажу тебе... Позже, если ты ответишь на мои вопросы. И ты сможешь сравнить с тем, что видел раньше. А теперь — к делу. Говори.

Мак утверждал, что был двойным агентом; будучи офицером службы безопасности в полувоенной охране, нанятой Лабораторией “Мюриэль Шипстоун”, он внедрился в организацию “Майора”...

— Погоди минутку, — прервала его я, — а он сам погиб при пожаре? Я имею в виду, тот, кого называли “Майором”?

— Я почти уверен в этом, но наверняка знает, пожалуй, один Мосби.

— Мосби? Фрэнклин Мосби? “Поиск, Инкорпорэйтед”?

— Думаю, у него нет братьев... Хватит и одного такого. Да, Фрэнклин Мосби. Но “Поиск, Инкорпорэйтед” — лишь прикрыtie. За ними стоит “Шипстоун, Анлимитэд”.

— Но ты же говорил, что работал на “Шипстоун” по-настоящему... Ну, на Лабораторию.

— Ну, да, — удивленно нахмурился Мак, — ведь весь этот бардак с Красным Четвергом был не чем иным, как сведением личных счетов между верхушками одного и того же... Да ведь все это прекрасно знают.

— Кажется, я всю жизнь прожила в блаженном неведении, — вздохнула я. — Ну хорошо, ты работал на “Шипстоун”, вернее — одну его часть, а в качестве двойного агента работал на тот же “Шипстоун”, но на другую его половину. Но почему из-за *меня* разгорелся сыр-бор?

— Этого, мисс Фрайди, я не знаю. Именно это мне и надлежало выяснить. Полагали, что вы — агент Хромого Брюшка Бол...

— Стоп! Если ты собираешься говорить о покойном докторе Болдуине, пожалуйста, не называй его этой кошмарной кличкой!

— Прости. Полагали, что ты — агент “Систем Энтерпрайз”, то есть доктора Болдуина, и ты подтвердила это, возвратясь в место расположения его штаба...

— Постой! А ты был среди тех, кто схватил меня там?

— К радости своей могу признаться, что нет. Двоих ты убила на месте, еще один умер чуть позже и ни один из нападавших не остался без шрамов. Мисс Фрайди, вы деретесь, как дикая кошка.

— Давай дальше.

— Хро... Доктор Болдуин не имел никакого отношения к комплексу "Шипстоун". Когда разгорелся Красный Четверг...

— Какое отношение имел к нам Красный Четверг?

— *Как* это какое? Самое прямое! Не знаю, что ты там везла с Эль-5, но именно это уж как минимум ускорило события. Я думаю, Совет за выживание — та сторона, на которой работали парни Мосби, — почуяли неладное и начали заваруху, не будучи как следует подготовлены. Может, потому-то ничего путного из этого и не вышло. Так или иначе, они уладили свои разногласия в тиши кабинетов, но я никогда не сталкивался с подробным аналитическим отчетом, так что это — лишь моя версия.

(Я тоже не сталкивалась ни с какими отчетами и теперь вряд ли когда-нибудь узнаю правду. Будь у меня сейчас несколько часов свободного времени и терминал с неограниченными возможностями, наподобие того, что был в "Песках Паджаро"... Какие директора компании "Шипстоун" были уничтожены во время Красного Четверга? Что происходило на биржевом рынке? Сомневаюсь, что ответы, имеющие реальное значение, попадут когда-нибудь в учебники истории. Только Босс, направляя мои изыскания, заставляя искать ответы на самые неожиданные вопросы, мог бы натолкнуть меня на истину, но... Он умер, и процесс моего образования резко оборвался. Может быть, когда-нибудь я еще сумею стать Всезнайкой? Когда-нибудь...)

— Мак, это Мосби нанял тебя на нынешнюю работу? Я имею в виду, пасти меня на звездолете.

— Нет. На Мосби я работал всего один раз, да и то как двойной агент. А сюда я нанялся через контору, обслуживающую советника по культуре из посольства Релма в Женеве. Слушай, этой работы мне нечего стыдиться! Правда... Мы охраняем тебя, оберегаем от случайностей и, по-моему, неплохо справляемся.

— Без изнасилований, наверно, скучновато.

— Удар ниже пояса.

— Какие у тебя инструкции насчет меня? И сколько вас здесь? Ты ведь старший среди них, да?

Он заколебался, а потом неуверенно проговорил:

— Мисс Фрайди, вы вынуждаете меня выдавать секреты моего начальства. В нашей профессии так не принято, как... как вы, вероятно, и сами знаете.

— Чушь. Когда ты вошел в эту дверь, ты прекрасно понимал, что твоя жизнь зависит от ответов на мои вопросы. Подумай о той своре ублюдков, что напали на меня на Ферме, и вспомни, чем это для них кончилось. Давай, выкладывай.

— Я все время вспоминаю эту чертову Ферму и то, как ты... Ладно, я действительно отвечаю здесь за всех, кроме... кроме Тилли...

— Кто такая Тилли?

— Извини, я имел в виду Шизуко — это профессиональная кличка. А там, в отеле “Седьмое небо”, где мы ждали тебя, ее звали Матильдой Джексон. Мы дожидались почти два месяца, пока...

— “Мы” — это множественное число. Назови их. Имена, под которыми они зарегистрированы в списке пассажиров. И не морочь мне голову кодексом чести, Шизуко вернется через несколько минут.

Он назвал, и ни одно имя не вызвало у меня удивления — я засекала их всех. Грубая работа. Босс не стал бы платить им ни гроша.

— Ладно, продолжай.

— Да, два месяца мы ждали, и “Дирак” улетел без нас, а за двадцать четыре часа до вылета “Форварда” нам неожиданно отдали приказ — лететь на нем. Затем мне выдали твои голографические карточки, чтобы я роздал их ребятам, и... мисс Фрайди, когда я увидел вашу карточку, я чуть в обморок не упал!

— Неужели я так плохо выглядела?

— Что? Да нет, что вы! Выглядели вы замечательно, но... Вы понимаете, где я видел вас в последний раз? Я думал... Я был уверен, что вы погибли при пожаре, и... Должен сказать, я... Ну, словом, мне было очень жаль...

— Спасибо. Ладно, итак: семеро, считая начальника, то есть тебя. Недешевая прогулка, а, Мак? Почему меня опекают семь человек?

— Я думал, вы мне это объясните. Нет-нет, это конечно не мое дело — зачем вы летите на Релм... Просто я знаю лишь свои инструкции. Вы должны быть доставлены на Релм в нормальном состоянии — без единой занозы или царапины. Когда мы прибудем туда, за вами явится офицер дворцовой стражи, и — наше дело сделано. Но мы не получим ни гонорара, ни премиальных, пока вы не пройдете медицинское освидетельствование. Лишь после него нам заплатят и мы сможем отправиться по домам.

Я задумалась. Все вроде бы отвечало волнениям мистера Скипа по поводу “самого ценного груза в Галактике”, но... что-то тут было не так. Мне знаком принцип двойной или даже тройной страховки — это все понятно, но чтобы семеро следили за тем, как бы я не свалилась с лестницы и не сломала себе шею? Явный перебор.

— Слушай, Мак, мне, пожалуй, не о чем тебя больше расспрашивать сейчас... Кроме того, Шизуко — я хочу сказать Тилли — вот-вот вернется. Поговорим позже.

— Хорошо, мисс Фрайди. Скажите, почему вы называете меня Маком?

— Потому что под этим именем тебя представили мне, когда мы последний раз виделись на официальном приеме. Я имею в виду групповое изнасилование, в котором мы оба принимали посильное участие. Впрочем, я догадываюсь, что ты не Говард Дж. Булфинч. Как же прикажешь тебя называть?

— А-а, ну да... Тогда я был Маком. Верно. Но обычно меня зовут Пит.

— Значит, Питер?

— Ну... не совсем. На самом деле — Персиваль, но так меня никто не зовет.

Я удержалась от улыбки и пожала плечами:

— А почему бы и нет, Пит? Так звали многих храбрых и достойных мужчин. Ладно, Тилли наверно уже торчит под дверью и с нетерпением ждет, когда можно будет взяться за меня — купать, одевать и все прочее. Еще один вопрос — последний: ты знаешь, почему ты еще дышишь? Почему ты до сих пор жив?

— Нет.

— Потому что ты отвел меня в ванную и дал пописать. Да-да, перед тем как приковать наручники к кровати.

Он нисожданно как-то криво усмехнулся и пробормотал:

— Как раз за это я получил нагоняй.

— Вот как? Почему?

— Майор хотел, чтобы ты напрудила в постель. Он решил, что так ты быстрее расколешься.

— Так я и думала. Дилетант вонючий! Знаешь, Пит, именно в те минуты я решила для себя, что ты еще не совсем безнадежен.

ГЛАВА XXX

Аванпост не представляет собой ничего примечательного. Его солнце — звезда типа G-8, а наше Солнце по той же шкале относится к типу G-2, следовательно, солнце Аванпоста заметно холоднее. Но большого значения это не имеет, поскольку тип звезд один и тот же. Когда-нибудь мы наверняка сможем колонизировать планеты и с другими типами солнц, но пока разумнее придерживаться тех звезд, чей спектральный анализ не раздражает человеческий глаз, а степень радиоактивности — невысока. Это я цитирую Джерри. Впрочем, возле Земли, в пределах расстояния до Релма есть более четырехсот звезд типа G — так утверждает Джимми Лопец, которые не дадут нам сидеть сложа руки в ближайшие годы.

Итак, положим, мы нашли звезду типа G. Затем требуется планета, на нужном расстоянии от звезды — таком, чтобы было тепло, но не слишком. Далее, притяжение на планете должно быть достаточным для удерживания атмосферы. Атмосфере нужно дать время созреть, пока она не будет в состоянии предложить воздух, пригодный для жизни “в-ее-доступном-нам-понимании”. (Жизнь “в-ее-недоступном-нам-понимании” — жутко интересная штука, но не имеет никакого отношения к колонизации планет людьми с Земли. Пока — не имеет. Мы также не будем сейчас обсуждать колонии искусственных существ и киборгов — оставим это колонистам из Далласа или Ташкента).

Аванпост еле-еле подходит под названные мной условия. Содержание кислорода в воздухе там таково, что ходить на

поверхности надо медленно, как на вершине горы. Планета настолько удалена от солнца, что на ней лишь два вида погоды: холод и мороз. Орбита ее скорее круглая, чем эллиптическая, а ось практически без наклона, так что отправляться на юг в поисках лета не имеет смысла — зима найдет вас повсюду. (Все эти сведения я почерпнула из ежедневной корабельной газеты “Дэйли Форвард”). Словом, когда раздавались призы и награды, Аванпост стоял в прихожей.

И все же мне страшно хотелось побывать там. Почему? Да потому, что я никогда раньше не летала дальше Луны, а Луна — это почти дом родной. Аванпост расположен на расстоянии сорока с небольшим световых лет от Земли. Знаете, сколько это километров? $300\,000 \times 40,7 \times 31\,557\,600 = 385\,318\,296\,000\,000$! Пожалуй, надо писать прописью: около четырех миллионов миллионов километров.

По графику мы должны выйти на стационарную орбиту (орбитальный период 22,1 часа — такова продолжительность суток на Аванпосте) в 2,47, а причальный бот стартует очень рано утром (рано — по корабельному времени) — в 3.00. Немногие записались на облет планеты на причальном боте (о том, чтобы спуститься на поверхность, вообще речи не было) — слишком неподходящее время для большинства наших лежбоек-пассажиров. Но я своего шанса упускать не собиралась.

Я улизнула с веселой вечеринки и легла в постель в 22.00, чтобы урвать хоть несколько часов сна перед полетом. Около двух я вскочила, нырнула в ванную, захлопнув за собой дверь... Если я не захлопывала ее за собой, Шизуко словно тень следовала за мной — это я усвоила в свой первый же день на корабле.

... Я захлопнула за собой дверь, и меня сразу вырвало. Странно. Иногда меня мутит в полетах, но на этом корабле такого еще не было. Капсулой антигравя я всегда старалась пользоваться натошак — там содержимое желудка дает о себе знать, но на “Форварде” нас чуть-чуть потрянуло, лишь когда мы “нырнули” в гиперпространство, и второй раз — вчера, перед обедом, когда мы “вынырнули”. При этом я ощутила лишь легкую вибрацию, да и то нас заблаговременно предупредили об этом.

Что же, гравитация (искусственная) на корабле стала неустойчивой? Трудно сказать... У меня слегка кружилась

голова, но вполне возможно, что это после рвоты. Черт, меня вывернуло так, словно я и впрямь очутилась в капсуле антигравы.

Я прополаскала рот, почистила зубы и сказала себе: “Это твой завтрак, Фрайди, и не надейся, что из-за своего обжорства, ты упустишь шанс поглядеть на Аванпост. Ты и так уже набрала два лишних килограмма, и настало время сесть на диету.” Прочитав эту лекцию собственному желудку и призвав его к порядку, я позволила Тилли-Шизуко помочь мне облачиться в толстый спортивный костюм и направилась к ангару причального бота. Шизуко плелась сзади с двумя теплыми куртками в руках. С самого начала я решила обращаться с Шизуко по-дружески, но потом, догадавшись о ее роли при мне (а потом и получив подтверждение от Мака-Питера), я изменила свое решение. Глупо, наверно, и непрофессионально, но невозможно относиться к шпику так же дружески, как к слуге. Я, конечно, не стала обращаться с ней грубо, а просто перестала ее замечать. Ну, а в это утро я вообще не была настроена на светские беседы.

Мистер Ву, помощник пилота и ответственный за экскурсии, стоял посреди ангара с папкой в руках.

— Мисс Фрайди, — сказал он, — вашей фамилии нет в моем списке.

— Но я записывалась — это совершенно точно. Так что либо вносите меня в ваш список, либо обратитесь к капитану.

— К сожалению, я не могу этого сделать.

— Вот как? Тогда я устрою сидячую забастовку прямо посреди вашего ангара. Мне это не нравится, мистер Ву. А если вы приметесь убеждать меня, что я из-за какой-то канцелярской неразберихи не должна здесь находиться, мне это понравится еще меньше.

М-мм... Полагаю, это действительно какая-то канцелярская путаница. Осталось очень мало времени, так что вам лучше пройти внутрь, вас проводят к вашему месту, а я улажу все формальности, когда закончу с остальными записавшимися.

Он не возражал, когда Шизуко последовала за мной. Мы прошли по длинному коридору — даже причальные боты на “Форварде” впечатляющих размеров, — следуя

указателям с надписями “К пассажирскому отсеку”, и очутились в громадном помещении, немного похожем на внутренности пассажирского гравилета: спереди — приборные панели, а за ними пассажирские кресла возле больших иллюминаторов. Впервые с тех пор, как мы покинули Землю, я смотрела на “дневной” свет.

Это был свет от солнца Аванпоста, освещавший сияющую белизной поверхность планеты внизу. А над ним — черное небо. Самого солнца не было видно. Мы с Шизуко усадились на свои места, пристегнули ремни — ремней было всего пять, как на полубаллистике, и я, зная, что мы воспользуемся лишь антигравом, пристегнула только один — боковой. Но моя безмолвная “рабыня”-шпик наклонилась надо мной и аккуратно застегнула все остальные.

Через некоторое время появился мистер Ву, обшарив глазами салон, он увидел меня и, перегнувшись через сидящего возле прохода мужчину, сказал:

— Мисс Фрайди, прошу прощения, но вас по-прежнему нет в списке.

— Неужели? Что сказал капитан?

— Я не смог с ним переговорить.

— Что ж, достойный ответ. Я остаюсь.

— Простите, это невозможно.

— Вот как? Ну, и с какого конца вы возьметесь за меня? И кто поможет вам меня тащить? Учтите, вам придется меня тащить, потому что я буду визжать и царапаться.

— Мисс Фрайди, мы не можем этого позволить...

Тут вмешался мой сосед:

— Молодой человек, — резко сказал он, — перестаньте валять дурака. Эта молодая леди — пассажирка первого класса, я видел ее в гостиной. За столом капитана. А теперь уберите у меня из-под носа вашу дурацкую папку и займитесь каким-нибудь полезным делом.

С удрученным видом — у младших пилотов всегда удрученный вид — мистер Ву отошел. Через несколько минут зажегся красный свет на табло, завывла сирена и громкий голос из динамика сообщил:

— Снимаемся с орбиты! Приготовьтесь к перегрузке!

В этот день мне явно не везло.

Три часа лета до поверхности, два часа на поверхности и три часа — обратно на Стационарную орбиту. По дороге

туда мы слушали музыку, перемежающуюся с унылой лекцией об Аванпосте, по дороге обратно — только музыку, что было веселее. Два часа на поверхности могли бы быть интересными, если бы мы вышли из бота. Но нам было велено оставаться внутри — нам позволили расстегнуть ремни и пройти в так называемую гостиную, а на самом деле небольшую комнатку с баром, где давали кофе и сэндвичи. Оттуда через иллюминатор мы могли смотреть, как высаживаются переселенцы с нижней палубы и идет разгрузка багажа.

Низкие холмы, покрытые снегом... Что-то похожее на кустарник неподалеку от места посадки, а за ним небольшие строения, огороженные снежными заборчиками. Переселенцы с узлами быстро двигались по направлению к этим строениям, а за ними ехал их багаж на тележках, прикрепленных к каким-то самоходным экипажам, извергавшим клубы черного дыма... Точь-в-точь как на картинках в детских учебниках истории! Только здесь это было не на картинке.

Я слышала, как одна женщина сказала своему спутнику:

— Как может кому-то прийти в голову переселиться сюда?

Ее спутник промямлил какую-то чушь, вроде: "На все Божья воля", а я отошла от них и подивилась: как можно дожить до семидесяти (а ей было никак не меньше) и не знать, что никому не "приходит в голову" осесть на Аванпосте... Кроме как в тех случаях, когда людям "приходит в голову" выбирать между жизнью здесь, или пожизненным заключением (а то и смертью) на Земле.

Дурнота у меня не проходила, поэтому я решила не притрагиваться к сэндвичам, но подумала, что чашка кофе не повредит. Однако стоило мне сделать глоток, как... Я быстро прошла в туалет и завоевала там звание "Железной Фрайды" — все кабинки были заняты и мне пришлось ждать, и я стиснув зубы, ждала, ждала, ждала, пока не прошло тысячу лет и не освободилась, наконец, одна кабинка. Я вбежала туда, и меня вывернуло наизнанку. Не стоило делать этот глоток кофе.

Полет обратно длился целую вечность.

Оказавшись на "Форварде", я звякнула своему приятелю Джерри Мэдсену, младшему хирургу на звездо-

лете, и попросила принять меня. Я сказала, что он нужен мне как врач. Согласно распорядку прием в медицинском отделении ведется в девять утра, а в любое другое время нужно вызывать неотложную помощь, но я знала, что Джерри будет рад видеть меня в любое время. Я объяснила, что со мной ничего серьезного, просто мне нужны таблетки от дурноты, какие обычно употребляют старые девы от несварения желудка. Он попросил меня зайти к нему в кабинет.

Когда я пришла, вместо того, чтобы дать мне таблетки, он пригласил меня в смотровую и закрыл за нами дверь.

— Мисс Фрайди, — обратился он ко мне, — хотите, чтобы я позвал медсестру или вы предпочитаете, чтобы вас осмотрела женщина-врач? Я могу позвать доктора Гарсиа, но мне бы не хотелось ее будить — она не спала всю ночь.

— Джерри... — удивилась я. — Что это значит? С каких пор я для тебя “мисс Фрайди”, а не Марджи? И зачем нужен этот дурацкий протокол? Я просто хочу пригоршню таблеток от дурноты. Таких, розовеньких.

— Присядьте, мисс Фрайди... Ну хорошо, Марджи... Мы не выписываем эти препараты или их аналоги молодым женщинам, пока не удостоверимся, что они не беременны. Лекарства могут плохо повлиять на зародыш.

— А-а, понятно. Но ты можешь спать спокойно, милый — я не залетела.

— Это мы и должны выяснить, Марджи. И если ты все же беременна, мы найдем другой препарат, который избавить тебя от неприятных ощущений, но никак не повредит твоему наследнику.

Вот оно что! Он просто прелесть — так заботиться обо мне.

— Слушайте, начальник, а что, если я дам вам честное скаутское, что я ничегошеньки не делала за последние два цикла, а? Хотя многие помогались, и ты — среди прочих.

— Тогда я скажу: “Возьми эту посудину и сдай мочу на анализ, а потом я возьму у тебя кровь и мазок”. Знаешь, мне уже приходилось иметь дело с женщинами, которые “ничегошеньки не делали”.

— Ты — циник, Джерри.

— Я просто о тебе же забочусь, дорогая.

— Я знаю. Ты прелесть. Ладно, я согласна на все и даже на тест с мышкой, но...

— Мы делаем не с мышкой, а с морской свинкой.

— Если морская свинка скажет: “Да”, — ты можешь известить папу-в-ссылке, что *это* наконец-то случилось. А я куплю тебе бутылку шампанского. Потому что предыдущие два месяца были самыми аскетическими в моей жизни.

Джерри взял у меня анализы, сделал еще двадцать различных манипуляций и дал мне голубую таблетку — принять перед ужином, и желтую таблетку — чтобы я быстро заснула, и еще одну голубую — перед завтраком.

— Они не такие сильные, — пояснил он, — как те, что ты просила, но они сгодятся, а главное из-за них ребенок не родится с ножкой на спинке или... Словом, никаких побочных эффектов. Я позволю тебе завтра с утра, как только закончу прием.

— А я-то думала, что тест на беременность сейчас делают за пять минут.

— Ну, знаешь... Твоя пра-прабабка определяла, что она беременна, когда ее платье становилось ей тесно, а ты хочешь сразу... Скажи спасибо, если мне не придется делать повторные анализы.

Я сказала ему “спасибо” и даже поцеловала его. Он сделал вид, что хочет уклониться, но не очень правдоподобно. Джерри — просто ягненок.

С помощью голубых таблеток, мне удалось нормально поужинать и позавтракать. После завтрака я осталась сидеть в своей каюте и вскоре позвонил Джерри.

— Мардж, можешь себя поздравить, — сказал он. — Ты должна мне бутылку шампанского.

— Что-о-о? — воскликнула я, но тут же прикусила язычок, оглянувшись на Тилли. — Джерри... Ты просто спятил.

— Возможно, — согласился он, — но моей работе это не мешает. Зайди ко мне, и мы обсудим твой дальнейший режим. Давай в два, идет?

— Давай прямо сейчас. Я хочу поболтать с этой морской свинкой. Если она сумеет меня убедить...

Сумел меня убедить Джерри. Он подробно описал все детали исследования и показал, как проводится каждый тест. Бывают чудеса на свете, и вот — я беременна... Так вот почему у меня последнее время стала набухать грудь. Он набросал для меня краткий список: как себя вести, что есть, как купаться, чего избегать и так далее. Я поблагодарила его, взяла этот список и пошла к себе — никто из нас не заговорил о возможности аборта, и он не отпустил ни одну остроту про женщин, которые “ничегошеньки не делали”.

Но я-то действительно ничего не делала. Последний раз с Бертом, и с тех пор уже прошло два века. К тому же, как бы там ни было, мне с помощью хирургии сделали в "яслях" предохранение от беременности, и я никогда не пользовалась никакими противозачаточными средствами — ни разу в своей достаточно хлопотливой "светской" жизни. И вот он теперь говорит, что я беременная!..

Но я все же не полная дура. Когда Джерри убедил меня в своей правоте, старое правило Шерлока Холмса подсказало мне, где, когда и как это произошло. Вернувшись к себе в каюту, я зашла в ванную, закрыла за собой дверь на задвижку, разделась, легла на пол и, положив руки на живот, напрягла мышцы и надавила возле пупка.

Маленький пластиковый шарик выскочил наружу. Я тщательно осмотрела его — никаких сомнений, это тот самый шарик, который я всегда носила в "кармашке" с тех пор, как мне его сделали, чтобы он не зарос в паузах между моими заданиями. Никакого контейнера с зародышем в "стасисе", ничего похожего на контейнер, вообще *ничего*, кроме маленького белого шарика... Я вставила его обратно и задумалась.

Итак, они обманули меня. Порой я сомневалась: как "стасис" может сохраняться при температуре тела? Единственный "стасис", о котором я слышала применительно к содержанию живых клеток, требует криогенных температур, но...

Но это были трудности мистера Скимаа, а я — не биофизик, и, если он доверял своим специалистам-ученым, то зачем мне было в это влезать. Я — курьер, и моя единственная обязанность — доставить "груз" на место... Какой "груз"? Фрайди, не валяй дурачку, ты прекрасно знаешь, *какой*. Не тот, что у тебя в пупке, а тот, что десятью сантиметрами ниже и глубже. Тот, который всунули в тебя в одну из ночей во Флориде, когда ты спала гораздо крепче, чем думала. Тот, на "разгрузку" которого требуется девять месяцев, так что... Кажется, ты будешь вынуждена отложить свой гранд-тур с Земли. Если они "нагрузили" тебя тем, о чем ты думаешь, никто не позволит тебе покинуть Релм, пока ты не "разгрузишься". Но если им нужна была наемная мамаша, почему, черт возьми, они прямо об этом не сказали? Я наверняка согласилась бы... Стоп! Родить этого ребенка должна принцесса, в этом же все дело — речь идет о наследнике престола... Совершенно здоро-

вом наследнике, без всяких врожденных дефектов, рожденном принцессой и только принцессой — в присутствии четырех придворных врачей, трех нянек и дюжины придворных. Ею, а не тобой — безродной ИЧ с фальшивой метрикой! Следовательно, сценарий будет слегка изменен: мисс Марджори Фрайди, богатая туристка, сойдет на Релме, чтобы насладиться красотой имперской столицы, подхватит простуду и слегает в больницу, а принцессу привезут в эту же больницу, и... Нет, постой! Разве может принцесса унизиться до обычной больницы для туристов?

Ладно, попробуем иначе: ты попадаешь в больницу с какой-нибудь лихорадкой, а на следующий день или той же ночью выходишь через заднюю дверь, тебя кладут в машину для перевозки трупов, накрывают белой простыней и — ты во дворце. Сколько уйдет времени у придворных врачей на то, чтобы подготовить королевское тело к приему "Сагажа"? Ладно, не ломай себе голову — все равно ты не знаешь и не узнаешь этого... Когда она будет готова, они положат вас обеих на операционные столы, извлекут *это* из тебя и вставят в нее... Пока *оно* маленькое, это не так уж сложно. А потом... Тебе заплатят приличную сумму, и ты уберешься оттуда. Первый Гражданин скажет тебе "спасибо"? Вряд ли он сделает это лично, скорее всего — инкогнито, если ... Прекрати, Фрайди! Хватит мечтать, ты ведь все прекрасно понимаешь. Вспомни лекции на основном курсе подготовки — одна из первых лекций самого Босса... Вот это место:

"Главная трудность такого рода миссии заключается в том, что после того, как агент успешно справляется с заданием, с ним случается нечто "непредвиденное", что навсегда лишает его возможности болтать. Поэтому, как бы ни высок был гонорар, разумно избегать заданий подобного рода".

ГЛАВА XXXI

За время, пока мы двигались к Ботани-Бей, я не переставала думать об этом, прикидывая и так, и эдак, ища хоть малейший изъян в собственном логическом выводе. Я вспомнила

классический случай Дж. Ф. Кеннеди: его наемный убийца был ликвидирован так быстро, что не было даже предварительных слушаний. А это дантист, застреливший Хью Лонга, покончил с собой несколькими секундами позже... А взять любого из бесчисленных агентов времен холодной войны — все они прожили ровно столько, сколько было нужно для исполнения их задания, а потом “случайно” оказывались перед мчащимися на огромной скорости автомобилями.

Все чаще и чаще перед моим мысленным взором разворачивалась сцена из столь давних времен, что ее можно, пожалуй, отнести к мифологии: пустынный берег океана, вождь пиратов следит за тем, как его люди закапывают сокровища, — яма вкопана, золото сложено в нее, и... Все те, кто копал яму, застрелены и своими телами накрывают клад.

Похоже на мелодраму? Возможно, но ведь речь идет о моем чреве, а не о вашем. Каждому во всей Вселенной известно, что отец нынешнего Первого Гражданина когда-то вскарабкался на трон по бесчисленному множеству трупов, а его сын, то есть нынешний Первый, остается на троне благодаря своей еще большей жестокости, которая превосходит жестокость отца. Станет ли он благодарить меня за продолжение его династии? Или велит выбросить мои останки на свалку?

Не морочь себе голову, Фрайди! Нет ничего хуже, чем слишком много знать. Особенно в политике. Если бы они собирались обойтись с тобой по-честному, ты не была бы беременна. А раз ты беременна, тебе придется признать, что они не станут обходиться с тобой по-честному после того, как извлекут из тебя королевский зародыш.

Совершенно ясно, что нужно делать.

Неясно лишь *как*.

Отсутствие моей фамилии в списке экскурсантов на поверхности Аванпоста больше не казалось мне следствием обычной бюрократической путаницы.

Следующим вечером на коктейле я предложила Джерри потанцевать. Играли классический вальс, и мне было нетрудно придвинуться к нему вплотную и поговорить так, чтобы нас никто не слышал.

— Ну, как с дурнотой? — спросил он. — Прошла?

— Голубенькие таблетки здорово помогают, — ответила я. — Слушай Джерри, кто еще знает об этом, кроме меня и тебя?

— Тут такое дело... Я был так занят, что не успел занести это в твою медицинскую карту. Все записи хранятся у меня в сейфе.

— Да? А как насчет лаборанта?

— У него было очень много работы, поэтому все анализы делал я сам.

— Что ж, ладно... А как ты думаешь, могут эти записи пропасть? Ну, скажем, сгореть, а?

— Мы ничего не сжигаем на корабле — это действует на нервы начальнику пожарной охраны. Поэтому все бумаги мы рубим в “капусту”, а крошки запускаем в процессор, выделяющий из них чистые листы. Так что, милая, можешь не волноваться, твоя постыдная тайна умрет вместе со мной.

— Джерри, ты настоящий друг. Знаешь, милый, если бы не моя горничная, я считала бы тебя отцом — помнишь первый вечер на звездолете?

— Вряд ли я его забуду. Я тогда здорово разозлился.

— Не моя вина в том, что ко мне ее приставили. Так решила моя семья, и она прилипла ко мне, как пластырь... Будто на меня нельзя положить... Впрочем, ты-то знаешь, что нельзя. Ты не можешь придумать, как бы нам от нее избавиться? Мне сейчас очень хорошо. С тобой. Я знаю, что во всем могу на тебя рассчитывать.

— М-мм... Надо подумать. Мою каюта не подходит — чтобы попасть туда, тебе придется миновать двадцать кают других офицеров и пройти через кают-компанию... Осторожно, к нам движется Джимми!

Ну конечно, я хотела ублажить его, чтобы он молчал, но, помимо этого, я испытывала к нему благодарность и чувствовала, что задолжала ему кое-что. Если он хочет отведать моей порочно-беременной плоти (а он хочет!), я готова — причем, по собственному желанию. В последнее время меня держали на голодном пайке, а Джерри — недурен собой. Мне ничуть не мешает моя беременность (хотя это и очень необычно для меня), а кроме того, я хочу сохранить это в тайне (если это, конечно, возможно — если об этом не знает уже вся корабельная команда!)... Да, в тайне, пока я не придумаю, как мне выпутаться.

Итак, разложим все по полочкам: если я отправлюсь на Релм, меня скорее всего убьют в операционной — тихо,

легально и со знанием дела. Если вы не верите, что такое возможно, значит, вы живете совсем в другом измерении и вам совершенно незачем читать эти мемуары. На протяжении всей истории человечества самым надежным способом избавиться от лишнего свидетеля было — заставить его перестать дышать.

Это может и не произойти. Но это несомненно произойдет, *если* я отправлюсь на Релм.

Остаться на борту звездолета? Я думала об этом, но... В ушах у меня звучали слова Пита-Мака: "Когда мы прибудем, придворный офицер взойдет на борт, и на этом наша миссия будет окончена". Скорее всего, они не станут ждать, пока я сама спущусь на землю и подхвачу лихорадку... Следовательно, я должна сойти с корабля *до* того, как мы прилетим на Релм, то есть на Ботани-Бей — другого мне просто не дано. Как просто! Сойти с корабля... Ну, конечно! Спуститься по трапу и помахать с земли ручкой.

Только я ведь не на морском корабле. "Форвард" не приближается к планете, он выходит на стационарную орбиту вокруг нее на высоте тридцать пять тысяч километров, а это — не так близко, особенно если учесть, что это километры безвоздушного пространства. Единственный способ, которым можно добраться до Ботани-Бей с орбиты, — на одном из корабельных причальных ботов, вроде того, на котором я летала на Аванпост.

Фрайди, они не дадут тебе войти в причальный бот. На Аванпост тебе удалось слетать нахрапом. Это наверняка их насторожило, и во второй раз у тебя ничего не выйдет. Что же произойдет? Мистер Ву или еще кто-нибудь сверится со списком в ангаре, и твоей фамилии опять там не окажется. Но на этот раз с ним будет вооруженный охранник порядка. Что ты сделаешь? Ну, что ж, я отниму у него оружие, стукну их головами друг о друга, войду в бот и усядусь в кресло. Да, ты можешь это сделать — ты хорошо натренирована и генетически создана именно для таких вот грубых трюков. Но что дальше?

Дальше: причальный бот не улетит в назначенное время. Он задержится, пока не придут человек восемь и с помощью грубой силы и пуль с транквилизаторами не вытащат тебя оттуда и не запрут в каюте "ББ"... Где ты останешься до тех пор, пока придворный офицер с Релма не появится на

корабле и не возьмет на себя заботу о твоём чреве. Нет, грубой силой эту проблему не решишь, значит... Значит, остается: сладкие речи, преимущества слабого пола и взятка.

Стоп! А как насчет откровенности? А?

Почему бы и нет? Пойти прямо к капитану. Рассказать о том, что обещал тебе мистер Скимма и как тебя потом обманули... Попросить Джерри показать ему свидетельство о твоей беременности, сказать, что ты напугана и что решила подождать на каторге корабля, летящего не на Релм, а на Землю. Капитан — старый сентиментальный чудак, он показывал тебе фотографии своей дочки... Он защитит тебя!

Что бы сказал на это Босс?

А Босс обратил бы внимание на то, что ты сидишь по правую руку от капитана... Почему? Тебе была предоставлена самая комфортабельная каюта на "Форварде", и это — в самый последний момент. Почему? Было найдено место для семерых других, которые только и делают, что следят за тобой — ты думаешь, капитан об этом не знает? Кто-то вычеркнул твоё имя из списка экскурсантов на Аванпост — кто?

Кому принадлежат Гиперпространственные линии? Тридцать процентов находятся в собственности международных корпораций, которые в свою очередь принадлежат комплексу "Шипстоун" или контролируются им. А ты обратила внимание, что одиннадцать процентов принадлежит трем банкам на Релме? Да, ты обратила внимание, потому что остальные "ветки" комплекса "Шипстоун" принадлежат тому же Релму. Так что... Вряд ли тебе стоит рассчитывать на сентиментального старика ван Коуэна. В ответ на свои "сказки" ты услышишь: "Та нет, я так не тумаю. Мистер Скимма мой хороший трук, я снафал ефо мноко лет. Та-та, я опещал ему, что вы путете ф полной песопасности, и потому я не моку посфолит фам отпрафляться на тикий чушой планет. Но кокта мы полетим опратно, я путу покасывать фам настоящую красота — на Альцион. Опещаю. А теперь путь умнисей и не стостафляй мне хлопот — итет?" Возможно, он даже сам будет верить в это.

Он наверняка в курсе, что никакая ты не "Богатая Сучка". Скорее всего, ему сказали, что ты — наемная мамочка (не посвящая в то, что это касается королевской семьи, хотя он мог и сам догадаться), и он воспримет твои "сказки" как элементарное желание увильнуть от вполне

законного контракта. Фрайди, ведь у тебя нет ни единого письменного доказательства, что тебя подставили. И не рассчитывай на капитана и вообще на кого бы то ни было здесь. Надеяться можешь лишь на себя.

Я долго ломала себе голову над тем, что же мне предпринять, но — безрезультатно. В основном все мои размышления сводились к прикидкам, что делать, если мне все же удастся соскочить на Ботани=Бей. Скажем так: “Эй, капитан, слышите меня? Я запираюсь в своей каюте и не выйду из нее, пока мы не улетим с Релма! Если будете ломать дверь и вытаскивать меня силой, что ж, помешать вам не смогу, но... офицер из дворца получит лишь мой труп!”

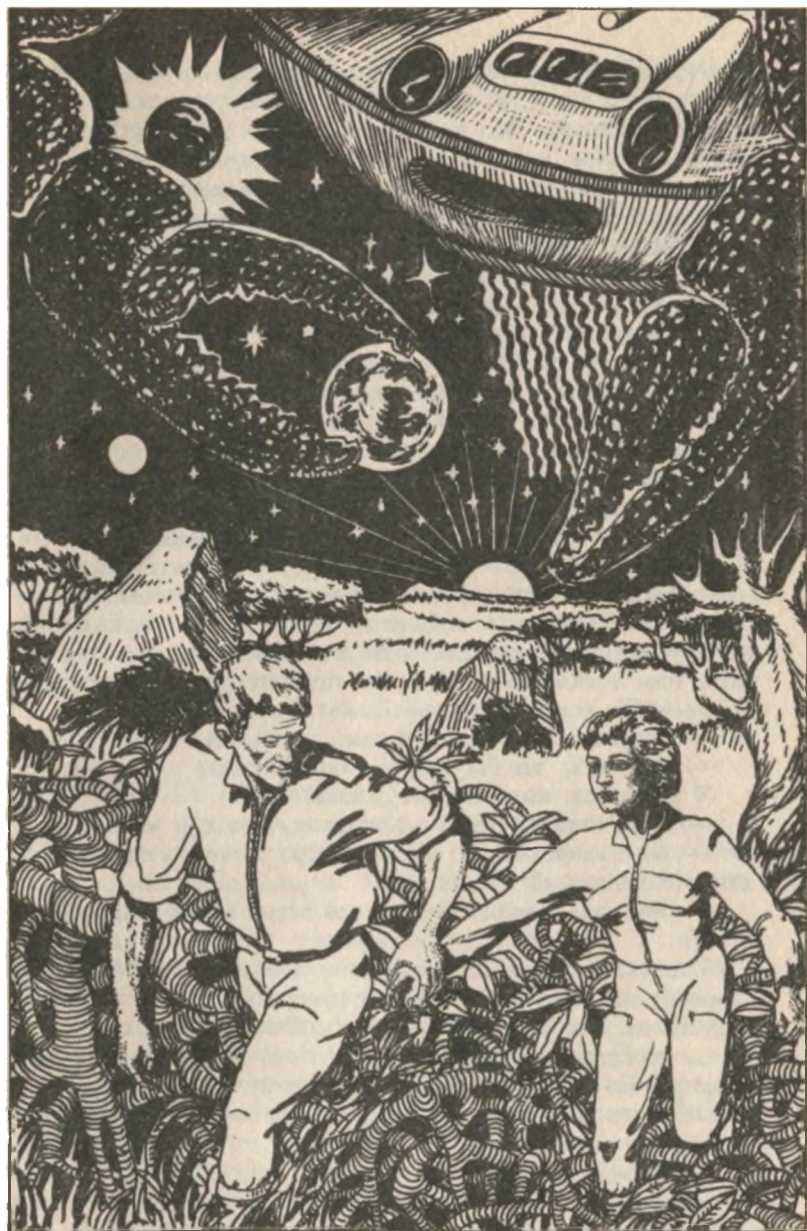
Чушь! Все, что понадобится, это через кондиционер накачать в каюту усыпляющий газ.

Ладно, тогда: “Капитан! Вы когда-нибудь видели, как делают аборт вязальными спицами? Нет? Ну, так приходите посмотреть. Если любите кровавые зрелища, получите большое удовольствие!”

Вдвойне чушь! Я могу сколько угодно болтать об аборте, но не смогу это сделать... Хотя ничего хорошего мне мой незваный гость, очутившийся в моей матке, и не принес, но ведь он-то ни в чем не виноват.

В конце концов я решила не тратить время попусту на подобные размышления и сосредоточиться на реальности, а главное — постараться ничем себя не выдать. Когда объявили, что настало время записываться на экскурсию на Ботани-Бей, я выскочила одной из первых: обсуждала громко разные варианты, задавала кучу вопросов, таскала брошюры к себе в каюту и, в конце концов, записалась на все самые дорогие поездки и заплатила наличными.

За ужином я болтала с капитаном о тех маршрутах, которые выбрала, спрашивала, что еще он мог бы мне посоветовать, и жаловалась без конца на то, что мое имя было потеряно в списке экскурсантов на Аванпост. Я попросила его самого проверить список на этот раз, чтобы не было никаких “накладок”. Как будто у капитана огромного звездолета нет других дел, кроме как следить, чтобы никто не забыл о Богатой Сучке. Внешне он ничем себя не выдал: выслушал, ни разу не дрогнув, всю мою болтов-

ню, благосклонно кивая на каждую просьбу и словом не обмолвясь о том, что мне запрещено спускаться на поверхность планеты. Но, возможно, он не менее искушен в искусстве лжи, чем я сама, а я... Я научилась лгать с невозмутимым видом задолго до того, как вышла из "яслей".

Этим вечером я оказалась в "Черной норе" в компании моих трех постоянных поклонников: доктора Джерри Мэдсена, Джимми Лопца и Тома Аделла. Том был первым помощником главного инженера, но я так толком и не выяснила, что это означает. Я лишь заметила, что он носил на одну нашивку больше, чем двое его соперников. В мой первый вечер на корабле Джимми торжественно объявил мне, что Том — главный привратник. Том не стал с этим спорить, а лишь добавил:

— Ты забыл сказать, что я еще и главный грузчик.

В этот вечер, всего за семьдесят пять часов лета до Батани-Бей, я частично выяснила, чем занимается Том. Причальный бот был полон груза для Ботани...

— Один бот мы загрузили сразу перед отлетом. Но второй бот пришлось освободить от груза на Ботани-Бей, потому что он нужен был нам для Аванпоста. Но для Ботани нам нужны оба, так что придется опять загружать его... — Он усмехнулся. — Да, попотеем, как следует.

— Тебе это полезно, Томми, ты здорово толстеешь.

— Джимми, ты бы на себя посмотрел...

Я спросила, как они загружают бот:

— Ведь ангары очень маленькие, так как же?

— Ангарами мы не пользуемся. Хочешь посмотреть, как это делается?

Я кивнула, и мы договорились встретиться здесь завтра с утра.

Кое-что я усекла. Внутренние помещения "Форварда" огромны, но и грузовые отсеки причальных ботов тоже не маленькие. На них перевозят довольно объемистые предметы, особенно оборудование. На Ботани-Бей нужно было переправить турбогенератор "Вестингауз" — величиной с дом. Я спросила Тома, как они собираются сдвинуть с места такую машину.

— Черная магия, — усмехнулся он.

Четверо его помощников накиннули на турбогенератор металлическую сеть и пододвинули к нему какой-то же-

лезный ящичек размером с обычный чемодан. Тот внимательно осмотрел все и сказал:

— Отлично. Подымайте.

Один из четверых чем-то шелкнул, и... железная машина вздрогнула и поднялась в воздух. Портативный антиграв, наподобие тех, что используются в гравилетах. С величайшей осторожностью, манипулируя троссами и специальными баграми, они провели эту штуковину через громадные ворота в грузовой отсек бота. Том объяснил, что, хотя этот железный монстр и свободен сейчас от внутрикорабельного притяжения (искусственного), он не утратил ни грамма своей массы и может раздавить человека так же легко, как человек — муравья.

— Им приходится во всем полагаться друг на друга. Жизнь всех зависит от каждого, а я... Я конечно отвечаю за всех, но мертвому будет все равно, кто виноват. Так что они должны подстраховывать друг друга.

Главное, по его словам, за что он отвечал, это за то, чтобы каждый этап погрузки шел по плану, каждый груз был прочно закреплен и большие двери грузового отсека с обеих сторон были после каждой погрузки как следует заперты.

Том провел меня по отсекам, предназначенным для пассажиров-эмигрантов.

— У нас на этот раз больше мигрантов на Ботани, чем когда-либо, — заметил он. — Когда мы оставим их там, третий класс почти весь опустеет.

— Они все австралийцы? — спросила я.

— Нет, около двух третей. Но у всех одно общее — они говорят на английском. Это единственная колония с языковыми требованиями. Они там пытаются сделать так, чтобы на всей планете был единый язык.

— А-а, я что-то слышала об этом. Зачем?

— Многие считают, что тогда меньше вероятности вспышек разных междоусобиц и войн. Может, и так, но... Самые кровавые войны, что были в нашей истории — гражданские. Без всяких языковых проблем.

У меня не было на этот счет никаких соображений, и я промолчала. Мы вышли из бота через пассажирский ангар и, когда Том запер его, я вспомнила, что забыла внутри свой шарф.

— Ты не видел его, Том? Я хорошо помню, что в отсеке для мигрантов он был на мне.

— Не заметил... Но сейчас мы его найдем. — Он вернулся и открыл дверь ангара.

Шарф был там, где я его оставила — между двух кресел в отсеке для мигрантов. Я набросила его Тому на шею, притянула его к себе, поблагодарила и позволила благодарности зайти так далеко, как ему хотелось (достаточно далеко, но не до конца, потому что он был на дежурстве). Он заслужил благодарность — на двери был цифровой замок. Теперь я могу открыть его в любой момент.

Когда я вернулась с экскурсии по причальному боту и его грузовым отсекам, подошло время ленча. Шизуко, как всегда, над чем-то хлопотала (не может у одной женщины уходить все время на ухаживание за другой).

— У меня нет настроения идти в столовую, — сказала я ей. — Я приму душ, надену халат и поем здесь.

— Что, мэм, угодно? Я сейчас закажу.

— Закажи для нас обеих.

— Как? И для меня?

— И для тебя. Я не люблю есть одна. Но мне не хочется одеваться и тащиться в столовую. Не надо спорить. Просмотри меню. — С этими словами я отправилась в ванную.

Из ванной я слышала, как она заказывает ленч, а когда я выключила душ, она была уже наготове — маленькое полотенце обернуто вокруг бедер, а большое она держит в руках, чтобы обернуть в него меня. Вытерев меня насухо, она помогла мне облачиться в халат, а потом, пока открывала пищевой лифт и вытаскивала еду, я оттащила маленький столик в тот угол каюты, где мы раньше беседовали с Питом-Маком. Шизуко, наблюдая за моими действиями, удивленно приподняла брови, но ничего не сказала, а начала накрывать на стол. Я настроила терминал на музыкальное воспроизведение и выбрала кассету с записью погромче — классический рок на сей раз.

Шизуко поставила на столик только один прибор. Я повернулась к ней так, чтобы она услышала меня, несмотря на музыку, и сказала:

— Тилли, поставь тарелку для себя тоже.

— Что-что, мэм?

— Ну, хватит, Матильда. Игры кончились. Я поставила эту пленку, чтобы мы могли спокойно поговорить.

Она поколебалась секунду-другую, а потом согласно наклонила голову.

— Хорошо, мисс Фрайди.

— Зови меня лучше Мардж, чтобы мне не приходилось называть тебя мисс Джексон. Или зови меня моим настоящим именем — Фрайди. У нас с тобой есть о чем поболтать. Кстати, в качестве горничной тебе нет равных, но отныне, когда мы наедине, тебе не стоит утруждать себя. Я прекрасно могу вытереться после душа сама.

Она едва приметно улыбнулась.

— Мне самой нравится обихаживать вас, мисс Фрайди... Мардж... Фрайди.

— Да? Ну, что ж, благодарю! Давай поедим. — Я любезно положила ей на тарелку полную ложку "суки-яки".

Пожевав минуты две — разговаривать за едой всегда как-то легче, — я сказала:

— Сколько ты получаешь за это?

— Получаю за что, Мардж?

— За то, что состоишь при мне и передашь в руки придворного офицера?

— Обычный контракт. Платят моему шефу. В условия контракта входят и мои премиальные, но я верю в премии, только когда они у меня в руках.

— Ясно. Матильда, я линияю на Ботани-Бей. Ты мне поможешь.

— Зови меня Тилли. Помогу?

— Поможешь. Потому что я заплачу тебе намного больше твоих премиальных.

— Ты думаешь, меня можно так легко перекупить?

— Да. Потому что у тебя есть два выхода. — Между нами на столике лежала стальная разливная ложка. Я взяла ее в руки, и пальцами сплющила толстую стальную "чашечку". — Ты можешь помочь мне. А можешь умереть. Причем довольно быстро. Что тебе больше по вкусу?

Она взяла у меня из рук ложку и, повертев ее, сказала:

— Мардж, не стоит все так драматизировать. Что-нибудь мы придумаем. — С этими словами она большими пальцами разогнула сплюснутый металл. — Что у тебя стряслось?

Я уставилась на ложку.

— "Мать твоя пробирка..."

— "... А скальпель мой отец". Равно как и твой, — кивнула она. — Потому-то меня и наняли на эту работу.

Давай поговорим. Почему ты решила соскочить с корабля? Если ты это сделаешь, с меня шкуру сдерут.

— А если не сделаю, проживу очень недолго. — Не скрывая ничего, я подробно рассказала ей о своем “контракте”, о том, как я оказалась беременной, и о том, почему я так уверена, что у меня нет ни единого шанса пережить визит на Рэлм.

— Итак, — закончив, — сказала я, — что заставит тебя переметнуться на мою сторону? Я полагаю, меня устроит твоя цена.

— Не одна я слежу за тобой.

— Пит? Думаю, я справлюсь с Питом. Остальных — троих мужиков и двух женщин, — думаю, можно вообще не брать в расчет, если... если ты и Пит поможете мне. Из всех лишь ты и он — профессионалы, а остальные... Кто их нанимал? Дилетанты.

— Не знаю. Я даже не знаю, кто нанял меня. Этим занимался мой босс. Может, ты и права... Может, остальных и не стоит брать в расчет — все зависит от твоих планов.

— Давай договоримся о деньгах.

— Нет уж, давай сначала поговорим о планах.

— Что ж... Как по-твоему, ты можешь имитировать мой голос?

— Что ж... — ответила она. — Как, по-твоему, ты можешь имитировать мой голос?

— А ну-ка еще раз!

— А ну-ка еще раз!

— Ладно, — кивнула я. — Ладно, Тилли, ты можешь. В “Дэйли Форвард” сказано, что мы выскочим из гиперпространства возле Ботани-Бей завтра утром. Если расчеты так же точны, как были на Аванпосте, мы выйдем на стационарную орбиту и пошлем туда причальные боты послезавтра, где-то около полудня, то есть меньше, чем через сорок восемь часов. Значит, завтра я заболела — печально, правда? Я ведь так рассчитывала спуститься на поверхность и побывать на всех этих расчудесных экскурсиях. Точное время для осуществления моего плана зависит от того, когда отчалят наши боты. Насколько я понимаю, они могут отчалить, лишь когда мы вынырнем в нормальное пространство и они смогут оказаться сами на стационарной орбите. Когда бы это ни произошло, за одну

ночь перед их отлетом я слиняю из каюты. И с того момента ты будешь “работать” за нас обеих. Входить в каюту ты никому не позволишь — скажешь, я слишком плохо себя чувствую. Если кто-то будет дозваниваться через терминал, не включай видео — я никогда не включаю! Когда это возможно, ты говоришь за нас обеих, а когда нет — скажешь, что я сплю. Если кто-то все же уловит разницу в голосе, скажешь, что я... Что у меня высокая температура, что я напичкана лекарствами и поэтому у меня заплетается язык... Закажешь завтрак для нас обеих: себе свой обычный, а для “больной” — чай с молоком и пару тостов.

— Фрайди, насколько я понимаю, ты собираешься соскочить на одном из причальных ботов. Но двери у них всегда на замке, поверь мне. Я это точно знаю.

— На замке. Но тебе не стоит об этом волноваться, Тил.

— Ладно. Это — твои трудности. Я могу прикрыть тебя, когда ты слинешь, но... Что я скажу капитану, когда все выяснится?

— Значит, капитан знает. Я так и думала.

— Он знает. Но приказы мы получаем от штурмана.

— Разумно. Тогда что ты скажешь, если мы устроим так, что ты будешь оглушена и связана, и ты скажешь, что я напала на тебя. Сама я, конечно, не смогу это сделать, но думаю, кое-кто мне поможет.

— Это сильно укрепит мое алиби, но кто же эта добрая душа?

— Помнишь нашу первую ночь на звездолете? Я вернулась поздно и не одна. Ты еще подала нам чай с пирожками.

— Доктор Мэдсен? Ты на него рассчитываешь? И ты думаешь?..

— Думаю, да. С твоей, конечно, помощью. Той ночью, он, кажется, был очень не прочь.

Она усмехнулась:

— Той ночью у него здорово слюни текли и язык аж волочился по полу.

— Правильно. И волочится до сих пор. Завтра я заболēju. Он придет навестить меня — как врач. Ты, как обычно, будешь здесь. Мы погасим свет в спальне и... Если доктор Джерри еще не остыл ко мне (а я уверена, что нет), он примет мое предложение, а после того, как примет, сделает все, что нужно. Ну, как? Простенько и со вкусом, а?

Тилли задумалась и покачала головой.

— Нет, — сказала она.

— Нет?

— Давай сделаем все действительно простенько. Никого больше посвящать не надо. Вообще никого — и связывать меня тоже не надо, это лишь вызовет подозрения. Вот мой план: незадолго до того, как боты отчалят, ты решишь, что уже выздоровела. Ты встаешь, одеваешься и выходишь из каюты, не говоря мне, куда идешь — я всего лишь жалкая служанка и ты никогда ничего мне не докладываешь. Может, ты решила все же отправиться на экскурсии... Я не в курсе и, как бы там ни было, это не имеет значения — я не обязана бегать за тобой по всему звездолету, мое дело — не спускать с тебя глаз в каюте. По-моему, Пит тоже не обязан таскаться за тобой по кораблю. Если тебе удастся соскочить с корабля, единственный, кто получит взбучку, это капитан. Лично я по этому поводу плакать не стану.

— Тилли, кажется, ты права. Я полагала, что тебе понадобится алиби... Но, пожалуй, ты прекрасно обойдешься и без него.

Она подняла на меня глаза и улыбнулась.

— Я вовсе не хочу удерживать тебя от развлечений с доктором Мэдсенем. Затащи его в койку, если хочешь, и утешайся на здоровье. В мои обязанности входило — не подпускать мужиков близко к твоей постели... Ты, наверно, и сама это знаешь...

— Догадалась, — сухо бросила я.

— Но теперь, раз уж я перешла на другую сторону, это вовсе не обязательно... Неожиданно она засмеялась. — А может, мне себя предложить доктору Мэдсену в качестве приманки? Он зайдет навестить пациентку на следующее утро, я скажу ему, что тебе лучше и что ты пошла в сауну, или... Как, по-твоему?

— Предлагай ему только то, что рассчитываешь дать, — посоветовала я. — Он не тот парень, которого можно динамить.

— Если уж я обещаю, то довожу дело до конца, — кивнула она и встала. — Итак, вроде бы, все?

— Все, кроме одного, — вставая с кресла, сказала я, — сколько я должна тебе?

— Я думала об этом... Слушай, Мардж, ты лучше меня знаешь свои возможности, поэтому... я оставляю это на твоё усмотрение.

— Но ты не сказала мне, сколько тебе заплатят те.

— Потому что я сама не знаю. Мой хозяин мне не докладывал.

— Ты чья-то? — Я очень расстроилась. Как и любой ИЧ на моем месте.

— Не совсем. Я была продана на двадцать лет. Осталось еще тринадцать, а потом — я свободна.

— Но... О, Господи, Тилли, давай тогда соскочим с корабля вместе!

Она положила мне руку на плечо и, заглянув в глаза, сказала:

— Не переживай. Ты заставила меня подумать об этом как следует. И это — главная причина, по которой я не хочу оставаться связанной. Мардж, меня-то ведь никто не станет дергать взаперти на корабле. И, разумеется, я могу отправиться на любую экскурсию, когда пожелаю, если смогу заплатить за это... А я смогу. Так что, может быть, мы увидимся внизу?

— Да! — воскликнула я и поцеловала ее.

Резким движением она привлекла меня к себе и наш поцелуй затянулся. Она застонала, и я почувствовала ее руку у себя под халатом...

Когда я оторвалась от ее губ, я посмотрела ей прямо в глаза и спросила:

— Значит, вот в чем дело, Тил?

— Да! Да-а-а! С того первого дня, когда... А, черт, когда я впервые выкупала тебя...

Этим вечером мигранты, покидающие звездолет на Ботани-Бей, устраивали представление для пассажиров первого класса в большой гостиной. Капитан объяснил мне, что это — своего рода традиция и что пассажиры первого класса обычно делают благотворительные взносы в помощь колонистам, но это не носит принудительный характер. По традиции он сам тоже присутствовал там, и я, сидя рядом с ним, не упустила случая пожаловаться на недомогание. Я добавила, что, возможно, мне придется отказаться от экскурсий на Ботани, что, конечно, очень обидит.

Он сказал, что если я себя недостаточно хорошо чувствую, мне, несомненно, следует воздержаться от полета на поверхность чужой планеты, но... Не стоит переживать, Ботани-Бей — не лучшее местечко во вселенной, оставшая часть путешествия намного интереснее, так что будь паинькой и не заставляй меня запираить твою каюту на замок.

Я сказала, что, если меня будет мутить как сейчас, запираить каюту не придется — полет на Аванпост был кошмарным, меня выворачивало всю дорогу и больше я такого не вынесу. Чтобы наглядно подтвердить свои слова, я почти не притронулась к ужину.

Представление получилось вполне любительским, но очень веселым — немного танцев, но в основном песенки: "Привяжи меня к кенгуру", "Вальс Матильды" и несколько других. Я бы тут же забыла все песенки, если бы не исполнитель во втором ряду, который показался мне знакомым.

Я смотрела на него и думала: Фрайди, неужели ты превратилась в потаскушку, которая даже не помнит, спала она с человеком или нет? Он напомнил мне профессора Федерико Фарнези, но он носил густую бороду, а Фредди был чисто выбрит, что, конечно, ровным счетом ничего не значило, поскольку с нашей встречи прошло достаточно времени, чтобы отпустить бороду, а почти всех мужчин рано или поздно охватывает бородомания. Но из-за этой дурацкой бороды я никак не могла определить, он это или нет. По голосу — тоже не получалось — мужчина ни разу не спел соло. Запах? Нет, на расстоянии в тридцать метров невозможно выделить и отличить его от остальных. Мне очень хотелось плюнуть на этикет, встать, подойти к нему и спросить: "Послушайте, вы — Фредди? Не с вами ли я спала прошлой весной в Окленде?" Но что, если он скажет: "Нет".

Я обыкновенная трусиха, поэтому лишь сказала капитану, что среди мигрантов, кажется, узнала своего старого друга из Сиднея.

— Как бы мне это выяснить? — поинтересовалась я.

В результате я заполнила короткую анкету на имя Федерико Фарнези, капитан отдал ее пилоту, пилот — своему помощнику, тот вышел и вскоре вернулся с докладом: среди мигрантов есть несколько итальянских имен, но ни одно имя (итальянское или нет) в списке и близко не похоже на "Фарнези". Я поблагодарила его, поблагодарила

пилота, поблагодарила капитана и... хотела было уже попросить их проверить "Тормея" и "Перральта", но вовремя сообразила, что это — полный бред. Я ведь не видела здесь ни Бетти, ни Жанет среди пассажиров, а уж они-то никак не могли отрастить бороды. Что же касается того мужчины, то ведь я его по сути даже не видела: наклейте на любого мужика бороду — что вы увидите? Да ничего — это все равно, что закрыть лицо забралом. Да, как видно, все, что пожилые жены рассказывают про беременных баб, не сказки, а чистая правда.

ГЛАВА XXXII

По корабельному времени было два часа ночи. "Форвард" выпрыгнул из гиперпространства вовремя — в одиннадцать утра. Расчеты оказались настолько верными, что мы должны были выйти на стационарную орбиту вокруг Ботани-Бей в семь сорок-две — то есть на несколько часов раньше, чем предполагалось до выхода из гиперпространства. Меня это не обрадовало, потому что из-за ранней отправки причального бота пассажиры скорее всего примутся бродить по коридорам среди ночи, но... Выбора у меня не было — второй случай исключен.

Я быстренько закончила все приготовления, чмокнула на прощание Тилли, погрозила ей пальцем, чтобы она не шумела, и вышла из каюты. Мне нужно было спуститься вниз на три палубы. Дважды я прижималась к стенке, чтобы меня не заметил ночной патруль, а один раз пришлось даже нырнуть в грузовой люк, чтобы избежать встречи с каким-то подвыпившим лунатиком. Наконец я добралась до короткого коридорчика перед пассажирским ангаром, и... прямо перед собой увидела смотрящего на меня Мака-Пита-Персиваля.

Улыбнувшись и прижав палец к губам, я быстро подошла к нему и, ни слова не говоря, врезала ему пониже уха. Потом я подхватила его обмякшее тело, осторожно опустила на пол и занялась дверным замком. Черт! Даже с моим усиленным ночным зрением в темноте не-

возможно было разглядеть ни одной цифры на диске — в коридорчике не было ни одной лампы. Я дважды набрала код и оба раза “промахнулась”. Что же делать? Вернуться в каюту за фонарем? У меня его вообще-то и там не было, но, может, есть у Тилли? Если нет, то — что? Ждать утра, когда рассветет? Да, но тогда здесь будет полно народу...

Я взглянула на Пита — он еще не пришел в себя, но дышал ровно... Значит, сердце крепкое. Тебе повезло, Пит — врежь я тебя изо всей силы, ты бы уже не дышал... Я обыскала его и нашла авторучку с фонариком — ничего удивительного: мисс Богатой Сучке, конечно, не нужна такая дребедень, а вот ему для работы, для слежки за мной, фонарь мог пригодиться.

Через несколько секунд дверь распахнулась. Я втащила Пита внутрь и заперла за ними дверь простым поворотом колеса — сначала по часовой стрелке, а потом — против. Затем, увидев, что у Пита дрогнули ресницы, я врезала ему еще раз. Потом пошла волянка: Пит весил килограммов восемьдесят пять — не так уж много для мужчины, но это на двадцать пять килограммов больше моего собственного веса. Том говорил, что на корабле поддерживается искусственное притяжение в 0,97 g, то есть такое же, как на Ботани, но в эти минуты мне захотелось полной невесомости, потому что я не могла бросить здесь Пита — ни живого, ни мертвого. Я умудрилась взвалить его на плечо (говорят, так вытаскивают людей из огня пожарные) и поняла: чтобы руки были свободны, нужно зажать ручку-светлячок в зубах, как сигару. Если бы не бесчувственное тело на моей шее, я, конечно, сориентировалась бы и в полной темноте, но с Питом... Без фонарика мне не обойтись.

Лишь один раз свернув не туда, я наконец добралась до огромного грузового отсека, который показался мне еще громаднее в полутьме. Причальный бот был хорошо виден, и я быстро нашла то укромное местечко, которое облюбовала себе накануне, — турбогенератор “Вестингауз”.

Думаю, эта громадина работала на газе или на паре — во всяком случае не на шипстоуновских батареях. В колониях часто пользуются такими агрегатами, которых уже не найдешь в тех местах, где есть “Шипстоуны”. Я в подобных штуковинах плохо разбираюсь, но меня совершенно не интересует, как он работает, главное — из него

с одной стороны выпирает кусок огромной трубы, в которой вполне хватит места для человека. Даже для двоих — к счастью, ибо со мной рядом этот незванный гость, и я не могу ни убить его, ни бросить. Довольно уютное местечко, если учесть, что грузчики, перед тем как загрузить турбогенератор, укрыли его мягким стекловолокном. Я заползла в трубу, а потом мне пришлось попотеть, втаскивая туда Пита. Но я все-таки сделала это, оставив, правда, на краю трубы клочок собственной кожи. Я взглянула на Пита и принялась раздевать его. Если повезет, я смогу даже чуток поспать, но не станешь же спать, когда на свободе рядом один из твоих шпигов. На Пите были надеты штаны с ремнем, рубашка, трусы, носки, кроссовки и свитер. Я стащила с него все, рубашкой связала ему руки, шиколотки стянула штанинами, а потом закрепила связанные руки и ноги ремнем. Придется ему полежать в этой не совсем удобной позе — так меня научили на тренировках страховать от побега пленника. Полезная наука.

Закончив с этим, я принялась хлестать его трусами по щекам.

— Не стоит, мисс Фрайди, — спокойно сказал он. — Я пришел в себя довольно давно. Давайте поговорим.

— Я так и думала, — помолчав, сказала я. — Но решила делать вид до тех пор, пока ты не перестанешь притворяться. Надеюсь ты понимаешь, что стоит тебе ликнуть, и я оторву твою мошонку и засуну ее тебе в глотку.

— Что-то в этом роде я предполагал. Но не думал, что вы окажетесь такой кровожадной.

— А почему бы и нет? Я уже имела дело с этим прибором раньше. Правда, не по своей воле. И имею полное право делать с ним все, что хочу. Есть возражения?

— Мисс Фрайди, вы позволите мне сказать хоть слово?

— Конечно, почему бы и нет. Но учти, стоит тебе пикнуть чуть громче самого тихого шепота, и ты лишишься своей игрушки. — С этими словами я рукой ясно дала ему понять, какую “игрушку” имею в виду.

— М-мм... Осторожнее, прошу вас! Сегодня ночью штурман велел удвоить слежку за вами. Я...

— Удвоить слежку? Как это?

— Обычно, Тилли... Ну, в смысле, Шизуко... Она одна на страже с того момента, как ты приходишь к себе в ка-

юту, и до тех пор, пока ты не встанешь утром. Когда ты встаешь, она нажимает кнопку, и мы получаем сигнал, по которому сразу начинаем тебя пасти. Но сегодня штурман... а может, и сам капитан очень беспокоится. Боится, что ты можешь попытаться слинять на Ботани-Бей...

Я сделала большие глаза:

— Мой Бог! Как можно подозревать меня, столь невинное существо, в таких безобразиях!

— Понятия не имею, — торжественно произнес он. — Но что, интересно, мы делаем здесь, в причальном боте?

— Я собираюсь совершить ознакомительную прогулку. А как насчет тебя?

— Надеюсь, и я тоже. Мисс Фрайди, я понимал, что если вы собирались соскочить на Ботани-Бей, лучшее время было бы — сегодня ночью. Я не знал, каким образом вы рассчитываете сладить с замком на ангаре, но... Я верил в ваши способности и вижу, что не ошибся.

— Спасибо. Кто следит за вторым ботом?

— Грэхем. Такой маленький, рыжий. Может, вы замечали его.

— Даже слишком часто.

— Я выбрал этот бот, потому что вы ходили здесь вчера с мистером Аделлом. Или позавчера — смотря, как считать.

— Неважно. Пит, что случится, когда тебя хватятся?

— А меня могут и не хватиться. Тупица Джо... Виноват, Джозеф Стюбен — это я про себя его так называю, — так вот, я велел ему сменить меня после завтрака. Насколько я знаю Джо, он не огорчится, когда не застанет меня у двери в ангар. Он просто сядет на палубу, облокотится на дверь и будет дремать, пока кто-нибудь его не разбудит. Потом проторчит у двери, а когда бот отчалит, потащится к себе в каюту и будет терпеливо ждать, когда я за ним приду. Джо — исполнительный малый, но умом не блещет. На что я и рассчитывал.

— Пит, ты говоришь так, словно все идет по твоему плану.

— В мой план не входило получать по шее, отчего у меня до сих пор раскалывается голова. Если бы вы дали мне сказать хоть слово... вам не пришлось бы тащить меня на себе.

— Если ты рассчитываешь заговорить мне зубы и думаешь, что я развяжу тебя, то напрасно пыжишься.

— Вы хотели сказать “напрасно стараешься” — пыжиться я в такой позе никак не могу.

— Неважно, главное — напрасно. И исправляя мою речь, ты тоже ничего не добьешься. Ты попал в очень серьезную переделку, Пит. Назови мне хотя бы одну причину, по которой мне не стоит убивать тебя. Ты знаешь, ведь капитан был абсолютно прав: я на самом деле линияю с корабля и не могу отвлекаться на всякие мелочи вроде тебя.

— Ну... одна причина есть: утром, при разгрузке, найдут мое бречное тело. И начнут искать тебя.

— К тому времени я уже буду далеко-далеко за горизонтом. И потом, почему они непременно должны искать меня? Я не собираюсь оставлять на тебе отпечатки своих пальцев. Так... несколько лиловых полос на шее — и все.

— Мотив и возможность. Ботани-Бей — колония, достаточно уважающая закон, мисс Фрайди. Может быть, вам и удастся соскочить с корабля и остаться там, некоторые сумели это сделать, но... Если вас потребуют выдать, как совершившую убийство на борту корабля, местные власти пойдут навстречу.

— Я сошлюсь на самооборону. Скажу, что имела дело с известным насильником... Ради Бога, Пит, придумай, что мне делать с тобой! Ты спутал мне все карты. Ты же знаешь, что я не убью тебя, — я не могу хладнокровно убить человека, меня надо заставить... Вынудить. Но если оставить тебя связанным... Пстой-ка, пять и три — восемь, да еще часа два, как минимум, пока они не примутся за разгрузку... Получается десять часов. Придется вставить тебе кляп в рот... И потом становится все холоднее...

— Это точно! Я уже весь дрожу... Послушай, ты не могла бы накинуть на меня свитер?

— Ладно. Но учти, потом мне придется использовать его как кляп.

— К тому же у меня затекают ноги и руки. Мисс Фрайди, если вы оставите меня здесь связанного на десять часов, у меня на руках и ногах начнется гангрена. Регенерации здесь нет. Когда я попаду туда, где ее смогут сделать, от меня останется лишь... Нет, милосерднее сразу убить меня.

— А, чтоб тебе провалиться! Ты бьешь на жалость!

— Сомневаюсь, что вам знакомо это чувство.

— Слушай, — сказала подумав я, — если я развяжу тебя и позволю одеться, чтобы ты не замерз, ты дашь мне потом без всякого шума опять связать тебя и засунуть в рот кляп? Или мне придется врезать тебе посильнее и вырубить уже как следует? С риском сломать тебе шею. А ты знаешь, я могу это сделать. Ты видел, как я дерусь, и...

— Как деретесь — нет. Я видел лишь последствия. Вернее, слышал о них.

— Неважно. Значит, ты в курсе. И тебе не вредно узнать, почему я способна на такое. “Мать моя — пробирка...”

— “... скальпель — мой отец”, — закончил он за меня. — Мисс Фрайди, я мог и не давать вам, как вы выражаетесь, вырубить себя. Да у тебя уж очень быстрые реакции, но... но у меня они такие же, а руки — намного длиннее. Кроме того, я знал о твоих возможностях, а вот ты о моих — нет. Стало быть, у меня было преимущество.

Когда он делал это поразительное признание, я сидела в позе лотоса, тупо уставившись на него, и молчала. Неожиданно дурнота подступила к горлу, и меня чуть не вырвало.

— Пит, — почти умоляющим голосом пробормотала я наконец, — ты... ты ведь не лжешь мне?

— Мне приходилось лгать всю жизнь, — ответил он, — так же, как и тебе. Впрочем... — Он шевельнул руками, и путы на них лопнули.

Вы представляете себе прочность скрученных рукавов добротной рубахи? Они прочнее каната такой же толщины... Не верите? Попробуйте сами.

— На рубашку мне наплевать, — будничным тоном продолжил он, — у меня есть свитер. Но мне бы не хотелось портить свои штаны, поскольку, надеюсь, мне придется еще появиться в них на людях до того, как я смогу достать другие. Вам проще дотянуться до узлов. Вы поможете мне развязать их, мисс Фрайди?

— Пит... Перестань называть меня “мисс”! Мы оба — ИЧ... — Я взялась за его штанины. — Почему ты не сказал мне раньше?

— Наверно, надо было сказать, но мы говорили на другие темы.

— Ну, вот и все... Ох, Пит, у тебя и в самом деле заледенели ноги! Дай-ка я их разотру как следует!..

Мы немного поспали. Во всяком случае я заснула и проснулась от того, что Пит легонько тряс меня за плечо, тихо приговаривая:

— Просыпайся. Мы недалеко от поверхности... Уже видны огоньки.

Тусклый свет проник сквозь полотно, которым был укутан турбогенератор. Я зевнула и сказала:

— Я замерзла...

— Ты еще внутри трубы, а вот я — почти снаружи. Так что не жалуйся... Это я замерз.

— Так тебе и надо, насильник. Ты слишком тощий, из тебя никогда не выйдет хорошего одеяла... Пит, тебе надо бы набрать побольше веса. Слушай, это, кстати, напомнило мне, что мы еще не завтракали, но стоит мне подумать о еде... Кажется, меня сейчас вырвет.

— А, черт... Переползи тогда через меня в самый угол, а то ведь нам еще придется здесь полежать. И потише — кто-нибудь уже может бродить неподалеку.

— Свинья. Бесчувственная свинья — вот кто ты. Назло тебе удержусь!

В общем, я не так уж плохо себя чувствовала. Перед выходом из каюты я приняла голубенькую таблетку, и, кажется, она делала свое дело. Желудок давал о себе знать, но не так, чтобы вопить: "Выпустите меня отсюда!.." К тому же я прихватила с собой весь запас пилюль, которым снабдил меня доктор Джерри.

— Пит, какие планы?

— Ты меня спрашиваешь? Я, что ли, затеял этот побег?

— Затеяла я, но... Ты здоровый, сильный мужик, который храпит так, что стены дрожат. Я думала, пока я посплю, ты постоишь на вахте и придумаешь что-нибудь... Я ошиблась?

— М-да... Фрайди, а какие планы у тебя? Как ты все это себе представляла?

— Ну, я не строила четких планов. Когда мы приземлимся, им так или иначе придется открыть дверь — или маленькую, или большую, грузовую. Какую — неважно, главное, что они откроют, и тогда я вылетаю отсюда, как испуганная кошка, сшибая всех и вся на своем пути, и... не останавливаюсь, пока не отбегу от корабля подальше. Надеюсь, никто не станет слишком рьяно меня тор-

мозить, потому что я не хочу никому причинять вреда, но... в любом случае меня никто не удержит.

— Неплохой план.

— Ты думаешь? Это вообще-то никакой не план, просто... Дверь распаивается — я вылетаю, вот и все.

— План хорош, я не вижу, где бы он мог дать осечку. И у тебя есть одно большое преимущество: они не осмелятся причинить тебе вред.

— Хотелось бы так думать, но...

— Если кто-то заденет тебя, то лишь по чистой случайности, и то виновника подвешат за ребра. Как минимум. Лишь когда ты рассказала мне всю свою историю, я понял, почему мне дали такие строгие инструкции. Фрайди, ты нужна им не “живой или мертвой”, а целой и невредимой. В полной сохранности. Они скорее дадут тебе сбежать, чем рискнут причинить вред.

— Тогда все упрощается.

— Не обольщайся. Хотя ты и дикая кошка, но если бросить на тебя достаточно мужиков, тебя можно схватить — тому уже были примеры. Если они поняли, что ты сбежала, а я думаю, они об этом уже знают: наш бот покинул орбиту на час позже расписания...

— Как? — воскликнула я и кинула быстрый взгляд на часы. — Да... Мы уже должны были приземлиться. Пит, они ищут меня?

— Думаю, да. Но будить тебя раньше не имело смысла. В их распоряжении было четыре часа, чтобы убедиться, что тебя нет на верхней палубе среди пассажиров первого класса. Конечно, им придется прочесать и всех мигрантов, значит... Если ты действительно здесь, а не прячешься где-то на корабле, то должна быть в этом грузовом отсеке. Конечно, на таком большом боте можно поиграть в прятки, но они наверняка поставят кордоны на обоих выходах отсюда — грузовом и пассажирском. Фрайди, если у них достаточно людей... А у них их в избытке. И если у этих гавриков есть прочные сети и веревочные ловушки-петли... А они у них есть. Они схватят тебя целой и невредимой, как только ты выйдешь из этого бота...

— Вот, значит, как. — Я задумалась. — Пит... если так случится, у них будет много убитых и раненых. Я и сама могу обломать себе зубы и даже проститься с

жизнью, но они дорого заплатят за мою шкуру. Спасибо, что предупредил меня.

— Но, может, все случится и не совсем так. Возможно, будучи уверенны, что через их кордоны и мышь не проскочит, они сначала выпустят всех мигрантов... Ты ведь в курсе, что мигранты проходят через грузовой выход?

— Первый раз слышу.

— Так вот, они сначала выпустят их, проверят, а потом закроют двери и напустят сюда веселящий газ... Или слезоточивый. И выкурят тебя за милую душу — всю в слезах и в соплях.

— Бр-рр! Пит, неужели у них на корабле есть такой газ?

— Есть и покруче. Ты сообрази, ведь шкиперу приходится действовать за много световых лет от закона и порядка, и у него есть лишь горстка людей, на которых он может рассчитывать в случае какой-нибудь заварухи. Почти в каждом рейсе в четвертом классе сидит банда отъявленных уголовников, и, конечно же, шкипер в любой момент может пустить газ выборочно, в любой отсек корабля, но... Фрайди, когда они пустят газ, тебя здесь уже не будет.

— Не будет? Что ты хочешь этим сказать?

— Мигранты пройдут через центральный коридор нашего отсека. В этот рейс их набралось около трех сотен, и их набьют в проходной отсек, как сельдей в бочку... Их так много, что, я уверен, не все из них знают друг друга в лицо — за такой короткий срок они никак не успели перезнакомиться. Мы этим воспользуемся... И еще одним, старым испытанным средством.

Мы с Питом спрятались в темном углу за высоким концом турбогенератора. Очень скоро зажегся свет и послышался гул голосов.

— Идут, — шепнул Пит. — Главное, что тебе нужно сделать, это отыскать сразу кого-нибудь со слишком тяжелой кладью. Таких будет множество. Одежка у нас — что надо: по ней никак не скажешь, что мы из первого класса. Но мы обязательно должны что-то тащить на себе. Мигранты всегда тащат уйму багажа, это я точно знаю.

— Я попытаюсь помочь какой-нибудь женщине нести ребенка, — сказала я.

— Это было бы самое лучшее... Тс-с, они идут.

Они действительно тащили на себе до черта вещей — виной тому было крохоборское правило компании: каждый мигрант мог провезти по одному билету все, что влезет в небольшие “вспомогательные” каютки третьего класса (так они называют кладовки), если только он в состоянии сам без посторонней помощи тащить это по кораблю. Таковы условия компании для “ручной клади”. А за все то, что они кладут в грузовой отсек, им приходится платить отдельно. Я понимаю, компания должна иметь прибыль, но мне всегда это не нравилось. Правда, сейчас мы попытаемся извлечь из этого пользу.

Проходя мимо нас, почти никто из переселенцев даже не глянул в нашу сторону, никому мы не были интересны. Все они выглядели усталыми и измученными, среди них было полно детей, которые почти все дружно ревели. Первые несколько дюжин прошли быстро, а потом колонна притормозила и стала двигаться куда медленнее: больше детей, больше багажа, — и люди оказывались все сильнее притиснутыми друг к другу. Подходило время для нас прикинуться “овечками” из этого стада... Вдруг среди бесчисленных людских запахов грязи, пота, испачканных пеленок, несвежего белья прорезался один, столь же кристально чистый, как партия Золотого Петушка в “Гимне Солнцу” Римского-Корсакова. Я испустила радостный вопль:

— Жанет!

Толстая женщина, стоявшая по другую сторону очереди, обернулась, взглянула на меня и с радостным криком: “Марджи!” — ринулась ко мне и схватила меня в объятия. А бородатый мужчина, подошедший вместе с ней, причитал:

— Говорил я тебе, что она на корабле! Говорил же...

А Жан, укоризненно кивая, проговорил:

— Но ведь ты умерла!..

А я оторвала губы от Жанет ровно настолько, чтобы сказать:

— Ничего подобного. Кстати, младший пилот Памела Херсфорд передает тебе привет и наилучшие пожелания.

И Жанет фыркнула:

— Эта плюшка?

И Жан сконфуженно пробормотал:

— Да ладно тебе...

И Бетти, внимательно оглядев меня с ног до головы, сказала:

— Точно она. Привет, детка! Классно выглядишь.

И Джордж лопотал что-то по-французски, пытаюсь осторожно вклинить между мною и Жанет.

И конечно, мы затормозили всю очередь: люди на-талкивались на нас, спотыкались, бормотали извинения, ворчали, ругались, протискивались между нами, и...

— Давайте двигаться дальше, — сказала я. — Потом поговорим.

Я обернулась, посмотрела туда, где оставила Пита, и увидела, что он исчез. Впрочем, за Пита я не беспокоилась, Пит не пропадет.

Жанет не растолстела, просто она была беременна. Я взяла было за один из ее чемоданов, но она не позволила:

— Мне лучше с двумя, они держат меня в равновесии.

Тогда я взяла клетку с кошкой — мамой-кошкой — и большой бумажный сверток, который тащил под мышкой Жан.

— Жанет, а куда ты дела котят?

Вместо нее ответил Фредди:

— Я использовал свое служебное положение, — сказал он, — и устроил их на тепленькие места... Да-да, они теперь служат, м-мм... инженерами по контролю за грызунами на большой овечьей станции в Куинсленде. Ты расскажи нам, Элен, каким образом ты, которая вчера еще сидела по правую руку лорда-повелителя гиперпространственного звездолета, сегодня очутилась вместе с бедными крестьянами на дне этой чертовой корзины?

— Потом расскажу, Фредди. Когда выберемся отсюда.

Он взглянул на дверь и кивнул:

— Ладно, потом, в дружеской беседе и с изрядной долей вымысла... А сейчас нам предстоит миновать этих церберов.

Два "сторожевых пса" стояли у двери — по одному с каждой стороны. Оба были вооружены. Произнеся про себя коротенькое заклинание, я сделала вид, что болтаю с Фредди о какой-то ерунде. "Псы" внимательно оглядели меня и, кажется, не нашли во мне ничего из ряда вон выходящего. Наверно, тут сыграла свою роль моя неумытая физиономия и всклокоченные волосы — до сих пор я выходила из своей роскошной каюты лишь после того, как

Шизуко так тщательно обрабатывала меня, словно я была выставочной моделью на аукционе.

Очутившись за дверь, мы спустились по коротенькой лестнице и выстроились в очередь к большому столу, установленному прямо на земле возле причального бота. Стол был завален бумагами, и за ним восседали два чиновника в униформе.

— Франц, Фредерик, Дж! — выкликнул один из них.

— Здесь! — ответил Фредди и стал обходить меня, чтобы приблизиться к столу.

— Вот она! — услышала я за своей спиной, плюхнула на землю клетку с мамой-кошкой и, не разбирая дороги, со всех ног пустилась бежать. За мной послышался шум и возбужденные голоса, но я не оглянулась — во что бы то ни стало мне надо было очутиться вне пределов досягаемости разных сетей, ловушек, капканов и газовых стволов. Конечно, от лазерного прицела и даже обычной скорострельной винтовки мне не уйти, но, если Пит говорил правду, они мне не страшны. Справа в стороне виднелась какая-то маленькая деревушка, а прямо передо мной, вдалеке — деревья. В данный момент меня больше устраивали деревья, и я, не сбавляя скорости, неслась вперед. Быстро оглянувшись, я увидела, что большинство преследователей сильно отстали от меня — не удивительно, я без труда могу одолеть тысячу метров меньше, чем за две минуты. Но двое висели у меня на хвосте и могли перерезать мне дорогу, поэтому я замедлила бег, прикидывая, когда будет удобнее их “погладить”, а может, и... оставить здесь навсегда.

— Нечего зевать! Беги! — рявкнул Пит. — Они думают, что мы гонимся за тобой!..

Я опять пустилась во весь опор — вторым преследователем оказалась Шизуко... Моя подружка — Тилли.

Очутившись среди деревьев и потеряв из виду причальный бот, я остановилась перевести дыхание. Они подбежали ко мне — Тилли обняла меня за шею и попыталась чмокнуть в губы. Я увернулась и воскликнула:

— Ой, нет!.. От меня должно жутко пахнуть... Ты что, прямо вот так и соскочила с корабля? — На ней была лишь одна меховая накидка, в которой она выглядела гораздо “восточнее” — выше, тоньше и намного женственнее, чем знакомая мне “горничная”.

— Нет, в парадном кимоно. С поясом. Но я бросила его по дороге, в нем неудобно бегать.

— Хватит болтать! — раздраженно сказал Пит. — Надо выбираться отсюда. И как можно быстрее... — Он притянул меня к себе за волосы и поцеловал в губы. — Кого волнует, как от тебя пахнет? Пошевеливайтесь!

Мы вняли его совету и устремились вглубь леса, уходя все дальше от причального бота. Но тут выяснилось, что Тилли подвернула лодыжку, и с каждым шагом ковыляла все медленнее.

— Когда ты рванулась, — пояснил Пит, — Тилли еще не успела спуститься с палубы первого класса... Ей пришлось прыгать, ну и приземлилась плохо. Тил, ты просто растяпа!

— Это все мои чертовы туфли... Пит, бери малышку и двигай с ней дальше... Мне эти ублюдки ничего не сделают.

— Черта с два! — сердито возразил Пит. — Мы вдвоем будем вместе до конца! Так, мисс... Так, Фрайди?

— Еще бы! Пит, бери ее справа, а я — слева.

На пяти ногах у нас неплохо получалось — не так уж быстро, но все же расстояние между нами и причальным ботом увеличивалось. Потом Пит решил взвалить ее себе на спину, но я велела всем остановиться:

— Тихо! Давайте послушаем.

Тишина. Ни малейшего шума погони. Лишь странные звуки странного леса. Птичьи голоса? Не знаю, не уверена... Странное место — наполовину манящее, наполовину чужое: трава — не совсем трава, деревья, казалось, перенесены сюда из другой эры... Красный хлорофил? А может, тут уже осень... Интересно, ночью здесь будет холодно? Наверно, в течение следующих трех дней будет не слишком разумно искать местные поселения — на виду у команды звездолета. Без воды и пищи мы, конечно, протянем, но что, если настанут заморозки?

— Ладно, — сказала я, — бери ее на плечи. Но тащить будем по очереди.

— Фрайди! Тебе меня не поднять!

— Прощай ночью я поднимала Пита... Скажи ей, Пит. Так что же я, по-твоему, не справлюсь с такой маленькой японской куколкой?

— Японской куколкой? Да я ничуть не меньше американка, чем ты!

— Пожалуй, ты даже больше американка, потому что я — не очень-то... Потом расскажу. Влезай мне на спину.

Я протащила ее метров пятьдесят, а потом Пит — метров двести, и так мы чередовались в соответствии с представлениями Пита о справедливости. Где-то через час мы вышли на дорогу, вернее, на просеку в кустах; на ней виднелись следы колес и лошадиных копыт. Налево дорога вела прочь от города и от причального бота, туда мы и двинулись. Шизуко кое-как ковыляла сама, но, конечно, не без помощи Пита.

Мы подошли к какой-то ферме. Может, нам и следовало обойти ее стороной, но меня уже больше интересовал глоток воды, чем собственная безопасность, а кроме того, я хотела перевязать лодыжку Тилли, пока она не станет больше ее головы. На терраске дома, в кресле-качалке сидела пожилая женщина — очень худенькая, с аккуратно уложенными седыми волосами — и вязала. Она взглянула на нас и кивнула, приглашая подойти поближе.

— Я — миссис Дандэс, — сказала она, когда мы приблизились, — а вы с корабля?

— Да, — призналась я, — с корабля. Я — Фрайди Джонс, это — Матильда Джексон, а это — наш друг, Пит.

— Пит Робертс, с вашего разрешения.

— Проходите и присаживайтесь. Простите, что я не встаю — спина у меня уже не та, что прежде. Вы ведь беженцы, да? Вы сбежали с корабля?

(Ну, Фрайди, держи ухо востро. И будь готова ко всему!)

— Да, мэм. Мы сбежали.

— Ну, конечно. Добрая половина беженцев всегда проходит мимо нашего дома. Что ж, судя по утренним сплетням, вам придется прятаться здесь не меньше трех дней. Добро пожаловать, мы всегда рады гостям. Конечно, вам положено отправиться прямехонько в бараки для перемещенных лиц: там корабельные власти вас не достанут, но зато здешние власти замучают бесконечными юридическими процедурами... Впрочем, решать вам, но это можно обсудить и после обеда. А сейчас, как насчет чашки крепкого чая?

Не дав себе труда подумать, я выпалила:

— С удовольствием!

— Отлично. Малкольм! Эй, Малкольм!

— Что, мам?

— Поставь чайник!

— Что?

— Чайник, я сказала! — Она повернулась к Тилли: — детонька, что ты наделала со своей ногой?

— Думаю, растянула лодыжку, мэм.

— Да, еще как! Ты... Тебя зовут Фрайди, да? Пойди найди Малкольма и скажи ему, что мне нужен большущий таз, доверху набитый льдом. А вы... Вас, сэр, зовут мистер Робертс? Вы помогите мне, пожалуйста, встать с этого кресла, потому что нам придется сделать еще кое-что для этой бедняжки. Нужно перевязать ногу потуже, когда спадет опухоль. А ты, детка... Матильда, да? Ты хорошо переносишь аспирин?

— Да, мэм.

— Мам! Чайник кипит!

— Ты... Фрайди, да? Сходи, милая.

И я пошла разливать чай, хотя в ту секунду мне жутко хотелось сделать стойку на руках и испустить победный клич индейцев племени черокки.

ГЛАВА XXXIII

Прошло двадцать лет — я хочу сказать двадцать, по летоисчислению Ботани-Бей, но разница несущественная. То были хорошие годы. Мемуары эти основаны на записях, сделанных мною в “Песках Паджаро”, еще до смерти Босса, а также на кратком перечне событий, составленном уже здесь — вскоре после нашего прибытия, — когда я еще опасалась, что мне придется отбиваться от требований моей выдачи. Впрочем, как только истек срок, когда можно было осуществить пересадку зародыша, я перестала представлять для этих ублюдков всякий интерес — логично, ведь я была для них не более, чем ходячим инкубатором. А потом вопрос стал и вовсе сугубо академическим — Первого Гражданина и принцессу разорвало бомбой, установленной в их опочивальне.

По сути дела, мемуары следовало закончить моим прибытием на Ботани-Бей, потому что с этого момента жизнь моя потекла без приключений — ну скажите, о чем может писать провинциальная домохозяйка? Сколько яиц у нас было в прошлом сезоне? Вам это интересно? Мне — да, а вам... вряд ли. Вообще, тем, кто счастлив, некогда писать дневники, они слишком заняты жизнью.

Однако, просматривая пленки и записи (и сокращая их примерно вдвое, а то и больше), я обнаружила несколько моментов, которые следовало бы прояснить.

Аннулированная Визовая карта Жанет. Я ведь “погибла” при взрыве “Мадам Лу”. Джордж прочесал тогда весь виксбергский Нижний город и был в полной уверенности, что на корабле не уцелел никто. Тогда он позвонил Жану и Жанет. Предупрежденные агентом Босса в Виннипеге, они как раз собирались в Австралию, и, разумеется, Жанет аннулировала свою карту.

Самое странное то, что я нашла тут свою “семью”. Но Джордж утверждает, что странным было не их появление здесь, а мое. Всем им давно осточертела Земля, они были сыты ею по горло, так что — куда деваться? Ботани-Бей, конечно, не рай, но для них это был самый приемлемый вариант. Неплохая планета, очень похожая на Землю, какой она была несколько веков тому назад, но с современными знаниями и современными технологиями. Она не столь примитивна, как Форест, и не так чудовищно дорога, как Альцион и Фидлерс-Грин. Быстро распродав все свое имущество, они, конечно, много потеряли, но у них оставалось достаточно, чтобы прилететь третьим классом на Ботани, заплатить компании за перевозку самого необходимого, внести вступительный взнос в колонию и кое-что приберечь на первое обустройство.

(Знаете, здесь на Ботани, никто не запирает двери на замки — у многих вообще нет замков в дверях... Фантастика!)

Джордж утверждает, что единственное по-настоящему случайное совпадение — это то, что я оказалась на том же звездолете, что и они. Действительно, случай — они опоздали на “Дирак”, а потом еле-еле уговорили Жанет лететь на “Форварде”, потому что ей не очень хотелось путешествовать с младенцем в животе, а не на руках. Но

все равно, прилетели они раньше или позже, я так или иначе встретила бы их здесь — размером наша планета немногим уступает Земле, но колония очень маленькая, сосредоточена на довольно небольшом пространстве и все очень интересуются вновь прибывшими. Мы бы наверняка встретились.

Ну, а что, если бы я не клюнула на этот чертов “контракт”?

Что ж, всегда можно говорить: “А что было бы, если бы...”, — но я думаю, в любом случае после ознакомительного внеземного турне, которое я рассчитывала совершить, шансы, что я осела бы на Ботани, составили бы примерно пятьдесят из ста. “От судьбы не уйдешь” — и я не жалею о своей судьбе. Мне *нравится* быть провинциальной домашней хозяйкой в “Восьмерке”. Формально мы не состоим в С-браке, потому что здесь вообще не привержены формальностям, когда дело касается секса и семьи. Мы в восьмером и со всеми нашими малышами живем в просторном, но очень уютном доме, который спроектировала Жанет, а строили — мы все вместе. (Я, конечно, не дизайнер, но видели бы вы, какой из меня плотник!) Соседи никогда не задают нам вопросов о том, где чьи малыши, а если бы кто-то и начал спрашивать, Жанет заткнула бы ему рот одним взглядом. Никому здесь до этого нет никакого дела — детям рады все на Ботани-Бей, и пройдут еще века, прежде чем кто-то заговорит о “перенаселенности” или “контроле за рождаемостью”.

Мои воспоминания предназначены отнюдь не для наших соседей — единственное, что я бы хотела опубликовать здесь, это расширенное издание моей поваренной книги. (Книга — что надо, потому что я черпала материал у двух замечательных поваров — Джорджа и Жанет, а еще приберегла много полезных советов для молодых жен, которыми я обязана Рыжику). Таким образом, здесь я могу совершенно свободно обсуждать вопросы отцовства и материнства, и не только их... Джордж женился на Матильде в тот день, когда Персиваль женился на мне, — по-моему, они тащили жребий. Тот малыш, который был во мне, конечно, попадет под известную поговорку про мать-пробирку и скальпель-отца — поговорку, которую я ни разу за все годы не слышала на Ботани. Может, Уэнди

и унаследовала что-то, или даже многое, от своих предков из бывшей королевской семьи Релма. Но я ни разу ни словом не обмолвилась об этом при ней, и формально ее отец — Персиваль. Все, что мне известно, это: Уэнди совершенно лишена присущих королевским семьям признаков вырождения, а Фредди и Джордж говорят, что у нее вообще нет никаких отклонений. В детстве к ней относились точно так же, как и ко всем остальным малышам, и когда она заслуживала, чтобы ее хорошенько отшлепали, никто не колебался. На мой взгляд, она очень симпатичная девчушка, и не скрою, мне это приятно, поскольку она, хоть и не имеет со мной никакого кровного родства, но все же — единственное человеческое существо, которое я исторгла из своего тела. Единственное?..

Когда ее извлекли из меня, я попросила Джорджа убрать мое естественное предохранение от беременности. Они с Фредди подвергли меня тщательному осмотру и сказали, что это можно сделать... на Земле. Но не в Нью-Брайсбэне — во всяком случае в ближайшие десятилетия. Вопрос был закрыт, и я испытала некоторое облегчение: я сделала это один раз, и совершенно не обязательно было повторять. У нас полно малышей, собак, кошек и котят (все время надо смотреть себе под ноги), и вовсе не нужно, чтобы младенцы вырастали внутри меня. Все младенцы одинаковы, и Тилли справляется с этим прекрасно... Как, впрочем, и Бетти, и Жанет. Кстати, и — Уэнди.

Если бы это было хоть на секунду возможно, я подумала бы, что она унаследовала свою похотливость от мамочки... Я имею в виду себя. Ей еще не исполнилось четырнадцати, когда она пришла домой и заявила:

— Мам, кажется, я беременна.

— Так чтобы не казалось, сходи, родная, к дяде Фредди, — посоветовала ей я, — и пусть он тебе скажет наверняка.

Она объявила результат за ужином, и ужин превратился в шумную вечеринку, потому что по старому обычаю, когда женщина в нашей семье залетает, это — лучший повод для всеобщего веселья. Так весело и радостно Уэнди отметила свой первый “залет”, когда ей было почти четырнадцать... Следующий — в шестнадцать, третий — в восемнадцать, а последний — на прошлой не-

деле. Я этим очень довольна, потому что всех их воспитывала именно я — всех, кроме последнего: тут она решила выйти замуж. Словом, недостатка в малышах я бы никогда не испытывала, даже если бы у нас и не было четверых... теперь уже пяти... Нет, шести, мам.

У первого малыша Матильды первоклассный отец. Порода, что надо, — доктор Джерри Мэдсен. Так она мне сказала. И я ей поверила. С ней получилось вот как: ее бывший хозяин, желая, чтобы она родила, убрал ее “временную стерильность”, но тут ему как раз подвернулся шанс — продать ее на высокооплачиваемую должность на звездолете на четыре месяца. Так она стала “Шизуко” и с застенчивой улыбкой принялась служить мне “горничной”, но получилось, что, сама того не зная, я тоже следила за “чистотой” ее поведения. Ну, конечно, пожелай она как следует, она нашла бы время и днем, но ей ведь приходилось проводить двадцать четыре часа в сутки в каюте “ББ” на тот случай, если мне неожиданно заблагорассудится прийти туда средь бела дня и слегка развлечься.

Вы спросите: “Когда же?” В единственно возможное время: пока я, скорчившись, мерзла с Персивалем в турбогенераторе, моя “горничная” очень мило проводила время в постели с моим доктором. Чудные родители у этого малыша! Но главное: Джерри сейчас живет в Нью-Брайсбене со своей миленькой женой Дианой, однако Тилли и слышать не хочет о том, чтобы он узнал, что у нас в доме растет его сын. Да, Джерри живет здесь... Еще одно “случайное совпадение”? Не думаю. Человеку с профессией врача не нужно платить вступительный взнос в колонию — таков закон на Ботани. Джерри захотел жениться и прекратить странствовать, а зачем, скажите на милость, торчать на Земле, если у вас есть возможность поглядеть на разные колонизированные планеты и выбрать местечко получше?

Вся наша семья в случае надобности обращается к Джерри — он отличный врач. Ну да, у нас в семье есть два доктора, но всю жизнь они практиковали в другом: они были генными хирургами, генными инженерами, биологами-экспериментаторами, а теперь они... фермеры.

Жанет прекрасно знает, кто отцы ее первого ребенка: оба ее тогдашних мужа, Жан и Джордж. Почему оба? Потому что она так захотела, а любой каприз Жанет сделан

из стали. Я сама слышала несколько версий, но думаю, рожая своего первенца, она не стала бы из них двоих выбирать какого-то одного.

Первенец Бетти — почти наверняка, не результат работы скальпеля и мог бы считаться “законным” где угодно, но... Бетти настолько несовместима с законопослушанием, что она скорее заставит нас поверить, что залетела в групповике на балмаскараде. Нью-Брайсбэн — тихое местечко, но в доме, где находится Бетти Франц, не соскучишься.

Об эпидемии Черной Смерти вы, наверно, знаете больше, чем я. Глория благодарна мне за предупреждение — Луну удалось спасти, но благодарить нужно скорее Босса. Без него из меня никогда не вышло бы Кассандры, даже на пару дней... Чума не распространилась за пределы Земли, и в этом, безусловно, заслуга Босса. Хотя был один случай, когда из Нью-Брайсбэна передали сигнал, запрещающий причальной лодке приземляться, пока она не пройдет вакуумную стерилизацию. И случилось так, что эта процедура помогла уничтожить просочившихся на звездолет и бот крыс и мышей, а вместе с ними и... блох! Как только это выяснилось, капитан сразу прекратил пререкания по поводу доставки казенного груза в колонию.

Теперь о взносах: почта от Ботани-Бей до Земли (и Луны) идет четыре — восемь месяцев (восемь — туда и обратно). Не так уж и плохо для расстояния в сто сорок световых лет! (Один раз я слышала, как какая-то туристка спросила, почему мы не пользуемся радиопочтой!) Глория заплатила за меня взнос в колонию так быстро, как только это было возможно, и очень щедро снабдила меня начальным капиталом — завешание Босса открывало здесь самые широкие возможности. Она не посылала сюда золото — у колонии есть свои счета в Луна-Сити, которыми удобно расплачиваться за любой хозяйственный инвентарь, закупленный для Ботани.

Но у Пита на Земле было очень мало денег, а у Тилли, бывшей “рабыни”, вообще ничего. У меня же еще оставался “кусочек” приза в этой дурацкой лотерее и весь мой расчетный чек от “Систем Энтерпрайз”, и даже несколько акций. Это избавляло моих друзей от залога — наша колония никогда не отказывает беглецам в убежище, но у них могли уйти годы на то, чтобы выкупить свои доли.

Они начали было рычать на меня, но я зарычала в ответ и — куда громче. Дело не только в том, что все это остается в семье, — ведь если бы не Пит и Матильда, меня бы наверняка поймали, отправили на Релм, а там... Живой я бы оттуда не выбралась. Но они продолжали настаивать, что будут выплачивать мне...

В конце концов мы пошли на компромисс. На их выплаты и кое-какие другие остатки мы основали фонд "Искаателей приключений" — для помощи новым беженцам и просто переселенцам.

Я давно уже не думаю о странности своего появления на свет. И уж тем более не стыжусь этого. "Только женщина-человек может родить человеческое дитя", — так, кажется, говорил мне когда-то Джордж. И это чистая правда: лучшее тому доказательство — Уэнди. Я — нормальный человек, и я не одна!

Думаю, это все, что человеку надо. Быть не одной. Быть человеком среди людей, быть частичкой того, что зовется "люди".

Я — нужна им... Еще как нужна! На прошлой неделе я попыталась сообразить, почему у меня вечно не хватает времени, и... Я — секретарь Городского Совета, я — руководитель программы в ассоциации "Родители-преподаватели". Я — старший инструктор в женском скаутлагере, я — вице-президент Садового клуба и я состою в Комитете по планированию колледжа, который мы основали здесь... О да, я нужна им, нужна всем, и...

Какое же это сладкое чувство.

Літературно-художнє видання
Зал слави зарубіжної фантастики

Книга 10

ХАЙНЛАЙН Роберт Енсон

ФРАЙДІ

(Російською мовою)

Головний редактор *А.Белевцева*

Редактор *М.Харузіна*
Художники *С.Павленко, Є.Корольков*
Технічний редактор *І.Чудінова*
Коректор *Л.Москвич*

Здано до набору 22.04.93. Підписано до друку 1.06.93. Формат 84 × 108/32. Папір книжково-журнальний. Гарнітура Тип Таймс. Друк високий. Умов.-друк.арк. 21,84. Умов. фарб.-відб. 22,16. Обл.-вид. арк. 19,54. Замовлення № 3-1187.

МСП «Альтерпрес», 254053 Київ, вул. Артема, 42/7.

Київська фабрика друкованої реклами, 252067 Київ,
вул. Виборзька, 84.

8000 ФРАЙДИ

